

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЬЕВ

Общественный совет:

Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРЬБОВСКИЙ,
Т. В. ДОРОНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
М. П. ЛОБАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
В. Г. РАСПУТИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УВОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ

Проза

- Юрий БОНДАРЕВ
Мгновения 7
- Александр СЕГЕНЬ
Дедов крест.
Рассказы 22
- Наталья РОМАНОВА
Бегущая через жизнь.
Рассказы 61
- Елена ТУЛУШЕВА
Слава.
Рассказы (Предисловие
Александра КАЗИНЦЕВА) 92
- Владимир ПРОНСКИЙ
Хожалка.
Рассказы 123

Поэзия

- Эльвира КУКЛИНА
Тихая пристань 3
- Ольга КОРЗОВА
Снег предстоящий 17
- Ангелина ПРУДНИКОВА
Память-волшебница 57
- Олег ЧУПРОВ
На серебряной ниточке
голоса 87
- Поэтическая мозаика 110

Память

- Виктор ЛАПШИН
"Страницу наугад перелистни..."
(Предисловие
Сергея КУНЬЕВА) 134
- Игорь ШУМЕЙКО
Калашников. Память
как духовное оружие 155

Очерк и публицистика

- Ксения МЯЛО
Россия и Майдан:
2013–2014 160

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

С. С. Куняев —
зав. отделом критики,
отдел поэзии —
(495) 625-02-81

Отдел публицистики —
(495) 625-30-47

Е. Н. Евдокимова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Юрий СКУРАТОВ
Мафия бессмертна? 173

Александр СЕВАСТЬЯНОВ
Подводя итоги — 2013 187

Татьяна ШИШОВА
Гендерно-ориентированная
палата номер шесть..... 201

Ольга СВЕРДЛОВА
Истории любви и ненависти..... 207

Анатолий ПАРПара
Державные строители России 215

Ирина ЧИЖОВА
На рубеже веков 223

Критика

Светлана ЗАМЛЕЛОВА
“У него есть только
одна страсть...” 231

Александра БАЖЕНОВА
“Отечественные лексикографы”,
или “державная служба
словарей” 239

Людмила КАЛИНИНА
Яблоневый сад 248

Ирина СТОГНИЙ
Модест Петрович Мусоргский.
Творчество как исповедь 257

Людмила КИСЕЛЁВА
Два юбилея 266

Галина АЛЕКСАНДРОВА
...И поглядим,
как смертный бой кипит 274

Книжный развал

Станислав ЗОТОВ
Зажги свою свечу 282

Владимир ОСТАПЕНКО
О генерале Снесареве 285

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов

Операторы: Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова

Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова

Зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Подписано в печать 27.02.14. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ № 270. Тираж 8500 экз.

Адрес редакции: Москва, 127994, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес электронной почты: n-sovrem@yandex.ru

(Рукописи по электронной почте не принимаются)

Адрес сайта в интернете: www.nash-sovremennik.ru

Отпечатано в ОАО “Красная Звезда”, 123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62 www.redstarph.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

ЭЛЬВИРА КУКЛИНА

ТИХАЯ ПРИСТАНЬ

* * *

В тех краях покуда меньше люда,
Чем зелёных крон под небосвод.
Там чудная бакенщица Люда
Ходит по земле тридцатый год.

Впрочем, больше всё сидит на лавке
Со своею матерью глухой,
И лежит у ног её на травке
Шелуха от семечек с трухой.

Как дитя — хотя сажень в объёме,
Не обнять вдвоём, как говорят;
Если улыбнётся, то некстати,
Если слово скажет — невпопад.

Вся в делах — собрать метеосводку,
Передать на станцию, потом
Кошек покормить, а после в лодку
Сесть ожившей статуей с веслом,

Чтобы шептуню, как наседку,
За Ветлугу увезти в леса

КУКЛИНА Эльвира Юрьевна родилась в Нижнем Новгороде в 1966 году. Окончила филологический факультет Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Много лет работала в школе преподавателем русского языка и литературы. В настоящее время — методист Центральной библиотечной системы г. Нижний Новгород.

Злую матершинницу соседку,
Что костит при людях полчаса.

Ну, а к ночи, лишь уснёт округа,
Сбросить старомодное тряпье,
Чтобы облекла река Ветлуга
В тёплое течение своё.

Знаешь, Люда, в сущности не худо,
Что сломался где-то теплоход:
Увезём мы в памяти отсюда
Доброту ветлужских рыжих вод.

Да и фотографий с четверть пуда —
Тоже результат, как ни крути.
Мы к тебе ещё вернёмся, Люда, —
Пристань наша тихая в пути.

* * *

Глядит с креста усталый мученик
Из полутёмного угла —
Сама царевна белых рученок
От злой иглы не берегла.
Все мастерицы с юга-севера
Под оком ревностным её
Четыре года злато-серебро
Вплетали в тонкое шитьё.

Но для того ль, чтоб судьи строгие
Скривили рот у полотна?
— Да, примитивна технология,
Не то, что в наши времена.
— А что с них спросишь — глушь, религия.
Небось, замаливала грех
Царевна-то... А нам — реликвия.
И шепотком — ехидный смех.

Не на шитьё глядят — на золото:
Мол, сколько весу — вот вопрос.
Не спросят, сколько рук исколото,
И поту пролито, и слёз.
На что Россия христианская
Дохнуть не смела, — лепота! —
Взирает братия мещанская,
Как тот баран на ворота!

А я молчу. Простите, прадеды,
Что их прервать не тороплюсь.
Не на Христа — на труд ваш праведный
Я, некрещёная, молюсь.

* * *

Натяну штормовку на коленки
И на полку — может быть, вздремну.
Только лишь по ней, узкоколейке,
Доберёшься в эту сторону.

По лесам, нетронутым и мгlistым,
Едем мы на северо-восток,
Всё зверьё распугивая свистом —
Машинист не выключил свисток.

Проводник в тяжёлой телогрейке
Кроет расшумевшийся народ,
Но, как будто царь узкоколейки,
Со старухи денег не берёт.

Ты беги, беги, узкоколейка,
И в своём вагончике простом
Ты меня, родная, отогрей-ка
За ночёвки во поле пустом.

За леса, где вымокну до нитки,
Где пройдёшь и ныне лишь пешком.
Не доходят рельсы до калитки,
Где сидит старуха с подожком...

* * *

В круговерти многолюдных улиц
Им однажды встретиться пришлось.
Двое, как горошины, столкнулись
И скорее покатались врозь.

Но об этом знают только ёлки
Да следы колёсные в пыли,
Как они однажды на просёлке
Встретились и рядышком пошли.

И присели на еловый комель,
И шутили: “Над же — светло”.
Как натужно город нас знакомил,
Как легко сосватало село...

НА МОГИЛЕ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Как не по-северному ярком
Мой факел — маковый букет,
Мой незатейливый подарок,
Что опоздал на столько лет.

Не в гуле праздничном эстрады
Он будет мной преподнесён,
Здесь невысокие ограды
Погружены в глубокий сон.

Здесь только чёрные вороны,
Чей кстати траурный наряд,
Как будто важные персоны
Между собою говорят.

Им всё равно, что чей-то начат,
А чей-то кончен краткий путь.
Букет... Ну, что теперь он значит?!
А впрочем, значит что-нибудь.

* * *

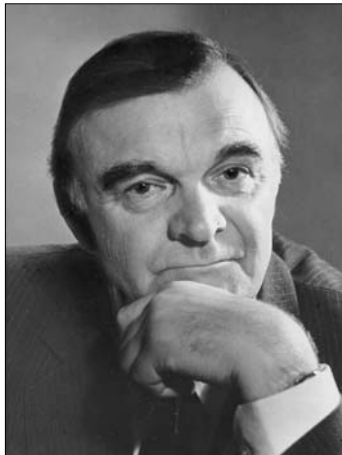
Люблю читать старинные тома,
Что прадедом моим любимы были.
Поверьте мне, я просто без ума
От аромата славной книжной пыли.

И для меня увидеть букву “ять”,
Когда листаю книгу в час досуга,
Приятно, как приятно повстречать
Давным-давно не виденного друга.

Сегодня Пушкин в коленкор одет,
И золотом оттиснуто название,
Но так ли близок будет к нам поэт,
Как в том, ещё прижизненном издании?

Бумаги глянец, шрифта красота —
Всё по новейшей сделано науке;
И всё же мне дороже книга та,
Что Пушкину попасть могла бы в руки.

ЮРИЙ БОНДАРЕВ

МГНОВЕНИЯ

В ПРОСТРАНСТВЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Наверное, тысячу лет назад мы, трое выздоравливающих, в распахнутых халатах, сидели на крыльце госпиталя и наслаждались солнечным раем. Старый госпитальный парк, разрисованный тенями в полуденный час, был тих, безмятежен, покоен, его дорожки и тропки безлюдны. В высоте шевелились, нежно общаясь между собой, верхушки берез, и в синем обилии света мне, девятнадцатилетнему артиллерийскому лейтенанту, казалось, что молодая листва наслаждалась, как и мы, весенним воздухом, там в листве шла счастливая птичья игра.

Связист Михеев, не торопя удовольствие, сладко посасывал длиннейшую самокрутку, не без добродушного интереса поглядывал на пулеметчика Сомова, который сидел на припеке деревянных перил и, прищуриваясь, виртуозно вонзал в перила немецкий стопорный нож, при этом говорил с веселой откровенностью:

— В общем-то отчаянные у нас бабешки, я уж их знаю, братцы мои! Мужики на фронте, а они вроде бесятся с чертом под ручку!

И он выдернул финку, по-хозяйски потрогал пальцем лезвие и снова вонзил.

— Мда-а... А вот вчера после спикировал я к одной. Здесь, в нашей столовке работает, и живет неподалеку. Как звать — мое дело, вам не на-

БОНДАРЕВ Юрий Васильевич родился 15 марта 1924 года в городе Орске. Участник Великой Отечественной войны. Прошёл от Сталинграда до Польши, награждён множеством орденов и медалей. После войны окончил Литературный институт им. Горького. Автор множества произведений, вошедших в сокровищницу русской литературы, таких, как "Батальоны просят огня", "Тишина", "Горячий снег", "Берег" и многие другие. Дважды лауреат Государственной премии СССР и многих других значительных премий. Постоянный автор журнала "Наш современник". Живёт в Москве.

до. Ну, по договоренности прихожу ночью, я в халате по всей госпитальной форме. Она разом молочка мне на стол и эти... как они называются, беляши, какись. Раскраснелась, красивущая, всё при ней. “Ешьте, Петенька, вам поправляться надо”. Сел, смотрю — в кровати девочка спит, беленькая курносенькая, лет четырех. Замужем, спрашиваю, она молчит. Глаза опустила. А грудь высокая, так ходуном и ходит. А мне все ясно. Как же, говорю, изменяешь, значится, мужу? Жив он? На войне? Ну, переночевал я, а утром спрашиваю: муж любил тебя? А она как заревет, упала на кровать, слезы ручьем, плечи трясутся. Нашкодила, видать, не только со мной. Вот они тыловые бабешки. Нашкодила!

Я смотрел на его дерзкую крепкую шею, и думал, что этот Сомов, должно быть, неплохо воевал, на передовой можно было на него положиться, но его высказанное презрение к тыловым бабешкам неприятно задело меня.

Светловолосый, раненный в ноги связист Михеев, на костылях, морща круглые брови, смущенно кашлянул:

— О женщинах, похоже, в сердцах рассуждаешь, а сам к ним, как голодная муха, липнешь. Как-то ты неудобно рассуждаешь.

А Сомов, вырезая свою фамилию на периле крыльца, усмехнулся и сказал:

— Сображать надо! Не я к ним, а они ко мне.

Я сразу говорю без стеснения: холостой я, как пень в болоте, а жениться ни за что, потому что не встретил такую, чтоб головой в омут, а другие — те, да не те малость! Я, Матвеев, к ним как жеребец не лезу. Я нежно с ними, а они, ведьмочки, ласку-то на километр чувят! Скажу тебе, тут я ко второй уже прилабунился, чего ж не лабуниться, ежели тебя привечают. А чего мне? — продолжал Сомов, посмеиваясь. — Война, Михеев, причина тому что женщинки стыд потеряли, моргни — она и бежит со всех ног! Война, мол, все спит. Вшистка едно война, панове! Хорошо, брат, что до войны не женился, доверия к ним ноль, один пшик! Знаю я их. Они, брат, тебя любовью научат! А ты женат, Михеев?

— Дурак ты, извини, — пробормотал Михеев. — Да я за свою жену жизнь не пожалею! Понял, нет?

Сомов засмеялся.

— Сдаюсь! Ох ты, девица красная из деревни Иванушки-Степанушки. Знаем, брат, кто в тихом омуте!.. Не поимей обиду. Вот вернешься к жинке и прямо на пороге вались с молитвой на колени — твой, мол, был до гроба! Проверь! А она как проверит-то? Ха-ха!

И нацелив трофейный нож на дымящиеся парком перила, заговорил серьезно:

— Я, брат, не против законного брака! Свой очаг, детишки! Да ежели такая встретится, упаду к ее ногам, заплачу и скажу: всю жисть, всю жизнь тебя искал! — Он задумался, помолчал. — Да-а, ходит здесь одна женцинка-врач... Из хирургической палаты. Такая вся красивая, строгая, в глаза заглянешь — сердце останавливается. Три раза клинья подбивал, всякие книжные и польские слова говорил и так далее... Смеется, как серебро сыпет: “Сомов, вы до войны артистом работали или в клубной самодеятельности?”. А я не верю что она целехонькая. С офицерами ранеными, небось, шашни крутит. Госпиталь — мужчины и женщины рядом, чего там? Все мы слеплены из одного теста.

— Ты про Нину Николаевну, что ли, говоришь? — неприязненно спросил Михеев. — Эх, и нахальный ты! Разве она тебе пара? Ты ведь четыре стула в комнате расставить не можешь, необразовщина ты!

Сомов самолюбиво сузил глаза.

— Что ж, она, не сомлеваюсь, образованная, да я тоже свет посмотрел, лапоть ты, Михеев! И в Польше, и в Чехословакии, и в Венгрии побывали. И иностранным словам туда-сюда научились, не так себе, кое-что знаю, что к чему. Чую — еще айн момент и не устоит она, а момента нет. Ты, Михеев, в этом ни хрена не петришь. Ты всю жизнь одну и ту же женщину до полусознания мусолишь и будешь мусолить, младенец ты, молокосос несчастный!

— Ты что это? За что меня? — крикнул растерянно Михеев.

Я был самым молоденьким из госпитальных офицеров, хотя командовал артиллерийским взводом, повидав кое-что на войне, и воспитанный матерью после смерти отца, готовый в школьные годы по-мальчишески отрешенно защищать ее и младшую сестру, не утратил сыновье чувство вдали от дома.

— Ты зачем так смотришь, лейтенант? У тебя такое лицо, вроде ударить меня собрался! — губы Сомова сжались, и он соскочил с перил. — Рана никак открылась или... ты чего обозлился?

— Сядь! И молчи... — сказал я и слегка толкнул его в плечо.

Сомов упал в кресло, изумленно повторяя:

— Зуб на меня имеешь, лейтенант?

— Если скажешь хоть еще одно дурацкое слово о женщинах... — заговорил я, чувствуя, что говорю как будто не я. — Лучше молчи!

— И о моей жене молчи! — крикнул Михеев и стукнул костылями в пол.

— Вшистка една война, — заговорил я насмешливо. — Неужели только этому научился на фронте, Сомов? Если нет, значит, ты чужим горем пользуешься? — Что это я — учу его? Он старше меня!

— Да вы чего окрысились? — яростно вскричал Сомов. — Чего на меня напали, лейтенант? Какого хрена пристали? Я что — фриц какой-нибудь?

— Шелудивый ты маленький насчет этого... — вздохнул с горечью Михеев. — Кому война, а кому мать родна.

— Подождите, Михеев, — прервал я его. — Я знаю, Сомов, что у вас есть мать, — сказал я, ненавидя себя за намерение нравоучительности, и не договорил.

— А какое мать имеет отношение?

— Не верю!

Сомов деланно рассмеялся, но прищуренные зеленые глаза оставались зло напряженными.

— Ей-богу, небесные ангелочки! Крылышек беленьких не хватает! Летали бы! А пошли вы ко всем святым... и подальше! Ясно куда? Люблю баб — и на том свете ответ я держать буду, а не вы! Не ваше собачье дело, а мое личное! Ясно вам, хреновые умники?

Он резко выдернул нож из перил, завернул в тряпку, сунул в карман халата. И с неприступным, затвердевшим лицом соскочил прыжком со ступеней крыльца в госпитальный парк, где по песчаной дорожке в сторону хирургического отделения шли, чему-то смеясь, две медсестры в невинно-ослепительных белых халатах. Сомов оглянулся на нас и двинулся навстречу им, тоже смеясь...

Да, это было тысячу лет назад, и в необъятном пространстве тысячелетия я вспомнил секунду моего бытия, и госпитальное крыльцо, и майский день, и пулеметчика Сомова, и связиста Михеева, которых никогда больше не встречал, и увидел себя со своей наивной чистотой и вместе честолюбивым бесстрашием молоденького лейтенанта-артиллериста, выбивавшего немецкие танки в Сталинграде и на Курской дуге.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Не могу понять, почему через “тысячу лет” (в 2013 году) захотел увидеть эту ночь и этот рассвет, когда началась Великая война, длившаяся долгих четыре года.

Я смотрел на рассветное небо, а оно зеленело, нежно розовело за деревьями, пустынно-ясное, обещающее молодость, любовь, безмятежную жизнь. Ветви берез отчетливо вырисовывались среди светлеющего востока, проступая листвой в застывшей неподвижности. Не было ни звезд, ни месяца. Как в околдованной воде стояла ночь на хрупком переломе, еще длился час неустойчивости всего земного.

И в этот час непорочного рассвета началось то, что стоило нам многих жизней, и то, что закончилось триумфальным разгромом Германии.

Мы закончили войну в славе, силе, уверенности. В боях мы не растеряли романтизм, надежду и веру.

В судьбоносный, бесповоротный момент страны большинство людей должно задуматься, что жизнь дана для жизни, услышать гул собственной крови от праведного гнева, от радостной надежды и осознать, что в нашей жизни самая укрепленная крепость — справедливость, последняя крепость, где вдруг возгорается сопротивление — корыстной силе и тупому насилию. Эта крепость — дух народа, его гены, золотые зерна мысли, его опора, воля к сопротивлению. Малодушие, безволие есть смерть, конец нашей истории, непроглядная тьма.

Я верю в тысячелетнюю неугасимую звезду России.

ЗАВИСТЬ, СТРАХ, МУДРОСТЬ

Состояние зависти нельзя определить однозначно, но так или иначе оно возникает из болезненного осознания превосходства чужого ума и таланта или же заметной манеры поведения: уверенной мужественности, спокойствия, заученной ласковой снисходительности к слабому полу, достойного великодушия сильного человека.

Чрезвычайное распространение зависти приближено к чувству страха перед самим собой, проявляясь собственной неполноценностью, самоуничтожительно превращая ее в недостижимость перед чужим превосходством. Однако порой это чужое превосходство воспаляет такую энергию самолюбия, соперничества, враждебного тщеславия, что он, завистник, весь напрягаясь, задыхаясь от злых усилий, изредка в чем-то, пожалуй, нагоняет предмет своей неизлечимой зависти.

Можно ли представить истинный талант современной словесности или кисти, который испытывает непосильную ревниво-завистливую муку к гению Толстого, Шолохова, Сурикова, Репина? Нет, здесь иное духовное состояние — соприкосновение с наивысшей шкалой мирового искусства, художества и с неиссякаемой мудростью.

УБЕЖДЕННОСТЬ

Российская интеллигенция от века утверждала, что свобода и культура жизнеспособны и неразделимы — но это не либеральная форма придуманной морали в расшитом декадентском камзоле и не та власть своеволия слова, которая отдает человека в нечистые руки антиморали, делающая человека несвободны. А та власть, которая требует исполнения естественного долга каждого перед всеми и всеми перед каждым. Это и есть суть долга перед жизнью — наивысшая целесообразность в устройстве общества.

Свобода немислима без осознания этических обязательств. Нельзя быть освобожденным и от ближнего своего, и от природы. Свобода вместе с культурой не инстинкт, не страсть, не ощущение “субъективного образца объективного мира”, а разумная убежденность в общности природы и людей, способная обновить и объединить мир.

ЗАДАННАЯ ЦЕЛЬ

Уродливые позы в телевидении и прессе не всегда проявляют у людей разумных желание полемизировать с так называемыми правдолюбцами, избравшими манеру вседозволяющего, точнее — непристойного стиля. Тем более что охраняющие истину доказательства, неодержанная ответная брань или же спокойные аргументы могут глушцам всех мастей и тушицам, коим несть числа, показаться слабостью, оправданием, даже виной, а это унижает истинность реальности и удлиняет срок клеветы, которой предназначено умереть своей смертью.

Какими бы виртуозными ни были выпады и выходки, какой бы изощренно-иезуитской ни была озлобленность в намерении как можно больше ударить незаурядного политика, общественного деятеля, грош цена всем этим попыткам, ибо не такому уж темному народу в конце концов становится ясно, что в ненависти мельтешит пакостная физиономия лжеца, бесстыдно извращающего истину, торгующего моралью, совестью и правдой. Давно уже нет сомнения, что заданная цель купленной, перекупленной и заложной серо-желтоватой прессы и аморального “голубого экрана” — это подвергнуть идиотизации в нашем великом прошлом, в первую очередь, духовные и народные ценности, то есть вырвать героические страницы из человеческой летописи, приговаривая, что у славян не было и нет своей истории. После этого на безжизненном пустыре, обработанном “пятой колонной” и американскими бульдозерами, вырастить бумажные розы завезенного колониального образца и придумать не третий, а четвертый слаборазвитый мир с людьми, на шее которых будут висеть колокольчики, как у прокляженных в средние века.

ИСТИНА

Истину ищут сознательно и подсознательно, но зачастую не находят ее до конца жизни.

Может быть, действительно, ее поиск — это выбор между Богом и Сатаной?

Или между правдой и ложью?

Или между добром и злом?

Или между ненавистью и любовью?

Или между великодушием и жестокостью?

Или между страхом и мужеством?

Или между нежностью к женщине и холодным влечением?

Или между плюсом и минусом, ибо то и другое может испортить судьбоносную формулу в науке?

Потом невольно возникают следующие вопросы, ждущие ответа:

Если добродетель и зло держатся на одном основании, то неужели — уничтожив одно, уничтожается и другое?

Что такое ожидание и надежда, сопутствующие человеку всю жизнь?

Где истина — в сердце, в душе, в сознании, в жизненном опыте, в страданиях, в радости? Где?

Великая истина в подоблачном звуке музыки до тех пор, пока оно, это чудо, не испорчено лживостью земных слов не только нечестивцев, но и праведников. Музыка — поднебесное очищение души.

Тертуллиан сказал: “Мысль есть зло”. Но современному человеку хочется возразить мудрецу: зло, наверно, есть качество, а не мысль, а мысль — данный нам инструмент познания сущего. Мысль суть и зло и благо, утверждение и отрицание, то есть путь к истине. Древние говорили, что прочность истины является согласием с учением Аристотеля. Но, пожалуй, оно открывается одному мудрецу в многообразии жизни. Значит — не единична. Поиск истины — это не что иное, как поиск справедливости самой жизни, как существования на земле.

Вера же — чувственное отношение к истине.

ЗОЛОТЫЕ ЗЕРНА

Настало время не произносить речи в сенате, как произносили во времена Цицерона и Крипса, а действовать, ибо слово, конечно, — движение и действие.

Мы оказались в тяжелом положении, потому что разрушаем триаду — государственность, народность, веру. И возник определенный фон, я бы сказал, социально-нравственного напряжения, которое напоминает натянутую струну.

Пусть простят меня воинственно-либеральные представители нашей печати и средств массовой информации, если по их адресу я скажу горчайшие слова. Понятия “демократия”, “свобода” и “гласность” сначала восприняты были с повышенной надеждой. Затем подъем этот начал вызывать чувство неловкости. Если говорить о длительной разрушительной тенденции, то нетерпеливо ожидаемая гласность раскололась на левую и правую, зачастую стала ложью, которая ныне больше похожа на правду, чем сама правда. Наша ультра-пресса разваливает фундамент социалистической цивилизации, а дом, как известно, в воздухе не построишь. Наш фундамент — это омытая потом и кровью история России, ее героические истоки, духовность, культура, экономика и труд четырех поколений. Нам было заказано судьбой укрепляться на том, что уже сделано, и вместе “поспешая, не торопясь”, мужественно и упорно совершенствоваться и двигаться своим путем.

В этом движении воля к сопротивлению, дух народа, его гены — золотые зерна будущего России.

БОЛЕЗНЬ

Он ощущал обморочную слабость в ногах, но мог уже передвигаться, а когда дошел из ванной к постели, обильная испарина облила его, задрожали колени. Впервые за двадцать дней болезни он почувствовал, что тело стало невесомым, а постель отвратительно пуховой.

“Все к тому... — подумал он, ложась и закрывая глаза. — Как это у Толстого? Да, вот... вспоминаю, вспоминаю... распахнулась дверь и вошло Оно. Неужели это бред? Дверь не распахивалась, и Оно не входило... В комнате везде темнота, сплошная темнота и я не вижу Её... Но кажется: Оно сидит у моего изголовья. Я почему-то не чувствую ни одного её движения, и все же мне чудится, что Оно неосознано гладит меня по голове... Не прикасаясь, гладит ветерком ледяного дыхания, и я слышу в белом тумане ее бесплотный, голос: “Боль пройдет, и наступит блаженная пустота, где нет боли и нет мыслей, и поверь, ты уйдешь в наслаждение, без надежд и несвершившихся желаний, это они лукавят и приносят страдания. Поэтому поверь мне: желаний нет... выше небесного наслаждения ничего, поверь, нет”.

“Не надо! — застонал он, не слыша своего стога. — Не надо мне блаженной пустоты! Я хочу жить!”

Но появилась мысль, враждебно поглощающая его целиком:

“Помни, что нет ничего неподвластного времени, помни, что проходит земной цикл, и впереди железобетонная непроницаемая стена загораживает всё любимое тобою, а там за стеной бездонный обрыв, дышащий тьмой, без самоощущения себя...”

Потом он уловил другую мысль, которая скользнула лучезарно-голубым лучиком. Зачем же его сознание вмещало недостижимые звездные миры, неизмеримые пространства вселенской темноты и в ее бескрайности появление закономерной случайности — появление на свет его, в некое число некоего тысячелетия, где неуклонной судьбой уже предназначен был роковой срок ухода. Какая же это несправедливость! Неужели осознанность неминуемого рока не придает множеству его ничемных поступков бесславную тщетность? И все рядом с ним, примитивно подражая муравьям, да, именно муравьям, не прекращают ничёмной деятельности, озабоченные воображаемой ее необходимостью. И они, существуя в ежедневной суете сует, до конечного часа убеждены в ценности личного существования, в снисходительность судьбы, и не верят в неизбежность ухода, зная, что всё, абсолютно всё, имеет заданные начала и предназначенные концы, ибо и звёзды гаснут...

“Нет, нет, я хочу жить... хочу только жить... Ведь надо заставлять себя жить. Кто это сказал? Разве кто-то произнес эти мудрые слова?..”

И когда в его сознание всплыли эти мысли, в ту минуту сопротивляясь и вместе подчиняясь новой земной жадности вдохнуть воздух, он тогда еще не понял, что всемогущая судьба сжалась над ним, и началось его медленное выздоровление.

В НОВОГОДнюю НОчь

Он взял ее руку, осторожно отогнул край перчатки и, едва касаясь губами, поцеловал в запястье.

— Я вас люблю, — сказал он виновато.

— Вы? Любите меня? И давно?

— Целую вечность. Я вижу — вы смеетесь? А мне не до смеха. У вас так заблестели глаза, что мне стало не по себе.

— Ну что вы! Просто невероятно! Вот мы с вами едем в автобусе с прекрасного университетского вечера по домам, а у вас в голове некое кавалерское несоответствие. Поэтому простите за ненаучно-фантастический вопрос. За что же вы меня любите?

— Хотите посмеяться надо мной? С какой стати? Над этим не смеются.

— Я историк, серьезная дама, и мне, уважаемый физик, не полагается особенно веселиться. Вы просто ошеломили меня. Тем более, вам, наверное, известно, что я замужем.

— У меня нет права оскорблять вашего мужа? Я сказал, что люблю вас, и это услышали только вы. Я не чувствую вины и могу повторить фразу, которая вас ошеломила. Разве вам ни разу не объяснялись в любви?

— Можете повторить, если вам так решительно хочется.

— Я люблю вас, Нина Викторовна.

— Спасибо. Ну вот теперь все сказано и давайте помолчим.

Она отвернулась к окну, он сбоку увидел ее чуть-чуть дрожащие от улыбки ресницы, ее пленительную, раньше не замечаемую им, серьгу, полуприкрытую каштановыми волосами, и ему нестерпимо захотелось взять ее руку, отодвинуть край кожаной перчатки и опять осторожно поцеловать в запястье.

Он несмело погладил и сжал ей пальцы. Она вопросительно взглянула на его покорное, какое-то беззащитное лицо и неожиданно сказала с веселой дерзостью:

— Знаете что, на вечере мы выпили с вами по рюмке, но в голову мне пришла сейчас чертовски бредовая мысль. Поедем куда-нибудь, хоть на Воробьевы горы, сверху зиму московскую посмотрим! Новогоднюю! Как вы? За или против?

— Не спрашивайте, — ответил он обрадованно. — Неужели вы могли подумать, что я отвечу “против”?

— Значит, ходим на первой остановке и ищем такси. Прокатимся по Москве и — на Воробьевы...

— С удовольствием.

Они сошли на первой остановке, заснеженной, безлюдной, и засмеялись от окружившей их свободы зимней ночи, от ее пустынной в этот час улицы, от розовых, озаренных огнями сугробов, от праздничного скрипа снега под их ногами.

— Так гораздо лучше, — сказала она и придвинулась к нему не смущаясь. — Почему вы смотрите на меня, как на исторический экспонат? В автобусе вы были одним, сейчас как будто другим. Почему вы молчите? Я вас не узнаю.

— И я вас. Вы замечательная...

— Если так на самом деле, то поцелуйте меня, — сказала она не то насмешливо, не то с вызовом и сделала шаг, легонько притянула его к себе.

И он подумал, что она серьезная умная женщина, но ведет легкомысленную игру с ним, наклонился к ее близкому лицу и губами коснулся ее виска.

— Ну вот, ей-богу... Поцеловал меня как девочку!

Она поощрительно похлопала рукой в перчатке его по щеке и шутливо приказала:

— Извольте-ка поцеловать меня как мужчина. Вы это умеете?

Он понимал, что она, чувствуя его неловкость в традиционно мужском ухаживании, по-женски с опытной кокетливостью командовала им, и эта смелость обрадовала его. Он неуклюже обнял ее, но тут же опомнившись, с

порывистой нежностью приник к ее губам, мягко шевельнувшись под его губами.

— Любая машина — наша! — отрываясь от нее, по-мальчишески крикнул он и выбежал на середину мостовой, взволнованно вглядываясь в обе стороны с надеждой, что ему повезет: добрый его покровитель помогал ему в эту ночь.

Это место Москвы, заваленный снегом бульвар по ту сторону дороги, отдаленный от шумных нескончаемых толп машин на шоссе, были заповедником января с его новогодними сугробами, залитыми светом фонарей и уличных окон, горевших огнями елок на этажах напротив бульвара, и мнилось: где-то не так далеко плавала между небом и снегами греховная музыка, вызывая легкомысленное настроение у обоих.

Они остановили первую попавшуюся машину, оживленно сказали водителю “Воробьевка”, а когда сошли на этой самой Воробьевке, начали искать удобную дорогу для осмотра города с высоты. Такую дорогу они не нашли — даже боковые тропинки были глухо замечены метелями, но это ни ей, ни ему не испортило настроение.

— Вот что, — сказала она оглядывая черноту неба с острыми уголками звезд. — Небеса нам не помогают. Будем надеяться на себя. И на меня. Вы не против, мужчина?

— Слухаюсь, как говорят поляки. — Он с послушным видом приложил два пальца к виску.

— Сейчас снова ловим машину и, если не возражаете, едем ко мне на чашку кофе. Я живу одна. Я — почти разведенка. Знаете, что это такое?

— Догадываюсь. Но кажется, вы сказали, что замужем.

— Почти. Я живу в Москве, а муж далеко за океаном. В Сиетле. Он, представьте, консул. Встречаемся раз в году. Сиетл — город в Америке, на берегу океана.

И он подумал, что они преподают в одном университете, встречаются в деканате, на ученых советах, на конференциях, всякий раз дружески улыбаются друг другу, и это было обыденно и необъяснимо тепло, когда глядел на ее темнеющие ресницы, на ее глаза, задорно молодеющие от смеха. Ему нравилось, как она смешливо подымала брови, как приветливо поворачивала голову, когда он обращался к ней. Она, по-видимому, нравилась не только ему, в перерывах между лекциями ее окружали студенты, и ему тоже захотелось побывать хоть бы на одной из ее лекций по новой истории, но он пока не решался.

“Мне повезло”, — опять подумал он, садясь с ней в машину, и, довольный собой, сказал, что теперь должна командовать она, указывая путь до своего дома.

Когда в лифте с высоким зеркалом, какие бывают в многоэтажных московских домах, поднялись на восьмой этаж и вышли на лестничную площадку в окружении солидно обитых кожей дверей, он тщетно попытался заранее угадать дверь ее квартиры.

Было ему странно и любопытно: из раскрытой квартиры, задрав хвост, придавливаясь к косяку, тонко, по-детски мяукая, высунулся в переднюю белый котенок. И она вскрикнула радостно, подхватывая его на руки, прижимая к щеке.

— Ах ты, басурман мой милый! Соскучился? Голодный? Потерпи малость. — И, посадив котенка на диванчик в передней, договорила: — Мой любимец, мой друг. А теперь раздевайтесь, дорогой гость, проходите в хоромы, где проживает, смех, смех, смех, одинокая разведенка!

— Почему смех? — удивился он. — Вы довольны одиночеством?

— Привыкла. Стараюсь не думать об этом. Ведь я не могу переменить профессию мужа. Да и он привык месяцами не видеть меня. А телефонные разговоры — это игрушки, светская забава. Садитесь, уважаемый физик, на этот диван к столу. А я посмотрю в баре что-нибудь для вас интересное. Новогоднее. Хотите виски?

— Вероятно, нет.

— Джин?

— Тоже нет.

— А коньяк армянский?

— Это географически поближе. Рюмку выпью. Боже праведный, да у вас целая библиотека, Нина Викторовна! — воскликнул он, с интересом оглядывая заставленные книгами полки в просторной комнате с незадернутыми шторами на широких окнах, за которыми сверкали и пылали новогодние огни. — И вы все прочитали? — Он жестом выразил восхищение. — Или вместе с мужем? Наверное, читали по вечерам вслух?

— Вот здесь все по истории, учебники, исследования, мемуары, воспоминания, — сказала она нарочито учительским тоном. — Это мое. И вслух я не читаю. А тут — сплошь художественная литература. Это тоже мое царство, тут ближайšie друзья. Особенно, когда остаюсь одна. Да, я ищу дружбы с Толстым, с Буниным, с Чеховым... Но не такой дружбы, как с вами... — Она смело взяла его за плечи и длительно посмотрела ему в глаза. Не выдержав ее взгляда, он сморгнул. — Такой дружбы, как с вами, — повторила она и вдруг с улыбкой поправилась: — Хотя вы и сказали, что любите меня... Но какой дружбы я ищу с вами, я еще не понимаю, не знаю...

— Не знайте и не понимайте, — прервал он ее тоже комично: — Не топшитесь.

Он бережно снял ее руки с плеч и поцеловал ей пальцы. Она достала из бара коньяк, две рюмки, вазочку с орешками и пригласила к столу:

— Давайте выпьем коньяку и будем рассказывать смешные истории. Но первая рюмка — за Новый год. Мужчина, разливайте. И будьте главой стола.

Он, несколько сконфузясь неопытностью быть главой стола, преувеличенно старательно разлил по рюмкам, они чокнулись и взглянули друг на друга с одной и той же мыслью.

— С Новым годом, Нина Викторовна... правда, вчера прошедшим, — произнес он, запнувшись. — Если вы не против, позвольте вас поцеловать в щечку?

— Пожалуйста, не забывайте, что шестнадцать лет мне давно миновало.

И она легонько махнула пальцем по щеке, будто сбрасывая возможный невинный поцелуй, и покорно подалась к нему, приблизив полуоткрытые губы. Этот поцелуй показался ему слишком откровенным, как сладостный внутренний ожог, заставивший его прерывисто вздохнуть, а она отклонилась, сдерживая смех.

— Что с вами, вы были женаты или вы природный холостяк?

— Мы разошлись через двадцать дней после загса. Пожалуй, холостяк.

Они помолчали и выпили коньяк молча. В тишине резко зазвонил телефон, она вздрогнувшими глазами глянула на стенные часы, словно встревоженно проверяя точность звонка, неспешно поднялась и своей гибкой молодой походкой подошла к телефону на письменном столе, помедлила, повернулась к нему спиной и сняла трубку.

Вспоминая эти последние минуты в квартире Нины Викторовны, он ясно помнил, как она стояла у телефону спиной к нему, видел ее наклоненную голову, убранные в пучок каштановые волосы на затылке, ее серьги, не вполне принятые носить в университет, и по тому, как она страстно произносила: “Да, я одна, я одна!” — он уже не сомневался, что она говорит со своим мужем, и ничего, кроме ее голоса, не воспринимал, сознавая единственное — это говорит она, Нина Викторовна, нисколько не стесняясь его присутствия в комнате.

— Я люблю тебя, люблю тебя, люблю тебя! Не выдумывай, ради бога, глупости! Я одна, я одна, я одна! И безумно скучаю по тебе! Я не позвонила, виновата! Молчи, молчи! Я люблю тебя, ненаглядный мой!..

Его уколола невнятная боль в груди, и, обеими руками опираясь о столик, он оттолкнулся от дивана и почему-то на цыпочках двинулся по толстому ковру в переднюю, убеждая себя уйти, немедленно, сию минуту, не медля ни минуты вон!..

Она увидела его движение, сдавленно прошептала в трубку: “Я перезвоню”, — и бросила трубку, кинулась к нему, как если бы осознала внезапное несчастье.

— Подождите! Стойте! — крикнула она в ненаигранном ужасе. — Подождите, я объясню вам!

— Не стоит, — сказал он еле слышно.

Неловко справляясь с дубленкой, путаясь в рукавах, он наконец с облегчением надел ее и, охваченный знобящим сквозняком, заговорил неуравновешенным голосом:

— Вы чрезвычайно смелая и... непростая женщина, а я, я совсем другой. Не Дон-Жуан и не мушкетер. Обыкновенный преподаватель, да еще физики... Вы очень мне нравитесь. Только без лжи. И все же я благодарю вас. До встречи в университете. Надеюсь остаться вашим хорошим знакомым, если разрешите.

— Что же нам делать, Господи, спаси и помоги!.. — застонала она, молитвенно сложив ладони и простирая их к потолку. Но тотчас красивое лицо ее исказилось, стало незнакомым, обостренным, злым, она боком рванулась к двери, с отчаянной мстительностью распахнула ее и выкрикнула, захлебываясь в непонятном ему гневе:

— Уходите! Сейчас же уходите! Ненавижу себя и вас! Прочь! Я не могу!..

— Прощу вас, успокойтесь, — сказал он с болезненной жалостью.

В комнате, врезаясь в упавшую тишину, зазвонил телефон, она вскрикнула, а он, не застегиваясь, не надевая шапку, вывалился на лестничную площадку, бессознательно нажал на кнопку лифта. Но тут же прыжками побежал по лестнице вниз с лихорадочной мыслью: скорее бы, скорее!..

Он выбежал из подъезда в новогоднюю ночь, властно опавшую на его колочей волной мороза, бросившей ему навстречу хаос огней, праздничных пожаров елок в окнах на всех этажах, розовые ползающие полосы на гребнях сугробов.

“Какая неленица! Я схожу с ума! — думал он, торопливо шагая по зло хрустящему снегу. — Зачем эта неестественная ночь!” Когда я выходил, мне показалось, что на ее глазах мелькнули слезы. Какой же был смысл в ее слове “ненавижу”? Что оно значило? Я глупец! Глупец! Я все понял и не понял ничего. Господи, прости!”

У него ослабли ноги, и он обнял фонарный столб, приник лбом к его ледяному уюту, потом поднял голову, едва нашел в светло-туманном небе еле заметные звезды, плача и ядовито смеясь над собой от беспомощности.

ОЛЬГА КОРЗОВА

СНЕГ ПРЕДСТОЯЩИЙ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Хрупкий ваш мир я ничем не нарушу,
Просто вернусь в свой заброшенный скит.
Буду лечить там бессмертную душу.
Странно — бессмертна,
а все же болит...

Долго болит от укола любого,
Пуще всего — от твоей нелюбви.
Вылечить можно единственным словом,
Только слова облетели твои,
Сжались, померкли, рассыпались пылью,
Горькой, надсадною, вязкой, как дым.

Знаю: бывшее покроется былью
И порастет не одним — так другим.
Ведаю: лечит и время, и дело,
Если заполниться им — за края.

...В горенке тихой сажу онемело
В доме своем, а сама — не своя.

КОРЗОВА Ольга Владимировна родилась в 1965 году в Архангельской области, в семье учителей. Окончив Архангельский педагогический институт, больше четверти века проработала в школе преподавателем русского языка и литературы. Автор книги стихотворений “Черное и белое” (2004 г.) и ряда публикаций в российских литературных журналах. Член Союза писателей России.

НАЧАЛО ЛЕТА

Отгородилась летом от невзгод,
Зарылась в лепестки, травинки, грядки,
Порой не зная, день какой идет,
Живу, как лебеда или осот,
То сушь кляня, то вечные осадки.
И кажется — не давит небосвод,
Как будто бы и правда, — всё в порядке.

Как будто навсегда — не на постой —
Пришла я к облакам, ромашкам, лугу,
И каждый одуванчик золотой
Кивает мне. Врастаю в травостой,
Ложусь землю, подчиняясь плугу,
И знаю: ночью мне шуметь листвою
И соловьем свистеть на всю округу...

ДОЖДЬ

Илье Будницкому

Лес отшумел и скрылся за спиной.
К реке скользнула верткая дорога,
И тут же дождь обрушился шальной,
Не добежать до дома иль до стога,
Чтоб втиснуться под теплые бока,
Залезть под боковины иль подпоры.
Но стога нет: дорога и река.
Пусть будет дождь,
безудержный и спорый!
Пускай безоговорочную власть
Вершит над всей заждавшейся округой.
О, если б мне внутри его пропасть,
Чтобы лететь над полем и над лугом,
Чтоб прыгать пузырьками по реке,
Насытиться и шелестом, и звоном,
Чтоб быть в ромашке, в мяте, в васильке,
В травинке каждой, в веточке зеленой,
Чтоб сыпаться, струиться, лепетать,
Шуршать в листве, катиться по навесам,
И капелькой последней отстучать,
И радугой раскинуться над лесом...

СКАЗОЧНОЕ

Премудрой и Прекрасной не была,
и оттого не встретила Ивана,
и мне достались ступа да метла,
избушка да заросшая поляна.

Конечно, не дворец и не уют:
павлинов нет и золотого трона.
Весной и летом соловьи поют,
в иную пору царствует ворона,

С иванушек, не помнящих родства,
с раскрашенных и развращенных манек,
с петрушек, коих жизнь — для шутовства,
с илюшек, что с печи никак не встанут,
с залгавшихся и купленных емель,
с добрынюшек, пропивших меч в притоне,
какой же спрос?

Над Родиной метель,
и Русский Свет качается и тонет...

* * *

Кругом вода и ненадёжный лёд.
В мучительной, подкожной, внутривенной
Ноябрьской тьме качается, плывёт
Мой старый дом, мой остров пятистенный.

Ни паруса, ни мачты, ни руля.
Да хоть бы свет, мерцающий на башне!
И точно капля, канула земля...

Но дышит ветер снегом предстоящим.

АЛЕКСАНДР СЕГЕНЬ

ДЕДОВ КРЕСТ

И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

Мой дед по материнской линии, Тимофей Степанович Кондрашов, родился в многодетной крестьянской семье на Смоленщине, в ныне уже не существующем селе Высоцком Вяземского района, на границе с Сафоновским районом. Это рядом с Изъяловым, Никулиным, Старым Селом, Богородицким, Артёмовым, Чёрным, в среднем течении речки Вязьмы, правого притока Днепра. Крестили его в день памяти Апостола Тимофея — 22 января по старому стилю. У деда были четверо братьев: Артемий, Павел, Степан и Иван — и сестра Евгения. Отец — Степан Семенович, мать — Анастасия Васильевна. Крепкая крестьянская семья, которую затем ветер революции рассыпал по стране.

В 1915 году моего деда призвали на войну; он воевал на германском фронте, в рукопашном бою уложил одного немца, вёл себя храбро, потерял мизинец и безымянный палец на правой руке, заслоняясь от вражеского штыка винтовкой. В приказе о награждении его солдатским знаком отличия ордена Святого Георгия было сказано: “За доблесть в бою и умелое спасение жизни солдата Российской империи”. Имелась в виду его собственная жизнь.

Моя бабушка, Клавдия Фёдоровна, в девичестве Карпушова, родилась в тех же местах, что и дед, и тоже в многодетной крестьянской семье. У неё было шесть сестёр и один брат. За деда моя бабка вышла в возрасте 16 лет вскоре после Рождества Христова 1919 года. А Тимофею Степановичу тогда исполнилось 24. В первые годы дети у них рождались мёртвые. Бабушка сва-

СЕГЕНЬ Александр Юрьевич родился в 1959 году в Москве. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор книг прозы: “Похоронный марш”, “Страшный пассажир”, “Державный”, “Русский ураган”, “Поп”, “Есенин” и многих других. Живет в Москве.

ливала вину на свекровь, заставлявшую её слишком много работать. Ещё она как-то призналась мне, что, будучи девушкой, мечтала о старшем брате Кондрашовых — Артемии, а вышла за Тимофея после того, как Артемий женился на её дальней родственнице Полине. Попав в дом мужа, она первые годы много плакала, вспоминая родной дом, своих добрых родителей, Фёдора и Ольгу.

В 1922 году мои дед и бабка стали жить своим домом, и через год у них благополучно родился первенец — Фёдор Тимофеевич. Затем, в 1928-м, появился на свет мой будущий крёстный — дядя Саша, Александр Тимофеевич. А ещё через три года родилась моя мама — Нина Тимофеевна.

В 1930-е годы пришла коллективизация, а мой дед был её яростным противником, потому что в его работающей семье всё и так ладилось, жили с достатком, даже на окнах были разноцветные стекла — синие и красные уголки. Имели трёх лошадей, трёх коров, множество другой скотины и птицы. Богач, противник колхозов да ещё и герой империалистической войны, кавалер ордена Святого Георгия... Над моим дедом нависли тучи. Местная большевизия вот-вот должна была его раскулачить и отправить с семьёй в Сибирь. По совету своего старшего брата Артемия, служившего в ЧК, он даже своей Георгиевский крест закопал в укромном месте на огороде, когда пустили слух, что всех, у кого таковые найдутся, будут на месте расстреливать. Потом, спустя годы, он приедет, будет искать, где подарил земле свою награду, да так и не найдёт, а бабушка, получившая в годы Великой Отечественной две медали, будет дразнить его:

— Мои-то — вот они, а твой-то крест где, Тимох? А, Тимох!

— У Артемия спроси, — угрюмо отвечал дед.

В 1937 году под угрозой раскулачивания Тимофеем Степановичем с женой и тремя детьми перебрался в Москву. Своего угла у них не было больше года. Брат деда служил в московской милиции и договорился, чтобы их пускали ночевать в одну многокоммунальную квартиру, где было две ванных комнаты. В одной из этих ванных они и ночевали, а днём оставались без жилья, то есть, по нынешним понятиям, бомжевали. Бабушка устроилась уборщицей в отделение милиции, а дед — в Метрострой, от которого получил, наконец, собственное жильё — комнату в бараке.

В 1941 году пропал без вести в Вяземском котле их старший сын Федя, дед голодал в резервных войсках, а бабка рыла окопы на подступах к Москве. После войны семья ещё долго ютилась в метростроевском бараке, в котором и я появился на свет ровно за два года до полёта Гагарина в космос.

Деда я обожал больше всего на свете, потому что он возился со мной постоянно. Научившись говорить, я звал его “дедушка Темноша”, на что бабушка смеялась:

— То-то и есть, что Темноша! У церкву ходить перестал, будто нехристь какая.

— Как раз те-то и тёмные, кто в церковь ходит, — возражал дед, считая, что, разуверившись в Боге, он обрёл некое прогрессивное знание.

А когда-то, живя в деревне своим хозяйством, он сохранял традиционное православие. Однажды он мне рассказывал:

— Бывало, каждое воскресенье мы ходили в церковь, а она в пяти верстах находилась. Так я, бывало, сапоги свяжу веревочкой, перекину через плечо: один сапог на спине, другой на груди — и так до самой церкви. Перед церковью сапоги надену и в храм Божий в сапогах иду. Обратное снова босиком. Оттого у меня сапоги никогда не снашивались, не то что нынче у городских.

Дед почему-то называл меня не по имени, а мальчишкой. Всегда заступался за меня перед мамой и бабушкой, когда я проказничал и должен был получить заслуженных поцелуев ремня:

— Как хотите, но мальчишку я в обиду не дам!

Во втором классе я нахватал двоек после многодневных увеселений на ледяной горке, и мама решила всё-таки всыпать мне по первое число. Но дед, уже облачённый в голубой кальсоновый костюм, бросился к ней и принял на себя несколько ударов ремня, как некогда бросался на герман-

ские штывки. Мама пыталась ударить меня, заходя то слева, то справа, но дед всякий раз подставлялся, защищая своего *мальчишку*.

При этом, что греха таить, недостатков у моего деда имелось в достатке. Он и к рюмочке прикладывался, и от бабушки не прочь был засмотреться на сторону, и матерился порой. Из всех народов он любил только русский, раздражаясь на все прочие. Хотя национализм у него был смешной, и я всегда хохотал, когда он украинцев называл “чулы-булы”, а кавказцев — “чхари-ари”:

— Работать неважко стало, — жаловался он, к примеру, — понапринимали всяких чулы-булы да чхари-ари, а они делать ни хрена не хотят!

А я:

— Как-как? Кого напринимали?

Это чтобы он ещё раз повторил, а я ещё раз упал на диван со смеху.

Было время, когда, по его собственному признанию, он “на бутылочке женился”. Но потом перешёл исключительно на пиво. В одну пору прошла кампания по переводу русского народа с кривых водочных рельсов на пивной автобан, и деду в его депо после смены выдавали три литра бесплатного пива. Он тогда так и ходил на работу с большим алюминиевым чайником. Вечерочком я его всегда поджидал, потому что он являлся с этим вкусным холодным напитком, плещущимся в чайнике, и наливал мне кружечку. Бабушка и мама, конечно же, возмутились:

— Тимох, ты что, ошалел?

— Отец, сопьётся мальчишка твой!

А он возражал:

— Неправда. Курс на пиво взят и одобрен партией и правительством.

Курс самого деда чаще всего шёл вразрез с курсом домашней партии и правительства в лице мамы и бабушки. Особенно жаркие споры шли у него по поводу хождения бабушки в церковь:

— Вместо того, чтобы мне лишние носки купить, ты понам деньги носишь. Все попы в моих носках ходят! Пойду да и заставлю их снять.

— Не пори ерунды, — вздыхала бабушка. — А то у тебя носков не хватает. А у церкву бы надо тебе сходить, Тимох. Ведь с до самой до войны не ходил, тридцать лет в нехристях!

— Умру, а не пойду!

— Вот умрёшь, так как раз и пойдёшь у церкву.

— Это как это?

— А вот так. Не своими ножками, конечно же, а понесут тебя, ирода, у гробе.

— Вот ты что затеяла! Учти, Клавдя, если только, когда я помру, ты меня отпевать понесёшь, я из гроба в церкви встану и за волосы тебя надеру. Так и знай. Стыдно тебе будет.

— Так, прям, и встанешь!

— Встану.

— Мёртвый? Иде ж это видано?

— Назло тебе оживу на пять минут. Мне хватит, чтоб из тебя космы выдрать.

— А всё потому, — сердилась бабушка, — что ты свой крест законал.

— Какой?

— Георгиевский, какой же ещё! Вот без креста и остался.

— Клавдя, я счас смерти дожидаться не стану, выдеру тебя, как сидорову козу!

Справедливости ради следует признать, что при всём многообразии угроз, которые дед иной раз посылал в сторону своей жены, он ни разу мою бабушку пальцем не тронул. И она это уважала:

— Тут нечего сказать: никогда даже не замахнулся на меня. А и то — пусть бы только попробовал!

Та ещё была парочка — мои дед и бабка! По-своему любили друг друга, но увлекались особым видом спорта — дразнением. К примеру, дед терпеть не мог, когда она лезла ему помогать в домашних мужских делах. Вот он пилит дощечку, а бабушка сзади подкрадётся и рукой схватится, чтобы эту дощечку придержать.

— Ну, едрит же твою налево! — взовётся дед. — Клавдя! Возьму да и отпилю тебе руку-то!

— И это вместо спасибо! Да если б не я, ты бы криво отпилил.

— Да уж, без тебя у меня всё бы криво было!

— А что, не так разве?

Когда отмечалась их золотая свадьба, собрались гости, дед и бабка сели во главе стола, как два голубка, — всё чин по чину. Кто-то крикнул:

— Горько!

Дед и бабка встали, собрались было поцеловаться, а мой Тимофей Степанович вдруг схватил со стола бутылку водки и её чмокнул во все уста. И сказал:

— Вот моя любимая, да после инфаркта разлучили меня с ней врачи-вредители!

Бабушка, конечно же, обиделась, но ненадолго. Минут через пять расмеялась:

— Теперь все увидели, какой ты у меня, Тимох, дуравило!

Он потом лез к ней исполнить своё “горько”, да она уж ни в какую.

Ещё один грешок воделся за моим дедом: он любил проехать в общественном транспорте “зайцем”. Никогда не забуду постыдного предательства, которое я совершил по отношению к нему. Дедушка всегда старался сэкономить на всём. Бабушка часто ругала его, когда он в булочной покупал самый дешёвый серый хлеб.

И вот однажды его зацапал контролёр. Я показал свой школьный проездной, а у деда — ничего нет. Контролёрша стала его стыдить:

— Пожилой человек, а не платит! Мальчик, это твой дедушка?

И тут я, подлец, готовящийся в пионеры, сквозь зубы ответил:

— Впервые вижу.

И отвернулся к покрытому морозным инеем окну.

До сих пор горю от стыда за это отвратительное предательство. Прости меня, дорогой дедушка Темноша! Ты бы за меня в огонь и воду, под мамин ремень бросался, защищая меня, а я...

Через три года после золотой свадьбы мой дедушка Темноша умер. Смерть сразила его внезапно. В последние годы он подрабатывал тем, что мастерил фанерные ящики для посылок и продавал их на колхозном рынке. Его постоянно гоняла милиция, которой было скучно жить ввиду полного отсутствия у нас в стране какой-либо преступности, кроме незаконного моего деда предпринимательства. И вот в тот роковой день Тимофей Степанович сколачивал очередной фанерный ящик, как вдруг прихватило сердце. Настоящие герои умирают со словами: “Да здравствует Родина!”, “Все остаётся людям!”, “Дети, берегите мать!” — и так далее. Мой дед, кавалер солдатского креста ордена Святого Георгия, помер, успев лишь пробормотать:

— Валидол! Валидол! Валидол!

Добежал до кровати, упал на неё и — помер.

Вернувшись из школы, я не мог поверить. Сидел на стуле возле мёртвого деда, и мне казалось, что грудь его тихонько колышется, что он скрытно дышит, притворяясь мёртвым. Да я сам сколько раз, бывало, играя в войну, притворялся мёртвым и старался почти не дышать для полного правдоподобия. Вот, думаю, и дед туда же...

Бабушка, вопреки атеистической воле покойного, заказала отпевание. Гроб принесли в храм Рождества Христова в Измайлове, где некогда отпевали дедова отца Степана Семеновича и дедову мать Анастасию Васильевну. Начался церковный чин. Я смотрел и смотрел на деда, лежащего в гробу, и хорошо помню, как впервые совершил неожиданное открытие — изменение лица отпеваемого покойника. Поначалу лицо дедушки Темноши сохраняло неприступный мертвецкий вид, серый и несколько обиженный, что ему так и не подали вовремя валидол. Уголки губ устремлялись вниз к подбородку, и поневоле каждый испытывал вину перед ним, что все ещё живы, а он вот лежит в своей последней деревянной постели...

Но что такое? Чем дольше шло отпевание, казавшееся мне и без того нескончаемым, тем больше просветлялось лицо моего деда. Обиженные

складки под уголками губ сгладились и исчезли, лицо из серого стало белым и даже как будто слегка порозовело. А главное, что на этом ещё недавно огорчённом лице появилось некое чувство удовлетворения и даже благодати. И это при том, что ушёл он из жизни убежденным атеистом, не причастившись и не исповедавшись.

Сколько раз я потом убеждался в том, что во время отпевания часто происходит то же самое удивительное явление. Словно человек, доселе недовольный, что пришлось покинуть тёплую и обжитую жизнь, вдруг получил какое-то удовлетворение свыше и не только смирился со смертью, но даже и рад ей.

А тогда я, впервые увидев это, стоял и удивлённо взирал на дедушкину метаморфозу.

Бабушка стояла рядом со мной справа, проливая скудную слезу, поскольку вообще всегда была скупа на слёзы, утиралась уголком платка и неотрывно смотрела на своего ушедшего мужа.

Потом вдруг легонько толкнула меня в плечо, наклонилась и произнесла лукавым, слегка озорным тоном:

— Глянь-ка! Не встаётъ!

Лет через десять на Измайловском вернисаже я купил настоящий солдатский Георгий. Увидев его, бабушка задумалась и сказала:

— Кто знает, может, это Тимохов крест. Откопали, привезли да и продали тебе.

Мы вместе с ней поехали на Николо-Архангельское кладбище, я выкопал в дедовой могиле глубокую ямку и положил в неё Георгия. А когда засыпал его землёю, бабушка сказала:

— Возьми, Тимоша, крест свой. И не теряй его больше.

АРИСТОКРАТ

На старой фотографии двадцатых годов прошлого века два родных брата, но оба такие разные. Один — во френче и галифе, на голове — большой картуз, сдвинутый чуть ли не на затылок, и весь вид у него простоватый, в глазах — некая лирика, как будто, фотографируясь, он мысленно напевает “Клён ты мой опавший”. Это мой родной дед Тимофей Степанович. Другой — в кожанке, узких светлых брюках, застёгнут, подпоясан ремнём, на котором примостилась грозная кобура, голову украшает элегантная фуражка, лицо волевое, губы сжаты, над губами — тонкие усики, в глазах — целеустремлённость. Это старший брат моего деда Артемий. И если он напевает мысленно, то только “Вихри враждебные веют над нами”.

Дед Артемий считался у нас в семье аристократом и сам таковым себя позиционировал. Я, конечно, знал его уже никак не в кожанке и не с героической кобурой, а степенным, заслуженным советским деятелем. О нём было известно, что в двадцатые, тридцатые и сороковые годы он занимал важные посты в карательных органах Твери, где и проживал вместе со своей женой Галиной и сыном Вадимом, который погиб в мае 1945 года.

— Между прочим, лётчик, Герой Советского Союза, — с гордостью говорила мне о Вадиме моя мама. Вся родня очень ценила наличие в своих списках Героя Советского Союза. Имелась фотография, на которой дед Артемий с женой Галиной Сергеевной стоят в Польше у могилы, увенчанной пятиконечной звездой.

Раз в три месяца Артемий Степанович и Галина Сергеевна приезжали к нам в гости. Я всегда изумлялся тому, как от дедушкиного брата пахнет хорошим одколоном, а сам он весь подтянут, выглажен, суров и важен. Он непременно то и дело выуживал из кармашка жилетки часы, откидывал

крышку и проверял, который час, словно страна в какое-то урочное время ждала от него необходимого решения. Звонко захлопнув часы, он неторопливо возвращал их на место, поглаживал сверкающую цепочку и говорил:

— Да-с... Так на чём, бишь, мы остановились, судари и сударыни?

Ни дать ни взять — граф или даже князь, короче — голубая кровь. И это при том, что он, как и все его братья, происходил из самого простого крестьянского рода Кондрашовых, и предки его некогда были крепостными у дворян Лыкошиных на Смоленщине.

Садясь за стол, Артемий Степанович старательно повязывал себе шею салфеткой, щи вкушал не так, как все мы, ложками хап-хап, а аккуратно по пол-ложки, чтоб, не дай Бог, не капнуло. При этом он считал, что в щих или супе надо съедать только жидкую часть, на тарелке у него всегда оставалась недоеденная гуща, и это злило моих домашних, но они не показывали виду. Пил дед Артемий исключительно коньяк, бутылку которого привозил с собой, и она же вся ему и доставалась, поскольку мой дед предпочитал беленькую.

— Тимофей, — говорил старший брат, — сколько раз тебе повторять, что водку хлещут только извозчики? Коньяк — вот продукт! Даже Черчилль предпочитал наш армянский коньячок.

— А мне на твоего Черчилля накласть, — потихоньку начинал сердиться мой дед. — Я рабоче-крестьянский человек.

После обеда дед Артемий снимал пиджак, в жилетке ложился на диван и спал ровно сорок минут, как традиционно положено в русском дворянстве. Наступала тишина, все ходили на цыпочках.

Дед Артемий знал, что аристократы любят играть в карты, и потому по завершении послеобеденного сна он, Галина Сергеевна, а также мой дед и бабушка вчетвером садились за это дело. Игра шла на копеечный интерес, но, тем не менее, проигравший всегда расплачивался, причём наш высокий гость неизменно делал это с огромным достоинством. Огорчение выражалось у него лишь в том, что он начинал помногу сморкаться, каждый раз величественно расправлял огромный носовой платок, посылал в него дары своего носа, долго складывал сей предмет обихода, как упаковывают парашют, расправляя каждую складочку, и бережно препровождал платок в карман пиджака. Если же он выигрывал, то не проявлял никаких эмоций, получая выигрыш с барским выражением лица, словно оброк.

Перед уходом гости пили чай. Дед Артемий наливал в него остатки своего коньяка и так услаждался. Уходя, он обычно застывал перед бабушкиными иконами в красном углу:

— Так и подмывает машинально перекреститься. Клавдия, сними ты их, сколько раз я тебе говорил! А ты, Тимоха, куда смотришь?

— И вправду, Клава, — тихо и вежливо обращалась к моей бабке Галина Сергеевна.

— Нечего тут командовать! — говорил мой дед, к окончанию визита всегда страшно злой на своего брата-аристократа. — У себя в Твери расправляйся, понял?

— Ну, что же, прият-тно провели время, — говорил Артемий Степанович, протягивая всем руку, как некую драгоценность.

Однажды он не на шутку ополчился на бабушкины иконы:

— Между прочим, партия и правительство в ближайшее время вновь намерены взять курс на уничтожение религии. Леонид Ильич довершит то, что не доделал Никита Сергеевич. Надеюсь, в этом доме понимают, куда я клоню.

— Чего ж мне прикажешь? Николу Угодника в огороде закопать? — с тоской спрашивала моя бабушка.

— Да выбросить, и дело с концом, — говорила Галина Сергеевна.

— Нет Бога, Клавдия, — спокойно и уверенно произносил Артемий Степанович. — Двадцатый век и Бог — несочетаемые понятия. Для чего нам дан разум? Чтобы осознавать отсутствие Бога.

Мой дед, считая себя атеистом, поддерживать старшего брата, однако, не спешил, полагая, что у себя в доме он волен сам распорядиться:

— Ты, Артемий, партийный, тебе видней, есть Бог или нету. Я считаю тоже, что нет, но Клавдя имеет право.

— Тут дело не в Николе Угоднике, — возражал дед Артемий. — Дело в полах, которые, по сути, мешают нам строить будущее. Мне в своё время довелось иметь дело со многими из их среды. Упёртая сволочь, должен вам сказать, судари и сударыни!

— Вот ты, Артемий, человек партии, коммунист, идейный борец, да? — злился мой дед.

— Безусловно.

— А чего ж ты по-старорежимному выражаешься? Тут у нас сударей и сударышень нету.

Однажды после очередного посещения нас Артемием Степановичем и Галиной Сергеевной я подслушал такой разговор между моими дедом и бабкой:

— Может, и вправду, Тимох, твоя мать его не от моего тестя родила?

— А от кого же?

— Известно, от кого, в народе-то поговаривали про соседского помещика Зубова.

— Сбесилась ты? Чего мелешь, подумай!

— Да ты и сам иной раз в сердцах про него скажешь: “Зубовский выплясок”.

Слушая их, я вспомнил, что дед и впрямь так несколько раз выражался. И я, помнится, даже однажды спросил бабушку, что сие означает.

— Выплясок-то? — засмеялась баба Клава. — Чего ж тут непонятного? Помещик такой был у нас, по хвямилли Зубов. На свадьбе напился, плясал-плясал, плясал-плясал, вот у него из кармана Аргюха и выпал. Закатился в угол, его потом нашли да и отдали на воспитание Степану и Настасье, твоего деда Тимохи родителям.

Мне очень смешно было представить, как дед Артемий, маленький, будто солдатик, но уже такой весь из себя аристократический, вывалился из кармана пляшущего Зубова и покатился по полу в угол:

— Прият-тно провели время!..

И как его потом нашли, суди с него пыль, протёрли и стали растить.

Спустя много лет, когда ни моего деда, ни его старшего брата уже и в живых не было, я занялся изучением своей родословной и много выпрашивал у бабушки, у других родственников. И вот что узнал про Артемия Степановича. В двадцатые годы он, тридцатилетний, много и усердно потрудился на ниве истребления буржуев, помещиков, священников и прочих представителей дореволюционной России. И именно тогда у него появился тот аристократический лоск, коим он впоследствии резко отличался от своих братьев. Раньше он был на них не похож только внешне — совсем иное лицо, а тут и в поведении появилась перемена. Общаясь с аристократами, перенял их манеру поведения. А учитывая слухи о его происхождении от помещика Зубова, можно только диву даваться, как решительно он мстил тем, кто в безумной пляске выронил его из своего аристократического кармана.

Не менее поразительными оказались и обстоятельства гибели единственного сына Артемия Степановича и Галины Сергеевны. Прежде всего, мне удалось выяснить, что никаким Героем Советского Союза летчик Вадим Артемьевич Кондрашов не являлся. Его представляли к награде, но так и не утвердили. Но не это главное. В мае 1945 года он оказался среди лётчиков, которым дозволили братание с американцами — “встреча на Эльбе”. Вышив за дружбу с каким-то Джеймсом или Томом, Вадим Кондрашов не глядя махнулся с янки самолётами. Такое тоже иной раз случалось. Удадь, лётчицкое гусарство. И из Германии он полетел не на своём отечественном истребителе, а на заокеанской машине. Пролетая над освобождённой Польшей, Вадим Артемьевич весело помахивал не своим, а чужим крылом. И наши же зенитчики, не увидев на том крыле красных звезд, ничтоже сумняшеса сбили парня. Так на нём и пресекалась линия деда Артемия, а возможно, и помещика Зубова.

Столь нелепая смерть, конечно же, не может быть предметом усмешки, хоть и горькой, но как ни крути, нельзя не задуматься о том, что деду Ар-

темию аукнулась его работа в карательных органах. “Своя своих непознаша, своя своих побиваша”...

Дед Артемий держался молодцом почти до самой своей кончины, и лишь в последний их приезд к нам в гости обнаружилось, как резко он сдал. Он всё ещё старался сохранять благородную осанку и барственное выражение лица, но плечи его то и дело опадали, а на лице что-то подёргивалось, отчего глаза становились растерянными и виноватыми, будто человека разоблачили в какой-то подделке. И пахло от него теперь не только одеколоном, но и тем, что свидетельствовало о старческом недержании. За обедом он пил только привезённый им же самим греческий апельсиновый сок, салфетку заложил себе за воротник криво и пятую ложку супа пронёс мимо рта, отчего по щеке побежал суповый ручеек, а кусочек моркови влетел ему в нагрудный карман. После этого он от супа отказался, трясущейся рукой вытащил из кармана жилетки часы и выронил их; они повисли, болтаясь, на цепочке. Он втянул их обратно, забыв посмотреть, который час, и лишь пробормотал:

— Судари и сударыни...

После обеда он прилёг на диван и проспал целых три часа. Проснувшись, объявил:

— Давненько в картишки не резались.

Но карты вываливались у него из трясущихся пальцев, игра не шла, он путал масти, а тут ещё моя бабка возьми да и спроси его:

— Артюша, ты про всех знаешь... Помещика Зубова опосля революции куда определили? В расход?

Дед Артемий вдруг испугался:

— Какого Зубова? Не было никакого Зубова! Ты чевоёй-то путаешь... То есть не чевоёй-то, а что-то. Вот ты, Клавдия, в Москве больше тридцати лет живёшь, а так и не научилась правильно говорить. Надо не “опосля”, а “после”. Пожалуй, судари и сударыни, кончим игру: не идёт она чевоёй-то.

Покидая наш дом, он кинул взгляд на бабушкины иконы и совершил самое неожиданное — поднёс ко лбу сложенное в щепоть троеперстие! Тотчас спохватился, сконфузился, покраснел.

— Время... — пробормотал Артемий Степанович. — Приятно...

Вскоре мой дед ездил прощаться с братом в Тверь, а вернувшись, описывал солидные, почти правительственные похороны с несением орденов и медалей на красных атласных подушечках. Галина Сергеевна, как верная голубка, пережила своего мужа всего на пару месяцев.

Что бы там ни было, мне помнится, как в детстве я восхищался выправкой деда Артемия, запахом его одеколona, неторопливостью движений, правильной речью и хорошо поставленным голосом. Иногда, вспоминая его, я пытался изобразить нечто похожее.

Однажды я выступал на открытии сельской библиотеки, дарил свои книги и почему-то припомнил Артемия Степановича. И до моего слуха донеслось, как две старые женщины говорили между собой обо мне:

— Гляди, какой холёный, ну, чисто барин!

— А нам бы другого и не прислали. Выразили уважение.

Я потом долго всматривался в зеркало, но так и не увидел в своих чертах сходства с дедом Артемием. Облегченно вздохнул и перекрестился на икону.

КРЁСТНЫЙ

Раньше в деревнях детская смертность зашкаливала, и потому зачастую спешили окрестить младенца как можно скорее, а то, не дай Бог, уйдёт некрещёным. Вот и меня, хоть я и родился в городских условиях, бабушка Клава понесла совершать первое в жизни человека таинство, когда мне исполнилось всего две недели. Крёстной матерью стала ближайшая подруга мо-

ей мамы Тамара Васильевна Кондейкина, а крёстным — мой родной дядя — мамин брат Александр Тимофеевич. Как мне позднее рассказывали, во время крещения я проявлял невозмутимое спокойствие, не рыдал и не дрыгался, в отличие от множества иных подобных мне молодых, но, когда священник погружал меня в воду, я каким-то волевым броском умудрился цапнуть его за нос. Прощаясь со мной, батюшка заметил:

— Чадо благоразумное, но опрометчивое.

Мой дядя Саша уже тогда служил в органах госбезопасности, но ничуть не побоялся крестить меня, даже рассказал об этом одному из своих сослуживцев и вскоре был вызван на ковер к начальнику. Начальник относился к нему хорошо и потому просто спросил:

— Ты что, сбрендил? Лучше ничего не мог придумать?

— А что? — невозмутимо пожал плечами мой дядя Саша. — Крестить положено. Я, например, крещёный. А вы разве нет?

Начальник хмыкнул, помялся немного и сказал:

— Да хоть обкрестись, только не болтай об этом никому впредь!

Кстати, мне и имя дали в честь дяди Саши. Поначалу мама хотела назвать меня Юрой, как моего отца. Вот был бы я тогда Юрьюрич!.. Некое излишне юркое сочетание имени и отчества. Но, к счастью, увидев меня в первый раз, мама решительно отвергла возмутительную двойную юркость:

— Да нет, какой же он Юра! Типичный Саша.

Скорее всего это потому, что я напомнил ей не мужа, а брата, с которым она росла не разлей вода. Да и всю жизнь они оставались дружны. Старший их брат Фёдор Тимофеевич родился в 1923 году, Александр Тимофеевич — в 1928-м, а моя мама — в 1931-м.

Они ещё успели вместе походить в деревенскую школу, расположенную в пяти километрах от села Высоцкого, где жили с родителями. Дорога до школы лежала через реку Вязьму, и зимой лёд давал возможность немного сократить путь — не тащиться до моста. Однако весной дядя Саша провалился, и моя мама его вытаскивала. Самого-то вытащила, а валенок принял решение стать удобным жилищем для раков. Эти панцирные обитали в Вязьме в огромных количествах. Так дядя Саша и явился в школу в одном валенке, мокрый, продрогший, а потом ещё и обратно так пять вёрст отшагал. Увидев его одновалечную, отец, то бишь мой дедушка Тимоша, рассвирепел:

— А кому я говорил больше не ходить по льду? Март месяц. Пёс ты, рыщарь, после этого. Тащи ремень, Сашка!

А моя мама взяла вину на себя:

— Он и хотел через мост, это я его уговорила по льду.

И разделила с братом угощенье отцова ремешка. Дядя Саша потом мне часто об этом рассказывал:

— Вот какая твоя мамка-то.

Когда мне исполнился год, крёстный ездил далеко на северо-восток, на Колыму. На вопрос: “Зачем?” — он, естественно, отвечал:

— Колымить.

Но важно не это, а то, что с Колымы он привёз настоящего живого медвежонка! Мы тогда жили все вместе в одной комнате в метростроевском бараке: бабушка с дедушкой, мама, я, дядя Саша со своей женой тётёй Светой и их сын Андрюша, на семь лет меня старше. А тут ещё один жилец появился!

Кто ещё может похвастаться, что рос вместе с медведем? А я могу. Правда, это совместное произрастание оказалось недолгим. Мишутка рос в несколько ином направлении мыслей и вскоре стал кусаться. Сначала ему не понравилось, как с ним сюсюкает соседка, и он привёл чёткое доказательство, что он отнюдь не “холёсенский” и не “сляденький”. Потом хватанул Андрея, потом — самого дядю Сашу. И, не дожидаясь роста числа жертв, его свезли в зоопарк.

Зато потом мы ходили смотреть на него в клетке с надписью “Бурый медведь”. Мы звали его:

— Мишутка, Мишутка!

Угощали сахарком. И нам казалось, что он нас помнит и узнаёт. Хотя, скорее всего, тварь это была неблагодарная.

Поскольку я рос без отца, дядя Саша во многом мне его заменял. Быть крёстным он по-прежнему не боялся, говорил мне:

— Зови меня крёстненьким.

Я так и звал его. По религиозным понятиям настоящим крёстным его никак нельзя аттестовать, он о Православии не знал почти ничего и не мог обогатить меня нужными знаниями. Но Александр Тимофеевич жил по хорошим человеческим понятиям, а они и есть христианские.

Заботясь о племяннике, крёстный приносил мне подарки. В детстве я часто простужался и, разболеваясь, всегда знал, что дядя Саша обязательно раздобудет мне что-нибудь вкусненькое, например, мою любимую ветчину, такую, которую можно достать только в УпДК, где он и работал. Поначалу я думал, что там какой-то упадок, но не в смысле деградации, а в смысле, что там нечто с небес упадает, успевай только ловить. Потом мама объяснила мне, что УпДК — это Управление дипломатическим корпусом при Министерстве иностранных дел СССР. Крёстный служил там в разное время на разных должностях, но вообще-то он был кагэбэшник, следил за иностранцами и докладывал об их действиях. Долгое время крутил баранку в качестве личного шофера у представителя французской фирмы “Рено” и, как положено, докладывал начальству обо всех передвижениях своего мсье Бернара, но тому это никак не вредило, поскольку он не шпионил, а просто работал у нас в стране.

По утрам дядя Саша вставал пораньше, ехал в свой гараж и прежде, чем отправиться к мсье Бернару, заезжал за мной на великолепных иномарках, чтобы отвезти в школу меня и моих друзей — Нефёдика и Галкина. Для нас это, конечно, было особым шиком — с небрежным видом выкатиться из чрева “Рено” или “Вольво”, но чаще всего — из роскошного чудовища, которое называлось “Форд Таунус” и имело ярко-красное тело и чёрную крышу.

— У Сашки дядя в динкорпусе работает... Везёт дуракам!

Многие законы человеческого общежития я впервые познал с помощью своего крёстного. Вот один пример. Каждое лето мы отправлялись в деревню: я, бабушка, дедушка и Андрюша. Там мы жили в просторном доме двоюродного племянника моей бабушки — дяди Миши Петрова, егеря в охотхозяйстве. И каждое лето собиралась веселая ватага: помимо нас с Андреем, дяди Мишины Слава, Валера и Юра да ещё их двоюродный брат Колька. Так вот, в детстве я больше всего на свете любил яйца. В любом состоянии — вкрутую, в мешочек и сырые. И моя бабушка Клавдия Фёдоровна, зная сие пагубное пристрастие, тайком от остальной ребятни подкармливала меня свежими сырыми яйцами. Вставая всегда раньше всех, она первым делом отправлялась в курятник, приносила только что изготовленную несущими продукцию и пару экземпляров занюхивала для меня. Потом улучала момент и затаскивала меня куда-нибудь в укромный уголок:

— На-ка, унущек, скушай-ка иищко. У городе-то таких не поешь.

Однажды крёстный выследил нас и нагрянул с облавой в тот самый миг, когда я совершал преступное и оттого ещё более сладостное высасывание желтка. Первым делом я познакомился с силой его затрешины. Потом состоялся короткий товарищеский суд над бабушкой:

— А от тебя, мама, я такого, прости, не ожидал. Тебе стыдно должно быть воспитывать из внука морального урода.

Бабушке стало стыдно:

— Да иди ты у жопу! Учить меня уздумал!

Но дядя Саша продолжил расправу:

— Следуй за мной!

Он взял меня за ухо и повел в ещё более укромное место. Я едва не писнул в штаны, ожидая избиения. Мне не столько страшными казались побои, сколько то, что их произведёт мой любимый *крёстненький*.

Но он присел передо мной на корточки и внимательно посмотрел глаза в глаза. Потом произнёс:

— Пойми, дурачок, я в значительной мере отвечаю за то, каким человеком ты станешь. Отвратительно начинать свою жизнь с того, чтобы украдкой жрать яйца, принадлежащие всем поровну. Ты понял меня?

Я вскрикнул:

— Понял.

И почему-то виновато улыбнулся. Левая половина лица у меня пламенела после встречи с дядишашинной десницей. Он сказал:

— Прости, что пришлось тебя ударить. Так ты лучше запомнишь. Только не говори, что бабушка тебя заставляла жрать эти яйца.

Я чуть не разрыдался:

— Да ты чо, крёстненький! Нет, я сам её просил!

— Ну, ладно, замнём это дело.

Он обнял меня и отпустил, легонько шлепнув по тому самому месту, в которое недавно его самого откомандировала бабушка.

Крёстный одинаково был строг и со мной, и со своим сыном. Однажды мы там, в деревне, играли в футбол. Изваяли настоящее футбольное поле с разметкой, как полагается, сколотили ворота. Целый день трудились, и уже не терпелось начать игру. А тут ещё стадо коров во что бы то ни стало решило пройти именно через наш стадион. Пришлось несколько свежее испеченных коровьих блинов убирать. Наконец, начался матч. Андрюша поставил меня в наших воротах, и я очень быстро пропустил целых пять банок. Не дожидаясь шестой плохи, мой брательник удалил меня с поля:

— Пошёл отсюда!.. — и он добавил непечатное слово.

Я, обиженный больше даже на себя, чем на него, отправился в дом. При виде меня крёстный спросил:

— А ты почему не играешь в футбол?

— Потому что я... — и я произнёс применённый ко мне Андреем эпитет, не подозревая, что слово это — нецензурное. Мне оно казалось вполне основательным и заслуженным. Пропустил три гола — просто дурак. Пропустил пять — переходишь в иную степень дурасти.

— А кто тебя так назвал?

— Андрей. Я пять голов про...

Но не успел я договорить, как дядя Саша уже помчался к Андрею...

Благодаря крёстному я почти никогда не чувствовал, что у меня нет отца, а Андрюшу считал не двоюродным, а родным братом.

По-настоящему я понял, что за удивительный человек мой крёстный, когда умер его отец — мой дедушка Тимоша. В те времена Александр Тимофеевич и его жена Светлана Васильевна второй или даже третий год работали в ГДР. Андрей, уже семнадцатилетний, жил в Москве под присмотром моей мамы, учился в техникуме. И вот, находясь в городе Кёнигс-Вустерхаузене, дядя Саша узнал о смерти своего отца и тотчас к начальству:

— Прошу предоставить краткосрочный отпуск.

А начальство ни в какую:

— Что, там у вас в родне некому похоронить? Сейчас никак нельзя.

— А я говорю: должен ехать!

— Ишь ты какой! Пиши заявление и увольняйся, если так.

И он взял да и уволился. Бросил завидную работу в земле Бранденбург, собрал всё нажитое там имущество и вместе с женой прикатил в Москву, успев как раз к самым похоронам.

На кладбище он мне сказал:

— Теперь я в первом ряду обороны, а ты во втором.

— Как это?

— Ну, дед был в первом, теперь его не стало, я перехожу из второго в первый, а ты из третьего во второй. Понятно теперь?

Во время поминок меня дико смущал пакет с индейцами. Я сидел за столом на диване, а этот пакет, привезённый мне в подарок дядей Сашей, лежал у меня в тылу и грыз мне спину. Индейцы были из твёрдой резины, превосходно раскрашенные, в разных позах: прицелившийся из лука, с колена стреляющий из винчестера, ползущий с ножом в руке, скачущий на лошади, швыряющий томагавк, трясающий копьём, швыряющий с трубкой у костра и, конечно же, вождь в полном своём великолепном оперении... Словом, они не могли терпеть, пока окончится печальная церемония, шуршали целлофановой коробкой, в которой изволили приехать к нам в СССР, и в итоге оказа-

лись у меня под ягодицами. Один из них, по пояс обнажённый и с винчестером, проник мне тайком в руку, и я украдкой мог его разглядывать, пока мама не шикнула на меня:

— Побойся Бога!

Я виновато оглядел собравшихся за столом. И вдруг увидел глаза моего крёстного. Полные тепла.

— Да ладно тебе, Нин, — сказал он моей маме. — Отца всё равно не вернёшь. А парню индейцы...

За то, что он написал заявление и уехал из ГДР хоронить своего отца, Александра Тимофеевича уволили из органов. И два года он работал в нашем жэке — столярничал и слесарничал. При этом ничуть не огорчался и даже напротив:

— Давно мечтал! Надоело это УпДК.

Впрочем, через два года Комитету государственной безопасности снова потребовались надёжные и проверенные кадры, и моего крёстного пригласили вернуться. Сказали:

— Толковый ты мужик, такие на дороге не валяются. К тому же, наверное, одумался.

Куда тут денешься? Он вернулся. Однажды его даже поставили комендантом какой-то американской выставки, проходившей на ВДНХ, а в награду за хорошую работу выдали ценный подарок — ящик красивых полиэтиленовых пакетов с видами Нью-Йорка и Далласа.

Выпивку Александр Тимофеевич считал неотъемлемой частью повседневной жизни, но никто и никогда не видел его пьяным. Во время застолий, почувствовав, что принял лишнее, он просто находил, где прилечь, засыпал на пятнадцать-двадцать минут и вставал, как огурчик. Настоящий разведчик. Соседка по даче однажды придумала, будто видела, как он валялся в лесу пьяный, а по нему лягушки скакали.

— Мой Саша? Да ни в жись! — мгновенно встала на защиту своего сына моя бабушка. — Он ведро может выпить, уздремнёт малость и встаёт, как новенький. А ты сама-то рюмку опрокинешь, и по тебе уже каракадилы ползают.

Легендарная разведчицкая способность пить много и не пьянеть погубила дядю Сашу, когда в середине 1980-х скончалась его жена, которую он очень любил. Любовь свою он раньше никак особо не проявлял. Я не помню, чтобы он называл Светлану Васильевну зайчиком, пусенькой, звездочкой или хотя бы просто Светочкой, Светиком, Светланочкой. Исключительно Светкой. И даже мало того — ввиду особой полноты супруги нередко употреблял довольно обидное:

— А где тётя Слон?

Но когда жены не стало, он так загоревал, что принялся глушить тоску горячими вещами. Уехал на дачу с несколькими ящиками водки и неделю пил без продыху. Зная, сколько Александр Тимофеевич мог выпить, не пьянея, можно только с ужасом догадываться, в каких количествах он поглощал целебное снадобье, чтобы оно его проняло. Кончилось тем, что утром, проснувшись, он увидел в углу комнаты отнюдь не индейцев из твёрдой резины и превосходно раскрашенных, а такого же размера чёртиков — зелёных, резвых, юрких. Что они делали? Разумеется, бесновались. Строили ему рожи, огорчали похабными жестами, а главное — пищали и чирикали, как воробы.

Всё это он потом мне откровенно рассказывал, когда спустя год к нему вернулся дар речи:

— И представляешь, Санька, что же я тогда сделал? Я взял веник, совок, сгрёб эту нечисть и отнёс в кучу компоста. Выкинул, вернулся, налил себе стакан, собрался опрокинуть... И тут у меня лоб покрылся вот таким слоем пота. "Стоп, Саша! — сказал я себе. — Ты кого сейчас в компост выбросил? Примите наши поздравления, Александр Тимофеевич, вы допились до чёртиков!" А ещё говорят: их нету. Попей с моё — и увидишь. Теперь я точно знаю, Санька, что они есть. А значит, и Бог есть. И надо от них к Нему стремиться, вот что я тебе скажу, крестничек мой!

Испугавшись такой встречи с нечистью, дядя Саша сел за руль и поехал с дачи в Москву. Очнулся он внезапно и увидел, что едет по встречной полосе. Затормозил, съехал на обочину, и тут его арестовал инсульт.

В первое время после больницы дядя Саша не мог говорить, а в ответ на все вопросы плакал, виновато улыбаясь и моргая. Слезы текут, а он улыбается, будто ребёнок, которого застучали, как он пьёт сырое яйцо, принадлежащее всему коллективу.

За восстановление дяди Саши взялась тётя Зоя. Она жила в соседнем доме и давно мечтала о таком муже. Внешне Зоя Ивановна очень напоминала Светлану Васильевну, только несколько поменьше в размерах, и если ту называли “тётя Слон”, то эту можно было назвать “тётя Слоник”.

Хорошая, добрая женщина, она и впрямь всю себя положила на алтарь возрождения моего крёстного. Андрей жил с семьей на другом конце Москвы, я какое-то время ухаживал за дядей Сашей, но он явно нуждался в крепкой женской руке тётя Зои. Она обменяла свою однокомнатную и его однокомнатную квартиру на однокомнатную же, но чуть побольше, с огромной доплатой, которую пришлось выплачивать до конца жизни. Оформив брачный союз, Зоя Ивановна охватила весь массив знаний о том, как поднимают на ноги человека после тяжкого инсульта. И уже через год дядя Саша стал разговаривать и не плакать, а ещё через два — ходить вполне самостоятельно.

Я часто навещал его, тем более что жили они теперь с тётей Зоей прямо рядом с храмом Рождества Христова в Измайлове — тем самым, в котором давным-давно дядя Саша стал моим крёстным, а я цапнул за нос добродушного измайловского попа.

Зоя Ивановна обожала изобретать напитки собственного производства на основе спиртов. У неё были и приторно-сладкие, и такие, от которых скула сама собою уходила с запада на восток, а изредка получались и даже вполне приемлемые. Когда я приходил, она потчевала меня своими шедеврами. Бедный дядя Саша вынужден был на это смотреть. Да ещё время от времени укальваться о строгое тётизионо:

— Тебе, Сашочек, этого нельзя. Нельзя, миленький мой. Нельзя, голубчик, хоть ты тресни.

И он сидел, покрываясь серым налётом, покуда Зоя Ивановна не отлучалась по нужде или чтобы вытащить с балкона белого кота с отвратительным характером. В эти звёздные мгновения я стремительно наливал ему стаканчик, и он столь же стремительно его выпивал. А то успевали и два взять. Асфальт мгновенно спадал, лицо у крёстного становилось румяным и счастливым, а вернувшаяся Зоя Ивановна радовалась:

— Видишь, Сашочек, как ты разругался! Это на тебя болосы хуато такое оказывают воздействие. Кому что, как говорится. А нам с твоим крестничком Сам Бог велел. Давай, Сашунчик, наливай.

Она так и разделяла нас: он — Сашочек, а я — Сашунчик.

— Ну, как, Сашунчик, тебе моя полынная? Хороша? То-то же, не у Пронькиных. А Сашочку нельзя. Ни в коем случае нельзя. Даже вот столечко выпьет, и ему смерть мгновенная. Не я придумала. Врачи говорят.

И так под неусыпным присмотром Зои Ивановны мой крёстный прожил между первым и вторым инсультом целых пятнадцать лет. Несколько раз за эти годы она водила его в храм Рождества Христова.

— Да как исповедовался?... — задумывался дядя Саша над моим вопросом. — Грешен? Грешен. Грешен? Грешен. Вот и всё. А я и не возражаю, что грешен. Что ж возражать, если грешен. Хотя какой на мне такой грех, ума не приложу. Жил, людям зла не делал. Но исповедь, как говорится, есть исповедь. Пришёл — так не увиливай. Потом причащался. Вот бы тогда в органах узнали, что я причащаюсь! Смешно и представить. А помнишь, Санька, как ты попа за нос цапнул? Это ещё что! Мой Андрюха попа и вовсе струей окатил. Тот очень сердился. А на тебя нет.

Тема работы в органах печалила дядю Сашу:

— Отдыха не знал. А какова теперь благодарность? Эти копейки? Лучше бы я всю жизнь столяром работал, плотником, слесарем. А ещё лучше — в деревне...

Когда крёстного взял под арест второй инсульт, он уже не оправился, несколько дней был без сознания, никого не узнавал и только звал какую-то Любу.

— Сашунчик, не знаешь, где эту Любу разыскать? — спрашивала Зоя Ивановна. — Чудно, ей-Богу! Я у него Зоя. Та жена была Света. А он не меня, не её не зовёт, а только: “Люба! Где Люба? Позовите Любу!” Я бы ему её привела, лишь бы только Сашочек мой выздоровел.

Я обзвонил всех, кого только можно. Никто не знал никакую Любу. Так и ушла эта тайна вместе с моим крёстным, а я из второго ряда обороны перебрался в первый.

“ДУЕТ-ДУЕТ ВЕТЕРОК...”

Отец работал в такси. Иногда люди у него в машине что-то забывали, и он привозил эти находки мне в подарок на день рождения 12 июня, или 12 сентября, или 12 марта. Он помнил, что 12, но всякий раз забывал, что я родился 12 апреля. Конечно, трудно запомнить День космонавтики...

— А почему ты меня называешь Сашей, а не Васей? — спросил я как-то в очередной такой раз.

— Какой же ты Вася?

— А какой же мой день рождения — 12 января!

Однажды он подарил мне классные “Командирские” часы, и хотя они были не новые, я с гордостью носил их. Забегая вперёд, надо сказать, что много лет спустя я потерял эти часы на даче у Станислава Юрьевича Куняева на грядке. Часы пролежали под снегом всю зиму, весной Куняев нашёл их, встряхнул — и секундная стрелка пошла, сделала десять шагов и отвалилась. Но ведь пошла!

В другой раз подарком из такси стала шариковая ручка с двенадцатью стержнями разных цветов, толстая такая. Отец уверял, что она новая, да вот только чёрный и синий стержень оказались уже израсходованными. Ну и что! Зато ни у кого из моих друзей в шариковых ручках не было жёлтого, оранжевого, коричневого, ярко-красного, тёмно-красного, голубого, фиолетового, серого, салатного и изумрудного.

Словом, я всё равно прощал отцу разные неточности и небольшие промахи. Потому что он был весёлый. Даже моя бабушка, называя его баламутом и осуждая за развод с моей мамой, веселилась, когда он приходил изредка к нам в гости, неизменно в приподнятом настроении, слегка ветреный, с беспорядком в причёске, всем своим видом показывая: “Что бы ни происходило, мне всё *парапллю*”.

Вообще-то “парапллю” по-французски “зонтик”, но отец подарил этому слову иное значение, в котором пара пустяков смешалась с плеванием.

Если что меня и раздражало в отце, так это его любимая дурацкая песенка из репертура Юрия Визбора:

*Дует-дует ветерок, ветерок, ветерок,
Поддувает ветерок, ветерок, да!*

К тому же, и мама, страдая меня отцом, нередко говаривала:

— Будешь плохо учиться, окажешься, как твой отец, не пришей кобыле хвост. Всю жизнь за баранкой. *Дует-дует ветерок...*

История их взаимоотношений и моего появления на свет была сложная. Мама родилась в деревне, потом вместе с отцом, матерью и двумя братьями перебралась в Москву. Мой дед строил метро и бункер Сталина в Измайлове, бабушка работала на заводе. Старший брат мамы Фёдор Тимофеевич пропал без вести в 1941 году в Вяземском котле. В войну жили трудно, голодно. Дед до 1943 года находился в резервных войсках. Вернулся оттуда ис-

худавший — резервных-то почти не кормили. И в Москве житьё было не лучше. Бабка вспоминала, как она ездила в Подмоскowie на картофельные поля, собирала то, что было недоубрано, а за это могли и арестовать. Однажды её милиционер застукал.

— И как на грех, я целых полмешка картошки насобирала. Радуюсь, а сама трушу: не к добру такая удача. Не радуйся нашедчи, не плачь потерявши. И точно. Хорошо хоть, милиционер добрый попался. Картошку всю фисковал, а меня отпустил, — рассказывала моя бабушка Клавдия Фёдоровна.

— Мама! Не фисковал, а конфисковал, — как обычно, поправляла её моя мама.

— Ну, конфисковал. Отобрал, короче говоря.

Отец родился в Москве, хотя его родители происходили из западных мест России. Мой дед по отцу Лука Епифанович говорил:

— Я появился на свет в деревне Девятки, Пружанского уезда, Гродненской губернии, царства Польского, Российской империи.

Он был белорус, хотя его дед происходил из Венгрии и до принятия Православия именовался Иштваном, а покрестившись стал Степаном. И если в моём деде Луке Епифановиче прочно сидело белорусское спокойствие, скромность и даже застенчивость, то в моём отце через три поколения выскркнулась венгерская удаль, весёлость и бесшабашность, воспринимаемая иными как дурь.

— Ох и болмут ты, Юрка! — говорила ему моя бабка с тёплым укором. — Ты когда-нибудь-то хоть угомнишься, бестолковый?

— Только когда моя карусель закроется, — отвечал он.

Кстати, он и моя мама познакомились как раз на карусели. Мама училась на курсах стенографисток при Верховном суде СССР, а по выходным подрабатывала в Измайловском парке, куда отец постоянно шастал в поисках приключений, играл на бильярде, кутил с дружками, знакомился с девушками.

— Иду как-то и думаю: “Чего это я такого выпил, что у меня двойтсся?” Передо мной две красотки, походочка, всё такое, и абсолютно одинаковые. Стройные, высокие, подтянутые. *Дует-дует ветерок, ветерок, ветерок...* Я между ними и нырнул: “Позвольте вас раздвоить!” Смотрю направо — красавица. Смотрю налево — точно такая же. Оказались близняшки, Нина и Люся. Мои самые любимые имена. Баскетболистки из “Динамо”. Это меня и погубило. Не мог выбрать, которая мне больше нравится. Не брать же обеих! А потом прихожу с ними на каруселях покататься и вдруг увидел твою маму. Красавица, хоть сейчас бери и в кино снимай. Говорю: “Девчата, простите, но вам надо близнецов себе искать”.

В тот день он порядочно выиграл на бильярде, чувствовал себя в кураже и, дождавшись, когда карусель станут закрывать, явился с букетом цветов, пригласил мою маму кататься на лодке и в тот же день объявился ей в любви. В те времена его отчислили из одного института, он готовился поступать в другой, на “Мосфильме” подрабатывал в массовке и даже сыграл пару эпизодических ролей. В одном фильме — идейного комсомолиста, гневно выступающего на собрании, в другом — прощельгу, цепляющегося к девушкам, что ему было ближе и получилось куда лучше. С ним вместе пытались войти в мир кино два приятеля, Женя и Саша.

— Твоему отцу по артистизму они в подмётки не годились. Я сама на этот артистизм клонула. И на остроумие. Все считали, что у Юрки большое будущее в кино, а Женя с Сашкой так в массовке и затеряются. Однако они вон во скольких фильмах сыграли, хоть и в эпизодах, а лица узнаваемые. А твой отец где? *Кренче за баранку держись, шофёр!* — вот где.

Это мне мама говорила иногда, когда в кино мелькали Женя или Саша, довольно известные советские артисты. Во всяком случае, их фотокарточки можно было купить в киосках “Союзпечати” в серии “Актёры советского кино”, а от моего отца осталось только несколько красивых мосфильмовских снимков, где он в пробах на роль продажного итальянского журналиста.

Его актёрские дарования проявились и во множестве любительских снимков, где он стоит вверх ногами на фургоне грузовика, ловит рыбу в об-

лике Робинзона Крузо, просит подавание, втянув в себя и без того худые щёки, участвует в повседневной жизни стаи бродячих собак или, забравшись на дерево, показывает, как жили наши далёкие предки, разоблачённые теорией Дарвина. Но дальше этого карьера артиста не заладилась и с годами фраза: “Юр, тебе бы в актёры” — воспринималась им болезненно, хотя он не показывал виду:

— Я уже там был, ничего хорошего. Артисты всё равно, что крепостные крестьяне, а я человек вольный.

В итоге вольный человек не стал знаменитостью, не получил никакого высшего образования и, женившись на моей маме, сделался водителем. Сначала в Москве, потом — дальнобойщиком. И ему это нравилось.

— Люблю дорогу! Люблю разные виды природы, неожиданные встречи с хорошими людьми. Простые люди интереснее знаменитых и избалованных. Мне подлецы редко попадаются. Один раз только остановили грабители. Тормознули. “Открывай, что там везёшь, какой груз?” Я: “Самому интересно. Только, братцы-кролики, открывать не советую. Там такие приборы, что если вскрыете, у вас через час ваши приборы почернеют, а потом отвалятся. Жаль будет ваших жён”. Хорошие ребята оказались. В благодарность только деньги у меня отобрали, пинка дали и отпустили, а могли бы и кокнуть, дорога пустая стояла.

Быть может, если бы у моих родителей было отдельное жильё, всё сложилось бы иначе. Но отец проживал в коммуналке, в одной комнате со своими родителями. Мама и того хуже — в метростроевском бараке в одной комнате со своими родителями, братом Сашей, его женой Светланой и их сыном Андрюшей. Спали за ширмочками. Там же потом и я появился на свет.

Наверное, мама всё чаще думала об отце как о неудачнике, который не может использовать свои дарования, выбиться в люди, обрести для них отдельное жильё. Её сердило, что он не просто не может, а не особо старается улучшить условия их совместной жизни. Начались ссоры, потом — скандалы, потом — разрывы отношений, становившиеся всё продолжительнее и продолжительнее.

В последний раз они сошлись, чтобы сделать меня.

Стояло лето 1958 года. Во Франции начиналась Пятая республика, в Венгрии повесили убийцу царской семьи Романовых Имре Надя, на Кубе шла революция под руководством Фиделя Кастро, а мой отец повёз моих дедушку, бабушку и маму в их родные смоленские места на отдых. Они с мамой помирились.

— Навсегда-навсегда!

— И как будто никаких ссор никогда не было.

Это они оба мне потом в разное время рассказывали, что тот июль 1958 года был у них самый счастливым в жизни. Они гуляли по окрестностям, мама показывала отцу все заветные места своего детства, вечерами они сидели у костра, по ночам на сеновале от заката до рассвета делали меня, и наверное, отец часто напевал свою другую любимую песенку, которую пел в минуты особого восторга перед непобедимой радостью жизни:

*До чего же хорошо кругом!
Тада-рида-тада-ри родимый дом,
Эта радость золотая,
Это ты, страна родная,
Прямо в речку кувырком, кувырком!
До чего же хорошо кругом!*

Слова там в той песне не совсем такие, но отец пел именно так и никогда иначе. Потому что ему и так было хорошо. Грустных песен он никогда не пел, “Чёрного ворона” на дух не переносил. “Из-за острова на стрежень” его просто бесила:

— Ну, выкинул бы в Волгу всё золото награбленное, а княжну-то с какого такого бодуна погубил? Событьльнички возбухнули? Ну, взял бы, прича-

лил к берегу да и выпустил в лесочек. Она бы на дорожку вышла, а её какой-нибудь хороший дальнбойщик подобрал. Которые из варяг в греки шастали.

Зато “Дует-дует ветерок” и “До чего же хорошо кругом” были его национальными гимнами.

В то же лето они расстались. Навсегда-навсегда. Причину я так и не узнал. Ни от мамы, ни — позднее — от отца. Когда я родился, отец во время очередной дальнбойной поездки познакомился в Хабаровске с другой женщиной, развёлся с моей мамой, женился во второй раз, и у него родилась дочь. Вторая жена заставила его забыть про дальнбойство, и он стал таксистом. Сменил просторы великой страны на просторы и закоулки великой столицы. И ему понравилось. Человек талантливый, он не только изучил Москву досконально, но знал, кто где живёт, кто где бывает, кого и куда отвезти. Разумеется, речь идёт об известных и знаменитых жителях. К примеру, он рассказывал:

— Проезжаю мимо редакции “Нового мира”. Стоит главный редактор, ловит такси, а сам вот такошенький. Сажая. “Домой!” И сразу засыпает. Везу его домой. Открывает глаза. “На дачу!” Везу его на дачу в Абабурово. Открывает глаза. “Куда мы едем?” — “Ездили домой, теперь на дачу”. — “А ты откуда знаешь, где у меня дача?” — “Ну, ты же Тёркина написал. “Переправа, переправа, берег левый, берег правый”. Каждый уважающий себя таксист это знает. Мы твоё творчество ценим”. Глазом так на меня косится, а сам, видно, доволен. Они любят, когда их ценят. Приезжаем на дачу. “Домой!” Едем опять в Москву. “А тебя, часом, не Машка послала?” — “Нет, Мария Илларионовна тут ни при чём”. — “Ты подозрительный таксист. Откуда всё знаешь?” — “Так жить интереснее. Да не бойся, я всё понимаю. Мария Илларионовна просила водителя тебя домой доставить, а ты в таком виде появляться не хочешь. Вот и ездим домой — на дачу — домой. Подъезжаем. Опять на дачу?” — “На дачу!” У него же дома — жена, на даче — тёща, или наоборот, от обеих достанется. Вот и ездит, трезвеет. “Стой, — говорит, — писить хочу”. “Делай, как я!” — говорю. Выволакиваю его из машины, становимся оба перед бампером, я капот открываю: “Делай вид, что мы оба в моторе копаемся, а сам на бампер ссы себе сколько влезет”. Оба отлипли, вернулись в машину. Он: “Уважаю я таких представителей нашего великого народа. С их неиссякаемой смекалкой”. А я ржу: “Как говоришь? С неиссякаемой?” Он тоже ржёт. Деньги отвалил мне порядочно. Привёз я его после очередного туда-сюда вполне уже в дипломатическом виде.

Думаю, если бы моему отцу довелось хоть однажды встретиться со многими персонажами серии “Жизнь замечательных людей”, то все эти встречи имели бы примерно такой же вид, и редактора книг о великих людях сталкивались бы с затруднением, вставлять ли подобные эпизоды в солидное издание. Кроме автора поэмы “Василий Тёркин”, в его такси попадали и другие знаменитости, и все они почему-то оказывались в определённом смысле хорошо подготовленными к встрече с моим отцом, а Юрий Лукич проявлял к ним должную заботу и внимание, за что удостаивался не только лишних чаевых, но и памятных значков, авторучек, брелков и всяких подобных безделушек, которыми не жаль отблагодарить хорошего человека.

— Я ему говорю: “Аркадий Исакич, вам же нельзя, у вас же сердце, а вы — в греческом зале, в греческом зале... Ну, разве так можно?” — “Нельзя, говорит, голубчик, нельзя! Но ведь кругом враги, завистники, так и хочется иной раз расслабиться”. Галстук-бабочку мне подарил. А на хрена она мне, я и такие-то галстуки не ношу. Соседекому коту привесил на шею.

Ни в коем случае нельзя в точности доверять рассказам моего отца о великих людях страны. Вполне возможно, что он всё это выдумал. Сам не попал в знаменитости, так кичился тем, что возит их пьяными, и общаться с ними для него — *параплюн*.

Но в том, что он действительно знал каждый московский закоулок, мне доводилось не раз убедиться воочию. Таких таксистов сейчас уже не бывает, а тогда они водились в Москве, составляя особую касту. При этом они презирали, скажем, тех, кто возит пассажиров только с вокзалов или из аэропортов, называя их *чемоданниками*. Презирали также и *пиджаков*, то бишь

тех, кто сажал к себе в машину только богатых клиентов, умея их миглом распознавать на улице. Несколько раз, ездя с отцом на его такси, я становился свидетелем того, как легко он прощал пассажирам, если у них не хватало денег, чтобы расплатиться.

Но это было уже тогда, когда я подросток, а с детства и до смерти мамы общение моё с отцом случалось редко, раз или два в год, а то и реже. Стыдно вспоминать, но однажды я вообще не впустил его в дом. Вот как это было. Мама долгое время не оставляла надежды найти себе хорошего мужа, а мне — отца. Трижды у неё появлялись мужчины, с которыми она намеревалась создать новую семью. Но все они пребывали в браке и в какой-то несчастный день признавались маме, что не могут уйти из той семьи. Однажды, после второго крушения надежд, мама горестно сказала:

— Видно, сынок, не будет у тебя папки.

Я тогда уже учился в третьем классе и сказал:

— У меня есть папка! — И принёс маме картонную папку для тетрадей. Этот остроумный жест мне до того понравился, что когда через некоторое время Юрий Лукич явился проведать сыночка, я спросил его нагло:

— Простите, а вы кто?

— Здравьёте! Я так, так изменился? Это же я, твой папка!

— Простите, но у меня уже есть папка.

— Уже есть? — растерялся он.

— Минуточку, — сказал я, оставил дверь на цепочке, сбегал за папкой и показал ему:

— Видите, написано: “Папка для тетрадей”.

— Ну, ты даёшь, ханурик! — усмехнулся отец. — Остряк-самоучка! Весь в меня. Ну, ладно тогда, покедова!

Когда мама пришла с работы и я весело поведал ей об этом, предвкусывая, как она обрадуется, то внезапно ударился о стену:

— Это очень плохой поступок. Я тобой очень недовольна.

— Как? А разве ты сама...

— Я могу на него злиться и что-то сказать о нём обидное, но ты не имеешь права. Это твой отец. Каким бы он ни был. К тому же, он вообще-то очень неплохой человек. Просто мы с ним не пара. Запомни: отец — это такое же святое понятие, как и мать. Кто начинает с пренебрежения к родителям, тот плохо кончит. Зарубил?

— Зарубил.

— И ещё: он не такой уж и ветродуй, каким может показаться. Да, он не попал в артисты, и это его подкосило. Но ещё раньше он пережил другое сильное разочарование.

— Какое?

— Он с детства мечтал о небе.

— О небе?

— Да, готовился в лётчики со школьной скамьи. А его забраковали в лётное училище. Из-за плохого зрения. Он очень сильно переживал.

Потом, когда после смерти мамы мы с ним по-настоящему подружились, отец рассказывал мне, как действительно горел мечтой о небе, знал всё об авиации, хотел быть военным лётчиком, но его срезали из-за близорукости:

— Я, Санёк, таблицу Головина-Сивцева до сих пор наизусть помню. Назови любую строку. Четвёртая снизу: бэ-кэ-шэ-мэ-и-ы-эн. Третья снизу: эн-кэ-и-бэ-мэ-шэ-ы-б. Даже самую маносенькую, которую в принципе можно было и не знать, нижнюю: ы-и-н-кыньб. Она, кстати, такая же, как и вторая снизу, зачем-то. Дурни эти Головин и Сивцев! Словом, наизусть знал. Вот давай сейчас в оптику заглянем, проверим.

— Да не надо...

— Как это не надо! Будешь потом всем рассказывать. Спросят: “Сам видел?” — “Нет, со слов отца”. — “Сам ты с ослов! — скажут. — Юркиным ослам верить нельзя, известный был брехун”. А ты им: “Нет, сам видел”.

И мы шли в подвернувшуюся оптику, где отец становился далеко, а я поближе, и он действительно без очков назубок шпарил все эти буквы, складывающиеся в некие зловещие слова.

— Вот так, брат! — ликовал отец, и мы ехали дальше. — Так вот, вдобавил я в себя навеки эту таблицу и думал, ну, теперь мне поступить в лётное училище — *параллюи*. Зрение-то было главным и единственным препятствием, в остальном я был подкован, как конь. И что ты думаешь? Как надо мной посмеялась злодейка судьба?

— Не знаю.

— А вот как. Мне-то, когда сказали выучить таблицу, я и не подумал, что их две. Одна — обычная, которая в каждой занюханной поликлинике, а вторая — заковыристая. На ней не буквы, а баранки такие с выемками, и надо отвечать, где выемка, снизу, сверху, справа или слева. Я как глянул, а там самая верхняя строка не шэ-бэ, а два надкусанных бублика, один слева надкусан, другой — справа. Две первые строки я ещё хорошо вижу, третью сверху уже с трудом, четвёртую с большим сомнением, а ниже совсем труба. Мне говорят: “Смотрите на третью строчку снизу и называйте, где в кольцах проёмы”. Я ещё на дурика пытаюсь угадать: “Снизу, сверху, слева, опять снизу, справа”. Вдруг повезёт! Хренушки, всё неправильно. “Пятую снизу”. Опять на дурика пытаюсь угадать, и опять в молоко. Капец тебе, Юрий! Если пятую снизу не видишь, это уже точно забракровка. А они ещё издеваются, говорят: “Хотя бы четвёртую сверху можете распознать?” А я уж тут тоже с издёвочкой: “Бэ-ы-нэ-кэ-мэ!” Они ржут, ясный перец, что я не ту таблицу вызубрил. Предлагают идти в авиамеханики. Но я заартачился. Какое, если я небом грезил! Так меня эти надкусанные баранки неба лишили. И в итоге оказался я за баранкой.

Помню, когда он мне это рассказал, то очень сильно огорчился, я впервые видел его невесёлым, поникшим. Он рулил, глядя с тоскою на дорогу, и мне захотелось его утешить.

— А знаешь, пап, я в детстве очень любил песню “Крепче за баранку держись, шофёр!” И всегда, когда её слушал, то о тебе вспоминал.

— Ври больше!

— Да почему ври-то? Честное слово!

— Приятно.

— И ещё, пап... Давно хотел у тебя попросить прощения...

— Вот те нате, хрен в томате! Это ещё за что?

— Помнишь, я тогда не пустил тебя? Сказал, что у меня уже есть папка.

— Смутно, смутно...

— И ещё папку для тетрадей тебе предъявил, сволочь.

— Да, это ты тогда остроумно придумал.

— Меня тогда мама сильно отругала за это.

— Нинка? — Отец улыбнулся. Его явно отвлекло от тяжкого воспоминания — и то, что я песню про баранку любил, и что каюсь, и что Нинка отругала наглого сыняру.

— Прости, отец.

— Ладно уж, прощаю. И хватит тут прости-процаи устраивать. Я тоже перед тобой виноват, что ты рос без отца. Сейчас только и подружился мы с тобой, когда Нины не стало...

Удивительно то, что когда мама заболела, её положили лечить в знаменитый центр на Каширке, и заведующей отделением, в котором мама лежала, оказалась не кто иная, как одна из сестёр-близняшек, за которыми накануне знакомства с мамой ухлёстывал отец. В молодости они обе были баскетболистками, но если Нина сделала звонкую спортивную карьеру, а затем стала и знаменитым спортивным телекомментатором, то её сестра Люся пошла по медицинской стезе, стала крупным онкологом в крупнейшем центре Блохина. Вот как причудливо порою сводит людей судьба!

Маму хоронили летом и, как нарочно, в день рождения моего отца. Не думаю, что она так отомстила ему. Во время поминок мы с отцом вышли во двор, и он сказал:

— Если бы ты знал, какая у нас была с Нинкой любовь! Жаль, что всё так получилось. Давай теперь хотя бы друг друга держаться. Договорились?

— Договорились.

Так мы стали дружить с ним, когда мне уже исполнилось двадцать че-

тыре года. К тому времени он развёлся и со второй женой, жил в Бирюлёво в однокомнатной квартире вместе со своей мамой, моей бабушкой Софьей Афанасьевной, которую я очень не любил. Я знал, что когда отец повстречал мою маму, бабушка была против этого брака, считала, что её Юрочка станет знаменитым артистом и найдёт себе кого-нибудь получше. А я для неё был неким *незаконным формированием*.

— Конечно ж, куда ж нам, мы сиволапые, — говаривала моя другая бабушка, Клавдия Фёдоровна. — Мы мятро строим, на заводах работаем, в прислугах у богатой сволочи не гнём спину.

Софья Афанасьевна и впрямь работала прислугой у разных московских вельмож, некоторое время даже у одного знаменитого писателя. Этот инженер человеческих душ в двадцатые годы предсказал ядерную бомбу и бомбёжку Хиросимы, во время войны призывал кастрировать немцев, а затем придумал название для целой эпохи советской истории — “хрущёвская оттепель”. Но моя бабушка Софья Афанасьевна на все эти заслуги закрывала глаза, поскольку в её памяти он остался деспотом, который относился к своей многочисленной прислуге, как барин к крепостным крестьянам.

— Только что не продавал нас другим таким же помещикам, — говаривала она.

Впрочем, бабушке по отцу я никак не сочувствовал, потому что она всегда была какая-то нелюбезная, ей всё не нравились. Подождёт губки и смотрит с презрением, хоть ты ей сын, хоть ты ей внук, хоть ты ей Генеральный секретарь ЦК КПСС. Включит телевизор, увидит Брежнева — её и от него воротит:

— Блям Блямыч! В магазинах жрать нечего, а он всё “блям-блям”.

Отец станет что-нибудь рассказывать, ей опять тошно:

— Ты, Юрка, типичный Блям Блямыч. Нет бы всё по-серьёзному, а ты всё “блям-блям, блям-блям”!

Муж Софьи Афанасьевны, мой дед по отцу Лука Елифанович, всю жизнь её терпел. В молодости он работал в НКВД, потом ушёл из органов по собственному желанию и более значительную часть жизни работал краснодеревщиком. Первая моя хоккейная клюшка была сделана для меня им собственноручно. После смерти Сталина он по собственному желанию вышел из партии, и никто его за это не покарал. Какие у них с Софьей Афанасьевной были отношения, я не знаю. Могу судить лишь по одному моему наблюдению. Перебирая альбомы с фотографиями, я заметил, что в тридцатые и сороковые годы, фотографируясь на общих санаторных снимках в каких-нибудь Гаграх или Пицундах, они стоят рядом. В пятидесятые — порознь, а в шестидесятые — и вовсе в разных концах фотографий. К старости Луку Елифановича стали мучить нестерпимые головные боли, от которых он пытался спастись на балконе, стоя там на свежем воздухе. И однажды он с балкона упал. Возможно, случайно. А быть может, подобно тому, как он ушёл из органов, а затем из партии, точно так же он ушёл и из жизни — по собственному желанию. Хотя не хотелось бы в это верить.

— Это Сонька его довела, — говорила моя бабушка Клавдия Фёдоровна. — Она всегда ему, бывало: “Помалкивай! — да — Помалкивай!” Как будто мужики для того и нужны, чтобы помалкивать. Хотя, греха на душу брать не хочу, может, он и нещаянно свалился.

Сама же Софья Афанасьевна покинула сей мир весьма своеобразно, и её уход, наконец, заставил меня если и не полюбить отцову мамашу, то хотя бы зауважать её.

Она славилась своими изумительными пирожками с капустой. И вот однажды, хотя никакого праздника не предвиделось, она вдруг затеяла печь эти пирожки. И напекла их чуть ли не тысячу! Разложила по всей квартире, выключила духовку, прилегла на диванчик и тихо скончалась. Когда люди пришли на поминки, ели пирожки и нахваливали.

— Прямо во рту тают!

— А кто напёк-то?

— Да сама покойница и напекла.

Вот так. Сама свои собственные поминки пирожками обеспечила. Это поступок!

На похоронах бабушки я заново познакомился со своей сестрой Светой. То есть в детстве мы несколько раз с ней знакомились, потом лет двадцать не виделись, и вот — увиделись уже взрослыми.

— Эх, бабулечка-красотулечка, — вздыхала Света, но без трагизма, а так, будто Софья Афанасьевна не умерла — просто случайно провалилась в люк канализации, из которого её нужно извлекать, претерпевая трудности. Да, собственно, никто особо и не рыдал, включая моего отца, который весело вспоминал, как она их обоих с Брежневым именovala Блям-Блямычами. Он поднапился и, забывшись, даже принялся было напевать:

— *Дует-дует ветерок...* — но вовремя спохватился.

Кстати, я, между прочим, настоял, чтобы Софью Афанасьевну отпели, и отец охотно согласился, хотя никогда особо не проявлял любви к Церкви. Единственно, что у него на передней панели в его “Жигулёнке” была прикреплена иконка Николая Угодника рядом с медалями, которыми моего Лукича награждали на соревнованиях лучших водителей столицы. Отпевание проходило в храме на Соколе, и отец тогда проникся, сказал мне “спасибо”.

Потом мы ещё больше задружились, часто вместе смотрели футбол, особенно матчи чемпионатов мира и Европы.

Лето 1986 года, Мехико оочента и сейс, наша блистательная сборная, которая в первом этапе разгромила венгров 6:0, легко обыграла канадцев 2:0, сыграла вничью с французами 1:1 и заняла первое место в группе, но в одной восьмой финала трагически и несправедливо проиграла 3:4 бельгийцам... Великолепный финал того чемпионата, в котором марадоновцы Карлоса Билардо со счётом 3:2 обыграли немцев Франца Беккенбауэра, мы с отцом пылко смотрели вместе на даче у его тогдашней подруги.

Эта сильная женщина была вдовой полковника, но отец звал её Генеральшей. Она отличалась радушием, теплом и одновременно властностью. То есть любила угостить, охотно выпивала с нами, хохотала, подпевала, но при том употребляла приказные формы общения:

— Марш за стол! Ешь без разговоров! Нали-и-вай! Анекдота хочу. Что значит “наелся”? Отставить! Вон, сколько всего наготовлено. Нали-и-и-вай! Эх, хорошо! Ну, скажите же, что хорошо! Песню! Лукич, немедленно скажи, что любишь!

Отцу тогда исполнилось пятьдесят четыре года. С Генеральшей ему было и хорошо, и страшновато. Она мяла его в лапах своей бешеной любви, перебрасывая с ладони на ладонь, как только что вынутый из лузы бильярдный шар. Он, как ребёнок, которого щекочут — и смеётся, и боится щекотки, и хочется удрать, и хочется, чтобы ещё пощекотали. Полагаю, с ней он был бурно счастлив, как пленник, сбежавший на углу судёнышке от своих поработителей и попавший в бушующее море, в котором вот-вот погибнет.

Я видел, что их счастье не может продолжаться долго, что произойдёт некая трагическая или комическая развязка. И не ошибся. Развязка оказалась одновременно и трагической, и комической.

С отцом долгие годы дружила хорошая, тихая и скромная женщина Люся, чем-то даже похожая на мою маму. Она не ладила с мужем, но имея верный нрав, стойко не изменяла ему. И в тот роковой день, как уверял меня отец, между ними тоже ничего не было, но зачем-то — шут его знает, зачем! — Юрий Лукич привёз Люсю на дачу к Генеральше.

Хотя, погодите, если уж на то пошло, у отца был день рождения, а Генеральша ни с того, ни с сего:

— Сестру давно не видела. По сестре соскучилась. Съезжу-ка к ней в Волгоград.

И уехала. Отец обиделся. Что, нельзя было в другой день по сестре соскучиться? Конечно, обидно.

Так получилось, что никто, кроме Люси, на тот день рождения не смог приехать. Я был в отъезде, Света тоже, и друзья не смогли. Вечером Генеральша, которая, конечно же, ни в какой Волгоград не уехала, а по своей ревнивой дурости ронсила Лукича проверить, подкралась, заглянула в окно и увидела, что он сидит вдвоём с Люсей за столом, они выпивают и весьма оживлённо беседуют.

От ревности Генеральшу потянуло на подвиг во имя любви, пусть даже на подвиг со знаком минус. Она тихонько заперла дверь снаружи, облила со всех сторон дом бензином и подожгла.

Дом вспыхнул, как её ревнивое сердце. Но из Лукича не получилось Джордано Бруно, а из Люси — Жанны д'Арк. Мой отец высадил окно, выскочил наружу и, пока Генеральша лупила его по спине черенком от лопаты, помог выбраться Люсе. Далее они вдвоём тушили пожар, а Генеральша упала на грядки и рыдала:

— Гори всё пропадом! Изменщик! Не нужна мне такая любовь!

Прибежали соседи, помогли потушить пожар. Лукич и Люся прыгнули в “Жигулёнок” и — *дует-дует ветерок, ветерок, ветерок, поддувает ветерок, ветерок, да!*

— Поверишь, Санёк, впервые в жизни я из-за этой ревнивой фурии пьяным за руль сел.

Отец действительно никогда не водил машину, если выпьет хотя бы пол-стакана пива, не говоря уж о более значительных дозах алкоголя. Это тоже стало одной из составляющих общей обиды на Генеральшу. Первое: у него с Люсей ничего не было и не намечалось даже. Второе: Генеральша сама уехала в Волгоград в день его рождения. Третье, а по-моему мнению, первое: поджигать живых людей — это как, по-вашему? Четвёртое: а если бы они спали? Пятое: Люся после того случая с ним перестала дружить. Шестое: пьяное вождение...

— А прикинь, если б я человека сбил ко всему прочему? Ну, и денёк вышал! Вот так отметил я свои две пятёрочки!

Генеральша стала отца преследовать, уговаривая всё забыть и начать любовь с начала. Но мой отец, в общем-то, человек отходчивый, тут проявил стойкость и упрямство накрепко обиженного индивидуума.

— Нет, Санёчек, даже и не думай. Любовь у нас была сильная, не скрою. Но мохнатая. Я знал, что добром не кончится. Генеральша — она и есть Генеральша. Ей тысячу солдат на верную смерть послать — *параллюи*. Я и жил с ней, как будто под огнём из *сотен тысяч батарей, за нашу Родину, огонь, огонь!* Вот огнём всё и обернулось. Ты только представь, как всё вспыхнуло, как я дверь рванул — она заперта снаружи, а в окнах — её рожжа беснующаяся. Я в окно, а она меня — лопатой по спине, да со всей силы. Пока Люську вытаскивал, раз двадцать меня прилопатила. Хорошо, не самой лопатой, а только черенком. Страшнейшее воспоминание моей жизни. Как будто в огненном Сталинграде побывал.

Видя, что Лукич возврата любви не ищет, Генеральша совсем оборзела: подала на него в суд, будто это он её дом подпалил. Выручило то, что с соседями у неё за долгие годы не сложились тёплые и дружеские отношения, Генеральше почему-то нравилось пальнуть в них матерной шрапнелью, и сияющей радости от такого соседства они не испытывали. Все подтвердили, что гражданин сожигатель находился внутри дома со своей доброй знакомой, а гражданка владелица дачи подкралась тайком и стала виновницей возгорания.

— Представляешь, Сашок, сколько я позора натерпелся! Хуже всего, что Люсю пришлось таскать на эти суды в качестве свидетельницы. Муж обо всём узнал. Попробуй ему, болвану, докажи, что у нас ничего такого не вертелось. Так только, лёгкий ветерок невинной случайности. Ну, клянусь! Не веришь, что ли?

— Да верю, верю! Ты ж от меня про остальные похождения не скрывал. Поэтому верю, что с Люсей ничего такого.

— Ну, спасибо, коли так. Ты верь мне. Что мне тебя обманывать-то? Ты же взрослый мужик.

— И что же Люсин муж?

— С ружьём ко мне завалился.

— Да ну!

— Ага! Навёл на меня два ствола и говорит: “Ешь землю, что у нас с Люськой ничего не было!” Я ему: “Где же мне взять землю в городской квартире?” “Где хочешь!” — говорит. У меня и горшков с цветами после смерти матери не осталось. “Давай, — говорю, — к соседям схожу, к Поры-

вайкам, возьму у них земли”. — “А что им скажешь?” — “Так и скажу, что захотелось, мол, землицы пожрать. Давно не ел её, родную”. — “Сволочь ты!” — говорит. И уже из ружья не целится. Короче, я достал пузырёк, сели мы и весь вечер пили, разговаривали, плакали, как последние Достоевские. Я ему сто раз клялся, что Люся чиста перед ним. “Богом клянись!” Богом клянусь. “Здоровьем клянись!” *Параплюи*, здоровьем клянусь — на черта оно мне! “Сталиным клянись!” — вот до чего дошло. Сталиным клянусь. И вдруг слышу, шаги. Сталин идёт! У меня аж мороз по коже. Богу-то всё равно, что Его именем клянутся. Здоровье тоже от других факторов зависит. А товарищ Сталин возьмёт и обидится.

— Пришёл?

— Нет, померещилось. Пугнул только шагами своими тяжёлыми. А утром этот Славик проснулся и спрашивает меня: “Ты кто?” И уходит такой недоверчивый, что я решил: точняк, вечером обратно с ружьём зайвится: “Клянись!” Но с тех пор уже два месяца прошло, не являлся. Люсе я звонил, звонил, наконец, дозвонился. “Давайте, — говорит, — Юрий Лукич, мы на этом наше знакомство завершим”. — “Ладно, — говорю, — я не против, желаю счастья! Ты только скажи, Славик успокоился?” — “А вот это уже наше личное семейное дело”. Но думаю, успокоился, иначе бы опять пришлось с ним водку пить.

Вообще-то водку мой отец не любил. Предпочитал сладенькое. Когда Лукича не стало, на балконе у него я обнаружил роту пустых бутылок средней лёгкости вооружения — портвешок, мадерка, херес, наливочки, настоечки, сладкое токайское и всё в таком духе. Водочных только две-три, не более. Да штук пять из-под коньяка. Прочее же такое, что покойный муж Генеральши определил бы как дамское.

После пожара отец стал стареть. Мы ещё смотрели с ним вместе чемпионат Европы, на котором наша сборная вновь блистала — да ещё как! — в групповом турнире обыграла 1:0 голландцев, 3:1 англичан, сыграла вничью с ирландцами, заняла первое место в группе, в полуфинале 2:0 выиграла у итальянцев, дошла до финала и могла стать чемпионом континента, если бы не два великолепных и безответных гола Рууда Гуллита и Марко ван Бастена.

Мы все матчи смотрели вместе, на сей раз на даче у его школьного друга Пономаренко.

Именно Пономаренко открыл мне страшную тайну моего отца. Семейную тайну. Связана она с весьма посредственным, на мой взгляд, французским писателем Альфонсом Доде.

С детства я знал, что ударение в моей фамилии ставится на втором слоге. Именно в таком виде фамилию моего отца продолжала носить после развода и моя мама. До самой своей кончины она не знала, что на самом деле ударение должно ставиться на первый слог. И это немудрено, поскольку слово “сегень” — венгерского происхождения, а в венгерском языке ударение фиксированное и всегда падает на первый слог, каким бы длинным ни было слово, даже если оно состоит из сорока четырёх букв. А такое в мадьярском языке имеется и внесено в книгу рекордов Гиннеса как самое длинное слово на всём белом свете. Звучит оно так:

megszentsegtelenithetellensegedeseitekert.

Подсчитайте — ровно сорок четыре буквы! Несмотря на то, что это одно слово, переводится оно следующим образом: “по причине вашей стойкой неоскверняемости”. Весёлый народ венгры! Вот уж где *дует-дует ветерок!* Попробуй, прочти этот длиннющий словешник сходу, да ещё и сделай ударение на первый слог. А для них это *параплюи*.

Так вот, поскольку дед моего деда Луки Епифановича имел венгерское происхождение, слово “szegeny”, которое по-русски читается как “сегень”, тоже обязано нести своё ударение, как знамя, — в первом ряду, а не арьергарде. И мой отец, как и его родители, до какого-то класса школы соответствовал общемадьярскому правилу. Но во время одного из уроков французского языка читалось произведение Альфонса Доде “Козочка господина Сегена”, довольно заурядное сочинение, как почти всё у этого автора. Мсье Сеген любил разводить козочек, но они у него скучали. Видно, он сам был скучный.

Особенно он любил козочку по имени Бланкетт, но и она удрала от его в горы, где её использовал волк в качестве завтрака, обеда и ужина. С той поры приятели в шутку стали звать моего отца “мсье Сеген” с ударением на второй слог, ибо у французов, как и у венгров, тоже фиксированное ударение, но они-то как раз своё знамя всегда несут в последнем ряду.

— И тут, — рассказывал Пономаренко, — Юрке понравилось быть французом. Окончив школу, он далее всюду представлялся как Сеген, с ударением на последнем слог.

— Ну, как же так, папа? — спрашивал я своего Лукича. — Как ты мог взять и изменить фамилию?

— Да *параллюи*! А что такого-то?

— Слушай, а кроме *параллюи* ты какое-нибудь ещё слово вынес из уроков французского?

— Само собой. Бонжур, полный бонжур, комансава, савабьен, комси-комса, о-ля-ля!

— Сам ты полный бонжур, комси-комса, о-ля-ля! — ржал я над своим бесшабашным родителем.

Узнав страшную фамильную тайну, я восстановил справедливость и переставил ударение в своей фамилии в авангардный ряд, к чему призывал и отца, ибо и его отец Лука Епифанович, и его дед Епифан Степанович, и его прадед Степан Степанович (в скобках — Иштванович) несли своё ударение гордо впереди, но Лукич так до конца своих дней и остался мсье Сегеном, от которого ушли все козочки, хотя им с ним и не было скучно, а даже наоборот, чересчур весело.

На итальянском чемпионате мира наша сборная уже не блистала, продула румынам и аргентинцам, и даже выиграв 4:0 у камерунцев, заняла в группе последнее место. Наш футбол словно состарился вместе с моим отцом. На шведском чемпионате Европы играла не сборная СССР, а сборная некоего СНГ под капитулянтским белым флагом с надписью на латинице “С.I.S.”, которую отец остроумно перевёл как “ЦЫЦ!” И эта бледная “ЦЫЦ”, играя в какой-то чахлый и скучный футбол, продула 0:3 шотландцам, сыграла вничью с немцами и голландцами и заняла последнее место в группе.

Начало девяностых для Лукича стало последним и самым неудачным периодом жизни. Впервые в шофёрской судьбе он попал в аварию и сразу ушёл из такси, потому что считал, что если таксист попадает в аварии, это уже не таксист.

Отец устроился работать водителем в Музфонд, возил разных музыкантов, композиторов и зачем-то нахамил одному автору более двухсот песен только ради того, чтобы обыграть его фамилию, как отцу казалось, весьма остроумно. Он сказал ему:

— Мне ваша музыка не нравится.

— Отчего же? — спросил композитор.

— Она какая-то аедонизменная.

Я сказал:

— Тебе кажется, это смешно?

— А разве нет?

— По-моему, нет.

— Но меня не только за это выгнали...

Короче, он опять попал в аварию. Его заставили пройти медкомиссию и уволили, признав слишком близоруким.

Вскоре он попал в аварию и на своём старом задрипанном “Жигулёнке”, который притащили во двор его дома и там оставили. Зимой отец с восторгом показывал мне созданную на базе этого автомобиля ледяную горку, с которой дети охотно съезжали, и это можно было наблюдать с балкона.

В последний год Юрий Лукич работал водителем в одной канадской фирме — развозил клиентам жалюзи.

— Кстати, знаешь, что такое по-французски “жалюзи”? — спрашивал он меня.

— Знаю, конечно, — “ревность”.

— Всё-то ты знаешь, Санёк! Такой умный, тебе самому с собой не страшно?

— Страшно.

— Всю жизнь меня преследовала бабская ревность, — философствовал родитель. — А теперь я её развожу по всей Москве. Помнишь, песня такая была: “Ма жалюзи, парайра-парарайра...”?

— Не было такой песни.

— Возможно, и не было.

Летом своего последнего года жизни отец получил от жалюзишной фирмы хорошую премию. Причём заведующий российским филиалом сказал ему:

— И вставьте себе на эти деньги зубы. Давно пора, Юрий Лукич.

— Я как раз собирался это сделать, — ответил мой отец и купил себе новый телевизор, потому что старый у него сошёл со своей карусели, а на земной шар наваливался очередной чемпионат мира по футболу, проходивший в США.

— Приезжай ко мне, будем смотреть матчи на моём новейшем и суперсовременном телике, — зывал меня Лукич.

Но нам так и не удалось вместе посмотреть этот *mundial*, потому что отец внезапно во сне попал в свою последнюю аварию и не проснулся. Соседи обнаружили его на пятый день.

— Что-то не видать и не видать нашего Лукича. Он обычно непременно захаживал раз в два-три дня. То селёдку принесёт собственного приготовления, то капустой квашеной заглянет угостить, то ещё чего. А тут нет и нет его. Дверь у Лукича никогда не закрывалась... Заглянули к нему, а он лежит под одеялом и уже почернел. Жара, а окна-то настезжь...

Дверь своей квартиры в Бирилёво отец и впрямь никогда не закрывал. Во-первых, потому что у него и украсть-то особенно было нечего. А во-вторых, он говорил:

— Мечтаю о тех временах, когда люди перестанут запирают свои двери, потому что не от кого им будет их запирают. Так пусть же эти времена настанут пока в одной отдельно взятой квартире. Моей.

Эта его мечта позволила соседям беспрепятственно проникнуть к нему и обнаружить тело. Мне позвонил Пономаренко:

— Мужайся, Саша, твой отец Юрий Лукич мёртв.

Вот уж совсем неподходящее слово! Точнее всего было сказать: сошёл со своей карусели.

Я примчался и увидел его. Лицо было тёмным, но не очень, а тело под одеялом и врянь оказалось сильно почерневшим.

Но что удивительно: он слегка улыбался. Будто не умер, а призащнул и во сне напевает:

— До чего же хорошо кругом!..

Квартира в Бирилёво досталась сестре Свете, потому что у неё были проблемы с жильём, а я жил в фамильной метростроевской хрущёвке. Света отцову квартиру сразу же продала, потому что боялась покойников и всего, что с ними связано. Она не была на похоронах своей бабулечки-красотулечки, только на поминках. На похороны отца тоже не смогла приехать и даже на поминки. И потом ни разу не спросила у меня, где и как отец похоронен.

Отцово имущество мы поделили по справедливости. Сестре — квартира, мне — альбомы с фотографиями и тело отца, которое я и похоронил. Ещё Света сказала:

— Можешь и его автомобиль себе взять.

То есть ржавый корпус, зимой превращавшийся в ледяную горку. Но я оставил его во дворе. Думаю, потом его свезли благополучно на металлолом.

За несколько лет до отцовской кончины я подарил ему журнал “Юность” с первой своей публикацией. Надписал так: “Дорогому отцу — первый литературный писк сына”. Он через пару дней поделился со мной итогами прочтения:

— Хороший рассказ. Живой такой, яркий. Образы превосходные. Язык такой изумительный.

— Спасибо, отец!

— Это я не про твой, а про тот рассказ, что сразу за твоим напечатан.

— А мой?!

— Тоже ничего. Пиши, Санёк. Со временем и у тебя станет получаться.

Я тогда бешено обиделся. Вообще не хотел с ним больше дружить. Но остыл и подумал, что мой Лукич в своём репертуаре. Хочет проявить отцовскую строгость.

А когда отца увезли навсегда из его дома, я стал убирать его постель и под подушкой обнаружил не что иное, как тот самый экземпляр “Юности” с моим первым напечатанным рассказом...

Мы так и не знаем, куда уходим, сколько бы ни гадали и ни предсказывали провидицы. Но куда-то уходим точно. И где-то ходим. Где-то мы есть потом. И с кем-то. Кто нам дорог. Душа моего отца — ветерок, блуждающий по миру.

И порою, когда лёгкий весенний или летний ветерок дует мне внезапно и весело в лицо, я знаю, что это именно он.

СВЯТОЙ ИСТОЧНИК

Наташа и Саша, возвращаясь в четверг с работы из Москвы, внезапно и сильно разругались. Муж неудачно пошутил, а жена обиделась.

— Не смей со мной даже в одной электричке ехать! — в запальчивости заявила Наташа перед входом в третий вагон от хвоста.

Саша замер на некоторое время, но, поразмыслив, что следующая электричка в Белкине не останавливается, а другая пойдёт только через тридцать минут, быстро дошагал до головного вагона и успел в него впрыгнуть перед самым захлопыванием дверей. Тут он купил банку пива у торговца-разносчика и, наконец, ответил жене:

— Ну, и пожалуйста!

Пару остановок он простоял, потягивая пиво и глядя в окно тамбура, но вскоре соскучился по Наташе и побрел по электричке от головы к хвосту. Входя в очередной вагон, Саша осторожно протыкал его взглядом, дабы не напороться на обиженную жену, но она как вошла на вокзал в третий от конца, так в нём и стояла. Возле схемы движения пригородных поездов. Прислонившись к окну и глядя в него.

Саша затаился в тамбуре и допил пиво. Напиток малость развеселил его, и в голове стала искриться мысль о дерзкой и задорной выходке. Как только электричка остановилась на станции Радужной, Саша выскочил на платформу, подбежал к окну, за которым стояла Наташа, и приложился к стеклу поцелуем, почти понав в десяточку — метил туда, где губы, а попал туда, где нос.

— Сашка, ты дурак, что ли? Немедленно вернись в вагон! — воскликнула с той стороны стекла Наташа, но с платформы голос её не имел ни малейшего звучания, и фразу: “Сашка, ты дурак, что ли?” — муж по губам прочитал так: “Сашка, я люблю тебя”, — а приказ вернуться и вовсе не расшифровал. Но вернуться он успел, электричка тронулась дальше, он протиснулся через тесноту тамбура внутрь вагона и с удивлением услышал от жены:

— Не смей ко мне приближаться! Я кричу, что знать тебя не знаю, а ты — маньяк и ко мне пристаешь.

Огорчённый муж почесал затылок и разобиженно отправился обратно в головной вагон состава.

Выйдя в Белкине, Саша дождался Наташу, но она гордо прошла мимо, из чего он заключил, что слова, произнесённые им в Москве и ставшие причиной ссоры, и впрямь не имели никакой ценности в качестве шутки.

От станции до Новобелкина, в котором проживали супруги, пролегал прекрасная дорожка мимо дач новых русских, через лесок, вниз к реке Сны-

ри, некогда полноводной, а ныне весьма скромной, потом вверх на пригорок, а там уже и рукой подать до дома.

Саша шёл в отдалении шагах примерно в ста от Наташи и всё ждал, когда она обернётся, простит его, и они радостно, как обычно, вернутся домой. Но жена шла не оборачиваясь и даже приветливо улыбнулась какому-то мужику, который прошёл мимо и что-то внаглую ей сказал. Счастье того мужика, что он не поперся за ней следом, потому что кулаки у Саши были всегда готовы к торпедированию наглых морд.

То, что жена не оборачивалась и не прощала его, стало Сашу бесить. Но глядя на плывущую впереди Наташину стройную фигурку в элегантном пальто нежно-малинового цвета, на кудрявую черноволосую, слегка вздернутую головку, на женственную пленительную походку, муж не мог не восхищаться: “Всё-таки до чего ж хороша!”

Саша был не чужд поэзии, и однажды летом, когда они ещё только-только поженились и почти так же, как сегодня, поссорились, он сочинил целую поэму, впрочем, состоящую всего из двух строк:

*И пошла она, попой виляя,
Мое сердце и взор пленяя.*

Тогда поэма сыграла свою роль в примирении, но дважды в один поток не войдёшь, и надо было придумать новый ход. Видали? С поцелуем-то через окно электрички не выгорело!..

Так в горестных раздумьях, смешанных с восхищением собственной женой, Саша дошёл до пригорка, с которого начинался спуск к реке. Слева всё ещё зеленел, несмотря на осень, луг, на котором летом они здорово веселились, устроив пикник с Лихачёвыми и Дьяковыми. Внизу шумела мутная Снырь, вновь после обильных дождей вспомнив свою полноводную молодость.

Взойдя на пригорок, Саша остановился, увидев, как жена вдруг резко развернулась на мостике через реку. Всем своим видом — руки в карманах пальто — Наташа показывала, что готова к разговору. Но тут Саша понял, что ещё не избрал инструмента к новому примирению, и стоял как вкопанный, глядя на свою красавицу. Ещё он думал: “В конце концов, у нас тоже кое-какая гордость имеется!” Так и стоял, глядя то на Наташу, то на большой белый крест у реки, особо выделяющийся среди сумерек. Там в Снырь впадал источник, считающийся в народе святым. Есть сведения, что некогда здесь обретался отшельник Исихий Тихий, благодаря молитвам которого воды источника и впрямь стали необыкновенно чистыми и вкусными. Даже целебными. Может, и впрямь святыми, Бог его знает!..

Изобретение родилось внезапно.

— Девушка, — обратился Саша к проходящей мимо женщине лет сорока. — Простите, не могли бы вы сказать вон той девушке в малиновом пальто, что я её люблю?

— Что-что?.. Хорошо, скажу, — мигом откликнулась прохожая и поспешила вниз к реке.

Саше стало гораздо веселее. И он цапнул за локоть пробегающего мимо паренька:

— Слушай, браток! Видишь ту прекрасную девушку в малиновом пальто?

— Ну, и?

— Будь человеком, скажи ей, что я её люблю.

— Чего? Ещё чего! — вырвался паренёк и сердито зашагал вниз.

Не беда: Саша уже видел, что первая прохожая выполнила его просьбу и что-то сказала Наташе. Он стал прицеливаться к очередному гонцу, как вдруг проходящий мимо него мужик, поднявшийся от реки, буркнул:

— Слышь, там тебе велено передать, что любят.

— Чего? Кого?

Но мужик уже почесал дальше, как видно, спеша на электричку.

Саша подловил девчонку лет семнадцати, набирающую на ходу номер на мобильнике:

— Простите, будьте так добры, вопрос жизни и смерти! Передайте той девушке у моста, которая в малиновом пальто, что я её очень люблю.

Девчонка даже не удостоила его взглядом. Она набрала нужный номер и стала на ходу говорить с подружкой:

— Алка! Атас, полный атас! Предки нас с Игоряном застучали. А Игорян такой полуголый... А я такая ва-а-ще, вся помада размазана... Кстати, вас любят, — почти равнодушным тоном буркнула она стоящей у моста Наташе и засеменила дальше. — А предки такие и говорят...

Наташа рассмеялась и застопорила очередную жертву. Это был мужлан так мужлан. На её просьбу он гоготнул:

— А может, ещё чего передать? Могу деньги отнести, если надо.

— Нет, только про любовь.

— Любовь, любовь... Ну, ладно. А может, за это телефончик дашь?

— Идите, можете ничего не передавать!

— А мне-то больно надо! — рассердился мужлан и зашагал на пригорочек. — Была охота! Нашли себе почту!

Но проходя мимо стоящего на пригорочке Саша, мужлан рыкнул на него: — Ты, что ль, муж той? Говорит, любит тебя, барана!

А Саша уже ловил нового гонца. Так они стояли и слали этих гонцов ещё минут пять, покуда не кинулись навстречу друг другу, побежали: он — сверху вниз, она — снизу вверх. И сшиблись, как при лобовом столкновении, врезались друг в друга долгим и страстным поцелуем.

— Пить хочу, Сашка, не могу, как! — сказала жена, когда поцелуй, казавшийся вечным, всё же окончился.

— Я тоже, — задыхаясь, вымолвил муж. — Пошли к источнику!

— Пошли. Люблю тебя, дурака, знаешь, как!

Они спустились к источнику Исихия Тихого, Саша снял с гвоздика алюминиевую кружку, протянул её жене. Она сделала глоток и вернула. Так они и пили чистую, холодную и целебную воду по глоточку, передавая кружку друг другу.

Потом Наташа и Саша медленно шли к своему дому, тесно обнявшись.

— А здорово я придумал гонца к тебе послать, — произнёс, наконец, муж.

— Чего? Ты? Да это я первая!

— Ну, да! Я первый!

— Сашка! Счас опять поссоримся! Я первая послала к тебе того прилизанного мужичонку.

— Да нет же, это я первый придумал...

— Ну, Саша!

— Говоришь, ты первая? Ладно уж, будь по-твоему: ты.

— Ещё скажи, что ты первый побежал ко мне.

— А разве не так?

— По-моему, я первая. Хотя, быть может, мы одновременно.

— Конечно, одновременно!

— Давай никогда больше не ссориться.

— Давай.

— Проси прощения за ту глупую шутку!

На другое утро, идя к электричке, они вспоминали вчерашнее. Наташа щебетала:

— А я стою и мимо меня так и проносятся с извещениями: “Там вас любят”, “Ваш муж вас любит”, “Мужик в чёрном плаще говорит, что ва-а-а-ще-то любит вас”. А одна по телефону разговаривала и вдруг вспомнила: “Кстати, вас любят”.

— А хороший всё-таки народ у нас, скажи, Наташка! А я, честно говоря, думал, он хуже.

А вот уже и Снырь. Сегодня она была освещена ярким и радостным солнцем. Крест над источником, вчера такой белый в сумерках, теперь сиял золотом. Наташа и Саша прошли по мостику, остановились.

— Наша экскурсия подошла к тому месту, где в ноябре 2012 года будущая царица Наталья пребывала в великом стоянии, а её супруг боярин Алек-

сандр находился вон на том пригорочке, вон у того столба, — голосом экскурсовода заговорила Наташа. — Стояние длилось о-очень долго, и они слали друг другу гонцов, которые сообщали Наталье, что Александр любит её, а Александру — что Наталья любит его. Потом боярин Александр сочинил поэму, которая начиналась словами...

— Как стояли мы на пригорочке... — начал Саша, но никак не мог придумать дальше, и уже когда они поднялись от реки наверх, Наташа сама до-сочинила:

— *Как стояли мы на пригорочке,
И любви починили рессорчки...*

САМЫЙ ОРИГИНАЛЬНЫЙ СПОСОБ УБИЙСТВА

Отец Афанасий не поверил своим ушам...

Шла обычная исповедь. Одни старушки пытались доказать ему, что они совершенно безгрешны, а во всём виноваты зятья, мужа и родные сестры. Другие, напротив, уверяли, что грешнее их нет никого на белом свете. Одна принесла с собой, как обычно, свою греховную тетрадь, в которую ежедневно вписывала вереницы своих прегрешений, включая даже такие, как убийство мыши во сне с особой ненавистью. Мужчины вели себя, как всегда, сдержаннее, не рыдали, не били себя в грудь, не сваливали вину на жен и детей.

И вдруг этот незнакомец...

— Отец... Не знаю, как обращаться к тебе...

— Отец Афанасий.

— Отец Афанасий, благослови на убийство.

Вот тут-то ушам и не поверилось.

— Не расслышал. На что благословить?

— На убийство.

И при этом так спокойно, даже с достоинством. С вызовом? Священник пригляделся. Нет, без вызова. Перед произнесением просьбы благословить на убийство человек каялся, что имеет недостаток в любви ко всем людям, а иных даже вовсе ненавидит. Но ведь каялся...

— На охоту собрались? — вдруг разволновавшись, попытался пошутить отец Афанасий.

— На охоту. На человека охотиться хочу. Благослови.

— Та-ак... Поподробнее нельзя ли?

— Можно. Дело несложное. Жёну мою соблазнил.

Священник ещё раз внимательно взгляделся в него. Лет под сорок человеку, вроде бы и не юноша. Примерно того же возраста, что и сам отец Афанасий.

— А жена где теперь? Надеюсь, не убитая?

— Её я выгнал. У матери своей спасается.

— Убивать не собираешься?

— Это как вопрос решится.

— Стало быть, если войдёшь во вкус, то и её приговоришь... В законном браке пребываете?

— Расписаны.

— Расписаны — это гражданский брак.

— Гражданский, отец Афанасий, это когда так, шаляй-валяй живут.

— Ошибаешься. Когда шаляй-валяй — это просто сожительствоют.

Строже говоря, во грехе живут. А когда только расписаны, а не венчаны, — это гражданский брак.

— Что-то я впервые про такое слышу. По-моему, ты ошибаешься.

— Погоди. Ты расписывался с ней в загсе?

— В загсе.

— Как расшифровывается слово “загс”?

— Это...

— ...запись актов гражданского состояния. Верно?

— Ну, да, верно.

— Значит, ваш брак там определён как гражданское состояние. Это лишь гражданский брак. А законный — это когда в храме Божьем.

— Мне всё равно, я, если бы и венчанные, прогнал бы её. Отец Афанасий, даёшь благословение на убийство?

— Погоди...

— Не надо меня уговаривать, я уже всё решил.

— Зачем же тебе благословение? На меня захотел вину свою?..

— Не знаю... Подумал, что... Понимаю, не дашь благословения?

— А как ты думал!

— Остальные-то грехи отпускаешь мне?

— Остальные — да... Раскаиваешься, что задумывал убийство?

— В этом нет. И не собираюсь. Обойдусь без благословения...

И человек зашагал прочь от священника к выходу из церкви. Отец Афанасий растерялся. Уйдёт! И убьёт! Говорил всё так спокойно, без истерик, взвешенно. Непременно убьёт.

К нему уже подходил на исповедь знакомый прихожанин.

— Игорь, верни этого! Скажи: отец Афанасий просит вернуться.

Тот выполнил просьбу.

— Вот ты говоришь: благословение тебе, — заговорил батюшка, приблизив лицо к лицу замыслившего убийство. — А я не могу тебе его дать без благословения владыки.

— Как это?

— Ну, а как же! — отец Афанасий аж задыхался от своей внезапной придумки. — Надо мной начальство стоит. Епископ. Ты думаешь, я каждый день благословения на убийство раздаю направо и налево?

— Думаю, не каждый.

— Если мне владыка даст добро, я тебе дам благословение. Как тебя зовут?

— Не важно... Евгений.

— Но только владыка сейчас в отъезде по епархии. Можешь подождать неделю? Через неделю приходи, будет принято решение.

— Не думал я, что и у вас тут волокита... А что мне целую неделю делать, если я ночами не сплю, места себе не нахожу? Волком быть?

— Волком не надо. Человеком надо. Молитвы читай. “Молитвослов” есть? Если нету, купи. Или погоди, я тебе свой дам для надёжности.

Всю неделю отец Афанасий сам чуть волком не выл, гадая, придёт или не придёт замысливший убийство. Пришёл. Да к самому началу исповеди. Никогда ещё отец Афанасий столь вдохновенно не начинал общую исповедь, а когда к нему стали подходить под епитрахиль, всё волновался, как сложится разговор сегодня. Вдруг скажет: “Капут, убил уже, не дождался решения твоего владыки”?

— Жив ещё твой обидчик?

— Жив, гадука. Ну, что епископ сказал?

— А ты молитвы читал?

— Читал. Вот он, молитвослов твой, при мне.

— Ну, и как?

— А то я раньше их не читывал... Хотя с твоего “Молитвослова” как-то мне легче читалось. Поначалу помехи были, а потом ничего.

— Вот что я хочу тебе сказать, раб Божий Евгений. Когда император Александр Павлович вступал с войсками во Францию, он сказал: “Я придумал для Наполеона и всех французов самое страшное наказание”. Знаешь, какое?

— Какое?

— Милость. “Они, — говорит, — ждут от нас тех же зверств, какими в наших отеческих пределах обозначились. А мы этих европейских варваров лучше всего накажем тем, что ни грабить не будем, ни убивать, ни насилловать...”

— Так что сказал епископ?

— Не благословил.

— Это и к гадалке можно было не ходить. Зря я только поддался на провокацию.

— Не благословил, но и не сказал окончательное “нет”. Велел спросить, чем ты его убивать собрался.

— Топором, — по-прежнему спокойно ответил убийца.

— Это никак нельзя. Получается, как Раскольников у Достоевского. Нужен оригинальный метод совершения мести. Владыка, скажу по секрету, очень любит детективы. Ему интересно что-то новенькое. Если сможешь изобрести, даст благословение. Только смотри, держи язык за зубами.

— Да ладно тебе душить меня, отец Афанасий! Что я, ребёнок?

— Короче, придумай самый оригинальный способ убийства и приходи через...

— Ещё неделю?

— Как только придумаешь, так и приходи. Только меня три дня не будет. В четверг приходи, вечером. И “Молитвослов” мой читай побольше. Он тебе будет помогать.

В четверг тот человек не пришёл. Отец Афанасий огорчился, но подумал: видать, не изобретён ещё самый оригинальный способ убийства. Но когда Евгений не явился в течение двух недель после второго разговора, батюшка сильно опечалился. К печали примешивались угрызения совести: вон сколько чепухи нагородил! Не приведи Бог, кто узнает про его фантазии, что владыка детективы читает и может дать благословение убийце, если тот придумает новый оригинальный способ убийства! При мысли об этом отца Афанасия окатывало словно бы чим-то горячим дыханием, становилось жарко и тошно.

К концу сентября исполнился месяц с того дня, как Евгений впервые пришёл за благословением. Теперь отец Афанасий уже нисколько не сомневался в том, что раб Божий Евгений свой страшный замысел исполнил. Однажды, проснувшись, он даже отчётливо увидел, как тот душит своего обидчика стальной гитарной струной. “Уж не открылся ли у меня дар ясновидения?” — подумалось священнику.

Весь август и сентябрь шли дожди, а в последние сентябрьские денёчки засияло солнце, и как раз в один из таких дней Евгений вновь явился в храм. Отец Афанасий сразу подметил, что на сей раз он не так зловеще спокоен, а, напротив, взволнован и даже как-то застенчив.

— Здравствуйте, отец Афанасий, — сказал он и подошёл под благословение. Батюшка осенил его крестным знаменем и спросил в самое ухо:

— Надеюсь, не убийцу благословляю?

— Вот жена моя, Надя, — вместо ответа позвал Евгений милостивую женщину. — Подойди, не стесняйся.

Отец Афанасий благословил и её.

— Помирились, стало быть, — обрадовался он, как давно уже не радовался. — Надя... А сегодня как раз Вера, Надежда, Любовь и мать их София.

Евгений попросил его отойти в сторонку и быстро заговорил:

— Образумилось всё, самым чудесным образом разрешилось. Я получил чёткие доказательства, что никакой измены не было, Надя не виновна, и тот гад только паялился на неё, а ничего такого себе не позволил, оказывается. И что удивительно: я уж было окончательно решил его прикончить, назначил день, а накануне вдруг решил помолиться о его счастье.

— О счастье?!

— Представьте себе. Подумал: пускай у него последний в жизни вечерок будет счастливым. И через твой “Молитвослов” попросил у Бога, чтоб

Он дал ему, гадюке, счастья напоследок. Я даже тогда сначала посмеялся, а потом почему-то слезу пустил, разнюнился, жалко стало этого поросёнка. И в тот же вечер я получил неопровержимые доказательства его и Надиной невиновности! Как, что — долго рассказывать, утомлю. Но полные доказательства, это уж ты мне поверь.

— Да верю, верю! И очень рад, — так весь и светился отец Афанасий. — Слава Богу, нет у меня дара ясновидения!

— А ведь ты не зря мне про царя рассказал, как тот изобрёл лучший способ наказать французов, — смеялся Евгений, по-прежнему как-то и почему-то смущаясь. — С виду ты довольно простой, а на поверку — мудрый. Я даже стыжусь теперь тебя на “ты” называть.

— Это ничего, нормально, на “ты” даже лучше, естественнее и душевнее. Раньше все друг друга на “ты” называли, это уже потом у европейцев научились выкать. Говори мне “ты”, не стесняйся.

— Да, “Молитвослов” твой — вот он.

— Оставь его себе, может, ещё пригодится. Или другому кому передашь, когда прижмёт человека.

БАГДАДСКОЕ НЕБО

Языки разных народов различаются, в частности, ещё и тем, что в одних есть тот или иной звук, а в других он отсутствует. Так, китайцы не знают про “р” и слово “Россия” произносят как “Лоссия”. Японцы, наоборот, не произносят “л” и вместо “лыжи” скажут “рыжи”. У греков отсутствует звук “б”, на письме они заменяют его на сочетание “мп” и Бориса назовут Мпорисом. Арабам же трудно даются “в” и “п”, поэтому слова “Пасха” и “Воистину воскрес!” в их исполнении звучат несколько искажённо.

В 1995 году ныне покойный иракский диктатор Саддам Хусейн в честь своего дня рождения организовал фестиваль “Багдадское небо” и пригласил на него из России лётчиков, прославленных космонавтов, парашютистов, дельтапланеристов, воздухоплавателей, а также артистов, телевизионщиков и писателей. Всего человек двести. И я попал в писательскую составляющую российской делегации.

Всё бы прекрасно, но время для поездки оказалось не вполне удачным: в старинный город Багдад мы прилетели в Страстной четверг, и меня беспокоил вопрос о соблюдении строгого поста. Ведь когда приезжаешь в гости, иной раз можно обидеть хозяев, отказываясь от угощения, которое они выставляют от всего сердца, а оно — скоромное.

Многие жители Ирака в своё время учились в Советском Союзе, а посему известна их особая теплота к тому, чего у них нет, а у нас есть. Самолёты в Багдад ввиду международной блокады не летали, и нас долго везли из столицы Иордании Аммана в Багдад на автобусе. Приставленные к нам сопровождающие Аббас, Исмаил и Мустафа в пути не утерпели спросить у меня:

— Докторской колбаски не бривезли? Бодку не забыли захватить?

Я был предупреждён об особой любви иракцев к докторской колбаске, бородинскому хлебу и водке, а потому всего этого я вёз в достаточном количестве. И ряженку прихватил, прочитав в словаре “Имена народов мира”, что иракские студенты так полюбили в России этот напиток, что некоторые даже своих дочерей называли Ряженками.

Мне представилось, как мы приедем в Багдад, нас поселят в гостинице, и мы вынуждены будем угощать наших любезных хозяев скоромными продуктами. А между тем автобус, миновав границу Иордании с Ираком, одновременно пересёк черту полуночи, и из Страстного четверга мы благополучно въехали в Страстную пятницу, когда, как известно, вообще желательно ничего не есть. И я, будучи человеком мягким, собрал в себе всю возможную строгость и объявил довольно сурово:

— Есть и колбаска, и водочка, и даже ряженка, но всем этим я буду угощать вас только в воскресенье, когда наступит Пасха. И только тех, кто мне на мой возглас: “Христос воскрес!” — ответит: “Воистину воскрес!”

Я испугался, что они обидятся, но они ничего, с уважением отнеслись к моему религиозному порыву и даже записали себе в блокноты, что именно нужно будет отвечать на пасхальный торжествующий возглас.

В Багдад мы приехали на рассвете, нас поселили в гостинице “Аль-Мансур” и оставили в покое — дали отдохнуть до полудня. Я разместился в своём просторном номере, полюбовался с балкона на реку Тигр, несущую свои мутные жёлтые воды в Персидский залив, и улёгся спать.

Днём нас повели на обед, и к радости тех, кто постился, можно было поесть разного сорта оливок величиной с чернослив, овощей, фасоли, а также изумительного кушанья под названием “хумус”, в состав которого входят только постные компоненты. Потом была многочасовая экскурсия по Багдаду, и, помнится, меня поразило, что Саддаму Хусейну в городе стоял только один памятник, а доселе российское телевидение внушало зрителям, что здесь, как некогда Сталину, монументы вождю стоят чуть ли не на каждой площади. Аббас, Исмаил и Мустафа говорили о том, как иракцы любят своего лидера, но отнюдь не допекали этой любовью.

Меня же, как и некоторых других моих спутников, волновало, где можно будет встретить праздник Пасхи, ведь в Багдаде есть христиане, хоть и немного. Даже тогдашний вице-премьер иракского правительства Тарик Азиз был по вероисповеданию христианином. Настоящее его имя Михаил Юхана, а Тарик Азиз означает “Великое прошлое”.

Однако на мои вопросы Аббас, Исмаил и Мустафа отвечали уклончиво:

— Мы уточним... Скоро этот вопрос будет решён.

— Когда скоро?

— Букра, букра... Завтра.

Лишь потом я узнал, что если араб говорит “букра, букра” — “завтра, завтра”, это чаще всего означает “никогда”. Ну, как мы говорим: “щаз”, татары: “хазр”, а испанцы: “маньяна”.

В Багдаде существовал и по сей день существует целый христианский квартал Дора — на южной окраине города. Есть также довольно значительный по размерам кафедральный собор Святых Апостолов Петра и Павла в самом центре, в районе Каррада. Но, судя по всему, нашим сопровождающим был дан чёткий приказ сделать всё, чтобы русские не отправились в пасхальную ночь ни в Каррада, ни в Дора. Хочется верить, что сделано это было лишь в целях нашей безопасности. Мусульманских экстремистов на Востоке всегда хватало, и вот уж у многих из начальства полетели бы головы, если б кто-то из российской делегации пострадал во время фестиваля “Багдадское небо”, приуроченного ко дню рождения Саддама Хусейна!

Всю субботу накануне Пасхи нас возили по Багдаду, показывая достопримечательности, никак не связанные с грядущей радостью Христова Воскресения. После посещения Музея Ирака и памятника Неизвестному солдату нас привезли обедать в гостиницу; я заглянул в свой номер и застал там уборщицу, заканчивавшую прибираться. Очень темнокожая, почти негритянка, она поразила меня тем, что, указав на дорожные иконы, расставленные мною на тумбочке, перекрестилась на них. Затем ткнула себя в грудь, взяла образ Спасителя и поцеловала его, тем самым показывая, что она христианка. Известное дело: на арабском Востоке христиане в основном занимаются чёрной работой — мусорщики, дворники, уборщицы...

Я достал коробку конфет и вручил её женщине. Она отвесила мне поклон и смущённо удалилась, показав рукой, что уборка закончена.

Во второй половине дня нас тоже долго возили по разным достопримечательностям, вечером был приём у нефтяного министра, на котором не подавали ничего спиртного и можно было найти огромное количество постных блюд.

Каково же оказалось моё удивление, когда ближе к полуночи нас привезли в “Аль-Мансур” и целая толпа арабов устремилась со мной в мой номер!

— Басха! — коротко объяснил Аббас.

Кроме него, Исмаила и Мустафы в гостях у меня оказались иракские писатели во главе со своим председателем Рафом Бендаром. Номер, повторяю, достался мне просторный, и, помимо иракцев, в нём ещё разместились поэт Станислав Куняев, прозаик Сергей Журавлёв и бывший министр культуры РСФСР Юрий Мелентьев. Все они также принесли гостинцы из России, и в полночь я на правах хозяина номера лично разлил по стаканам разные напитки.

Все встали, я перекрестился и громко возгласил:

— Христос воскрес!

— Абаистину абаскрес! — рявкнули иракцы, заранее заучив ответ.

— Воистину воскрес! — отвечали наши.

Потом я спел тропарь, и мы снова подняли бокалы.

Я возглашал:

— Христос воскрес!

И арабы смешно, но весьма торжественно и старательно выкрикивали в ответ:

— Абаистину абаскрес!

До самого утра мы праздновали Христово Воскресение, беседовали, радовались общению в этот самый радостный день всего года. Раф Бендар хватался мне книгой стихов Садама Хусейна, подаренной ему с личной подписью автора. Другие писатели дарили свои книги. К нам на огонёк забрели знаменитые космонавты Валерий Кубасов, Владимир Джанибеков и Виктор Савиных. Охотно поддержали наш праздник.

Более экзотической Пасхи я не припомню в своей жизни! Потом была восхитительная Светлая седмица, на которой, собственно, и состоялся фестиваль “Багдадское небо”.

Мы испытывали гордость, когда наши парашютисты, красиво паря в пространстве, чётко приземлялись на коврик, постеленный на стадионе перед трибуной, за которой стояли руководители государства; когда наши воздухоплаватели запускали в небо над Багдадом красиво расписанные воздушные шары; когда одного из парашютистов, которого внезапный порыв ветра унёс на рынок, весёлая толпа багдадцев принесла на руках, приплясывая и припевая...

Потом нас возили по стране, мы побывали в древнем Вавилоне, на развалинах и фундаментах которого по приказу Садама Хусейна воссоздали все здания. Ездили на берег Евфрата. Встречались с различными государственными деятелями. И теперь уже можно было не постыдиться, а с полным правом вкушать все мясные и молочные блюда арабской кухни...

Через семь лет мне вновь довелось побывать в столице Ирака, в составе более скромной делегации, и визит длился всего три дня. На сей раз в Багдаде мы праздновали не Пасху, а День Победы. Тоже довольно экзотично.

Из всех, с кем я встречал Христово Воскресение в 1995 году, в эти три дня я повидался только с Мустафой. Он вновь был сопровождающим. Когда я спросил его об Исмаиле и Аббасе, он поначалу лишь с тяжким вздохом махнул рукой, и в этом взмахе угадывалась пресловутая арабская *букра* — мол, расскажу завтра, то есть потом, то есть никогда.

Но в последний день я всё же уговорил его рассказать.

— Ты только никому не говори бро них, — склонившись ко мне, тихо заговорил Мустафа. — Исмаила теберь нет. Он оказался бредатель. Его арестовали и... Как у бас гоборится, кабут!.. А Аббас... — Мустафа заговорил громче, так, что стало слышно не только мне, но и двум моим спутникам Сергею Исакову и Андрею Охоткину. — Э-э-э... Зачем ты тогда нас заставил гоборить “Абаистину абаскрес!”? Аббас бросил ислам, стал теперь Бутрос. Стал сбиященником в сирийском храме. Бутрос Юоифи. Жибиёт б Дора.

— Это христианский квартал Дора, — пояснил мне Охоткин. — А Бутрос по-арабски Пётр. Стало быть, этот Аббас принял христианство.

— Во как! — подивился я.

Ещё через семь лет, сидя в интернете, среди мелькания свежих новостей я внезапно наткнулся на сообщение, и словно взрыв раздался в одном из кварталов моего сердца:

“Священник Сирийской православной церкви убит в иракской столице. Отец Бутрос Юсифи был расстрелян из проезжающего автомобиля при выходе из собственного дома. Аббас Юсифи родился в 1958 году в мусульманской семье. В 1996 году принял христианство под именем Бутрос (Пётр). В 2001 году был рукоположен во священника и служил в одной из церквей в христианском квартале Багдада. Ему неоднократно угрожали расправой, требовали отречься от христианской религии, но все эти угрозы он игнорировал...”

Когда-то этот человек интересовался, привёз ли я докторскую колбаску и водку, и только ради этого русского угощения выучил отзыв на пасхальный возглас “Христос Воскресе!”

Но поток судьбы увлёк его куда дальше от терпеливого, размеренного и спокойного соблюдения постов и других установлений Христовой веры — унёс, бурно клопоча, в то самое Христианство, в котором льётся кровь и трещат сокрушаемые кости мучеников. И не трещит и не сокрушается только их вера.

“Все эти угрозы он игнорировал...”

— Абаистину абаскрес! — так и слышится мне его радостный голос, белой птицей улетающий в высокое багдадское небо.

АНГЕЛИНА ПРУДНИКОВА

ПАМЯТЬ-ВОЛШЕБНИЦА

МЫТЬЁ ПОСУДЫ

Мыть в деревне посуду двоякими можно путями.
Можно воду в чугунике греть в остывающей печи
И затем, вылив в тазик и вехоть намылив обильно,
С чашек чайных начать — и закончить чугуником чёрным.

Сполоснуть кое-как — кто ж отмоеет от гари чугуник! —
И расставить на полках, и смыть жир со стенок у таза
Кое-как. Ну, а можно в тот тазик, большой или малый,
Загрузить всю посуду — тарелки, и ложки, и чашки,

И ножи, взять и мыло, взять вехоть, а лучше — две штуки,
И, к зачатку бедра очень крепко прижав бортик таза,
С ним шагать осторожно по доскам, ведущим до речки
До родной, что бежит или влево — стремясь за отливом,

Или вправо, когда море Белое дышит приливом.
Там, сгрузив таз на берег, на влажный песок, — он и будет
Тем рабочим столом, на котором мыть станем посуду, —
И посуду на “стол” быстро выгрузив, таз моем чисто,

ПРУДНИКОВА Ангелина Владимировна родилась в поморском селе Концеворье. Окончила филологический факультет Поморского государственного университета. Автор шести книг стихов и трех книг прозы. Живёт в г. Северодвинске. В “Нашем современнике” публикуется впервые.

Чтоб туда положить все до блеска отмытые чашки.
Здесь всю грязь застарелую с чашек отчистим песочком —
Влажным, мелким и белым — он будет и тёркой, и содой.
А потом, смыв песчинки с посуды намыленным вехтем,

Мы тарелки и чашки с мосточков в реке накупаем.
Пару ложек утопим — за ними мы с берега сбродим,
Ну, а вилки, ножи — в берег плотный вонзать будем долго,
Энергично и быстро, пока лезвия не заблещут,

А песчинки опять в речке вехтем намыленным смоем.
То же будет и с чашками всеми, что крыты эмалью, —
Будем долго вращать, их терзая о ласковый берег,
А особенно донышки — чтоб не осталось там сажи,

Точно так же с кастрюлями, с днищами их мы поступим.
И ухваты о влажный песок будем чистить усердно,
Пока снова рога их не станут блестящим железом.
С кочергою немного трудней обходиться чумазой,

Чугунки — те попроще: эмальное чрево отмоем,
А бока им надраим о влажный песок, плоский берег.
Пусть отскочит немного от них или гари, иль сажи, —
Мы старались, а большего с нас про чугун и не спросят.

Самовар — это царь. Блещет никелированным боком,
А к царю — и с почтеньем, и с новым, нетраченным, вехтем.
Аккуратно бока только с мылом, с водицей помоем —
Он уже всем, кто вокруг, своим боком зеркальным смеётся.

Но с ещё большим трепетом мы приступаем к иконам
("Образá" — так их бабушка наша всегда называет):
Их мы все аккуратно на речку опять же доставим
И, пока моем чашки, их ризы зальём простоквашей.

Простоквашей мы так же натрём медный рукомоиник,
Что со стенки у печки нам бабушка бережно снимет.
Пусть все медные части в молочной среде откисают,
А потом мы их с мыльцем и в речке холодной отчистим.

Вот и всё: руки в саже по локоть — уж очень старались,
Но сияют ухваты, и таз, и иконы, и чашки.
Можно даже купнуться, но лучше — посуду доставить:
Самовар — аккуратно, и всё, что с собой приносили.

Ни песчинки в посуде, нигде ни одной ни мылинки —
Это качество бабушка, мама иль тётя проверят.
Мы горды: за помывку посуды нас точно похвалят,
Ну, а мы — и честны, и упорны; сумели — и рады.

ВАРКА ПЕРВЫХ ПЛОДОВ

Варка первых плодов — значит, вновь урожая дождались.
Значит, голод не страшен и можно забыть про него.
Потому наши предки за праздник её почитали —
Варку первых плодов: брюквы, репы, гороха, бобов.

...Мы варили картошку. Ту, первую, что подрывали.
Набивали молоденькой, мелкой доверху чугунок.
“Разводите огнишко!” — родители нам доверяли.
Мы бежали за баню — всё главное деялось тут.

Чугунок водрузив на два плоских приземистых камня,
Мы сносили весь хворост с округи к нему побыстрей.
Зажигали огонь и, усевшись по кругу, глазами
И горячим желаньем нудили его закипеть.

Много ль надо картошке? Мы острую спицу втыкали,
Её выстрогав прежде, в нетвёрдый картофельный бок.
И — “Готова!” — родителям занятым звонко кричали.
Шёл с отнимками кто-то из взрослых, чтоб слить чугунок.

И, дымящийся паром, горячий чугунок уносили.
Мы бежали, довольные, в дом — а стемнело-то сколь!
А потом за столом из тарелки картошку тащили:
Каждый — в блюдечко с маслом, на донышке — крупная соль.

Ах, картошечка та — помакаешь — вообще объеденье!
Все вокруг гомонят, подбородки от масла желты.
А лет триста назад — не картошка, а брюква, наверно,
Точно так же варилась за банею до темноты.

Кто же будет её ставить — первую! — в русскую печку?
То был древний обряд, и языческих требовал справ.
На огнище пекли пробу первых плодов вековечно,
Первобытный огонь бился радостно в тёмных глазах.

* * *

Стоят: дом — покосившийся,
берёзы — старые, корявые.
Люди как вымерли — все сидят у телевизоров...
А в моей памяти, которая творит чудеса,
Одновременно существует (и вытесняет первую)
другая картинка:
Дом стоит новый и высокий, с четырьмя крыльцами,
Берёзки тонкие, тополь кустом.
По деревянным тротуарам не ходят — бегают люди,
Катаются на самодельных самокатах мальчишки.
По деревянной, из бруса, мостовой
Прогрохатывают редкие автобусы и грузовики.
Отец во дворе шьёт катер — он стоит на подпорках,
Белый и ослепительный от свежих досок.
Отцу помогает дядя Николай.
Никто катер не трогает.
Сейчас он не простоял бы и дня —
Сожгли бы, разломали, увезли.
У сарая приткнулась будка с нашей собакой Пиратом.
Мать варит ему суп с огромным куском мяса.
Мы, ребяташки, бегаем тут же во дворе,
Играем в прятки, “скачем” на доске,
выбиваем “десять палочек”,
Играем “в магазин”, в “казаков-разбойников”,
Лазаем на сарайки, втыкаем в круг ножичек,
Прыгаем с “биткой”, скалкой, мячиком...
Зимой — общая горка, прыжки в сугробы с заборов.

НАТАЛЬЯ РОМАНОВА

БЕГУЩАЯ ЧЕРЕЗ ЖИЗНЬ

И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

СВАДЕБНЫЙ КОСТЮМ

Костюм был хорош. Как произведение искусства. Словно его сотворил не портной, а изваял скульптор. Взял ткань, отсёк всё лишнее, и получилось швейное чудо.

Лукерья Петровна, увидев костюм, расплакалась. Мозолистой рукой она вытирала неловкие слезы. Сила крепкой материнской руки была ей знакома. Если она ударяла его по мягкому месту, то так больно, словно припечатывала Лёшкин зад разделочной доской.

Видя материнские слезы, Лёшка не знал, как себя вести. Он переминался с ноги на ногу и неуклюже улыбался.

— Ну, чего лыбишься? — Афанасий Петрович беззлобно и небольно ткнул кулаком в плечо племянника, но Лёшка слегка покачнулся. — Еле на ногах стоишь! Худина ты этакая!

— Хорошо, что не скотина! — Лёшка рассмеялся от своей находчивости. — Дядя Афанасий, ты который год живёшь в городе, а всё наши словечки употребляешь.

— Ты прав, Лёшка, деревню из меня не вытравить. Нравится костюм-то? А то матушка твоя рыдает, как по покойнику.

РОМАНОВА Наталья (Сегень Наталья Владимировна) родилась в Тюменской области, окончила Уральский Государственный педагогический университет. Специалист по социальной работе. Член Союза писателей России. Публиковалась в журналах "Смена", "Литературная учеба", "Форум", "Полярная звезда", "Север", "Простор", "Новгород литературный", "Русское эхо", "Вертикаль XXI век" и многих других. Лауреат премий "Русский позитив" Российского Фонда мира и "Патриот России" Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

— Афонька, ну тебя! — Лукерья отвернулась и вытерла слезы. — Скажешь тоже. Лёшка, а ты чего дядечке своему не благодарствуешь? Кланяйся, кланяйся!

— Лукерья, да полно тебе! Поклоны это раньше барам отвечивали, а мы советские люди, и нам замашки крепостнического *устройства* ни к чему.

— Как не нравится, дядя Афанасий? Как не нравится? Очень нравится! Аж дух захватывает!

Лёшка провёл рукой по пиджаку:

— Гладкий!

— А где ты занозистый костюм видел? — прыснул Афанасий Петрович.

Лёшка снова погладил рукой пиджак.

— Чего ты его наглаживаешь? — заругалась Лукерья Петровна. — Пятно поставишь!

— Руки чистые. — Лёшка на всякий случай ещё раз обтёр их об штаны.

— Чистые! А земля под ногтями!

Лёшка хотел что-то возразить, но зная, что матери перечить нельзя, передумал.

— Сходить руки помыть?

— А чо их мять? Хоть мой, хоть не мой, а костюм больше не лапш.

— Здрасьте! — Афанасий Петрович удивлённо посмотрел на сестру. — А мерить как?

— А чего костюму примерки устраивать? И так видно, что ладно будет.

— Нет, примерить надо. Вдруг он Лёшке мал?

— Похудеет! — отрезала Лукерья Петровна.

— А вдруг большой?

— Отожрётся.

— Лукерья, но ведь...

Лукерья Петровна не дала брату договорить:

— Костюм не дам надевать. Уберу в сундук — пусть там лежит до свадьбы. Начнёт надевать на себя — порвёт или пятно поставит. Чо ли я сына родного не знаю? Давеча надел новую рубаху, со ступеней стал спускаться и наверху. И чо ты думаешь, Афанасий? Порвал! Порвал, стервец! У меня сердце слезою изошлось. А ему хоть бы хны!

Лёшка долго не забудет тот подзатыльник за порванную рубаху — уж слишком от души он был подарен матерью! Сейчас он и не пытался просить надеть костюм — всё равно не даст! Рассвирепеет ещё больше и не только порванную рубаху припомнит...

Целую неделю шли смотрины костюма. Приходили соседки с дочками, и каждый раз Лукерья Петровна с важностью, неторопливо открывала сундук, доставала из него небольшой тюк, развязывала его и демонстрировала всем костюм.

— Хорош! — охали бабы.

— А ткань-то! Как называется?

— Хишимир, — со знанием дела отвечала Лукерья.

— Щедрый у тебя братец! Город не испортил мужика нашего, деревенского.

— А Лёшка-то, наверное, совсем красавец в такой одежке!

— Придёт время — наденет! До женихов ещё не дорос.

— Не скажи, Лукерья! Скоро осмнадцать годков.

— Жениться — дело не хитрое. По душе жену выбирать-то надо.

— Ему Мария нравится, — сказала Дашка, дочь Аграфены Кузовлёвой, — только, тётка Лукерья, я не выдавала вам Лёшку!

— Мария? — вскинула бровь Лукерья. — Что за Мария?

— Тимохи дочь.

— Тимохи? Пяницы тово?

— Так Мария не пьёт. Тихая. Скромная.

— Не дам я ему на свадьбу с дочкой Тимохи костюм! Другую найдёт! И вообще, чо разговор про свадьбу завели? Поговорить не о чем? Разглядели наряд? Убираю его.

Бабы провожали костюм печальным взглядом. У их-то сыновей не будет таких костюмов на свадьбу, и у дочерей навряд ли женихи будут щеголять в таком виде.

Время от времени Лукерья открывала сундук и смотрела на костюм. Представляла, как женит сына, какой Лёшка будет справный жених, как на нём будет сидеть этот костюм...

Лёшка и сам тайком от матери разглядывал костюм. Он думал о Марии, что непременно женится на ней. Ему очень хотелось примерить костюм, но было как-то боязно. Он даже, чтобы не искушать себя, придумал, что если наденет костюм, то не женится на Марии, потому крепился и глушил своё любопытство.

Война стала бить по всем и сразу. Алексея Волобуева призвали на фронт одним из первых в деревне: в мае ему исполнилось восемнадцать лет. Другая, которым было чуть меньше, и по возрасту их не брали в армию, завидовали Лёшке и по-белому, и по-чёрному.

Каждое письмо, приходившее с фронта, читали хором на бабий лад — с причитаниями и присказками.

— Чтоб ни дна ни покрывки супостату этому, Гитлоре проклятой!..

— Робятки наши гибнут, поля засеваем — кто исть будет?..

— Немец к Москве рвётся. Боюсь я, бабоньки: ну, как возьмут её?

— Типун тебе на язык, дура! — Лукерья Петровна замахнулась полотенцем на Аграфену. — Не взять им Москвы! Руки длины не той.

Первая похоронка в деревне пришла в дом Тимохи: погиб смертью храбрых. Так было написано на маленьком листочке, который крутила в руках его дочка Мария. Жизнь её теперь разделалась на две половины — с отцом и без отца.

— Прости нас, Тимофей. Мы всё “пьянь” да “пьянь” на него, — говорили бабы, — а он погиб геройски!

— Ты заходи, Машенька, заходи ко мне, — Лукерья Петровна неловко приобняла Марию, — даст Бог, невесткой станешь. У нас и костюм на свадьбу есть. Война кончится, придёт Алексей с фронта — поженю вас. Знаешь, какую свадьбу устроим!

— Пришёл бы только, — тяжело, по-бабьи вздохнула семнадцатилетняя Дашка, подружка Марии, но Лукерья посмотрела на неё так грозно, что та быстрёхонько спряталась за широкую спину Аграфены.

Мария почти каждый вечер стала заходить к Лукерье. Долгими часами они вспоминали Лёшку. А в мечтах о свадьбе иногда разворачивали скатерть, в которую был завернут костюм, и подолгу смотрели на него.

Последнее письмо от сына Лукерье пришло в ноябре...

Погиб рядовой Алексей Волобуев, защищая Москву, чтобы ни одна бабонька в деревне больше не боялась, что возьмут немцы столицу России.

Когда пришла похоронка, первые слова, какие сказала Лукерья, были о costume:

— Так ни разу и не надел.

Мать не знала, что это были последние слова её сына. Больше она не открывала сундук, чтобы полюбоваться на костюм.

И вот пришла долгожданная победа, выкованная подвигами сыновей и молитвами матерей. В деревню стали возвращаться мужики, кому было суждено остаться в живых. Зарождалась новая мирная жизнь.

— Тётка Лукерья, приходи к нам в субботу, — сказал Ванька Свиридов, проходя мимо колодца, где она набирала воду. — Свадьба у меня.

Лукерья Петровна молча кивнула, хотя знала, что не пойдёт. Слово “свадьба” обожгло её сердце. Никогда ей не женить своего Лёшку...

— Тётка Лукерья, — постучался вечером к ней в дверь Ванька, — я чего пришёл...

— Раз пришёл, так говори.

— У Лёшки костюм был. Помните?

Как ей было не помнить?

— Тётка Лукерья... Лукерья Петровна... Я понимаю, что... Но свадьба у меня.

У самой суровой в деревне женщины вдруг хлынули слёзы. Она склонилась на стол и зарыдала так, что у Ваньки подкосились ноги.

— Тётя Луша... — Он подошёл к ней и робко положил руку на плечо. — Простите меня. Сдуру я так. Я ведь и в гимнастерке могу. Простите.

На следующий день Лукерья Петровна пришла в дом Свиридовых. В руках она держала сверток. Костюм жениху пришёлся впору.

Потом играли свадьбу у Кривобородовых. Костюм жениху был большеват, но на это не обращали никакого внимания.

А потом у Разуновых, а потом у Ногаевых. И даже из соседних сёл и деревень приходили за этим костюмом на свадьбу. Слух прошёл по всей округе, что тот, кто женился в Лёшкином костюме, живёт счастливо, весело, с женой в ладах и детишки хорошие рождаются.

— Не жалко костюма-то? — спросили как-то у Лукерьи бабы. — Память о Лёшке всё-таки.

— Так они все — мои Лёшки. Вон у меня их сколько! — кивая на пробегающую ребятню, ответила Лукерья Петровна.

Говорят, в тех местах до сих пор женятся в Лёшкином костюме и живут долго-долго и счастливо-счастливо.

ПРИХОДИТЕ ПОСЛЕЗАВТРА

— Как, вы не знаете, чем знаменита Ельцовка? — Алла чуть не выронила бутерброд с колбасой.

— Представьте себе, нет! — нисколько не смутился Анатолий Михайлович, её попутчик.

— Смотрели фильм “Приходите завтра”? Про Фросю Бурлакову.

— Разумеется! И что?

— Эта самая Фрося приехала поступать в институт Гнесиных из Ельцовки. Мало того, сама Екатерина Савинова родом из нашего села!

— Это ведь она играла Фросю Бурлакову?

— Так и я об этом. Они обе из Ельцовки. — Алла принялась доедать бутерброд.

Поезд остановился посреди леса и, постояв пару минут, вновь отправился в путь.

— Незавидная судьба у этой актрисы. — Анатолий Михайлович грустно посмотрел на Аллу. — Вот и вам хочется стать актрисой, а что хорошего в этой профессии, что?

Алла отмахнулась. Ей уже было лень объяснять всем и каждому, что если не быть артисткой, то уж лучше вообще никем не быть.

— Нет, вы ответьте, — настаивал Анатолий Михайлович, — что хорошего-то? Смоется глянec сразу же после получения диплома. Ходят, мыкаются, роли выпрашивают. Каждую секунду звонка ждут. А когда-то, наверное, как и вы, об “Оскаре” мечтали, звездами себя мнили.

“Вот разнылся!” — с тоской подумала Алла.

— Хочу быть актрисой — и точка! — Она отвернулась к окну, давая понять, что разговор окончен.

Из Ельцовки семья Трояновских переехала в Тобольск, когда Алле едва исполнился год, но она гордилась тем, что родилась в одном селе с известной актрисой.

Тобольск — старинный красивый город. В Петербурге Пётр Первый в начале восемнадцатого века только собирался восстанавливать театр, а в Тобольске уже вовсю шли первые спектакли. Это и многое другое Алла знала из лекций по истории театра: она занималась в театральной студии. Своим руководителем — Сергеем Витальевичем Бондарём — ребята очень

гордились. Он учился когда-то в Щукинском училище и знал многих известных людей. Да и сам Бондарь — весьма колоритная фигура. Густая до пояса борода, зычный голос и балахон самого последнего размера, потому что Сергей Витальевич имел непотопляемый вес.

А ещё в Тобольске родился самый любимый актёр Аллы — Александр Абдулов, с участием которого она просмотрела все фильмы. Жаль, не удалось увидеть его вживую в театральной постановке.

Когда Трояновская нашла в газете объявление, что набирают в театральную студию, было уже поздно: газета оказалось безбожно устаревшей. “А вдруг?” — подумала Алла и ринулась по означенному адресу.

Студия располагалась во Дворце культуры. Алла поднялась на третий этаж по мраморным лестницам, прошла по узкому длинному коридору, нашла комнату номер тридцать. За дверью было шумно. Ругаются они, что ли? Она подождала немного, потом всё же решилась постучать. На стук никто не отреагировал, вероятно, его просто не услышали. Тогда Алла вошла без приглашения и чуть не захлебнулась в неистовом сигаретном дыму.

— Ну, и дымоган тут у вас! — закашлялась Алла.

— Почему посторонние? — закричал грузный бородатый дядька из кресла.

— Простите, мне бы режиссёра, — заплетающимся от страха языком сказала девушка.

— Какого хрена! Выйдите!

— А вы не подскажите...

— Выйди, выйди, — зашипели на неё люди, переодетые разбойниками, — репетиция идёт.

Алла, пятясь, вышла в коридор. За дверью вновь раздался дикий ор и песни. Она сидела на рыжей банкетке в длинном и тёмном коридоре, вникая этому безобразию. Уже ломило уши от воплей, но вот всё стихло. Из комнаты стали выходить актёры, красные и взъерошенные. Кто-то из них подмигнул Алле.

Алла ещё немного посидела на банкетке и снова решилась постучать в дверь. То ли она так робко выстукивала, то ли там за дверью оглохли после несуразного воя, но приглашения войти не последовало. Тогда Алла толкнула дверь и вновь очутилась в беспросветном табачном дыму. Здоровый дядька всё так же сидел в кресле, а рядом с ним, склонившись над бумагами, стояла до невозможности костлявая женщина, а рядом — мужчина с важным видом иностранного посла.

— Простите, мне бы хотелось увидеть режиссёра, — вымолвила Алла, и тут все трое уставились на неё так, словно она была инопланетным существом и была одета, допустим, в скафандр. Алла даже мельком оглядела себя: что же такого странного в её виде?

— Вон отсюда! Творческий процесс!

— Чего так орать-то? — насупилась Алла.

— Вон! — снова рявкнули из кресла.

Трояновская зло зыркнула глазами и убийственно произнесла:

— Идиот.

Человек в кресле побагровел и поднял кулак, видимо, чтобы со всей силы дать им по столу, но неожиданно опустил его на стол мягко и рассмеялся.

“Точно — идиот”, — подумала Алла, закрывая за собой дверь. Не успела она сделать по коридору несколько шагов, как её окрикнула женщина:

— Постойте! Чего вы хотели?

— Я?.. Вообще-то спросить насчёт собеседования. В театральную студию.

— В студию? Вы опоздали. Набор уже закончен.

— А может, всё-таки...

— К нам сто шестьдесят человек приходило, а мы отобрали только пятнадцать. Очень серьёзный был отбор.

— Лариса, ну, где ты ходишь? — донеслось из комнаты с деревянной дверью. — Идите сюда!

— Пойдём! — вдруг сказала женщина Алле. — Зовёт.

Алла отправилась за ней.

- Что там? Зачем я ей понадобился? — спросил грузный человек.
- Про студию спрашивала, а мы уже отобрали ребят.
- Я объявление поздно увидела, — пояснила Алла.
- Ну, брат, кто не успел, то опоздал, — резонно заметил важный мужчина, выпуская дым через нос.
- Знаешь, Вячеслав, а она мне нравится, — неожиданно сказал бородач, — красивая и наглая.
- “Наглая?! — удивилась Алла. — Ничего себе! Наглая. Да я тряусь вся от страха”.
- Готовы нам что-нибудь прочесть?
- Прямо сейчас? — Такого поворота событий она не ожидала.
- Так готовы или нет?
- Да, да, — заторопилась Алла, лихорадочно соображая, что бы им прочесть. — Басня. Крылов.
- Себя-то хоть назовите для начала, — зевнул бородач.
- Алла. Трояновская.
- Красиво звучит, — похвалил её имя человек в кресле. — Представляете, афиша, а на ней крупно выведено: “Впервые в нашем городе гастроли знаменитой Аллы Трояновской”.
- “Он издевается, что ли”? — не поняла Алла.
- Ну-с, ждём-с, начинайте.
- Алла Трояновская.
- Вы говорили это. Читайте уже басню.
- “Лягушка и вол”.

*Лягушка, на лугу увидевши Вола,
Затеяла сама в дородстве с ним сравняться;
Она завистлива была.
И ну топорщиться, пыхтеть и надуваться.
“Смотри-ка, квакушка, что, буду ль я с него?” —
Подруге говорит. “Нет, кумушка, далёко!” —
“Гляди же, как теперь раздуюсь я широко.
Ну, какво?
Пополнилась ли я?” — “Почти что ничего”. —
“Ну, как теперь?” — “Всё то ж”. Пыхтела да пыхтела
И кончила моя затейница на том,
Что, не сравнившись с Волом,
С натуги лопнула — и околела.*

- Алла запинаясь и краснела.
- Басня быстро кончилась, — сказал бородач.
- Я её не сокращала! — Алла показало, что она плохо прочитала басню и ею остались не довольны. Надо спасать ситуацию! — Хотите, расскажу анекдот? — нашлась девушка. — Сидит ворона на дереве, в клюве сыр держит. Тут к ней лиса с бейсбольной битой. Ни слова ни говоря, ка-а-а-к шархнет битой вороне по лбу! Ворона сыр уронила, крылья — враскорячку, глаза — по пять копеек, и говорит: “Ни фига себе басню сократили!”
- Бородач засмеялся. Важный и Лариса тоже похихикали.
- Приходите послезавтра, — просмеявшись, сказал бородач. — Лариса Станиславовна, на сколько назначены занятия? На шесть?
- Станиславовна кивнула. Трояновская хотела ещё что-то уточнить, но они все трое уже склонились над бумагами.
- В старшей группе театральной студии уже неделю шли занятия. Ребята Алле понравились: весёлые и творческие. Не понравилась только одна девочка — Ольга, — некрасивая и задиристая, но потом и она оказалась ничего. Преподавали в студии актёры городского театра. Студийцы изучали хореографию, сценическую речь и многое другое, но самым важным и любимым предметом было, конечно же, актёрское мастерство.
- К концу года полагалось сдать итоговый спектакль. Выбор пал на “Игру в фанты” модного в те годы Николая Коляды. Пьеса была о том, как

в квартире молодожёнов под Новый год собралась компания, решили поиграть в “фанты”. “Я садовником родился, не на шутку рассердился, все цветы мне надоели, кроме...” Называли цветок (герои пьесы заранее выбирали себе названия цветов), ведущий-садовник определял, что нужно сделать тому или иному фанту. И участникам игры доставались не самые безобидные задания...

Репетировали на каждом занятии. Спорили, выдумывали, искали новые ходы. Премьеру назначили на восьмое мая. По сценарию герои должны были вышивать. Анфиса — актриса, ведущая актёрское мастерство, — предупредила, что в зелёные пивные бутылки нальют газировки. Мишка Сердюков, отчаянный придумщик, и на сей раз выкинул номер.

Алла-Ева удобно расположилась на диванчике на сцене. Герой Мишки предложил ей бокальчик пива.

— Не откажусь! — Алла-Ева взяла в руки бокал, наполненный до краёв.

Патлатый Мишка чокнулся с ней своим бокалом. Алла предвкушала пузырики “Буратино”. Она сделала глоток и обмерла:

— Это что, пиво?

— А ты думала, газировка? — ехидно засмеялся Сердюков.

Только бы не опьянеть! Мишке, может, и невдомёк, что несмотря на то, что ей вот-вот должно было исполниться шестнадцать, Алла никогда до этого не пробовала спиртного, не считая того, как они в раннем детстве с братом во время вечеринки родителей тайком пробовали на язык остатки жидкостей в рюмках: горько и невкусно. Маленькая Алла никак не могла понять, почему люди на свадьбах пьют эту невкусную ерунду, а потом кричат “Горько!”

Спектакль прошёл на “ура!” Зал ликовал. Бондарь светился. Актёры сияли. Мишка Сердюков получил подзатыльник.

Ещё год Алла ходила в студию. О её намерении поступать в театральный институт было известно всем. Никто не сомневался в том, что Трояновская поступит и в будущем станет блестящей актрисой.

Здание, в котором находился театральный институт, снаружи казалось настоящей развалухой, да и внутри в глаза бросалась ветхость и неприглядность обстановки. Где лоск? Где яркость? Беднота кругом! Алла была в недоумении. Она разочарованно бродила по институту.

— Здравствуйте, барышня! — поздоровался с ней мужчина преклонного возраста.

— Здравствуйте!

— Вы, наверное, кого-то ищете?

— Нет, я просто так здесь хожу.

— А зачем просто ходить по театральному институту? — мужчина внимательно посмотрел на Аллу.

— Смотрю, где мне предстоит учиться. Если поступлю, — быстро добавила она.

— Так вы абитуриентка! — миг повеселел незнакомец.

“Что это его так торкнуло?” — подумала Алла.

— А я, милочка, как раз курс набираю.

— Вы? — Трояновская посмотрела на него недоверчиво.

— Я, — подтвердил мужчина, — руководитель будущего курса.

— Мастер?

— Мастер.

“Ну, надо же! Такой плюгавенький — и мастер”, — не поверила Алла. Этот человек ей не понравился: у него был слишком масляный взгляд. Она почувствовала, что знакомство с ним не принесёт ей ничего хорошего.

— Ой, простите, — вдруг заторопилась девушка, — меня же ждут. Приятно было познакомиться!

Удаляясь по коридору, она всей спиной чувствовала, как этот человек смотрит ей вслед.

Прежде чем допустить до конкурса, нужно пройти три творческих тура. Предстоял первый тур. Как одеться — вопрос вопросов. Говорили, что не стоит одеваться ярко, минимум макияжа, тогда своей неброской внешностью больше притянешь взгляды. Как бы не так! Алла не собиралась превращаться в серую мышь. Накрасилась она, как обычно, и даже чуть ярче, но впол-

не приемлемо для дневного макияжа. Волосы забрала наверх, выпустив пару кудряшек. Надела чёрное длинное, но лёгкое платье, приколола жемчужную брошь, в уши вдела длинные нити жемчуга.

“Женщина-вамп!” Нет, не пойдёт! На прослушивании она будет смотреться комично. Сняла серьги и брошь — слишком по-монашески. Прицепила брошь обратно — театрально. Сняла брошь, надела серьги. Кажется, ничего. Так, пожалуй, пойдёт! На фоне других девушек Алла заметно выделялась: высокая, стройная, яркая. Остальные — словно из одного инкубатора: “Найди хотя бы пять отличий!” Юноши, все без исключения, поглядывали на девушку в чёрном. Кто-то робко, кто-то нагло. Но честно сказать, было не до романов. Волновались все. И Алла тоже.

Вышел старшекурсник и зачитал имена первой десятки. Трояновская оказалась в списке. Они зашли в большую комнату. Сели на стулья вдоль стен. Напротив входа за длинным столом сидели люди. Не звери. И у Аллы вдруг восстановилось сбившееся дыхание.

Прослушивание велось по порядку справа налево. Подряд сидели три девушки, потом пять юношей, Алла и ещё один молодой человек. Вызвали одну, другую. Нервно трясущиеся руки, писклявые голосочки и трагедии, трагедии, трагедии. Алла еле сдерживала смех. Она заметила, что члены комиссии тоже готовы вот-вот расхохотаться.

Алла увидела за столом того самого мастера, которого она встретила в коридоре института. Звали его — поди ж ты! — Лев Андреевич Голицын. “Тоже мне — Лев!” — думала Алла и старалась не встречаться с ним глазами. “Ну, и мастер!” Ей представлялся могучий статный седовласый красавец, похожий на профессора из “Приходите завтра”, а здесь... Обмылок какой-то.

Комиссию рассмешила скромная девушка, читавшая “Влюблённую в дьявола” Гумилёва, особенно когда читала последний катрен:

*Я не знаю, ничего не знаю,
Я ещё так молода,
Но я всё же плачу и рыдаю,
И мечтаю всегда.*

Она считала, что трагический отрывок, эмоционально исполненный, может демонстрации её таланта. Потом вызывали юношей. Аллу пригласили девятой.

— Представьтесь.

— Алла Трояновская. Восемнадцать лет. Приехала из Тобольска.

— Скажите, Алла, у вас кто-то умер?

— Почему?

— Вы в чёрном.

— Я люблю чёрный цвет, — спокойно ответила девушка.

— Вам нравится образ роковой женщины?

— Мне нравится моё платье, — чуть с вызовом произнесла Алла.

— Что вы будете читать?

— Рассказ Чехова “После театра”.

— Пожалуйста.

Алла взяла у стены стул, поставила его посреди зала, села и начала рассказывать. Да, рассказывать, а не читать: “Надя Зеленина, вернувшись с мамой из театра, где давали “Евгения Онегина”, и придя к себе в комнату, быстро сбросила платье, распустила косу и в одной юбке и в белой кофточке поскорее села за стол, чтобы написать такое письмо, как Татьяна.

“Я люблю вас, — написала она, — но вы меня не любите, не любите!”

Написала и засмеялась.

Ей было только шестнадцать лет, и она ещё никого не любила. Она знала, что её любят офицер Горный и студент Груздев, но теперь, после оперы, ей хотелось сомневаться в их любви. Быть нелюбимой и несчастной — как это интересно! В том, когда один любит больше, а другой равнодушен, есть что-то красивое, трогательное и поэтическое. Онегин интересен тем, что сов-

сем не любит, а Татьяна очаровательна, потому что очень любит, и если бы они одинаково любили друг друга и были счастливы, то, пожалуй, показали бы скучными...”

Алла говорила просто. Без страстей, криков, воплей, но так, словно об этом нельзя молчать! В зале застыла тишина, и Трояновская чувствовала себя все увереннее. К её удивлению, члены комиссии не прервали рассказ и выслушали его до конца.

Она встала со стула и поклонилась.

— Я могу ещё что-нибудь прочесть.

— Достаточно. Приподнимите подол платья.

Алла растерялась.

— Простите, что?

— Приподнимите подол до колен. Это не сексуальное домогательство. Продемонстрируйте ноги.

— Я думала, вам нужно продемонстрировать талант, а не ноги.

После прослушивания к Алле подошли ребята и выразили ей своё восхищение:

— Так просто, без надрыва, а получилось гораздо лучше, чем у нас. Ты с кем занималась?

— С зеркалом, — ответила Трояновская.

Она уже собиралась уходить, как к ней подошёл Голицын.

— Мои поздравления вам. Вы очень хорошо подготовились.

— Спасибо, — сухо ответила девушка.

— Прекрасно выстроили интонационный и ритмический рисунок. Я в восхищении! Буду настаивать на том, чтобы вас пропустили на второй тур.

— Да? — обрадовалась Алла.

— Я мог бы поработать с вами и подготовить к следующим испытаниям, — вкрадчиво начал Лев Андреевич, — в индивидуальном порядке.

Алла понимала, к чему клонит “обмылок”: она ему явно нравилась — красивая, молодая, строптивая.

— Тебе ведь хочется поступить в институт? — Голицын посмотрел на Аллу долгим взглядом.

Ещё бы! Конечно, ей хотелось.

— Какие у вас глаза! — Лев Андреевич смотрел пристально. — Цвета гречишного меда... Не из-за вас ли всё началось в Трое? — прищурился он.

— Нет, там Елена была всему виной.

— Подумайте над моим предложением. Хорошенько подумайте.

Алла брела по пустынной аллее. Несмотря на жару, её знобило. Она еле доволочлась до общаги, а потом проспала десять часов кряду. Её соседка по комнате Вероничка ходила взад-вперёд, репетируя монолог Катерины из “Грозы”: “А какие сны мне снились! Варенька, какие сны! Или храмы золотые, или сады какие-то необыкновенные, и всё поют невидимые голоса, и кипарисом пахнет, и горы и деревья будто не такие, как обыкновенно, а как на образах пишутся. А то будто я летаю, так и летаю по воздуху. И теперь иногда снится, да редко, да и не то”.

Алла открыла глаза.

— А тебе, Алка, что снится?

— Крейсер “Аврора”, — буркнула Трояновская и перевернулась на другой бок.

На следующий день после полудня Алла пришла в институт узнать результаты. Ура! Её фамилия значилась в списке: она была допущена ко второму туру. Какая разница, хлопотал Голицын за неё или нет! Она и сама хорошо показала себя — Алла это чувствовала. По крайней мере, в её десятке она была сильнейшей. И как оказалось, из этой десятки на второй тур прошла только Трояновская.

Неожиданно Алла услышала голос Льва Андреевича. Он, разговаривая с кем-то, выходил из кабинета. Алла поспешила уйти, чтобы не встретиться с ним.

В общежитии Вероничка не унималась со своей Катериной.

— Послушай, Алла, ну, послушай.

— Вероничка, у тебя интонационная точка ставится чуть ли не после каждого предложения, — не выдержала Алла, — а она должна ставиться в конце отрывка! Ты же вообще не чувствуешь того, что читаешь!

Вероничка обиженно уставилась на Аллу. Ей нравилось, как она страдает! Она вжилась в Катерину!

— Вероничка, вот скажи, ты любишь в церковь ходить?

— Чего я там забыла?

— А Катерина любила. Она же сама говорила, что “до смерти любила в церковь ходить”! Как там? “...словно в рай войду, и не вижу никого...”.

— Ну, а ты, ты как бы прочитала её монолог?

— А я бы не стала читать. Это не близко мне. И тебе, кажется, тоже.

— Но это же непрофессионально! — закричала Вероничка. — Мы обязаны уметь читать всё!

— Я берусь за то, что понимаю и чувствую, — серьёзно ответила Алла.

Назавтра был новый тур. Алла специально надела короткую юбку, чтобы видели, что ноги у неё не кривые! “На этот раз не буду краситься, может, “обмылку” разонравилось”. Трояновская шла на второй тур творческого конкурса и рассуждала, правильно ли она поняла преподавателя? Может, она выдумала, что он равнодушен к ней как к девушке? Может, он разглядел в ней дарование и хочет помочь огранить бриллиант? Наверное, она не так поняла его.

Но по взгляду Голицына, когда она вошла в зал, девушка поняла, что поняла его правильно.

Аудитория была та же. Комиссия немного разрослась. На сей раз Алла сидела первой, поэтому и показывала себя первой. Она прочитала басню “Стрекоза и муравей”, но не в обычном её понимании, а ломая стереотипы. Стрекозу она показала не как легкомысленную особу, а как талантливую певицу, работающую всё лето. Муравья же — как скрягу и бесчеловечного, не способного помочь куме в трудной жизненной ситуации. Алла видела, что такая трактовка басни заинтересовала комиссию.

— Стрекоза у вас получилась совсем не такой, как у Крылова! Похвально. Их сходство лишь в том, что обе они — поющие. А как у вас с пением?

Алла пела хорошо. У неё был хороший слух и приятный голос. К тому же, она играла на фортепьяно. В зале стоял инструмент, поэтому девушка, спросив разрешения, подошла к инструменту и спела под собственный аккомпанемент.

“Наверное, пройду”, — думала Трояновская, так как своим выступлением в целом она осталась довольна. Были, конечно, и огрехи, не без этого. Но на ступенях у выхода её догнал Голицын и огоршил:

— Не думай, что ты такая талантливая. — Он схватил её за руку выше локтя. — Таких как ты — пруд пруди! Ты подумала над моим предложением?

— Нет, — просто сказала Алла.

— Почему?

— А что тут думать? Нет, и всё.

Голицын гневно сверкнул глазами.

— Ты не забыла, что я руководитель курса?

— Отчего же мне забыть?

— Я тебе дам ещё время на раздумья. На третий тур ты, считай, уже прошла.

— А почему вы мне тыкаете? — зло спросила Алла.

— А дальше не знаю, — не слушая её, продолжал Голицын, — дальше уже от тебя зависит. Надеюсь, мозги у тебя имеются.

Алла презрительно усмехнулась. Неужели если она хорошо себя покажет в третьем туре, её не допустят до конкурса? Как бы не так!

Вероничка второй тур завалила. Она, заливаясь горячими слезами, твердила, что в ней не разглядели великую актрису. Алле одновременно было и жаль её, и нет. На великую актрису Вероничка не тянула. Хотя — кто знает...

На третий тур Трояновская действительно прошла — её фамилия была в списке допущенных к дальнейшим испытаниям.

Перед третьим туром она встретилась с Голицыным. “Обмылок” смотрел на неё ласково и уверенно. Алла поздоровалась с ним сдержанно, но художественный руководитель курса подмигнул ей и даже коснулся плеча. На шее Аллы был повязан прозрачный шарфик из фатина — он хорошо сочетался с глубоким бордовым цветом её блузы. Лев Андреевич, взяв свободно спадающий конец шарфа и посмотрев через него на Аллу, мягко шепнул: — Какая ты красивая...

На третьем туре Трояновская, безусловно, блистала. Она сместила комиссию, читала, пела и даже показала несколько танцевальных движений. Она была уверена, что последний творческий тур ею пройден, и впереди уже маячат экзамены.

После своего выступления Алла беспечно болтала с теми, кому ещё предстояло пройти испытание. К ней подошла незнакомая девушка и передала записку. В записке беглым почерком значилось: “Площадь Ленина, семь вечера”.

Алла, разумеется, поняла, от кого записка. “Ишь ты, какие тезисы! Размечтался!”

На следующее утро в одиннадцать должны были вывесить списки тех, кто прошёл все три тура. Алла пришла в назначенное время в институт. Она несколько раз перечитала вывешенные бумаги, но в них фамилия “Трояновская” не значилась.

Алла подошла к окну и посмотрела в институтский двор — там ребята играли в баскетбол. Мячик лихо залетал то в одну, то в другую корзину.

— Не смогла вчера прийти, да? — услышала она за спиной мягкий полусёпот.

Алла вздрогнула. Голицын стоял рядом и выжидающе смотрел на неё. Алла молчала.

— Не нашла себя в списках? — грубо спросил он.

Она покачала головой.

— Ну, это поправимо. При одном малюсеньком условии, — Голицын прищурился, — ты знаешь — каком... Ну, что тебе это стоит? Всего каких-нибудь десять минут...

Аллу так и обожгло, но её рассмешили эти десять минут — она прыснула.

— Всего лишь десять? Десять минуточек! — Девушку колотило от смеха. — Знаете что, — наконец вымолвила она, — если бы вы хоть симпатичный были, а то...

— А то? — спросил Голицын.

— Клоп клопом.

— Что-о-о?

— А что слышали. Моральный клоп! Лысый, маленький и вонючий.

Театрального института Алле было не видать теперь, как своих ушей. А может, оно и к лучшему?

БЕГУЩАЯ ЧЕРЕЗ ЖИЗНЬ

Ульяна очень любила живопись. Поэтому приглашение знакомого сходить на выставку картин обрадовало её. Павел Васильевич Росляков, сосед Ульяны, — мастер на все руки. По весне он делал рамки для картин того художника, на выставку которого теперь и пригласил Ульяну.

Из беседы с Павлом Васильевичем по дороге к музею она узнала, что Дмитрий Дмитриевич Вода — так звали художника — самоучка.

— И что это будут за картины? — недовольно хмыкнула Ульяна.

Ей представилась нелепая мазня непрофессионала.

— Подожди хмыкать. Не видела ведь, — укорил её Пётр Васильевич.

“Сказал бы раньше — не пошла бы! — сердилась девушка. — Малевать-то я и сама умею не хуже любого самоучки. Может, вернуться? Павел Васильевич обидится. Ладно! Схожу, раз уже иду. Покуражусь”.

— Ну, и фамиличка — Вода! — продолжала фыркать Ульяна. — Ещё был бы Пиво.

— Не смейся. У него дед — француз. И фамилия Вода — французская. Хотя и звучит по-русски.

Здание, в котором располагался музей художественной культуры, относилось к монастырскому комплексу. Вернее, здесь раньше был монастырь, а теперь... А что теперь — Ульяна даже и не знала. Конторы какие-то. И лишь одно здание выделили под культуру.

Этот музей Ульяна посещала не однажды. Как правило, по залам она часто бродила в одиночестве — ценителей искусства в городе было немного. Но сегодня здесь оказалосьлюдно — выставка только что открылась. На торжественную часть они с Павлом Васильевичем опоздали, и все уже важно разгуливали по довольно большому залу, рассматривая картины.

Павла Васильевича радостно поприветствовала смотрительница, недвусмысленно посмотрев на Ульяну.

— Она вас знает? — шепнула Ульяна.

— Да, — тоже шёпотом ответил Росляков, — я на днях картины помогал вешать.

Недалеко от входа стоял столик с бокалами, наполненными шампанским. Павел Васильевич отошёл от Ульяны и через минуту вернулся, держа в руках два бокала.

— За выставку! — стукнул он по бокалу девушки.

Она уже краем глаза посматривала на картины. И ей приглянулась одна — с васильками.

Публика вокруг ходила самая разнообразная, но объединяло всех то, что они одинаково умно всматривались в картины. “Спец!” — усмехнулась Ульяна.

— Давай подойдём к Дмитрию Дмитриевичу, поздороваемся, — прервал Росляков её наблюдения.

Ульяна не возражала. Только она никак не могла пока понять, кто здесь художник. Может, вон тот, в красном шарфике? Или вот тот — бестолково одетый? Или нет! Бородатый, в свитере. Хотя он больше на геолога смахивает. Каково же было удивление Ульяны, когда она увидела, что Павел Васильевич подошёл к скромно сидящему на стульчике в углу зала старичку. Рядом с ним — высокое окно, подоконник которого утопал в срезанных садовых цветах. Старик поверх них смотрел в небо.

— Приветствую вас, Дмитрий Дмитриевич! — Росляков сделал небольшой поклон.

— Здравствуй, здравствуй, голубчик. — Дмитрий Дмитриевич попытался встать, опираясь на трость.

— Сидите, сидите! — остановил его Росляков.

Павел Васильевич заговорил о чём-то с художником, а Ульяна, постояв немного в стороне, отправилась бродить по выставке. Картин было штук шестьдесят, в основном — христианство и природа. Некоторые даже понравились Ульяне. Ярко так написаны и самобытно. От них веяло радостью и теплом. Без всякой дури, ясные и простые. Немного наивные, но старательные. Наверное, нельзя было бы назвать Дмитрия Дмитриевича художником в полном смысле этого слова — не хватало техники, и это было очевидно.

Ульяне захотелось подробнее узнать о Воде. Точнее, если он француз по происхождению, то “о Вода”, ведь у них фамилии не склоняются. И она подошла к той стене, где висел листок с биографией художника. Родился он задолго до войны. Ещё в первом классе участвовал в акварельной выставке, даже получил премию. Посещал художественную школу. Учебу прервала война. Воевал, был ранен. После войны работал художником-оформителем на предприятиях города.

Читая информацию о художнике, Ульяна услышала разговор двух женщин.

— Говорят, он потомок известного писателя. Этот писатель был знаменит, как Достоевский, но сейчас о нём ничего неизвестно, так как он сжёг все свои рукописи, — сказала одна.

— Да ну, — не поверила другая, — если бы был знаменит, то издавался бы, какие-то книги остались бы...

Чем больше Ульяна смотрела на картины, тем больше они ей нравились — своим неброским очарованием они напоминали полевые цветы.

“А это что за странная картина?” — удивилась Ульяна, остановившись перед необычным полотном. Оно выбивалось из общего ряда своей сюжетностью. Вагон. Верхняя полка. На ней — силуэт мужчины. Проход. В проходе — идущая вперёд девушка, лицом к зрителю, но спиной к лежащему мужчине. Походка её стремительна. Девушка стройна и красива. Яркое синее платье — единственный радостный элемент картины, а всё остальное — в полумраке. Хотя глаза у девушки тоже прорисованы достаточно ярко — они большие, чёрные, немного даже слишком большие. Пожалуй, таких глаз не бывает на самом деле. Зачем художник изобразил их такими? Всё очень реально, а глаза — нереальны. Даже не объяснить, что это были за глаза. Неземные, вот! — подобрала, наконец, Ульяна слово для определения этих глаз. Кого он рисовал? Инопланетянку? Нет, в остальном это была абсолютно земная девушка. На вид ей лет двадцать пять. Куда она так стремится? Почему человек лежит на полке? Хотя это логично — ведь дело происходит в поезде. Почему он смотрит ей вслед? Узнал её? Кто же она? Кто она ему?..

Загадка какая-то — Ульяна даже разозлилась. Какое время изображено на картине? Вероятно, пятидесятые годы, судя по фасону платья.

И вдруг Ульяна оцепенела. Цвет платья на картине точно такой же, как у её блузки! Васильковий! Ульяна внимательно посмотрела на картину. Не может быть! Не может быть! Нет, не может быть!

На картине была нарисована она. Да, несомненно, она. Где, когда видел её этот Вода? Какого года картина? Не важно, какого! Это она, она стремительно идёт по вагону, а вслед ей смотрит какой-то человек. Ульяна читала, что люди порой испытывают мистический ужас, но что это такое, доселе оставалась ей непонятным.

— А, вот ты где! — услышала Ульяна голос за спиной. — А я тебя ищу. Ульяна обернулась.

— А что это ты такая бледная?

Росляков за локоть поддерживал старичка-художника.

— Ульяна, познакомься! Дмитрий Дмитриевич Вода.

Девушка не могла выговорить ни слова, поэтому только кивнула. Вода не сказал ничего. Он смотрел на неё, дрожа и не мигая.

Молчание прервал Павел Васильевич:

— Вам нехорошо, Дмитрий Дмитриевич?

— Всё в порядке, — еле слышно ответил Вода, по-прежнему дрожа.

— Душно, может быть?

— Посмотрите, она будто сошла с картины! — взволнованно ответил художник.

Росляков посмотрел на девушку на картине, затем — на Ульяну: сходство было поразительным.

— Вот так да! — почесал он затылок.

— Я тоже поражена, — наконец заговорила Ульяна. — Дмитрий Дмитриевич, кто это?

Художник молчал.

— Не меня ведь вы рисовали?

Вода покачал головой.

— А кого?

— Не знаю, — всё так же тихо ответил он.

— Как не знаете? Вы рисовали и не знаете кого? Кто она? Кто это — на картине?

Художник тяжело вздохнул и ничего не ответил. В этот момент к ним подошли журналисты — брать интервью у Дмитрия Дмитриевича. Художник отошёл с ними в сторону, ему принесли стул, он сел и стал отвечать на вопросы.

Ульяна смотрела на картину, пытаясь найти ответ: что же это за картина? Её злило, что Вода не стал отвечать ей, а ведь наверняка знал, кого рисовал.

Павел Васильевич куда-то запропастился. Ульяна ещё немножко походила по залу, равнодушно взирая на остальные картины, и, ещё раз взглянув на ту самую, направилась к выходу. Её ненадолго задержали, попросив написать отзыв о выставке. Она отделалась сухим комплиментом и, не дожидаясь Павла Васильевича, пошла домой.

Несколько дней та картина стояла у неё перед глазами, но потом навалились другие заботы, и Ульяна забыла о выставке.

Прошло полгода. Случайно, совсем случайно она наткнулась в интернете на статью о художнике Вода. Каково же было её удивление, когда она увидела фотографию, сопровождавшую репортаж с выставки. На ней была запечатлена беседа художника с Ульяной. Она долго разглядывала снимок. Вода смотрел на неё с не меньшим удивлением, чем она на него.

— Какой он трогательный! — вырвалось у Ульяны.

И действительно, он походил на гладко причёсанного воробушка. Пиджак был ему большеват. Наверное, похудел незадолго до выставки. На груди — медали, а в глазах — тоска. У Ульяны защемило сердце.

Вечером позвонил Росляков.

— Я сейчас зайду, — сообщил он.

Вид у него был расстроенный. В руках он держал конверт.

— Что случилось? — с тревогой произнесла Ульяна.

— Дмитрий Дмитриевич умер. Помнишь художника? Вода.

— Помню, конечно.

— Родственники мне передали вот этот конверт.

Он протянул конверт Ульяне. На нём значилось: “Рослякову П. В. и той девушке, что была с ним на выставке”.

— Тебе, значит.

Ульяна взяла конверт. Повертела его.

— Жаль, что он умер...

— Давай помянем, — предложил Росляков.

— Не могу, мне на работу.

Как только Ульяна закрыла за соседом дверь, она сразу же вскрыла конверт. Письмо начиналось так: “Доброе время суток! Мы с вами встречались на моей выставке. Вас тогда поразило ваше сходство с героиней моей картины. Не скрою, я тоже был поражён, но в тот момент я не мог ответить на ваши вопросы, и вы, наверное, подумали обо мне, как о вредном и противном существе, за что прошу прощения”.

Зазвонил телефон, но Ульяна продолжала читать:

“Однажды я ехал из Москвы к родителям в Красноярск. Бездельничал, лежал на верхней полке и смотрел на ускользающие деревья, как вдруг услышал голос:

— Скажите, какой это вагон?

Я оторвался от окна и повернул голову. В проходе стояла девушка в ватильковом платье. Она была такой красоты, что у меня захватило дух. Мы встретились глазами. Я понял, что влюбился. Да, да, я понял это в одну секунду. Я будто бы знал её всю жизнь, хотя никогда прежде не видел. Я понял, что это моя судьба. Это может показаться сумосбродством, но уверяю: всё было именно так.

— Седьмой, — ответил кто-то из пассажиров.

— Спасибо, — сказала она, вновь посмотрела на меня и пошла по проходу дальше. Я словно окаменел и онемел одновременно. Девушка, пройдя несколько метров, обернулась. Посмотрела на меня недолгим взглядом и исчезла.

Я заметался. Что делать? Бежать за ней? А вдруг это будет глупо? Может, там её ждет муж? А вдруг я её испугаю? Я и вправду не знал, что делать. Пустился в долгие рассуждения. Потом себе объяснял это тем, что, возможно, меня сдерживало сознание того, что я был женат...

Не знаю, не знаю, почему я не ринулся ей вслед. Всю жизнь я прокручивал в памяти эту встречу и ругал себя за свою робость и боязнь. Лежать

на своей полке я больше не мог, встал и пошёл искать её. Прошёл все вагоны, но её не нашёл. Заглядывать в каждое купе я постеснялся — только в те, где двери были открыты, пусть даже чуточку. Я прошёл все вагоны не сколько раз, на меня даже косо стали смотреть проводники.

Утром поезд прибывал в Красноярск. Она, когда спрашивала какой вагон, шла в конец поезда. По перрону я во весь опор помчался к головному вагону, рассматривая всех приехавших. Её среди них не было. Не было! Я ждал, что вот-вот она появится. Не увидеть её я не мог! Я запомнил её навсегда. К тому же, она была в таком ярком платье! Но — увы и ах! — толпа рассеялась, лишь тянулись последние нагруженные пассажиры, а этой девушки не было. Я не понимал, куда она могла исчезнуть.

Всю жизнь я думал о ней, поначалу не проходило и дня, чтобы я не вспоминал её. Когда жена спрашивала, почему я так задумчив, — бессовестно врал, что перед глазами стоит война. Каждый день молил Бога, чтобы он дал мне шанс ещё раз увидеть её. Но всё было напрасно. Жизнь моя разделилась на две половины: до неё и после. Васильковое платье стало границей.

Я ждал эту девушку, звал, искал в каждой женщине. А когда расплывчато видел её в своём воображении, то боялся, что позабуду её черты. И тогда я стал учиться рисовать. Десять лет самостоятельно постигал азы живописи только лишь для того, чтобы нарисовать её портрет. Задатки у меня были, да и художественная школа за плечами, но это всё были цветочки: теперь я учился настоящей живописи. Сколько раз я пробовал написать её! Не удавалось. Рисовал природу, но лелеял мечту написать эту девушку, которую когда-то потерял в поезде.

И всё же мне удалось воплотить свою мечту.

Я часто выставлял это полотно. Я жаждал, чтобы однажды она пришла и увидела бы мою картину. Узнала бы себя. Вспомнила бы тот поезд и меня. И захотела бы узнать, кто художник?..

Вы видели картину. Моя девушка действительно похожа на вас. Как две капли воды. Она не пришла на мою последнюю выставку. Зато пришли вы. И как тогда, в поезде, вы тоже исчезли бесследно.

Я завещаю эту картину вам.

И помните! Никогда не проходите мимо своей судьбы.

Прощайте.

Художник Вода”.

ЩУКА

В последнее время дед почему-то пожелтел. Фельдшер сказал, что у дедушки проблемы с печенью, то есть ничего умного не сказал. Лукич поехал в город на обследование. Врачи сказали то же самое, что и местный фельдшер.

— Неважно обстоят ваши дела, Афанасий Лукич. — Молоденькая врачиха с сочувствием посмотрела на престарелого пациента.

— Совсем? — храбрясь, спросил Емельянов.

Врачиха отвела глаза. В своём медицинском халате она смотрелась, как белое солнце на фоне жёлтой пустыни. Пустыней, разумеется, был Афанасий Лукич.

— Значится, помру я скоро, потому и гоните меня?

— Почему же гоним? Вам будет назначено поддерживающее лечение. Уколы, таблетки — можно и дома принимать.

— Дочка, а жить-то мне сколько осталось?

— Я не Бог, — ответила врачиха, — не могу знать. Но вы не слишком драматизируйте ситуацию, — вдруг спохватилась она.

— А почто у меня печень никогда не болела?

— В ней нет нервных окончаний. Поэтому симптомы заболевания появляются, к сожалению, когда уже слишком поздно. У вас печень в стадии разложения. Цирроз.

— Как все поменялось, — сказал дед, — раньше — убей врача, не скажет, чем ты болен. Теперь, наоборот, сами врачи пытаются убить пациента диагнозом.

Видно было, что молоденькой врачихе не по душе пришлось слова Емельянова, но она, поджав губы, промолчала.

Автобус, словно на коньках, по крепко схваченной льдом дороге быстро домчал пассажиров из Лабитнанги до посёлка Октябрьский, где жил Емельянов.

— Сказала мне одна молоденькая козочка, что помру скоро, — докладывался по приезду дед своей бабке, — цирроз.

— Какой цирроз, — всплеснула руками Петровна, — ты же не пьяница!

— Вот уж не знаю, откуда навязался этот цирроз.

— Горе-то какое! — Петровна не могла сдерживать слёз. — Говорила тебе, не ешь рыбу сырую, а ты словно глухой! Вот и заразился. Всё по-своему делаешь!

Афанасий Лукич уже не слушал её. Он взобрался на печь и лежал, думая о том, что вдруг и впрямь скоро помереть доведётся.

“Пожил, и хватит, — рассуждал он, — чем заживо гнить, так уж лучше в земле. Но это после, а пока ещё чуточку надо не помирать”.

Он исправно пил лекарства, выписанные ему в Лабитнанги. Приходил в обляпанном халате толстый фельдшер Ерохин и ставил уколы в его сухонькие ягодички.

— Ты меня наскрозь проткнёшь, Ерошка, — крепился от боли дед.

— А нечего болеть! — отвечал фельдшер.

Деду день ото дня становилось всё хуже и хуже. Он слабел и терял аппетит.

“Неужто всё-таки помру скоро? — думал он. — Ещё бы полгода протянуть. А там и помирать можно”.

А полгода Афанасий Лукич выпрашивал вот почему. Он никогда не видел внука. Его поздний сын женился студентом и почти сразу же разошёлся. Даже неделю не прожили молодые. Почему? Да пёс их разберёт. Сколько Емельяновы ни пытались сына, он отказывался говорить на эту тему. А совсем недавно выяснилось, что у них есть внук.

— Как ты молчал-то про это? — накинулись они на сына.

— Так я сам недавно узнал, — оправдывался тот.

Артём — так звали емельяновского внука — учился за границей. Лукич разговаривал с ним дважды по телефону. Голос у внука был очень доброжелательный. Артём тоже совсем недавно узнал о том, что у него есть отец, дед и бабушка, и это стало для него не меньшим потрясением, чем для дедки с бабушкой. Обещал приехать навестить родню, но только когда будет в России на каникулах, а это через полгода.

— Дожить бы, — вздыхал Афанасий Лукич.

А теперь внезапная страшная болезнь сбивала все планы.

— Может, какими народными средствами полечиться, — спрашивал он у фельдшера, — отвар мухомора, горюхат, помогает.

— Не дури, дед! — запрещал Ерохин. — Хуже будет.

Лукич уже еле вставал. Слабость и усталость, навалившиеся на него, пригвождали к кровати. Он и на печку-то забраться уже не мог. В один из дней карабкался, карабкался, да так навернулся, что больше и не полез.

Петровна ходила с мокрыми глазами.

— Чего ты меня хоронишь? — ругал он её. — Я ведь ещё тёплый.

Однако ему самому с трудом верилось, что он доживёт до лета. А дожить хотелось. Ой, как хотелось!

Лукич похудел, осунулся и цветом стал походить на насыщенно жёлтый опавший лист. И если раньше к нему было применимо слово “дед”, то сейчас больше подходило “старик”.

“Какой он — мой внук? Похож на кого? А вдруг — на меня? Или на моего отца Луку Григорьевича? Я умру, но я буду жить в нём, в моём внуке, в его детях и внуках. А то ведь, было, думал, что на сыне так и закончусь. Ан нет! Продолжение есть. И так хочется увидеть это продолжение, хотя бы один разок, перед смертью...”

Думы Лукича прервал пришедший навестить его Митька Захватошин.

— Афанасий Лукич, здорово! Говорят, ты хвораешь шибко.

— Митька, так мне восемьдесят годочков справляли ещё три года назад, — усмехнулся Емельянов, — а ты меня внимательно разглядываешь и думаешь, до чего же я жёлтый, так, небось?

Захватошин мял в руке шапку.

— Так, вижу, что так. Сказывай, зачем пришёл.

Митька почесал затылок, помялся, а потом выпалил:

— Продай мне медали.

— Чего-о-о? — Емельянов аж привстал с постели.

— Медали, говорю, продай. Не ровен час — помрёшь. Все судачат, что жить тебе два понедельника. Вон жёлтый какой стал, как азиат.

— Ты зелёный больно! — с гневом выдохнул старик. — Сорок лет, а ничего не разумеешь!

— Ты сам подумай, зачем тебе медали? Петровне твоей они без надобности. Сыну? Так он оглоед у тебя, всё по тюрьмам да по ссылкам. Обжился уж там. А я хорошо заплачу.

— Вот ты с виду воробей, а душа у тебя стервятника! Проваливай отседова. Видеть тебя не желаю!

— Продай, говорят. Очутятся ведь на помойке твои медали. Забесплатно! А я тебе денег дам. Перед смертью чем-нибудь побалуешься. Может, этих, — Митька показал большую грудь и подмигнул старику, — позовёшь.

— Пшёл вон, щенок! — закричал Емельянов, да так сильно ударил ладонью по прикроватной тумбочке, что взвизгнула кружка, подпрыгнув и ударившись о ночник. — У меня внук есть!

— Да слышал я, слышал. — Захватошин презрительно кольнул глазами больного. — Только, говорят, он американец. И советские награды ему до лампочки. Да и не увидишь ты его никогда.

— Убирайся, — устало промолвил Емельянов, не глядя на Захватошина.

В ту ночь Емельянов видел страшные сны. То он копал картошку в сырой земле, то ему подбирали новый дом. Он проснулся с неприятными ощущениями. За окном уже вовсю светило солнце — никогда так поздно он не просыпался. Нежиться в постели Емельянов не привык, но болезнь предоставила ему эту возможность.

И вдруг дико захотелось есть. Он ощутил то здоровое и естественное чувство голода, которое побуждало первобытных людей идти на охоту. Лукич проворно встал с кровати, удивляясь своей прыти. Поднял руки вверх и усиленно потянулся. Вошла жена и посмотрела на него так, словно он сделал сальто-мортале или какой-то ещё диковинный трюк, а не просто вытянул руки.

— Ты почто распрыгался? — спросила она, вытирая руки о передник, собираясь помочь мужу лечь обратно.

— Есть хочу! — заявил он, отстраняясь от её рук.

— Батюшки святы! — заохала Петровна. — А я и думаю, чегось так пирогов с утра поманило стряпать.

— Пирог опосля. Хочу рыбы. Изнемогаю, как хочу.

— Какую рыбу? Рыбу какую-то выдумал. Все болезни у тебя от рыбы!

— Ты не любишь её есть, так и не ешь. А я в Сибири всю жизнь живу, рыбой питаюсь, а не лягушками!

Петровна и впрямь не любила рыбу. Их с Афанасием Лукичом первенец подавился косточкой от рыбы, не спасли ребенка, он и помер четырёх лет от роду. А потом она слышала, что разную заразу можно подцепить от рыбы, особенно если есть её сырой. Пистрахоз там какой-то, что ли... Этот вот всю жизнь ел, заразы нахватался и пожелтел.

— Зачем тебе рыба? Хочешь, котлетки пареные сделаю. Пирог на походе.

— Рыбы хочу. И не перечь мне!

Ну, рыбы так рыбы. Петровна с недавних пор боялась отказать в чем-либо мужу. Откажешь, а вдруг это его последняя просьба?

Она пошла по соседям. Они перекупали у хантов рыбу и возили её перепродавать в Лабитнанги. Когда Петровна пришла к Захватошиным, как

раз прибыл новый улов. Митька при встрече с соседкой сжался, но, поняв, что Лукич ничего не рассказал ей о недавнем разговоре про медали, вновь выпрямился.

— Рыбы деду захотелось, — сказала Петровна.

— Вот так да! Поправляется дед-то? Бери любую, вся свежая. Максим-ка всегда хорошую рыбу доставляет.

Юркий хант по имени Максим радостно закивал головой.

— Да какое там поправляется, — махнула рукой Петровна. — Правда, сегодня малость лучше... Не спросила, какой ему хочется рыбы-то.

Хант внимательно посмотрел на Петровну.

— Чем болеет?

— Желтый весь. Из больницы выписали, видать, помирать. Уколы делают, лекарства пьёт, а всё желтее становится.

— Печень у него. — Хант был краток.

— Так знамо дело, что у него.

— Помрёт.

— Так все мы помрём, — горестно произнесла Петровна, — а пожить ещё бы ему хотя бы полгодика. Внук обещался в гости приехать. А его-то мы ни разу не видали, вот и хочет дед хоть немного ещё пожить.

Максим подошёл к возу с рыбой. Взял одну, другую, положил их на место, достал третью. Это была щука. Живая. Хант оглядел её внимательно со всех сторон и отдал Петровне.

— Возьми. Положи в воду. Дождись меня.

Петровна пожала плечами, но рыбу взяла.

— Готовить будешь?

— Делай, как сказал.

Через полчаса в избу Емельяновых без стука вошёл хант. Он, не сняв свои кисы — тёплые сапоги из оленьей шкуры, — прошёл к постели больного. Петровна семенила следом.

— Где щука?

— В тазу.

— Неси!

Афанасий Лукич удивлённо смотрел на ханта.

— Вставай! Лечить буду.

Емельянов ничего не ответил, но принялся приподыматься в кровати. Тем временем хант снял шубу, украшенную мозаикой из меха двух цветов и полосками цветного сукна. Поставил посреди комнаты стул и велел Лукичу сесть на него. Емельянов не возражал. Выдвинул на середину комнаты круглый деревянный стол с изогнутыми ножками и поставил на него таз, в котором лежала рыба. Всё ещё живая. Нет, она не могла, плескаясь в воде, биться о стенки тазика, а находилась в каком-то полубоморочном состоянии.

— И как лечить будешь, лекарь?

— Знаю, как. Дед шаманом был. Ты смотри на щуку. Не мигай. Смотри прямо в глаза ей. Не бойся. Только смотри.

— Долго?

— Сколько скажу.

Емельянов и до этого смотрел на щуку, а по заданию его взгляд стал ещё более внимательным. Но разве поможет?

Хант стал что-то бормотать на своём языке. Какие-то заклинания. На губах Лукича мелькнула чуть заметная усмешка. Давай, мол, давай, придуряйся, а сам, между тем, как было велено, не отрываясь смотрел на рыбу. Взгляд его с каждой минутой делался напряженнее. Вдруг... рыба стала повздрагивать. Померещилось? Емельянов смотрел, не мигая, в глаза щуке. Бормотание ханта становилось яростнее. И чем громче говорил хант, тем живее становилась рыба. Она ерзала по дну таза, открывала рот, показывая свои крепкие зубы, и тоже, не мигая, смотрела на Емельянова. Тот хотел было отвернуться — так уж неприятен был этот щучий взгляд, но вдруг услышал голос ханта:

— Смотри!

Афанасий Лукич сдержался и не отвёл глаза, но в следующий миг ему стало ещё страшнее. Щука бесновалась. Её плотное тело ударилось о стенки таза с бешеной силой. Щука поедала его глазами, словно кто-то заставлял её смотреть на Емельянова. И взгляд этот был полон ненависти. Она стала похожа на торпеду, готовую броситься на врага. Емельянов покрылся испариной, его фланелевая рубашка прилипла к телу. Его так жгло изнутри, словно в нём раскочегарили печь. Щука становилась всё неистовей. Её мелкие чешуйки оттопырились, а плавники раскрылись и стали похожи на петушинный гребень. Она щёлкала челюстью и бурила Емельянова глазами. “Ненавижу тебя, жёлтый старик, ненавижу!” — эти слова с яростью, казалось, выплескивали её глаза.

Дикая боль пронзила Лукича с ног до головы. Он даже губу прокусил до крови. Казалось, вот-вот потеряет сознание.

— Не отрывайся! — закричал хант.

Емельянов из последних сил заставил себя смотреть на страшную рыбу, а она не унималась и ненавидела его всё сильнее и сильнее. Всё было словно в тумане, кроме бешеных глаз дикой рыбы. Емельянов даже не слышал камлания ханта.

Неожиданно на его глазах щука стала сильно темнеть. Из светло-зелёной она становилась жёлто-копченой. Вдруг она щёлкнула зубами и, в последний раз взглянув на старика, резко повернулась на бок и затихла.

— Кончено, — сказал хант.

Емельянов закрыл глаза. Ломило. Когда он открыл их и посмотрел на щуку, рыба была жёлто-коричневая. И в тот же миг Афанасий Лукич испытал неподдельный ужас:

— Она живая!

— Живая, — подтвердил хант. — Болезнь твою взяла. Обратно в речку снесу.

— Так как же...

— Не бойся. Никто её не поймает. Сколько она проживёт, столько и ты жить будешь.

Афанасий Лукич встал со стула и, пошатываясь, подошёл к кровати. Он рухнул на своё ложе и проспал до следующего утра крепким молодецким сном, похрапывая на всю избу. Когда дед проснулся, Петровна орудовала на кухне. Что это было? Сон? Он легко встал с постели, прошёл в кухню. Над рукомойником висело зеркало. Глянув в него, Емельянов отшатнулся. Он был обычного цвета, человеческого. Петровна только руками развела.

Прошло несколько месяцев. Наступило лето. Как-то Афанасий Лукич копошился в огороде.

— Дед, здравствуй! — вдруг услышал он за спиной.

Лукич медленно-медленно, боясь, что это ему послышалось, обернулся. Перед ним стоял его внук. Сомнений не было: одно лицо с той фотографией, где молодой Емельянов изображён перед уходом на фронт.

Артём оказался хорошим парнем. Помогал по хозяйству, даже научился стряпать пироги. Внимательно слушал рассказы, расспрашивал. Он привёз много заграничных подарков бабушке и деду. Петровна связала к его приезду свитер. Дед купил удочку. Внук благодарил их от всей души. Перед тем как ему уезжать, дед достал свои награды.

— Держи, внук, береги их. На них кровь наших солдат. На них наша победа. Живите мирно, не воюйте. И приезжай-ка ты из своей Америки после учёбы обратно в Россию.

Дед и внук крепко обнялись на прощание.

— Я ещё приеду, — пообещал Артём Емельянов.

Проводив внука, дед выпил здоровую чарку вина, ещё раз посмотрел на фотографии с внуком и лёг спать. Больше он не проснулся.

РЕЦЕПТ ХОРОШЕГО НАСТРОЕНИЯ

Кто не пробовал орешки со сгущёнкой? Вкуснотища! Но, увы, не для всех. Кого-то, например, от них тошнит...

Солнечным морозным деньком две подружки Жанна и Майя гуляли вдоль Ангары по бульвару Гагарина. Майя весело щебетала:

— До чего я наш Иркутск иногда ненавижу, а сегодня просто обожаю. Глянь, какая красота кругом.

Жанна тоже любовалась заснеженными, сверкающими на солнце деревьями, но без особой радости.

— Может, заглянем в кафе? — предложила Майя. — Первый день зимы. Отметим.

Жанна помрачнела:

— Майка, у меня с деньгами засада. Кредит платить нечем. Работы никакой. Бьюсь, куда угодно готова пойти...

По бульвару прогуливалось много женщин с колясками, и в этот миг Майя поздоровалась с одной из них:

— Здравствуйте, Светлана Анатольевна! О, какие мы уже большие! — Она наклонилась к коляске из которой выглядывал голубоглазый мальш.

— Растём, Маечка, растём... — сказала Майина знакомая.

Они перемолвились ещё парой фраз, и Светлана Анатольевна покатила коляску дальше.

— В соседнем отделе у нас работала. Детей с мужем долго не было. По каким только врачам... И в Москву ездили, и Бог весть ещё куда. А в прошлом году, прикинь, вдруг раз — и забеременела. Говорят, какой-то святой помолилась... Я, правда, в это не верю...

Жанну рассказ подруги явно не волновал.

— Так вот... — хотела было продолжить она про своё, но Майю распирало желание дорассказать:

— Погоди, погоди! На Новый год она была на третьем месяце. Все шампанское пьют, и ей вдруг так захотелось, аж до скрежета зубов. А тётка при этом совсем не пьющая. Сидит и говорит себе: “Нельзя, нельзя! Эгоистка!” Прикинь? Боялась ребёнку навредить. Ещё бы, они его столько ждали! А сама сидит и мучается, так бы схватила бокал и — залпом! И потом после Нового года долгое время ей хотелось бокал шампанского, но она так и не позволила его себе. И вот... Слушай, слушай сюда! Рождается ребёнок, вот этот самый голубоглазик, которого мы сейчас видели. Скажи, хорошенький?

— Хорошенький, — кивнула Жанна.

— Так вот, рождается он, а у него на руках кистей нет.

— Да ты что! — тут только Жанну задел этот рассказ. Она даже повернулась и посмотрела вслед женщине с коляской.

— А самое-то главное: врач её потом спрашивает, профессор: “А не хотелось ли вам, голубушка, чего-нибудь эдакого во время беременности?” Она ему: “Хотелось. Бокал шампанского на Новый год”. Он тут как заорёт на неё: “Так и вышла бы!” Мол, если бы вышла, всё было бы нормально.

В кафе они всё-таки заглянули — Майя взяла расходы на себя. Заодно предложила подруге работёнку.

— Не Бог весть какая, — сказала она, — но на первых порах сгодится. Выпекание кондитерских изделий на дому. Оплата сдельная. Оборудование предоставляют. Пиши телефон.

Жанна позвонила сразу же, как пришла домой. Не такой уж она была великой стряпухой, просто деваться некуда. Долги, да и есть нужно. Хотя бы раз в сутки.

Приятный мужской голос принадлежал Владу — хозяину кондитерских ларьков. Он любезно ответил на все вопросы девушки. Нужно стряпать орешки. Продукты он будет поставлять. Работа сдельная — десять рублей с килограмма.

— Ещё мне сказали про оборудование.

— Да, да, орешницу я предоставлю.

На следующий день Жанна пошла знакомиться, а заодно и взять оборудование — так важно называлась миниатюрная закрытая сковородочка для выпекания орешков. Сам Влад не очень-то был похож на торгаша, скорее — на доцента института. Доброжелательная улыбка, но при этом слегка надменный взгляд. Вежливое обращение Влада ещё больше укрепило Жанну в намерении стряпать орешки. “В конце концов, это ведь временно, — утешала она себя, — попутно буду искать хорошую работу”.

— Вот рецепт. — Влад протянул Жанне листок.

— У меня свой есть.

— Мне ваш не надо, мне нужно мой. Это проверенный рецепт. Не один уже килограмм продан.

— А как с продуктами?

— Я выдам для начала на пару килограммов, чтобы оценить ваши орешки.

— Ещё наверное, вам нужно прийти ко мне домой. Ну, посмотреть, что у меня чисто, что я в хороших условиях буду стряпать.

— Необязательно, — отмахнулся Влад, — не мне же их есть.

Жанна посмотрела на киоск, за стеклом которого полки ломились от кондитерских изделий. Вот грибочки, шишечки, а вдруг их тоже кто-то поставляет Владу? В каких условиях они стряпаются? Это вот у неё, Жанны, чисто, а как у других? Она представила себе чью-то неряшливую кухню — плита в жире, грязная посуда засохшая, кругом бегают тараканы. Жанну аж передёрнуло.

— Вот продукты. Завтра в шесть вечера жду вас возле моего ларька.

Жанна взяла пакет и посмотрела, что ей положили.

— А сгущёнку лучше покупать из цельного молока. Она вкуснее!

— Она дороже, — сухо возразил Влад, — у этой оптовая цена значительно ниже, чем у той, что из цельного.

— Скажите, — осмелилась Жанна задать вопрос Владу, — вы ведь все берёте на базах, печенье, конфеты, — она кивнула на полки, — а что, орешков разве там нет?

— Есть. Только их закупочная цена высока. Невыгодно. В разы дешевле купить продукты на тех же базах и стряпать самим.

Придя домой, Жанна сразу же взялась за приготовление. Для начала нужно сварить сгущёнку. Пока та варилась, восходящая звезда кулинарии по рецепту Влада приготовила тесто и выпекла из него целую гору орешковых половинок, весело приговаривая:

— А орешки не простые, все скорлупки золотые.

Оставалось ждать, пока остынут банки со сгущёнкой, а потом, уложив коричневую массу в половинки, их склеить.

Жанна сняла пробу с первого орешка. Безвкусно. Она съела ещё один. Орешки получились сухие, как недельное печенье. Жанна расстроилась. Кто такие покупать будет? В её семье тоже иногда стряпали орешки, в основном, по праздникам. И Жанна тоже стряпала. Но те орешки были куда вкуснее, чем только что испечённые.

— Сделаю-ка я по нашему рецепту, — решила девушка.

Пришлось идти в магазин за продуктами, однако когда орешки были выпечены, стряпуха осталась довольна:

— Вот это по-нашему!

Орешки таяли во рту, и руки сами тянулись за новым печеньем.

На следующий день девушке было сказано однозначное — берём на работу, и выдано продуктов уже на десять килограммов. Она с нагруженными сумками еле-еле дотащила до дома.

Ну, за работу! Рецепт Влада она выкинула ещё вчера. Свой же знала наизусть. Поставив вариться банки со сгущёнкой, Жанна в большой кастрюле замесила тесто для пяти килограммов. Для начала она растёрла маргарин (эх, лучше бы масло!) с яичными желтками, добавила сметану и сахар. Взбила в пену белки и вылила их в кастрюлю. Туда же проследовала сода, гашёная в уксусе. Постепенно насыпала муку. Теперь эту всю массу предстояло промять, чтобы из нее получилось тесто. С непривычки руки почти

сразу же устали. Но Жанна мяла до тех пор, пока в кастрюле не образовался увесистый ком. И как только тесто перестало липнуть к рукам, девушка на некоторое время поместила его в холодильник. А когда вытащила, то смазала маслом и прогрела орешницу и, лепя из теста маленькие комочки, стала укладывать их на сковороду. Немного подержав на огне с одной стороны, потом с другой, Жанна вынула из нее готовые половинки орешков. Сливочные комочки превратились в золотые полуорешки. За один раз орешница выдавала их по девять штук. То есть на четыре с половиной ореха.

Жанна снова наполнила сковороду комочками и так много-много раз. Через какое-то время получилась гора испеченных половинок. Следующим шагом было заполнение пустых половинок сгущённой и склеивание их в единый орех. Края у орешков были неровные, и чтобы красивее смотрелось, Жанна обрезала неровности по кругу ножницами. Запах кулинарного блаженства не мог оставить девушку равнодушной. Она попробовала своё творение. Получилось восхитительно!

— Сам бы ел, да деньги надо, — вспомнилась Жанне присказка одного торговца на рынке.

Предстояло сделать ещё пять килограммов. На все десять у неё ушло почти девять часов. На килограмм орешков требуется около часа, — подчитала она. Очень болела спина. Клонило ко сну. Часы на стене показывали пять утра. Жанна нашла в себе силы убраться на кухне и только потом рухнула в постель.

К шести вечера она принесла орешки Владу. Он в это время что-то выговаривал своей продавщице. Его лоб деловито блестел при тусклом освещении. С Жанной он даже не поздоровался.

— Принесла?

— Да.

— Клади на весы.

Жанна поочередно положили три пакета. В общей сумме получилось десять килограммов сто двадцать граммов. Влад достал один орешек, попробовал. Только после этого отсчитал Жанне сто рублей и, покопавшись в кармане, добавил ещё рубль двадцать.

— Не надо! — Жанна не хотела брать мелочь.

— Как не надо? — удивился Влад. — У меня как в банке.

На этот раз Жанна пришла с саночками, чтобы не тащить продукты на себе. По пути домой она прикупила настоящих орехов, и когда стряпала кондитерские, то в наполненные сгущённой половинки для изюминки добавляла по арахису. Сократить время стряпания ей не удалось. И вновь она легла под утро. Оставлять на день стряпню ей не хотелось. Боялась, что вдруг не успеет.

Целую неделю Жанна исправно приходила к шести часам и сдавала свои десять килограммов.

— Как так? — удивлялся Влад. — У меня несколько человек стряпает эти орешки. У всех выходит около десяти килограммов, а у тебя за десять переваливает каждый раз.

“Так продукты по полной нужно класть”, — усмехнулась девушка, но вслух ничего не сказала.

Орешки Влад выставлял по восемьдесят рублей. Выгода очевидная.

— А твои орешки, — поделилась с Жанной продавщица в ларьке Влада, — вот уже четвёртый день он не даёт мне на продажу. В соседние ларьки перепродаёт, жучара.

— И за сколько?

— А мне почем знать? За деньги. Но выгоду свою не упустит.

На следующий день Влад вдруг стал особо расхваливать орешки Жанны.

— Твои влёт уходят. Даже мой сын постоянно просит, чтобы я ему приносил.

Разумеется, Жанне стало приятно.

— Жаль, что ты мало их стряпашь. Всего по десять килограммов.

— Так у меня и так по девять часов на них уходит. Хотя вчера уже чуть меньше.

— А чего бы тебе пятнадцать не стряпать? Ведь нигде не работаешь. Деньги-то не помешают.

“Вообще-то ты копейки платишь за то, что я спину не разгибаю часами. Что такое десять рублей?” — вспыхнула Жанна, но вслух ничего не сказала — работы другой у неё и впрямь пока не было.

— Давай-ка, бери сегодня продуктов на пятнадцать.

— Ладно.

Жанна не разгибала спину почти тринадцать часов. Уснула она, когда было уже позднее утро. И так повторялось изо дня в день. В шесть часов вечера она сдавала орешки, выслушивала похвалы в адрес своих маленьких шедевров, а потом снова по тринадцать часов вкалывала, не разгибая спины.

Однажды Жанна услышала, как одна из покупательниц спросила продавщицу:

— Вы случайно не знаете рецепт приготовления этих орешков?

— Не знаю, — буркнула продавщица.

— Жаль. Ведь это не просто рецепт, а рецепт хорошего настроения.

В тот день и у Жанны было очень хорошее настроение.

Через какое-то время Влад упросил её стряпать по двадцать килограммов, и Жанна согласилась. Она стала работать быстрее, и если на пятнадцать килограммов когда-то уходило почти тринадцать часов, то сейчас на двадцать — около пятнадцати. Плюс ещё нужно было доставить орешки к месту назначения, а это тоже драгоценные минуты.

Жанна похудела, осунулась, но продолжала стряпать. Она зарабатывала теперь двести рублей в день. Но каким трудом! Её высшее образование было никому не нужно. Но она особо и не плакала, ведь людям нравились её орешки, и это грело ей душу.

Так прошла зима. Выходных у неё не было, только первого и второго января, да и то потому, что киоск Влада в эти дни не работал. Наступила весна, но и она не принесла никаких изменений. А в апреле у Жанны с Владом произошла крупная ссора. На двадцать килограммов требовалось значительное количество продуктов, и если зимой девушка возила их на санках, то теперь асфальт оголился, и возить по нему санки было глупо.

— Что будем делать? — спросила она Влада.

Влад пожал плечами:

— Ты здесь недалеко живёшь. Дважды сходи. Сначала на десять килограммов отнеси, потом ещё на десять.

— Вообще-то это нелегко.

— Не мои проблемы.

— Когда же я стряпать буду, если по сто раз буду ходить взад-вперёд? Я и так, не разгибаясь, по пятнадцать часов батрачу.

Слово “батрачу” сильно рассердило работодателя.

— Батрачит она! Не за бесплатно же.

— Но и не за великие деньги! Вы мои орешки перепродаёте за сто двадцать, их ставят по сто тридцать, и всё равно они продаются. А это цена самых дорогих конфет. И это при том, что во всём городе орешки по семьдесят пять-восемьдесят рублей. А мои орешки покупают...

Влад не дал ей договорить:

— Не твои орешки, а мои. Ты только производитель, работница моя.

— Ах так! — психанула Жанна и, ничего не сказав больше, зашагала домой.

По дороге она приняла решение — больше не работать на Влада. И ей вдруг сделалось так легко, что она принялась кружиться. Прохожие недоумённо глядели на неё. А Жанна ликовала: долой орешки! Долой пятнадцатичасовой рабочий день! Долой рабство! “Мы не рабы, рабы не мы!”

Она даже воскликнула:

— Долой буржуев!

А проходящий мимо парень вскинул в ответ кулак:

— Долой!

По дороге Жанна зашла в магазин и встретила там соседку Любу.

— Жанка, ты чего-то похудела.

— Слушай, послезавтра День космонавтики, давай отметим его сегодня, — предложила Жанна.

Любку упрашивать не пришлось. Они накупили еды, взяли две бутылки шампанского и отправились к Жанне домой.

Шампанское с первого же бокала ударило Жанне в голову. Она сидела на диване с закинутыми на стол ногами и ощущала такое чувство свободы, какого никогда не испытывала прежде.

— “Решись, и ты свободен!” — выкрикнула она фразу Марка Аврелия.

— Хорошо сказано! — поддержала Любка.

При втором бокале Жанне вспомнилась та женщина на бульваре Гагарина, она хотела, было, рассказать о ней Любке, но передумала — не надо портить праздник.

В дверь позвонили. На пороге стоял Влад. Увидев его, Жанна похолодела. По его виноватому лицу она поняла, что свобода куда-то ускользает от неё. Действительно, Влад приехал с продуктами и извинениями.

— Не буду! — заупрямилась Жанна.

— Я сам тебе стану возить продукты. У меня же машина под рукой, — уговаривал Влад.

— Да не хочу я! Устала!

— Но ведь у тебя нет работы.

Это был действенный аргумент.

— А когда я найду её, если целыми днями за орешницей?

— Стряпай хотя бы десятку. Пожалуйста! — Влад был жалок в своём буржуйском желании не упустить свою выгоду. Казалось, он сейчас упадёт перед ней на колени.

Ей не было его жаль, но она всё же после настойчивых уговоров согласилась.

— Ладно, буду стряпать по десять кило. Это семь с половиной часов. В общем-то, рабочий день на любом предприятии. А в оставшееся время начну себе работу искать.

На том и порешили.

— Симпатичный, — сказала Любка про Влада, когда тот ушёл. Глаза её блеснули — то ли от шампанского, то ли ещё от чего.

— Так себе, — хмыкнула Жанна. — Жлоб, каких мало.

— Уговаривал? — Люба знала про ссору.

— Угу.

— Уговорил?

— Угу.

— А сама-то: “Ни за какие коврижки, с орехами покончено! Решись и ты свободен!..”

— Немного ещё постряпаю.

— Всё-таки он тебе нравится, раз согласилась. — Любка неприятно засмеялась.

— Вот ещё, — устало ответила Жанна.

Несколько дней она стряпала орешки и искала работу. Денег катастрофически не хватало. Сто рублей — это не двести. Но на двадцать килограммов она ни за что не соглашалась. Опять эта кабала... Жанна как-то раз заикнулась о прибавке, но Влад и ухом не повёл.

Знал бы он, сколько раз к ней подходили его перекупщики и предлагали стряпать за гораздо большие деньги. И чего не согласилась? Дура! Неудобно ей! Дура и ещё раз дура. Думала: “Ну, чего бегать?” — С Владом вроде бы сработалась. Может, и он чуть повысит тариф, видя её старания. Где там! А теперь Жанна чувствовала, что ей оставалось работать у Влада недолго, поэтому и менять закупщика глупо: нервы себе только трепать напоследок.

В конце апреля Жанне предложили работу — администратором в спортивном комплексе. Она, не раздумывая, согласилась. Орешки больше не стряпала. И даже запаха их не выносила. Жанна сосчитала — за пять месяцев она состряпала их почти три тонны!

Теперь ей часто снился один и тот же сон. Огромная комната, заваленная орешками, и стоит только открыть дверь, как они лавиной польются на неё, и она потонет в этом бескрайнем орешковом море.

Однажды на работе кто-то к чаю принёс орешки со сгущёнкой. Жанне, увидевшей их на столе, сделалось дурно. Ни есть, ни видеть их она не могла. Чувство рабства хотелось искоренить навсегда.

Прошло месяца три. Влад звонил несколько раз, спрашивая, не желает ли она подработать. Жанна, естественно, не желала. А как-то под вечер в дверь её квартиры позвонили. На пороге стоял незнакомый мужчина средних лет.

— Простите, Жанна здесь живёт?

— Да, здесь. Что вы хотели?

— Это вы?

Жанна сдержанно кивнула. Видно было, что мужчина сильно обрадовался.

— У меня к вам просьба. Не откажите.

— Мы разве с вами знакомы?

— Дело в том, что мы покупали ваши орешки...

Лицо Жанны вытянулось и замерло. Она даже успела испугаться. А вдруг отравился кто?

— Мне сказали, что вы сейчас не стряпаете.

— Кто вам это сказал?

— Влад, хозяин кондитерского киоска. Он мне и адрес ваш дал. Не бесплатно, разумеется.

— Вот дрянь! — вырвалось у Жанны.

— Постряпайте орешки! — незнакомец умоляюще посмотрел на девушку.

— Нет, нет. И не просите. — Жанна попыталась закрыть дверь. — Извините, мне некогда.

— Мне действительно очень нужно, — спешно заговорил мужчина. — Мы с женой часто покупали орешки. Ваши. Жена у меня их очень любит. Детские воспоминания. Долго рассказывать. А потом вы куда-то подевались. Моя жена беременна. Она хочет орешков и именно ваших. Сколько бы мы ни покупали — всё не то, не тот вкус, понимаете?

— Я же вам сказала — нет! Я их три тонны наваляла! Меня тошнит от них!

— Один раз. Только один раз. Я заплачу столько, сколько вы скажете.

— Да при чём тут деньги...

— Я очень прошу вас. Очень. У нас долго не было детей. Жене сорок. Мне скоро пятьдесят. Мы уже отчаялись, и вдруг такая радость! Уже третий месяц. Пожалуйста, постряпайте орешки. Прошу вас.

— Третий месяц?..

Жанне вспомнилась история про мальчика без кистей рук.

— Хорошо, я постряпаю. Завтра приходите.

— Деньги, — мужчина радостно принялся расстёгивать куртку.

— Потом разберёмся.

Стряпая эти орешки, Жанна поначалу задавливалила в себе отвращение, но мысль о том, что в организме беременной женщины чего-то не хватает, смиряла её. Она мяла тесто и думала о том, каким сладёной будет малыши у этой пары, если задолго до рождения он требует выпечки. Надо будет дать им её семейный рецепт — пусть стряпают в своё удовольствие. Ведь это же не просто рецепт, а рецепт хорошего настроения!

А может быть, этот сладёна будет поступать так же, как Жанна с братом в детстве. Они брали из вазы орешки, вылизывали из них начинку и снова склеивали! Вот уж доставалась им на орехи, если кому-нибудь из гостей попадался такой сюрприз!

Жанна проработала часа четыре, выпекла пять килограммов орешков. Они получились дивные, румяные, с характерными продольными полосками и с арахисом внутри. Жанна съела парочку. Как всегда — отменные. Даже лучше, чем раньше.

Мужчина пришёл во второй половине дня.

— Как я вам благодарен, — сказал он, увидев блюдо, наполненное доверху орешками.

Он достал из кошелька крупную купюру и протянул Жанне.

— Нет, — возразила она, — только за продукты. Вот чек.

Заказчик усмехнулся:

— Да это копейки! А за работу?

— Ничего не надо. Ничего. Идите, кормите свою жену орешками.

Через два часа в дверь постучали. На пороге стоял всё тот же мужчина. В руках он держал корзину с цветами. Жанне никто никогда не дарил так много цветов сразу.

— Хорошо, что вы вернулись! — смутилась девушка. — Я забыла вам дать рецепт.

— Премного благодарен! — засиял мужчина. — Это ведь не просто рецепт!

— А что? — удивилась Жанна.

— Как сказала моя жена, ваш рецепт — это рецепт хорошего настроения!

ОЛЕГ ЧУПРОВ

НА СЕРЕБРЯНОЙ НИТОЧКЕ ГОЛОСА

ПУШКИНСКОЕ НЕБО

Вл. Кострову

Опять напомнила душа,
Что живы не единым хлебом...
Медвяным воздухом дыша,
Взлетаю
В Пушкинское небо!

Прошли над Соротью века,
И песня иволги все тише...
Но рядом — радуги строка
Сверкнула,
Как Послание свыше!

Не канет в Лету
Дивный свет,
Струющийся от неба к полю.

ЧУПРОВ Олег Акимович родился в 1939 году в селе Усть-Цильма Республики Коми. Окончил Литературный институт им. М. Горького. Работал на радио, в газетах. Автор двенадцати поэтических книг. Лауреат Всероссийских литературных премий им. А. И. Фатьянова, А. А. Прокофьева и других. Награждён Почётным дипломом Законодательного собрания "За выдающийся вклад в культуру г. Санкт-Петербурга и создание текста гимна города". Академик Петровской академии наук и искусств. Член Высшего творческого совета Союза писателей России. Живёт в Санкт-Петербурге.

И Богом избранный Поэт
Дарует нам покой и волю!

Вскипает золотом заря,
И под державным омофором,
Всевышнего благодаря,
Сплотимся
Пушкинским дозором!

России путь необъясним,
Неведомо, куда несётся...
Она воскреснет —
Только с ним,
Святой поэзией спасётся!

Нет крепче этих кровных уз,
В победу веры не теряю...
В Михайловском,
Под сенью Муз,
Вслед за поэтом повторяю:
“Друзья, прекрасен наш союз!”

* * *

Путь к Благодати не напрасен...
И, Светлой Пасхой храним,
Я в храм иду...
А он — прекрасен,
И ясен небосвод над ним!
Но в сердце боль
Ударит глухо,
И щеки вдруг окрасит стыд,
Когда на паперти старуха
Ребёнком
брошенным
стоит...

ЖАВОРОНОК

Ветер детства
Взъерошил мне волосы...
С первой ноты певца узнаю.
На серебряной ниточке голоса
Крепко держит он душу мою!

В звонком горлышке
Звука нет лишнего,
И оркестры ему ни к чему...
Как бесценную милость Всевышнего,
Песню жаворонка приму!

Не под силу орлу или соколу —
Так внезапно, на радость другим,
Взмыть в зенит,
Чтоб простору высокому
Исполнять удивительный гимн!

И душа оживает усталая
И вбирает в себя небосвод...
Не в Кремлёвском дворце —
Птаха малая
На ладони у Бога поёт!

* * *

В печке трещат дрова,
В печке поёт огонь.
Слышу его слова:
“Родины нет другой!”
Родины нет иной,
Мысли о ней чисты.
Кто же всему виной,
Что потерялся ты?
Ветер, как из пращи,
В окна наотмашь бьёт!
За морем не ищи
То, что в тебе живёт.

Тусклый свет декабря
Канул давно во тьму...
Печку топлю не зря —
Стало теплей в дому!
Значит, не вышел весь,
Не оборвалась нить.
Значит, ещё я — есть!
Рано меня хоронить...
Снова шепчет огонь:
“Рад, что вернулся ты...”
Родины нет другой,
Мысли о ней чисты.

ПОДУШКА

И вдруг войдёт,
Присядет рядом,
Посмотрит долгим,
Станным взглядом
И, зябко кутаясь в платок,
Не сгорбленная, не седая,
Ещё такая молодая,
Мне молча скажет: “Спи, сынок...”

К её руке прижмусь щекою,
А сердцем — к вечному покою,
Который там, среди берёз...
И засыпаю я послушно,
И просыпаюсь...
А подушка —
Вся мокрая от чьих-то слёз.

* * *

Ничего он у Бога не просит,
Деловой, пробивной и крутой!

На груди, как на выставке, носит
Крест массивный, литой, золотой!

Но однажды сквозь сон полупьяный
Вдруг припомнит, всего лишь на миг,
Что у матери — крест деревянный
От дождя и от ветра поник...

* * *

Вечером поздним потянет к Печоре...
Слышу вдогонку:
“Бессонница, чё ли?”
Под усть-цилёмский родной говорок
Переступаю, как в детстве, порог!
Переступаю
И сразу — вприпрыжку,
И на ходу
из мужчины —
в мальчишку!

В десять минут
Сорок лет пробегу,
Чтоб оказаться на том берегу...
Вот я в прохладные волны врываю,
Город, деревню, судьбу —
Забываю,
Сердцем вдыхаю
Полночный покой.
Сам становлюсь постепенно рекой...

МАМА

Вот покурить я вышел в сенцы
От гомона и суеты...
И вдруг тоска мне сжала сердце:
Я вспомнил — есть на свете ты!

Ты никуда не уходила!
Но позабыл об этом я...
Там, на холме — твоя могила,
А здесь, в избе — душа твоя!

* * *

В лесу просторно, тихо, ясно.
Снег осыпается, звенит!
Сосна светла —
И жизнь прекрасна,
Когда направлена в зенит.

И солнце, и деревья — рыжи.
Покой и блеск сведут с ума.
За поворотом чьи-то лыжи
Запели истоиво... Зима!

Таинственно молчат деревья,
Хотя на эхо лес не скуп.
И неожиданно — деревня!
И дым Отечества из труб...

МУЗЫКА СВЕТЛОЙ ПЕЧАЛИ

Сердце тревожит ночами,
Но ни о чём не молю...
Музыка светлой печали
Жизнь озарила мою.

Вспомню печорские дали,
Сосны в тумане седом...
Музыку светлой печали
Там различаю с трудом.

Там я стою на причале,
Мама прижалась к груди.
Музыка светлой печали
Где-то ещё впереди!

Громко гудки прокричали,
Скрылась деревня вдали.
Музыкой светлой печали
Первые строки пришли...

Столько всего за плечами!
Вроде я счастлив вполне.
Музыка светлой печали,
Ты остаёшься во мне!

Звёзды с тобой повенчали,
Город, где шпиль золотой.
Музыка светлой печали
Будет витать над плитой...

Снова, как в самом начале,
В небо взлетят сизари!
Музыка светлой печали
И незакатной зари...

*Поздравляем нашего постоянного автора с 75-летием!
Желаем творческого вдохновения и новых книг.*

Редакция

“Кто-то же должен быть с ними!”

О рассказах Елены Тулушевой и об их авторе

Елену Тулушеву начинающим автором не назовёшь, хотя пишет она всего два года. В литературу Елена пришла сложившимся человеком. В 27 за её плечами Московский институт клинической психологии, аспирантура. Работа во Франции и Соединённых Штатах (в рамках проекта “Духовность для детей”). Скажут: “Экая везуха!”. Но вряд ли любители “везухи” согласились бы по примеру Елены заниматься с неблагополучными подростками из гетто Лос-Анджелеса, куда даже свирепые американские копы предпочитают не соваться!

Вернувшись в Россию, она продолжает ту же работу с молодёжью столичных окраин. Елена — старший медицинский психолог в реабилитационном центре для подростков, переживших насилие, а также страдающих алкогольной и наркологической зависимостью. “Мы пытаемся дать им возможность посмотреть на мир по-новому. Предложить вариант другой жизни”, — говорит она.

Как-то я спросил Елену, не жалеет ли, что посвятила жизнь работе с таким малосимпатичным в большинстве, а зачастую и агрессивным контингентом. Казалось бы, обладательница красного диплома престижного столичного вуза, могла бы найти место получше. Ни минуты не раздумывая, как о чем-то давно решённом, сказала: “Кто-то же должен быть с ними!”.

Тулушева не из тех, кто может удовлетвориться заботой о неблагополучных с девяти до шести. В свободное время она активно занимается волонёрской работой. Выступает по радио и телевидению, рассказывая о трагедиях наркозависимых ребят.

Писательство для Елены — ещё одна возможность продолжить борьбу за своих подопечных. Герои её рассказов — реальные люди. С каждым она работала ни один день, пытаюсь понять, где истоки обрушения молодых судеб. И теперь даёт им высказаться, а подчас и выплакаться (рассказ “Виною выжившего”). А это уже немало.

Она пишет в жанре нон-фикшн, самом популярном сегодня. Популярном, но и уязвимом: при поверхностном чтении может показаться, что здесь не требуется искусство, дескать, литература такого рода рождается сама собой, знай записывай. На самом деле, нон-фикшн требует даже большей творческой изощрённости, чем традиционная проза.

Подчеркну ряд несомненных достоинств авторской манеры Тулушевой. Точно выбранные социальные типажы. Того же Славу из одноимённого рассказа легко узнать на фотографиях ребят из Бирюлёва или с Манежной. Органичная речь — язык столичных окраин. Разумеется, он далёк от того упругого, разнообразного, душистого языка, к которому нас приучила деревенская проза. Но на асфальте, заплёванном и стылом, говорят по-другому.

Художественно выразительные детали. В рассказе “Мамы” подросток, узнав, что его вырастила не родная мать, по-иному смотрит на неё: “Он заново изучал это чужое лицо”. Сказано с характерной подростковой безжалостностью. И беззащитностью.

Рассказы компактны и динамичны — результат тщательного отбора материала. Особо отмечу объективизм. Редкое качество. В отличие от большинства сверстников, норовящих не просто “войти” в созданный ими текст, но и заполнить его своим присутствием, Тулушева держится в стороне, предпочитая внимательно наблюдать за героями. Они занимают всю сцену, действуют, думают, печалются, злятся. Это придаёт повествованию энергию и убедительность.

Иной раз такая манера выходит Елене боком. На форуме молодых писателей в Липках, где её рассказы обсуждали на семинаре “Нашего современника”, многие требовали от автора “перевоспитать” скинхеда Славу, одержимого эгоистическим юношеским “богоборчеством”.

Так и хотелось сказать: не нравится герой? Ну, так и автор от него не в восторге. Изображая Славу, Тулушева рассказывает о явлении, присутствующем в молодёжной субкультуре, влияющем на жизнь общества. Слава — типичный скинхед со всем комплексом идей, устремлений, фобий этих злых и несчастных ребят, выброшенных на обочину жизни. Желаете “исправить” таких, как он, — идите к ним! Научитесь говорить с ними! Между прочим, именно этим и занимается Елена в реабилитационном центре, пока вы “благочестиво” резонёрствуете.

И последнее, на что обращаю внимание читателей. В рассказах Тулушевой впечатляет разнообразие форм повествования. Вместо стандартного пересказа происходящего от лица автора здесь и внутренний монолог (рассказы “Слава”, “Виною выжившего”), и напряжённый диалог (“Мамы”). И это не просто демонстрация технической “оснащённости”. Это приём, позволяющий читателям глубже проникнуть в мир героя, взглянуть на жизнь его глазами.

Не могу не упомянуть о рассказе “Когда я умру, я стану собакой”, хоть он и не вошёл в подборку (выбивается тематически). Это виртуозный монтаж двух параллельных диалогов. Молодая пара лениво переговаривается в номере курортного отеля. А в углу негромко работает телевизор — там свой сюжет с драматическими поворотами. Время от времени парень пересказывает происходящее на экране подруге, лежащей на кровати. Автор ни единым словом не обозначает своего отношения, но читателю и так ясно: эти двое, несмотря на физическую близость, предельно разобщены. Им нечего сказать друг другу.

Я сам не раз писал о разобщённости людей, о формах социальной солидарности, о необходимости помощи обездоленным, о волонтерской работе. Мне близка нравственная основа деятельности и творчества Елены Тулушевой. С удовольствием представляю читателям её первую публикацию.

Александр КАЗИНЦЕВ

ЕЛЕНА ТУЛУШЕВА

СЛАВА

Звонок в дверь. Вот уроды, к матери что ли? Скоро вроде Рождество, наверняка кто-то из ее церковных, кто еще придет в такую рань, когда у страны двухнедельный запой — только эти, святоши. Башка раскалывается. Надо Филу набрать, сегодня хоть выйти освежиться. Что ж так долго не открывает?! Убил бы, весь мозг прозвонили!

Не вынимая головы из-под одеяла, он нащупал на полу липкий мобильник. Дрянь какая, опять залили. На раздражающем глаз дисплее высветилось 7:30. — Что за... Ну это уж слишком! К матери в такую рань никогда не приходили. Совесть-то у них должна быть... Или не к матери?.. — неприятный холодок пробежал по хребту до самой макушки. — Спокойно, что дергаться, уже три дня прошло. Черт, в голове застучало, как молотком. “Славик, тебе же врачи говорили, нельзя пить столько — у тебя давление!” — скривя лицо, он спародировал мамину интонацию. — Забавно. Он начал вспоминать лысого Игоря Владимировича, который через тройные бифокалы внимательно разглядывал волны его ЭКГ: “Ну и куда ж вы, молодой человек такими темпами приедете? Сначала алкоголь, потом пьяные выходки, незащищенные половые связи, наркотики... а с вашим сердцем, не дай Бог!” — Да уж, мужик, тебе-то Бог явно всего этого не дал, так что не завидуй.

Воспоминания оборвал повторившийся звонок. Неожиданно для себя он съезжился и вжался в спинку дивана. — Да что это я? Сейчас мать откроет или спровадит, кого там принесло. — В коридоре послышались спешные шаги, а из спальни — недовольное ворчание отчима. Секунды превратились в тягучую смолу. — Почему не открывает? — Поддавшись какому-то животному страху, он вытащил голову из душного тепла и начал прислушиваться.

Мать явно была растеряна, открывала медленно, осторожно. Мужские голоса. — Неужели все-таки к нему?! — Забыв о тяжести похмелья, он в одном скачке дотянулся до двери и задвинул щеколду. Глупый детский каприз, когда он потребовал от матери замок на дверь, кажется, впервые в жизни помог ему почувствовать себя в безопасности. Тогда, в двенадцать лет, его раздражало ее вторжение в самый разгар игры в “приставку” с ребятами с ее стандартными “мальчики-не-хотите-покушать”. Он нахмурился — сейчас не время для детских воспоминаний, надо срочно прийти в себя.

— Вот, пожалуйста, ордер на обыск, — послышалось размеренно из коридора. — Да вы не переживайте, вы же знаете — Слава у нас на учете давно. Разговор, конечно, серьезный. Думаю, он сам сейчас все расскажет.

— А обыск зачем? — голос матери звучал встревоженно. На него накатил паника. Он замер, зацепившись взглядом за книжную полку. — Черт, книги! — Две полки готовых улик, все вперемешку. — Скорей, думай же!

Стук в дверь. И следом бешеный стук — сердце.

— Слава, к тебе пришли. Из милиции. — Мать всеми силами старалась придать голосу твердость и спокойствие. Получалось плохо. Задрожав, как в детстве после холодной речки, он с трудом нарочито безразлично выдавил:

— Ща, мам, я голый. Сейчас штаны натяну.

— Может, вам пока чаю? Давайте я документы заодно поищу. У него выписки есть, характеристика из колледжа хорошая. Мы тогда для комиссии брали, после их собраний на Манежной площади, помните?

— Да уж как не вспомнить, Татьяна Борисовна. Собрание вышло у них на славу. Это уже какой — третий его привод был? Давайте, несите бумажки, они ему пригодятся.

Думай, думай же! Ты же умный! Среди всех этих тупых баранов ты из тех единиц, которые реально понимают суть движения. Вот они — доказательства твоего интеллекта — черные обложки, затертые страницы... Это же могила — точно зона!.. Окно... Еще темно, холод, все спят, никто не услышит! Он подбежал к подоконнику — от рамы потягивало зябкой промозглостью, на улице медленно падали редкие снежинки. — Плохо, не заметет — вдруг найдут? Хотя как докажут? Тогда, на Манежке, у них даже на камерах мелькала его фигура — и то не сумели, не пойман на месте — не вор. Пришлось отпустить за неимением доказательств. Скорей, в запасе минуты две, не больше.

Старые расшатанные стеклопакеты открылись бесшумно. Он сгреб с полки полную охапку, свалил на подоконник и неловкими движениями начал выкидывать книги как можно дальше в окно, чтобы не ударились о балконы или карнизы нижних этажей. Внутри все кипело. Казалось, он теряет драгоценное время, не в силах поворачиваться быстрее. В любой момент они могут ворваться. Вторая полка, самое дорогое, его любимое. Книги будто цепляются за шкаф, возмущаются. Их совсем немного — но этого достаточно, чтобы все сломать. Последняя партия почти растаяла в окне. Осталась только она — его гордость, святыня, книга “великого тирана”. Он в ярости крутился по комнате, пытаясь пристроить ее куда-нибудь, где не найдут.

— Идиот, раньше надо было думать, никаких секретных мест или лазеек. Все на виду. Эта привычка с кадетского корпуса — там быстро “объясняли” новичкам, что такое “прятать”: твои вещи никогда не могли быть только твоими, если ты не из сильнейших. Три года кадетства — три года тоски, унижения, бесконечной борьбы за выживание. Он так и не смог простить матери все эти скитания — пятидневки в саду, лагеря на все три смены и, наконец, — подобие армии для сотни брошенных мальчишек. Первое время он тайком плакал, каждые выходные жаловался ей, просил забрать, обещая прекратить школьные драки и прогулы. Она только разводила руками: у нее работа, надо на что-то жить, тянуть его в одиночку, совсем не остается времени за ним следить. Он кивал, старался понять, вытирал слезы и снова возвращался туда каждое воскресенье. Он старался, но так и не смог простить. Там было совсем не так, как показывали в старых военных фильмах. Чтобы выжить, нужно было драться. Постоянно, за все: за очередь в душ, за вторую котлету, за свою койку у окна. Он дрался с яростью, мысленно представляя

в каждом обидчике пьяного отца, которого так и не запомнил. Он с недетской жестокостью бил в лицо, под дых, представляя, как отец корчится от боли. Сначала он дрался, чтобы выжить, защитить себя, затем, завоевывая все больший авторитет, он дрался уже просто, чтобы удержать позицию. Ему нравились восхищенные взгляды ребят, когда он входил в “качалку”, нравилось чувствовать бешеный стук сердца, привкус крови во рту.

Стук сердца... Сейчас оно билось так быстро, будто боялось, что скоро замолкнет. Прятать некуда — последняя книжка полетела в окно. Он глубоко вздохнул, вытер потные ладони о простыню, натянул домашние треники и направился к двери.

— Здрасьте, а вы ко мне? — он не пытался сделать вид, что удивлен.

— Ну привет, Слава. К тебе, давно не виделись, — лицо лейтенанта изображало пародию на улыбку. Второй с раздраженно скучающим видом мешал сахар, мерзко позвякивая ложкой. Звук отдавался в голове долгим эхом.

— Да вроде не так уж и давно, — просиял как можно более беззаботно Слава, — с прошедшими вас!

— Ну что, сам расскажешь или освежить твою память? — поздравление с праздниками не добавило лицам гостей доброжелательности.

— А что, случилось что-то?

— Значит, освежить...

— Мм, да вы начните, а я, может, вспомню. Сами понимаете — Новый год, каникулы. — Желудок начал ныть и выкручиваться, к горлу подступила тошнота, во рту пересохло.

— Где ты был в ночь с первого на второе января?

Конец. Время остановилось, стук внутри тоже замер. Они знают. Откуда?! Это точно конец. Сколько раз все проходило гладко, неужели Фил? Да нет, не мог он. Хотя если взяли с чем-то, надавили, мог и сдать... Сами идиоты, без масок вышли. Но ведь смотрели по сторонам — никого вокруг. Этот второй не мог знать ни имен, ни адресов. Он и опознать бы их вряд ли смог — темно было, все на одно лицо. Сколько таких ходит по району в праздники. Не доглядели. Да что там — в пьяном угаре можно и не такое проглядеть.

Главное — не молчать слишком долго, а то точно уцепятся. Так, пришли в 7:30. Значит, боялись не застать. Значит, дело еще не завели — выслали бы повестку, наверно. Возможно, ничего у них и нет, пришли так, просто подозревают. Районная база состоящих на учете не такая уж большая, вот и ходят, выискивают, может, кто сам дрогнет — сознается. От этих мыслей стало легче: вывернусь. Презумпция невиновности, всё такое.

— Ну, с первого на второе... я как все! — так же безмятежно улыбнулся он.

— Как кто — все? — Тот, что пониже ростом — Павел Сергеевич — начал заметно раздражаться. Он лично вел дела Славы, был его “куратором”. Нормальный в принципе мужик, сколько раз болтали вне стен отделения, бывало смеялись вместе. Но сейчас... сейчас он смотрел совсем другому, как будто у себя в кабинете, полном других ментов. Может, дело во втором, что пришел? А зачем они пришли вдвоем, раньше такого не было... Спокойно, надо прекращать улыбаться, лучше прощупать, что у них реально есть.

— Как все — пил с ребятами. Потом еще с девчонками из колледжа. Вы скажите время, чтоб я припомнил.

— Время, Слава, с 23:00 до полуночи. Ну и, собственно, после полуночи тоже.

Знают. Пропал. Всё сходится. Лицо начало гореть, на лбу выступили капли пота. Теперь бы понять, как много они уже знают, да не сказать лишнего.

— Думаю, мы гуляли. Вроде... Да, гуляли по району, петарды пускали. Ничего особенного.

— Ну да, действительно. А что было потом?

Просто давят, разводят. До последнего надо отпираться.

— Да всю ночь и гуляли. Потом... под утро домой. Вроде.

— Да, он пришел около пяти. Ключ не взял, мне пришлось открывать, — все это время мать молчала, боясь пошевелиться.

— Татьяна Борисовна, ваши показания нам понадобятся позже! — мать невольно замолчала, оборванная на полуслове, и начала бесцельно переставлять предметы.

Они и правда начинали злиться. Пятое января, 7:30, выезд с обыском. За смену заплатят по праздничному тарифу, но все же они надеялись провести ее в теплом кабинете, по очереди отсыпаясь и просматривая повторения новогодних “Огоньков”. Но на них повесили эпизод с нанесением тяжких телесных повреждений, да, возможно, еще и по 282-й статье. А с нынешним мэром вся верхушка готова выслуживаться по этой линии, целые блоки профилактической работы разработали. На бумаге, конечно, но трудились же. И вот тебе — малолетние придурки не рассчитали силы. А по шапке получит весь отдел.

— Слава, мы тут до ночи сидеть не будем. Или сам расскажешь, или посидишь у нас сутки, поумнеешь.

— У вас? Да что он сделал? Он мой сын, я имею право знать, с какой целью вы его допрашиваете! Он несовершеннолетний! — голос матери звучал истерически.

— Татьяна Борисовна, — уже на повышенных тонах продолжал Павел, — ваш сын, Слава, подозревается в нанесении тяжких телесных повреждений в виде ножевых ранений. Радуйтесь, что еще не с летальным исходом. Но это — уже возможно реальные сроки, а не условка. А это, соответственно, значит — и вам, и Славе стоит с нами сотрудничать. Вы меня хорошо понимаете?

“Радуйтесь, что не с летальным”?! — Идиоты, не добились, не проверили. Баран, надо ж было так, ведь нож был, столько ударов — все мимо что ли?!

Голова закружилась. Перед глазами замелькали едва сохранившиеся в памяти картинки. Он выходит из дома с ножом. Просто так, весь день пил, и адреналин зашкаливает. Фил и Лось ждут у подъезда. Пьяные. От холода, наверное, их понесло. Им весело и хочется беситься, как в детстве, тупо громко ржать и бегать. Провал. Сколько прошло времени — час, два? Потом картинка: убегающий мужик под их громкие улюлюкивания... Жалкий трус — сбежал, бросив дружка на расправу. Его уже повалили и дубасят ногами, прыгают, довольно скалятся. Это вкус власти над чьей-то жизнью, с каждым разом он всё сильнее и сильнее. А потом — нож. Он не мог вспомнить, в какой момент достал его, и как решил... Да вряд ли он вообще мог тогда думать. Картинки сменяли друг друга, как за окном поезда. Он ударил его ножом, он помнил это ощущение — раньше не знал, как это — когда лезвие протыкает кожу, входит в мышцы, застревая меж ребрами. Раньше он дрался только руками и кастетом. Было холодно, от удара рука начала заливаться теплой кровью этого уroda. Это было чем-то новым, и он вспомнил, как замер, разглядывая стекающие по рукоятке капли. Что произошло дальше — никто не понял. За эти дни они еще не успели протрезветь настолько, чтобы все это обсудить. Только картинка в голове, как этот бежит к ближайшему подъезду, бормоча что-то на своем языке. Как он мог бежать? Может, показалось? Пьяный угар? Нет, он помнил пик своего бешенства — это было уже в подъезде. Он не орал, он хотел просто убить. — Убить, убить эту тварь — снова застучало в голове, как в ту ночь.

— А почему я? — он уже не мог прятаться за маской беззаботной улыбки.

— А тебе доказательства что ли нужны? Ордер на обыск ни о чем не говорит? — в ухмылке Павла читалось раздражение вместе с досадой. Он как будто и не хотел особо заморачиваться, да работа такая.

— Насколько я знаю, мне адвокат полагается. Я ведь могу без него ничего не говорить?

Выражение досады сменилось безразличием.

— Можешь, конечно. Насмотрелись американских боевиков, адвоката ему. Раньше чем думал?

— Только в отделе все равно с нами придется пройти, — впервые подал голос второй, который был крупнее и, видимо, тупее Павла, — бумаги подписать должен, что мы приходили, протокол оформить нужно.

— Да и полезно тебе будет кое-что увидеть. Может, и адвокат не понадобится. Ну, а обыск мы сейчас должны провести. Понятых бы надо, Татьяна Борисовна. Видимо, соседей ваших придется будить.

Взглянув на мать, он заметил, что она будто постарела за эти несколько минут. Она не поднимала глаз на Славу. Она стояла, как тогда, когда он видел ее на воскресной службе в церкви. Она затащила его в тот раз только потому, что ему нужно было получить ее согласие на бойцовский лагерь. Взамен Слава согласился отстоять службу: пара часов скуки за три недели настоящей свободы — небольшая цена. Он с тоской разглядывал толстых теток в платочках (если они все посятятся — почему такого размера?) и странных мужиков с блаженными лицами. Неужели мать думает его таким способом изменить? Глупо. Кроме отвращения ничего. Ну и смех иногда берет, глядя, как они чуть ли не лбы расшибают в поклонах. А потом он увидел ее... как-то по-новому увидел. Они никогда не были близки: она постоянно его куда-то сдавала, перепоручала, избегала разговоров, редко обнимала. Но в тот момент она показалась совсем чужой и далекой, как из другого мира. В этом своем смирении, в этих шепчущих губах, складках на лбу — она была пугающе чужой. В тот момент ему стало так больно, так горько от своего одиночества. Он возненавидел ее Бога и всю его церковь. Возненавидел со всей детской беспощадной ревностью. И с каждым годом, с каждым очередным церковным праздником, с каждой новой книгой, которую она пыталась ему подсунуть, — эта ненависть только росла.

И сейчас она стояла перед ними, как тогда, в этой смиренной позе. Ему стало тошно и гадко, она была ему отвратительна, она всегда пыталась вызвать у него чувство вины, это бесило. Где же ее дорогой Бог? Что ж не поможет? Ах, ну да, ей-то он поможет, но не Славе. Ведь это же она любит Его. Раньше ее слова вызывали боль и обиду: “Славик, больше всех я люблю Бога, а на втором месте навсегда будешь только ты. Так должно быть у верующих, ты не можешь обижаться!” — Ну да, конечно. На втором месте у родной матери! Никогда я не буду вторым, я — первый, я — лидер! — он жил этой идеей лет с двенадцати, с тех пор, как мать, по его выражению, вдарилась в религию, променяв на нее, — он с горечью повторял это, растравляя душу, — его, Славу, единственного сына.

На зону не хочется. Хотя малолетка ему уже не светит, можно не бояться этого зверья, а по законам взрослой за его статью будут только уважать. Для некоторых, особо ценных в сообществе, специально есть фонд — из него на зону шлют деньги, технику. Он сам переписывался с одним таким: шесть только доказанных убийств в Воронеже, уже вторая судимость. За это свои его не забыли: ноутбук с круглосуточным интернетом — выкладывает фотки каждый день! Ну и ничего так — живет там, не напрягаясь вроде. Не все так страшно... Да и вообще пока рано еще волноваться, пока кроме учета у него даже условия нет, всё только грозятся.

Пришли соседи, он проводил их всех в свою комнату и вышел. Не хотелось всё это видеть. Книги выкинул, нож еще в ту же ночь спустили в канализационный сток, одежда, выстиранная на балконе — следов крови там не было. Пусть сами шарят. Сначала он подумал остаться — посмотрелся сериалов, где менты что-то подбрасывают по ходу обыска, но поразмыслив, решил, что это не его случай. Его же не в распространении подозревают. Да и Павел вроде нормальный мужик. Голова гудела, каждый шаг был в тягосте, хотелось сигарет и пива. Он вышел на балкон в гостинной. Уже светало, редкие снежинки исчезли, оголив грязные тротуары. Там снаружи было также паршиво, как внутри: грязно и холодно. Паника сменилась какой-то обреченностью. Он просто ждал. Сил не было спорить, что-то доказывать, отмазываться. Он долго стоял прищурившись в поисках решения, как вести себя дальше. Борьбась сил не было, да и глупо, обыск есть — значит зацепок достаточно. Но просто сдать ментам с чистосердечным и молча вздыхать — это не для него... После нескольких затыжек немного отпустило. Руки перестали дрожать, морозный воздух остудил голову. Вышел из балкона он уже с твердой стратегией. Он не будет опровергать того, что они уже доказали. Но и ничего нового им не сообщит. Только не с повинной, не со страхом перед этим волками!

В отделении было тепло и мрачно. Обыск ничего не дал, по пути в ОВД все трое молчали. Слава списал это уныние ментов на отсутствие у них прямых доказательств. Скорее всего, привод сведётся к подписанию бумажек. Бродя и порадоваться можно, но день уже был испорчен. Хотелось поскорее уйти отсюда, отоспаться и хорошенько напиться вечером с пацанами, поржать над ментовским проколом с книжками.

— Вадик, принеси там из сейфа конверт желтый, — Павел проводил парника взглядом, бросил на стул куртку и внимательно посмотрел на Славу.

Вадик вышел, и Славе стало как-то некомфортно от этого пристального взгляда. Отшучиваться настроения не было, скорее, хотелось наругать. Он начал рассматривать уже давно изученные щели в полу, свои кеды, запачканные джинсы.

— На, держи, — желтый объемный конверт глухо стукнулся о стол.

— Ну что ж, тогда приступим.

Последующие манипуляции не вызвали у Славы интереса, поскольку ни один, ни другой не обращали на него никакого внимания, и Слава решил, что конверт к нему отношения не имеет, а его подержат здесь подольше просто для профилактики. К этому он был уже привычный и постепенно начал задремывать в мягком старом кресле.

Но когда его окликнули и подозвали к монитору, что-то неприятно кольнуло внутри.

— Ты с креслом двигайся, полюбуйся с комфортом.

Несколько секунд на экране рябили черно-серые полосы, ничего не происходило. Потом появилось какое-то размытое изображение. Постепенно картинка выровнялась и выдала обзор лестничной клетки и, по-видимому, входной двери. Вид сверху, как будто через лупу, немного искаженный. Несколько секунд картинка просто висела, наконец дверь открылась и кто-то вошел. Точнее, вбежал. Через секунду показалось застывшее от страха лицо. Вбежавший пытался захлопнуть дверь, что-то кричал. Внезапно дверь снова открылась. Толкаясь, ввалились три фигуры и начали хаотично двигаться перед лестницей. Один оторвался и стал медленно подниматься по ступенькам, потряхивая каким-то предметом в правой руке. Его походка отличалась от метаний того, первого. Он шел твердо, вытянув шею и широко расставив руки. Пленка периодически чуть-чуть зависала, и картинка шла как будто в замедленном темпе. Двое других так и замерли почти у самого входа. Звуча не было, но Слава уже знал, что кричит этот здоровенный бритый бугай. Крупным планом, почти глядя на них с экрана, он занес свой нож и несколько раз с силой воткнул его в медленно сползающую по стене фигуру. Она сползла, как тряпичная кукла. Бугай пнул ногой лежащее тело и развернулся к другим двум прямо перед самым объективом. С экрана на сидящих в кабинете смотрел Слава.

* * *

Оглашается приговор... согласно Уголовному кодексу Российской Федерации... дело номер... два года колонии общего режима... условно.

Из зала заседания начали медленно выходить присутствовавшие на слушании. Слава шел, растерянно слушая причитания матери. За последние месяцы он слышал это сотни раз: как она ездил с сумками еды к раненому в больницу, как отчим переводил ему деньги сразу на родину, потому что Сулейман боялся, что сам не выживет, а раз деньги предлагают — надо все переслать семье. Она столько раз пыталась потащить с собой Славу в больницу, чтобы он извинился, но после его резких слов, что он не сожалеет ни о чем, мать решила не рисковать и уладить все самостоятельно.

— Ну что, доволен своей “Минутой Славы”? — отчим ухмыльнулся собственной находчивости, но, встретив каменный взгляд, быстро отвел глаза.

ВИНОЮ ВЫЖИВШЕГО*

— Сильней закручивай!

— Я закручиваю.

— Ты не закручиваешь, я же вижу!

— Сказал же, закручиваю.

— Да ты мне всю жизнь говоришь! Хоть бы сделал что... Вздыхает он! Закручивай нормально, опять сорвёт, мне вытирать всё!

— Не кричи, я делаю.

— Не кричи ему! Да тебе хоть оборись — услышишь что ли?! Сколько кричала, чтоб пить бросил — услышал?!

— Ну не могу я не пить, ты же знаешь, ну не кричи, утро же.

— Почему я могу, а ты не можешь?! Устроился! Утро у него: половина первого! Уже нажрался! Нормальные люди пащут всюю!

Марина еще несколько минут попробовала не открывать глаза, но вопли матери окончательно прогнали сон. — Нормальные люди... Когда-то они еще могли бы претендовать на это звание. Когда-то давно, когда Марине было лет пять, и отец хоть и пил много, но только по праздникам. В разгар застолья он брал ее себе на руки и, обдавая неприятным запахом алкоголя и лука, начинал громко на весь стол рассказывать о том, какая его Мариночка самая толковая в группе, что будет, как мама её — самая завидная невеста. Руки у отца становились холодными и липкими, сидеть было неудобно, а от его поцелуев на щеках оставались влажные следы. Но всё это казалось совсем не важным. Она сидела с восторженной улыбкой самого любимого ребёнка на свете: папа ею гордится, говорит, что она будет похожа на её мамочку!

Очередные крики матери резко оборвали воспоминания о детском счастье. “Как же достали уже, надо дверь поменять. Хотя эта и через бронированную проорется. Да и денег на это всё равно нет”, — мелькнуло в голове. Образ матери вторгся в сознание: руки в боки, ноги расставлены, как у мужика, голова приподнята, готовая обрушить череду возмущенных претензий на каждого, попавшего в поле зрения её бегающих глаз. Видение окончательно заставило Марину открыть глаза и скинуть одеяло. От прикосновения к холодному полу стало зябко и неудобно. “Хорошенькую же перспективу ты мне предлагал, папочка,” — размышляла она, рассматривая себя в зеркальную дверь шкафа, с облегчением не обнаруживая следов внешнего сходства с матерью. О вчерашних посиделках напоминали воспаленные глаза и пародия укладки на голове. Она карикатурно себе улыбнулась, отражение ответило совсем не дружелюбно.

Судя по продолжающимся воплям матери, кран они так и не прикрутили. Кутаясь в старый свитер, она выглянула в коридор.

— Когда в душ попасть можно будет?

— Здрасьте тебе! Неужель проснулась? А чёй-то так рано? — мать, как паук, готова была переключиться на новую жертву, застрявшую в паутине её квартиры.

Марина вопрос матери проигнорировала, обратившись к открытой двери ванной:

— Пап, скоро закончишь?

— Да хрен его поймет, мать кран купила дурной, резьба слетает.

— Ах, это я ещё и кран не тот кушила?! — паук заметил остатки теплившейся жизни в первой жертве и поспешил закончить свою миссию. — Да ты б хоть раз зад свой поднял, да сам купил! За столько лет в доме никакого проку! Кран не тот! Руки у тебя от водки не те!

— Да я что, я кран, говорю, не наш. Импортный, не подходит сюда.

— Чем это тебе ихние краны не угодили?! Ты на него заработай сначала, а потом обхайвай!

Раздался треск, что-то звякнуло о ванну, послышался шум воды.

* Вина выжившего — в психологии термин, обозначающий чувства человека, уцелевшего в катастрофе, в которой погибли другие.

— Да что б тебя, твою же...

В заключение отцовского мата обреченно прозвучало: “Не вышло, Надь, треснул”.

— Не вышло?! Замуж я б за тебя не вышла, тогда б всё у меня в жизни вышло куда надо!

— Ну, я так понимаю, отечественное производство рулит! — бросила Марина.

— Ишь ты, оживилась как! Мы уж и не думали тебя до ужина увидеть! — полная капитуляция отца добавила пауку новых сил, и он надвигался, потирая лапки.

— У меня выходной. Захочу — и до ужина спать буду. Я не трогаю никого. Если б не твои крики — спала бы дальше.

— Ну конечно, чем еще заниматься-то. Всю ночь шляется, потом спит сутками. Хоть бы раз за месяц в комнате разобралась, гадюшник развела, зайти страшно!

— А нечего заходить — это моя комната.

— Ещё ты мне указывать будешь, куда заходить в собственной квартире! Заработай для начала себе хоть на угол!

— Будешь трогать мою комнату — я её таджикам сдам, я тут прописана. Нечего было ту квартиру Мише отдавать, я бы с удовольствием облегчила вашу жизнь своим переездом.

При словах о Мише лицо матери исказилось болью и досадой, руки машинально опустились, и вся она как будто ссутулилась, совсем поникла. “Ну вот, опять сейчас начнется”. — Марине стало жалко мать.

— На кухне он. Иди, поговори, — голос матери звучал глухо, в нём уже не слышалось злости, скорее отчаянье и безысходность.

— Мишка?

— Случилось, видимо, что-то. Но молчит, тебя, может, ждёт. Ты поговори с ним? — взгляд у матери стал мягким, болезненным.

— Денег он, небось, ждёт, что еще у него случается? Вот и приехал. — Марина не выносила этот жертвенный образ мамы и с годами привыкла отсекать все сентиментальности жестким тоном и жестокой правдой.

Мать молча проводила её взглядом и машинально зашла в ванную.

— На, Коль, старый пока давай закрутим.

— Старый — это можно. А что он подтекает — да это я сейчас прокладку новую поставлю, лучше этого будет.

На кухне было холодно, пахло газом и кофе.

— Привет! — произнесла Марина как можно дружелюбней, стараясь вытянуть себя из утренней злости. — Как дела? — и, не дождавшись ответа, она начала включать остальные конфорки, потирая над плитой озябшие пальцы.

— Нормально. Сама как? — он по привычке не поднимал глаз от дымящейся кружки.

— Путём. Если б не эти — вообще неплохо.

— Да уж, мать жжёт. Я в детстве думал, у неё когда-нибудь голос кончится, и она всю оставшуюся жизнь шепотом будет разговаривать.

Марина улыбнулась воспоминаниям, как они в детстве прятались от матери в ванной, и как однажды замок заело, и они не смогли открыть дверь. В итоге отцу пришлось замок выламывать, а мать орала потом еще неделю.

— У этой не кончится. Я в детстве думала, что когда вырасту — никогда кричать на своих детей не буду. Но, чую, гены своё возьмут.

— Как работа? Всё пытаешься спасти мир? — ухмыльнулся Миша.

— А ты всё пытаешься спастись от мира? — попыталась уколоть она.

— Каждому своё, выживаем, как можем.

Марина насыпала кофе, залила кипятком и, развернувшись, села напротив брата.

— На какие деньги выживаешь-то? Воруешь? — почти с утверждением вывела она.

— Когда как. Где так, где приторговать перепадёт. Да всё как раньше. Тут вот дед подкинул немного, типа к дню рождения.

— Ну да, он говорил мне. Я его предупредила, что это тебе на похороны, — она шумно отхлебнула глоток и поморщилась.

— Все там будем.

— Ну, ты-то торопишься первым.

Она хотела продолжить стандартный обмен колкостями, но наконец, взглянула на брата, и внутри защемило. За последний месяц, который они не виделись, он сильно похудел. На отливающем голубизной лице его глаза казались стеклянными лампочками. Редкая щетина прикрывала обветренную, местами в мелких язвочках, кожу. После второго срока он два месяца лечился в туберкулезном санатории, но начавшие было появляться признаки жизни на его лице исчезли уже через пару недель, и сейчас ничто не напоминало о выздоровлении.

— На чём сейчас?

— Месяц чистый! — он широко улыбнулся, обнажив несколько новых дыр между зубами. После первого срока за грабеж мать отдала всю выручку с последней продажи на его имплантаты. Наивная, она надеялась, что тюрьма его изменит, а подремонтированная улыбка простимулирует найти приличную работу.

— Врёшь.

Он не ответил, неловко поднёс ко рту кружку, и стало заметно, что рука его не слушается. Он был похож на инвалида.

— “Винт”?

— Ух ты, профессорша, сечёшь. Где поднатаскалась? Это даже не наркотик. Захочу — брошу.

— Ну да. Я это каждый день слышу. Лечиться не надумал?

— Да всё нормально, расслабься! — нотации ему порядком надоели. — Проходили уже, Марин. Работай на работе.

— Извини. Это, скорей, вопрос риторический.

На кухне повисла пауза. Миша так и не отрывал взгляда от кружки, потирая её бледными пальцами — на костяшках выделялись многочисленные старые шрамы. В подростковом возрасте Мишу отдали на скалолазание, где он быстро освоился и заслуживал частые похвалы. Родители, поверив в способности сына, готовы были оплачивать и дорогостоящее снаряжение, и выезды на соревнования, несмотря на средний доход семьи. Младшей по возрасту Марине становилось завидно. Ей тоже хотелось, чтобы на неё что-то тратили, радовались успехам, подбадривали. Но денег на занятия для дочери не оставалось, в связи с чем никаких “тантов” у неё выявлено не было. Марина надеялась, что в чем-то сможет отличиться, но в школе она была из середнячков, а бесплатные кружки предлагали только бисероплетение и шитье. Всей семьей они приходили на соревнования поболеть за Мишу, и Марина с тоской переводила взгляд с восхищенных родителей на карабкающегося все выше и выше брата. Ей хотелось тоже залезть высоко, ещё выше него, выше всех них, чтобы они задирали головы, чтобы увидеть ее. И тогда в ней родилась та самая детская, но совсем не девчачья мечта. Космос. Выше всех, даже выше этих альпинистов, поднимались только они в своих огромных кораблях. За их подъемом следят на мониторах сотни людей, а по телевизору и целый мир. От одной мечты о таком полете у нее замирало сердце.

Как идти к своей мечте, Марина не знала, и никто ей не мог подсказать: мечта была сокровенной тайной. Поэтому Марина просто ждала. Ждала, что оно обязательно как-то получится, что мечта сбудется и поможет ей тоже заслужить восхищенные взгляды... Ей так хотелось стать лучше Миши, хоть в чем-то.

Судьба помогла Марине стать лучше брата, но совсем другим способом. В то время, пока она ждала исполнения мечты, в школе заключили договор с социально-психологическим колледжем, куда Марина и отправилась после девятого класса. А из колледжа предлагалось без экзаменов попасть на вечернее отделение института. Космос почему-то все не появлялся в ее жизни, как и сами космонавты. Зато начали появляться мотоциклисты. Не заменят, конечно, но тоже в шлемах и “летают”. Жизнь вела Марину вперед. Мысль

об институте немного пугала: в их семье ни у кого высшего образования не было, и насколько все будет сложно или интересно, никто рассказать не мог. Но надежда на то, что ее тоже наконец похвалят, манила. Миша к тому времени застрял на уровне училища. Сначала бросил одно, потом исключили из другого, и он год отдыхал, в третьем у него “не сложились отношения”. Родители списывали неудачи сына на загруженность тренировками, но вскоре выяснилось, что тренировки Миша посещает так же, как и учебу. А потом... Потом всё закрутилось.

Марина безумно уставала на последнем курсе колледжа, постоянно подрабатывая вечерами. Она периодически замечала странные компании брата в квартире, но на ее жалобы мама не реагировала: “Мише необходимо отдохнуть!” Да вроде ребята и не пили у них дома, просто общались. Со временем Марине начало казаться, что она стала рассеянной: не могла найти вещи, куда-то засунула новый плеер, потеряла сережки, деньги все время улетучивались из кошелька. Она старалась дольше спать, завела записную книжку с напоминаниями, подсчитывала траты. Но когда к ней обратилась мама с вопросом о пропаже шкатулки со скромным содержимым из двух золотых цепочек и обручального кольца, уже не налезавшего на палец, они обе напряглись.

Сначала подумали на выпивающего отца. Но мать всегда оставляла ему деньги на алкоголь, и ему вроде хватало. Пил он запоями, раз в два-три месяца, а деньги и ценности пропадали регулярно. Мать валила все на дружков Миши, гневно обижаясь на попытки Марины “очернить” брата. А потом Марине уже и не пришлось спорить и ругаться. Реальность обрушилась на мать. Миша резко похудел, у него побледнела кожа, настроение менялось от благодушного безразличия до ярости, он постоянно “терял” телефоны, просил деньги “выручить друга”, не оставляя матери возможности для отказа своими криками и ударами кулаков о стену. В доме появлялись чужие люди, никогда не смотревшие в глаза, деньги и ценности приходилось прятать, на дверях поставили замки, которые постоянно “ломались”. Мать отказывалась принимать реальность, даже обнаруживая в ведре шприцы. А потом им позвонили из больницы, куда Мишу забрали с передозировкой. И диагноз в карте не оставил вариантов.

Дальше были споры, крики, пропажи, платные клиники и побег, мамины слезы и Мишины шантажи, мольбы, просьбы, обещания. Бесконечная вереница, затянувшаяся на несколько лет. Марина разрывалась между институтом и работой в школе, стараясь полностью себя обеспечивать, понимая, куда уходят все средства родителей. Она старалась поддерживать мать, воздействовать на брата, выбрала в институте специализацию по работе с зависимыми, чтобы лучше понимать происходящее и помочь Мише. Она очень старалась ничем не огорчать родителей, чтобы хоть с ней у них не было проблем, хотела дать им повод для радости. Но, поглощенные бедами сына, отец с матерью были не в состоянии замечать дочь. И опять все их внимание было приковано к Мише, только теперь уже к его падению. Когда Марина прилетела домой с заветной “корочкой” диплома о высшем образовании, единственной в их семье мама со слезами выдавила: “А Миша-то, ведь и Миша бы тоже мог! Как же это мы не уследили...”

Сейчас она смотрела на него, и ей первый раз за долгое время захотелось о нем поплакать. Было понятно, что он не выдержит слез и уйдет, но они уже полились. Она оплакивала их детскую дружбу, его заботу о ней и защиту в школе, его стремления и победы, свою детскую ревность и обиды. Она оплакивала все то, что уйдет вместе с ним, уже совсем скоро. Она оплакивала свое будущее одиночество и это не покидающее чувство вины за свои успехи, свои планы и мечты, вины за свою жизнь, которая у нее будет, а у него нет.

Миша увидел слезы и без слов ушел в родительскую спальню. Она еще несколько минут беззвучно плакала. Сейчас она пойдет в свою комнату, наденет новые джинсы и свежевыстиранный белый свитер. Она уложит упрямые рыжие волосы, вставит в нос пирсинг с золотой ласточкой, капнет на запястья любимые духи. Она выйдет из дома, поймает частного и поедет в

турагентство доплатить за поездку на Мальту. Потом встретится со своим “космонавтом”, будет кататься по летней Москве, проведет с ним ночь и, счастливая пробуждением с той дремотной утренней негой, поедет на работу, попытается спасти кого-то, как не смогла спасти его.

Он выкурил оставленные отцом сигареты, выпросил у матери еще немного денег и, сев в дребезжащий троллейбус, поплелся на окраину Москвы, в свою квартиру, коротать день в окружении таких же, как он, даже не загадывая, наступит ли завтра.

МАМЫ

— А имя твое, знаешь, почему такое?

— Да знаю, дед!

— Богдан — Богом данный.

— Да я знаю, дед, сто раз говорил!

— Бог — он в душе у каждого, вокруг нас, в каждом дне. Во всяком деле Он с тобой.

Беседы деду с каждым годом становились все скучнее, эпизоды и шутки повторялись, и взрослеющему Богдану компания старика уже начинала казаться тоскливой обязанностью.

— И потому в церковь ходить нужно, чтобы поближе к Богу-то быть, — продолжал дед, обращаясь к разложенной на столе гречневой крупе. Кожа у него на ладонях была мозолистой, и, казалось, пальцы уже не могли до конца разогнуться, не прорвав эту тугую подошву. Гречка оказалась никудышней, и дед все время качал головой, выбирая дрожащими пальцами черные зерна.

— И люди там, в церкви-то, они душою светлей, помогут они, если что, добрей они, в сердце.

В ответ на слова о доброте людей память Богдана начала прокручивать эпизоды воспоминаний. Ему было лет шесть, когда они с матерью и крестной поехали в Углич к родным. Городок был теплым, приветливым. Они весь день гуляли по его паркам и зашли на вечернюю службу в церковь. Богдан уже знал, зачем нужны церкви, умел креститься и ставить свечи с очень серьезным лицом. Эта была не похожа на их московскую: низкие потолки, тусклые деревянные иконы в потрескавшихся рамах, наваленные на лавках пакеты и свертки, и всего человек пять прихожан, которые недобро уставились на них. Богдану церковь не понравилась, даже рассматривать было нечего, и его скользивший в поисках чего-то особенного взгляд остановился на маме. Мама стояла чуть сбоку, и через узкие окошки на нее падали мелкие лучи света, начинавшие бегать по лицу и платью всякий раз, когда снаружи ветер шевелил деревья. Богдан смотрел на маму с восхищением и любовью. Она была такая красивая, улыбочивая, к ней так хотелось подбежать и обнять... Но он знал, что в церкви нужно стоять тихо, и продолжал вздыхать от скуки, переминаясь с ноги на ногу.

Потом к крестной подошла какая-то тётка и что-то спросила. Крестная едва мотнула головой и отошла. Тётка постояла и направилась к маме, и Богдан с любопытством начал осторожно поддвигаться к ним, чтобы лучше слышать.

— А вы свечи брать будете?

— Нет, спасибо. Мы еще завтра зайдём, поставим.

— А?

— Нет, спасибо! Сегодня не будем.

— Не нужны вам свечки?! — тётка так посмотрела на маму, что Богдану показалось, будто мама сделала что-то плохое и на нее сейчас наругаются. Он поскорей поторопился взять ее за руку.

Через пару минут тётка вернулась и встала перед ними, наклонившись к Богдану.

— На вот, держи, раз они не могут тебе купить, — громко и злобно сказала она, протянув погнутую красную свечку. — Пойдем, поставим Казанской.

Богдану идти не хотелось, но мама молчала, и он решил, что свечку поставить нужно, раз дают. Тем более, тётка так громко говорила, что он боялся, что она все-таки наругается на маму, если он не поторопится. Тётка согнулась и обхватила Богдана за плечи. Её волоски неприятно щекотали щеки, изо рта противно пахло. Через пару шагов Богдана осторожно потянули назад. Обернувшись, он с облегчением увидел маму.

— Не надо, спасибо.

Но тётка ухватила за Богдана еще сильнее и заговорила еще громче:

— Не трогай ребенка! Как себя ведешь в церкви! Позорище!

— Нет, это вы уберите руки от моего ребенка! — мама теперь говорила жестко и тоже громко.

— Да ты что творишь?!

— Уберите руки от моего ребенка! Он чужого брать не будет и никуда с вами не пойдет!

Растерянного Богдана тянули в разные стороны, свечка выпала, и освободившейся рукой он ухватился за маму, боясь, что одна она без его помощи с тёткой не справится. Мама сгребла его в охапку, подняла на руки и, крепко прижав, развернулась к выходу. А тётка всё не успокаивалась, шла за ними и почти кричала:

— Свечку купить не могут! И не стыдно так в церкви-то себя вести! Пример какой ребенку! Приехали тут!

— Не надо трогать нашего ребенка, он приучен у чужих людей ничего не брать! — вступилась крестная.

— А ты кто такая? Как воспитали-то!

— Меня очень хорошо воспитали, и вам дай Бог так своих детей воспитать...

Дальше разговора Богдан уже не слышал, только испуганно смотрел через мамино плечо, как тётка ругалась на крестную. Мамино плечо пахло вкусно, и щека терлась о ее мягкую шею. “Хорошо как, что у меня и моя мама есть, и крестная мама. Вместе они точно сильнее тётки!” — размышлял он, укачиваемый теплыми любимыми руками...

Детские воспоминания опять подняли внутри какую-то тревогу. В последнее время он все чаще чувствовал ее. Иногда она даже перерастала в страх и спускалась к самому животу. Почему и откуда она появлялась, Богдан не мог понять, и от этого еще неприятней становилось. От родителей он постоянно слышал про переходный возраст.

— Дед, а я вот что-то маму не очень помню, когда совсем маленький был. Работала она что ли много?

Дед продолжал перебирать гречку, как будто и не слыша.

— Де-ед! Про маму спрашиваю, почему не помню? — повторил Богдан в самое ухо.

— Да слышу я. На-ка вот, собери, что осталось, — он протянул банку для крупы, а остальное сгреб в кастрюлю. Богдан вяло ссыпал не отобранные зерна в банку, ожидая очередной истории деда. — Да вот, как тебе сказать. Вроде уже взрослый ты у нас, вымахал какой, понимать должен.

— Чего понимать?

— Да про маму понимать, — дрожащие руки несколько раз безуспешно чиркали спичками о коробок, но искра не появлялась.

— Дай я! — спичка ловко скользнула по картону, озарилась пламенем, и конфорка засветилась сине-оранжевыми языками.

— Вот помощник, говорю, вырос ты уже, двенадцать-то лет!

— Тринадцать, деда. Двенадцать в том году было, когда велик подарили.
— Ну да, тем более, тринадцать уже, поймешь.
— Что пойму?
— Да про маму. Они, видно, закрутились совсем, сказать тебе забыли.
— Да кто они? И что сказать?! — Богдан уже начинал злиться на деда, постоянно забывавшего суть разговора. Последнее время даже свои древние истории он рассказывал запутанно, сбиваясь с одной на другую, и Богдан сам нередко подсказывал ему продолжение сюжета.

— Не твоя она.
— Кто? — Богдан так углубился в свои размышления о деде и его старости, что забыл, о чем шла речь.

— Мама твоя... Она не твоя, понимаешь?
— Ты чего, дед? Как это? — в горле снова появилось то странное ощущение. “Наверное, это от грусти, что дед совсем старый стал и глупеет. Такую ерунду иногда говорит!” — Богдан постарался отогнать неприятные мысли.

— Когда родился ты, другая у тебя мать была. Она тебя родила, но не сложилось у них потом с отцом. Вот другая мама тебя и растила.

Богдан замер и не мог понять, что он чувствует.

— Это как же это, дед? — говорить получалось плохо, то странное ощущение, как будто сдавило горло, и слова прозвучали почти шепотом. — Как же так вышло?! Ты путаешь что-то!

— Ну, как вышло... Что поссорились-то? Ну, бывает так, ты уж должен понимать. Любили они друг друга. Потом Женька у них появился. А потом выпивать она начала. Негоже это, женщине-то пить, понимаешь? Мы тогда еще все в Кузовке жили, деревня значит. А там же не как тут, в Москве, там все всё видят, не утаишься. Соседи-то шепчутся, переговариваются, отцу потом все слухи доносят. А Женька не понимает, маленький еще. Как брошенный он был совсем.

— Кто он? — слова деда звучали, как из радиоприёмника. Как будто кто-то там, за ящиком, рассказывал очередную запутанную историю.

— Женька-то, маленький когда был.

— Да кто это?! — на какое-то мгновение Богдан подумал, что дед и правда рассказывает историю про кого-то чужого, про далекого мальчика и его пьющую маму.

— А, ну да, ты же его не запомнил, наверное. Брат твой — Женья. Первенец у них был. Добрый такой малыш, а глаза все время грустные, — с такой-то матерью.

— Брат? А как же Лёша?

— Лёша, он не твоего отца сын, это сын мамы, которая вырастила тебя. Когда она с отцом твоим сошлась, лет девять ему было, на год старше Жени.

— Так Лёша не брат мне?!

— Ну не родной, а так брат — сводный. Вместе же росли, у одних родителей. А Женья родной. Когда Ксения, это мать-то твоя, которая родила тебя, вот когда она совсем спиваться начала, отец твой её к бабушке повез, к святым местам. Это он ее так вылечить всё хотел. Да ты не хмурься, большой уже, понимать должен. Вот вернулись они оттуда, а она, значит, забеременела. Это тобой, значит. И как она тут преобразилась вся! Помогли видать, в церкви-то. Пить бросила, приветливая такая стала, ухоженная, с Женькой целыми днями возилась, в школу его готовила. И он-то как радовался, что мамка его так изменилась, сиял весь, когда с ней по улице шёл.

— А что с ним стало?

— С Женьей то? Ничего не стало, тьфу-тьфу, жив-здоров, слава Богу!

— А где же он?!

— Так где был, там и есть. Он ведь с ней остался, с Ксенией.

— Как остался?! А как же я? — внутри как будто всё тонуло, ускользало. С каждым новым словом деда словно открывался другой мир или, наоборот, рушился его мир, такой любимый, понятный, привычный. Перед глазами возникла картинка женщины с ребёнком, которые как будто на дру-

гом берегу машут ему рукой, но к себе не зовут. А он проплывает мимо. Им так хорошо вдвоём, они там вместе... И ему вдруг так туда захотелось...

— А почему я не с ними?!

— Ну, так ты и досказать не даешь. Не с ними... С папой ты остался, а он с ней. Ты когда родился — праздник какой для всех был! Здоровый, крепкий — она ведь всю беременность не пила, не курила, как чудо какое. Вот тебя так и решили назвать, мол, Богом ты послан им был, понимаешь? Богом дан. А через год снова пить начала, да только хуже прежнего. Вас с Женькой бросит и уйдёт. А он с тобой на руках всё ко мне прибежал. Маша моя слегла тогда, бабушка — то ваша, я и не выходил почти из дому, за ней смотрел. Вот притащит тебя Женька, а сам плачет, за мать переживает. Я накормлю вас, тебя уложу, а его в магазин пошлю или на почту там, принести что. Помощник он был мне в то время. Вот за хлебом, помнится, пошлю, а он часа на два пропадёт. Прибегает, весь запыхавшийся, сандалии пыльные. И я, значит, соображаю, что это он мать опять бегал-искал по всей деревне. А мне говорить не хочет, стыдно ему за мать. Так вот почти год и жили. Пока она на три дня не пропала. Ее потом участковый привез на машине своей, чтоб народ-то не видел позора. Она грязная вся, без обуви, в чужих лохмотьях, пьяная. Ну, тогда отец твой не выдержал. Пошел на следующий день на развод подавать. А самому тяжело, сколько лет вместе, всё жалел ее...

Дед застыл, глядя куда-то поверх Богдана... А у того в голове как будто появилась недостающая деталь мозаики. Ему казалось, что он начал вспоминать те эпизоды, о которых говорил дед, — фрагментами, вспышками... Синие с красным сандалии с оторванными ремешками, сбитые коленки, светлые кудрявые волосы. Но все это как будто со стороны, как не его. “Наверное, это был Женья! Наверное, я его помню!”

— А сандалии у него, они какие были?

В глазах деда застыли слёзы, а голова монотонно покачивалась.

— Чего говоришь-то? — он достал наглаженный по старой привычке платок и приложил его к глазам. — Заболеваю я, похоже. Вот... заслезился совсем.

— Сандалии у Жени синие с красным были? Еще с ремешками оторванными!

— Сандалии? — дед никак не мог переключиться со своих мыслей обратно на разговор. — У Жени-то? Да откуда ж я помню, какие они были...

— Жалко... — Богдану показалось, что очень важно узнать про сандалии, что от этого так много зависит.

— Хотя, наверное, порванные были. Ксения-то совсем уже за вами не смотрела. Так и ходил он, в чем придется, пока отец не заметит. Нелегко тогда всем было.

На кухне снова повисла пустая тишина. Вода закипала, но мальчик и дед как будто и не слышали позвякивания алюминевой крышки.

— Маша моя совсем при смерти была. А отец твой мне так и говорит: “Мне, пап, от стыда не скрыться в деревне. Только мама и держит, не могу вас тут одних бросить”. — Дед помолчал несколько минут. — А потом умерла бабушка ваша. Как сорок дней справили, так он переезжать надумал. А Ксения помаленьку соображать начала, что детей он забрать у ней хочет, вас с Женькой. И давай тогда она Женьку жалобить. Все плакалась ему, как она одна пропадет, как не управится с горем. А он не знай как, все утешал ее. Да возьми и скажи ей: “Я тебя, мамочка, ни за что не брошу! Я тебе обещаю!” — это он мне в тот же вечер рассказал, что матери пообещал. А сам плачет: и мать ему жалко, и с отцом быть хочет.

— Значит, он все-таки маму выбрал? А я как же? А меня — меня не спросили? — Богдан не понимал, что с ним происходит. Ему хотелось то расплакаться и спрятаться в угол, то кричать громко-громко, разломать все, а то убежать далеко, чтобы никто не нашел.

— Да тебе два года было, кроха совсем! Как отец все устроил, так решил переезжать с вами. А Женька — ни в какую: плакал, кричал, из дома до самой ночи уходил. Ну и не выдержал, отец-то. Решил время дать ему:

пусть, мол, успокоится. Думал, будет навещать его, так тот сам и попросится. А тебя он Ксенин не оставил. Боялся, не уследит. Вот и решили мы с ним: вдвоем уж как-нибудь управимся. Так и переехали в Москву. Первое время к нам Настя часто приезжала, крестная твоя. Она ж папе твоему сестра двоюродная. Переживала за нас: как мы, два мужика, с ребенком управимся. Приедет, бывало, на выходных, и весь день от тебя не отходит. Игрушек навезет, в парк сводит — баловала, одним словом. И все папку твоего пилила, что, мол, без матери мальчишке нельзя расти.

— А мама, мама приезжала к нам?

— Какой там! Он ни адреса ей не дал, ни телефона. Боялся очень. Ты первые дни все плакал, искал ее. Вроде ж ведь когда жил с ней, она и не видела тебя почти: пила да гуляла. А ты всё же тосковал по родной душе. Вот отец и боялся, что увидишь мать — совсем тяжело станет. Так тебя больше к ней и не возил.

— Никогда?!

— Да вот, выходит, никогда. Да и сам он со временем всё реже в деревню выбирался. Сначала Женьку хотел забрать, переживал за него. Но тот никак, уперся, маму решил оберегать. Ну и успокоились на том: Женька с ней, а ты с отцом. Он его раз в месяц навещал, игрушки возил, одежду. Постарше стал — и денег подкинет, не бросал, в общем. Он уж теперь и в армии отслужил. Отец мне его фотографии показывал, гордится.

— Так они и сейчас общаются?

— Конечно, что ж им не общаться — сын все-таки.

Дед не стал расписывать внуку, как его отец искал себе новую жену, как мучился, приглашая в дом то одну, то другую. Самому деду ни одна не нравилась: все они, когда Богдана видели, как будто разочаровывались... Не хотелось им чужого ребенка. Да и понятно оно — зачем им в придачу к мужику неродной малыш. А потом появилась Вера. Деду она сразу понравилась: взрослее всех предыдущих, серьезная, рассудительная. И, главное, глаза у нее добрые, задумчивые. Как в дом пришла — так как будто всегда с ними и жила. И с Богданом как ловко управлялась. И Насте она понравилась — подругами стали. Настя деда подбивала повлиять на сына: мол, чем не пара, женился бы. А сын всё как-то мялся, отмалчивался. А раз приехал, видимо, со встречи с ней, весь взволнованный:

— Пап, разговор у меня к тебе. Совета твоего спросить. Хочу на Вере жениться.

— Ну, и слава Богу! Чего тянуть-то! Хороша она, и Богдану с ней хорошо.

— Подожди, тут проблема есть.

— Да ну навывдумываешь еще, чего там у вас?

— Ребенок у нее. Уже большой, девять лет.

— А где ж это он?

— С ней живет, в ее квартире. Вот сегодня знакомиться ездил, Алексеем звать, славный вроде паренек.

— А чего ж тогда проблема?

— Ты думаешь, не страшно? — глаза сына засияли с облегчением. — Я за Богдана переживаю, как ему-то будет?

— Да ну брось ты, малой он еще. Привыкнет, как к родному, и не вспомнит потом.

В круговерти переездов Богдан и правда попривык. Одно время подолгу молчал, всё прислушивался к чему-то. Но и это постепенно прошло. Первые месяцы дед часто забирал Богдана на выходные к себе, старался дать передохнуть сыну с невесткой. Но постепенно Вера начала все больше привязываться к малышу и настойчиво просила детей не разлучать: вместе с ними обоими и в парк, и в лес, и на море. И жизнь потекла спокойно. Впервые после смерти Маши деду показалось, что все налаживается. Бывали и ссоры. Да у кого же их нет. Но так они с годами привыкли друг к другу, что все уже само текло, как будто так и должно быть.

Дед посмотрел на совсем потерянного внука. И жалко его стало, и вроде большой уже. Забился в угол, как воробей взъерошенный.

— Как же так, деда?

— Ну, вот так в жизни вышло. Всякое бывает, понимаешь. Ты не тоскуй, уж как получилось.

— Ведь они должны были мне рассказать! Обязаны были! Как же это они?!

— Да не хотели, чтоб переживал ты! Как лучше ведь хотели.

— Кому лучше? Они ведь знали! Это ведь... Это ведь получается, все знали? Все вы знали?! — Богдана пронизывала боль от такого предательства близких.

— Да мы ж за тебя боялись. Что ж не поймешь никак, чудака-человек!

— И крестная, значит, Настя, тоже знала? — он уже не слышал деда, а только перебирал в памяти всех родных и друзей семьи, пытаясь разобраться, кто из них тоже знал, но молчал.

В дверь позвонили. Два коротких, один длинный. “Это она! — мелькнуло в голове у Богдана. — Она всегда так звонит, чтоб дед чужим не открывал!”

— Откроешь? — дед несколько мгновений вопросительно смотрел на погруженного в свои мысли внука и, кряхтя, пошел открывать сам.

“Это всё неправда!” — вдруг озарило Богдана. Сейчас она войдет, его мама, и все это окажется глупой историей старого деда. Она посмотрит на него, и все сразу станет ясно.

— Привет, Вера!

— Вы чего так долго не открываете?! Я уже подумала: случилось что! А ты чего такой хмурый? Подростковый бунт на корабле? — она ласково улыбнулась Богдану.

— Ты... ты почему мне не сказала? — он хотел, чтобы вопрос звучал твердо, по-взрослому, чтобы она не смогла соврать. Но голос дрожал и звучал пискляво, как у девочки.

— Что не сказала, родной мой? — она нежно смотрела на него, одной рукой пытаясь расстегнуть босоножку. — Ноги совсем отекли: осень на дворе, а жара какая!

— Никакой я тебе не родной! — сдавленно прохрипел он.

Все внутри напряглось, как пружина. “Скажи, что это все не так! Ну же! Скорей, скажи, что дед совсем глупый стал! Ну, чего же ты!” — мысли пронеслись в его голове, пока она поднимала взгляд от непослушного ремешка.

— Что ты имеешь... — ее глаза встретились с глазами Богдана, и взгляд начал медленно напрягаться, как будто пытаясь что-то рассмотреть. Она резко повернулась к деду, и лицо ее застыло с выражением страха. Дед растерянно отвел глаза, потирая затылок. Мамин взгляд снова вернулся к Богдану и замер... Все его надежды разбились. Всё было правдой, дед не врал. Он всё прочел на ее лице.

Вера осторожно стянула босоножки, захлопнула входную дверь и прошла на кухню, сев напротив Богдана. Дед выключил свет в коридоре и медленно поплелся за ней.

— Ты теперь всё знаешь, да?

Богдан смотрел на её лицо, не чувствуя внутри ни тепла, ни нежности. Волосы у нее прилипли ко лбу и щекам, под носом выступили капельки пота, а кожа неравномерно покраснела. Она тяжело дышала, и от нее пахло пыльной улицей. Ее вснушчатые руки нервно потирали край стола, и он задержал взгляд на мозолистых от стирки красных пальцах с заусенцами у основания коротко остриженных ногтей.

— Нам надо всем поговорить.

Они снова встретились взглядами, и она поспешно отвела свой в сторону убегающей на плите каши. Он увидел много мелких морщин вокруг ее едва подкрашенных глаз. Они разбегались лучиками от носа к вискам и вниз к щекам. Они бежали по всему лицу, исчерчивая едва заметной паутинкой ее лоб, щеки, подбородок. Он смотрел на ее бледные тонкие губы, которые что-то произносили, и морщинки вокруг них. Он заново изучал это чужое лицо.

ПОЭЗИЯ

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

МАРИНА ГАХ

СОЛОВКИ

Где по ветру ложится густая трава,
И берёзы почти припадают к земле,
Еле-еле видны над водой острова,
Чайка долго над ними висит на крыле.

Там растут только камни, шлифует волна,
Поседевший от соли холодный гранит.
И до неба недвижно стоит тишина,
И безмолвное небо над нею звенит.

Там на линии света и тьмы, и тепла
Лишь душе открывается чудная даль,
И не помнит она ни обиды, ни зла,
Просветляет её неземная печаль.

Ближе к Богу, на север, в бесстрастную глушь
Необорно влечение, просторы близки.
Край земли или царство незримое душ,
И стоят на границе миров — Соловки.

БАБЬЯ ЖАЛОСТЬ

Из щедрот земных досталась
Мне в наследство только жалость.
Бабья жалость вековая,
Неизбывная, слепая.
Я несую её и плачу,
Что я в этом мире значу,
Ничего я не умею,
Лишь по-бабьи всех жалею.

А навстречу мне с дитятей
Выходила Божья Матерь.
“Не печалуйся! — велела, —
Это я весь мир жалела,
От меня тебе досталась
И любовь, и бабья жалость”.

Москва

ЛИЛИАННА САШИНА

ИЮЛЬСКОЕ

...Ставни зыбкие с ромбом в серёдке
обрамляют оконный прищур —
то лукавый, то ласково кроткий —
тот, который упрямо ишу
в городских застекольях — мелькнёт ли
что-то близкое, знак ли подаст...

...

у пруда тальниковые мётлы
с неба звёзды смахнули — вода
расступилась, чтоб тут же сомкнуться
крепче прежнего, — рябь расплылась,
тонко звякнули белые блюдца
полусонных кувшинок...

...

пылал
мак садовый на фоне шафрана —
и роскошество алое жгло,
пах жасмин удушающе пряно,
и молочные мальвы в стекло
засмотрелись, как в зеркало, статью
благородной своею гордясь...

...

стриж кроил золотое — метался
низко-низко, как будто дождя
обещал всем к полудню, но зноем
обдавал редкий вздох ветерка...

...

подбирая волну за волною,
пела синие песни река,
конь, коснувшись холодного, фыркал,
шумно воду тянул, мордой тряс,
и, пугливо шарахаясь, рыбка,
зарывалась в придонную грязь...

...

по макушку облитая солнцем —
млела липа и пышно цвела,
то и дело июльские соты
наполняла трудяга-пчела...

...

разморённые вялые кроны
жалит крыш раскалённая жесьь,
в ряд по колышкам — банки, бидоны
по старинке развешаны...

здесь

отзовутся радушно ступеньки,
вслух дотошно шаги перечтя...

...

враз синицы, затейливо тенькнув,
с облюбованной ветки взлетят
и растают — как не было вовсе,
стихнет гомон, и эхо — за ними...

...

растушёваны абрисы сосен,

день июльский протяжно звенит,
увязая в меду разогретом,
как попавшая в чашку оса...

...

бесконечное — тянется лето
и — ведро за ведром — небеса
достаёт из колодца-темницы
и разносит по сельским дворам:
полетит в высоту — точно птица —
и обратно вернётся журавль,
скрипнув, горько, замрёт — одноногий,
провожая с собой облака...

...

подорожник у пыльной дороги,
голубая тесьма василька
вдоль овса,
красный клевер с пыреем —
на лугах, и кислицы костёр
перелесок осиновый греет —
щедр июль и в забавах хитёр.

Тюменская обл.

ИРИНА ЕГОРОВА

МОСКВА-РЕКА

Пронизав текучестью извечной,
Отразившись в окнах и крестах,
По пути создав Замоскворечье,
За века как будто не устав,

Ты струишься, в солнце замирая,
Золотая, тёмная вода.
Так ли важно — первая, вторая,
Важно, что питаешь города.

Свеженосна, каменнобережна...
Оттого особенно милей,
Когда ты, светло и бережно,
Плещешь у Коломенских церквей.

СВЕЧА

Храм. Тишина и сумрак.
В сумраке я молчу.
Мальчику в светлых кудрях
Ставлю свою свечу.

Лекарю Пантелеймону —
Пусть золотит образа.
А по стволу золотому
Вдруг покатилась слеза.

Ствол, устремлённый, молённый,
Женское сердце не прячь.
Светлой-пресветлой,
Солёной
Плачь, золотая, плачь!

Я слишком люблюсь собою —
Мила мне людская хвала.
Стали моею судьбою
Не люди, а зеркала...

Лечи меня, всюду чужую,
Венец твой лучист и горяч.
Покой лишь в тебе нахожу я...
Плачь, золотая, плачь.

г. Саров

ТАМАРА НЕЧАЕВА

КАРМИЧЕСКИЙ СОН

Нет, не камень, из Космоса брошенный,
Разрешит наш земной раздор.
И плохие все, и хорошие
На духовный взойдут Костёр.
Помолись на родной простор!

Эти нивы, равнины сонные
И дремучие наши леса
Уже дышат жизнью бездонною,
Как России святой глаза.

За туманом спят выси горные,
Спят застывшие в них миры.
Дух Земли таит корни горные,
Как и мы, таит до поры.

Из Любви наши души созданы,
Но, спускаясь в трёхмерный мрак,
Мы забыли дороги звёздные,
Променяли Любовь на Страх.

А душа, как Ковчег космический,
Как натянутая струна.
Скоро с Богом сквозь сон кармический
В унисон зазвучит она!

*г. Усть-Каменогорск,
Казахстан*

АНАТОЛИЙ ОБЪЕДКОВ

* * *

Услышать глаголы
Времён и народов,
Проникнуться духом
Неведомых стран,
Понять, что всё дальше уходит дорога
В ту даль, где безбрежный
Шумит океан.

Постигнуть глубины
Звучащего слова,
Молчанье забытых
Могил и церквей.
Идти, не пугаясь
Вселенского зова,
К древнейшим истокам,
К молитве своей.

* * *

Болотный край с брусникой,
Где леший ведьму кликал,

Где путник тёмной ночью
Здесь слышал песню волчью,

И кто-то ухал в чаще,
И ветер леденящий,

Гнал как бы по этапам
К еловым колким лапам,

По топи да по снегу
К последнему ночлегу...

* * *

Листом капустным снег хрустит,
Я говорю ему: "Прости!", —
А сам топчу его. Мой след
Твоей ли нежностью согрет,
Твоим дыханьем напоён...
И пусть вздыхает старый клён
О том, что жизнь бурлит вокруг,
Что вдруг замкнулся тесный круг.
О нет, его мы разорвём,
И синь весеннюю прольём
На самый чистый белый снег,
И время свой замедлит бег...

г. Великий Новгород

АНТОН ВАСИЛЬЕВ

* * *

Нам столько не прожить, а прожито немного.
А прожито совсем как будто ничего,
Грехами, как листвою, усыпана дорога,
И так же далеко сияние Его.

И ходит рядом смерть, беда летит по встречной,
Смеётся надо мной в ночи телеэкран,
И только та, что ждёт в гостинице “Заречной”,
Способна исцелить всю боль сердечных ран.

Я думаю о ней, и каждую минуту
Я чувствую её присутствие в душе,
Я верую, что с ней я скоро рядом буду,
И смерти словно нет, а только жизнь уже.

ЗАЧАТЬЕВСКИЙ ПЕРЕУЛОК

Мне жаль монастырских развалин:
Их запах, и образ, и цвет,
А место, где мы танцевали...
Теперь его, в сущности, нет.

Тогда здесь не правилась служба,
И колокол здесь не звонил,
Дворовых товарищей дружба
Была мне мериллом мерил.

Тогда было много крапивы
И пыльных больших лопухов,
Мы рвали зелёные сливы,
Не ведая прочих грехов.

С девчонкой соседскою Шурой
Мы здесь целовались тайком.
За то, что назвал её дурой,
Однажды я стал дураком.

И ныне лишь тени развалин
Я мысленно глажу рукой,
А место, где мы танцевали,
Глядит с непонятной тоской.

Москва

ЕКАТЕРИНА КОЗЫРЕВА

* * *

И оглянулся ты на полпути,
Когда молила я: “Не уходи!
Не оставляй меня тягучей тени,
В слезах отчаянья, среди сомнений,
С ключами, брошенными на столе...”

Ведь были дни невинных песнопений,
И Ангелы ходили по Земле...”

ЧИСЛА

Смута, смута в небесной купели,
И в душе моей смута весь день.
Мысли, словно снега, налетели,
В сердце, в душу, в лицо... Одолень!

Никуда не уйти и не надо:
Ни в снега, ни к тебе, ни в себя...
Как мы шли посреди снегопада,
Как шутили — так шутят, любя.

Мы число или время забыли —
А всё дело в числе, говорят...
В сны твои — всё из праха и пыли —
Пусть придёт зеленеющий сад,

Как снега, весь облитый цветами,
Весь, как чистое пламя любви.
Числа, числа остались меж нами —
Не исчислены думы мои.

САД НЕБЕСНЫЙ

Николаю Дмитриеву

Из вечного сна не приходят обратно...
Ты друга искал или старшего брата,
Искал среди звёзд и в тенях облаков —
Снов.
Из сада земного ушёл ты в небесный,
Там Ангелы тихо летают над Бездной,
Махая крылами безвестным теням —
Нам.

Москва

ИЛЬЯ ИКОННИКОВ

* * *

Рыжая, до пояса, трава,
Тонкий березняк среди покосов.
В огородах — жалкая ботва,
Чёрная от утренних морозов.

А за нею — горбятся дома
У свинцовых волн, под небом мрачным...
Скоро, скоро тут начнёт зима
Щели пухом забивать гагачьим.

Я рубцовским памятным стихом
Встретил потемневшие избушки.
Мой Ан-2 им вновь качнул крылом!
И опять на луг-аэродром
Вышли деревенские старушки.

Увязали накрепко в кульки
Свой гостинец — рыбу да морошку.
Машут самолёту, сняв платки,
Крестят пассажиров на дорожку...

Молодость, возможно, не поймёт,
Сколько в этих проводах печали:
Расстанутся с внуками на год,
А в глазах вопрос — не навсегда ли?..

Пью с янтарной ягодой чай,
Что мезенским солнцем обогрета...
Ты, деревня, шибко не скучай —
Прилетим на будущее лето!

Вот и стали зори посветлей,
Звёзд высоких — радостней горенье...
Защити, спаси, звезда полей,
Маленькие русские селенья!..

* * *

Полнозвёздное небо крещенское,
Обжигающий душу мороз.
Еле теплится жизнь деревенская —
Три окошка мерцают вразброс...

Санный путь за угором теряется
И “Бурана” извилистый след,
Но по ним, хоть дорогой считаются,
Никуда хода-выхода нет.

А под ветхими отчими крышами —
Люди тихой, простой доброты,
Уповая на милость Всевышнего,
Довершают земные труды...

Год, другой — и уже не потянутся
К небесам русских печек дымы,
И едва ль нашим внукам достанутся
Опустевшие эти холмы...

Но и зла мирового вершители,
Пролетая над мёртвой страной,
Не войдут сюда, как победители,
И следа потаённой обители
На земле не найдут ледяной!..

Лишь сполохи всё так же засветятся
То зелёной, то алой волной
В бесконечные зимние месяцы,
Под Полярной звездой и Луной...

* * *

Утренником битая трава,
Сделавшись тяжёлой и ненужной,
Гибнет. Но в рассветности остужной
Часть её останется жива.

И когда листва, упав с берёз,
Побуреет, с почвою сольётся,
Есть трава, что над судьбой смеётся —
Зрелая, как будто в сенокос.

Первый, и второй, и третий снег
Тоже одолеть её не могут —
Сами тают, лишь примяв немного,
У травы — как прежде, зелен цвет!

Ты сугроб февральский раскопай
До земли, не поленись, попробуй —
Изумрудна травка под сугробом,
Хоть ещё далече тёплый май!

Стойкости пример — бери с травы
И не вторь тому, кто видит только
Голые поляны да пригорки,
Говоря уверенно: “Мертвы”...

Нынче мы и сами — как она:
Стужены, урежены, пригнуты...
Но не сомневайся ни минуты —
Будем живы. Впереди — весна!

Онега

АЛЕКСАНДР ИСТОМИН

* * *

Плачет природа — и наши плачевны дела.
Вётры роняют листву — мы теряем надежды.
Жизни граница проходит по краю села, —
Дальше лишь дождь без конца да в бурьяне поля,
Где обитают лишь серые волки да нежить.

Если спокойно всё взвесить, то вывод таков:
Путь перекрыт бездорожьем, нуждой и тоскою.
Выход лишь в небо. За пелену облаков.
Там, говорят, есть странноприимческий кров —
Дом для бездомных, обитель тепла и покоя.

*г. Хотьково
Московской обл.*

НИКОЛАЙ КРАСИЛЬНИКОВ

КРЕСТЬЯНСКИЕ ПОЭТЫ

В дни горьких потрясений,
Тревог и смутных снов
Лечил меня Есенин,
Лечил меня Клычков

Рассветной флейтой-песней
Былинных родников,
В которых свет небесный
И глубина веков.

Вновь прояснялись дали
Сквозь толщу слёз и бед,
И силы придавали
На много-много лет.

ПЕРО

В. В. Бокову

Старомодное перо...
А как пишет молодо!
Что ни слово — серебро,
Что ни слово — золото.

По брусчатке-мостовой
Катится браслетом:
То — частушкой озорной,
То — литым сонетом.

Никакой его песок
Замести не смеет.
Сам компьютерный божок
Перед ним немеет.

“СВЕЧЕЧКА”*

Мы забываем силу слова,
Язык любви не сберегли:
Увы, на смену Казакову
Пелевин с Приговым пришли!

Но в тишине промёрзших комнат,
Пока ещё не рассвело,
Душа, не отступая, помнит
Заветной “Свечечки” тепло.

* Рассказ Ю. Казакова.

ОСЕННЕЕ

Элову арфу кукушки
Уже не услышишь в лесу.
Я грусть свою мимо опушки
В подраненном сердце несу.

Роняет на тропку калина
Морозцем прихваченный лист.
Разбойничьим кажется, длинным
Над просекой сумрачный свист.

Что ж, надо домой торопиться,
Картошку в подвал убирать.
И печку топить... И учиться
Прощенья просить и прощать...

Москва

ТАТЬЯНА МАЛИКОВА

* * *

И сказало Небо: Да будет Земля! — И стала Земля.
И сказало Небо: Да будет Вода! — И стала Вода.
Море выкормит пеной, к груди прижимая, борта корабля.
И мужчины уйдут. И так было всегда. И так будет всегда.

И сказало Небо: Кто верит, — дождётся. — И женщины ждут.
Превращаются в чаек, когда не встречают домой сыновей.
Но обнимешь ли Море в едином размахе оперенных рук?!
Чайки-матери кружат, и бьётся о берег: Рауль! Андрей!

Полногрудое Море прерывисто дышит, волнуя рассвет.
И спешат сыновья по солёным дорогам морщинистых щёк.
А намоленный ветер рвёт в белые перья запененный след.
Только Небо молчит, — который корабль придет ещё.

Возвращаются все: кто-то сходит на берег, кто — входит в песок.
Ведь сказало же Небо: Да будет земля! И стала земля.
Чьи-то белые кудри покроет, как Море, чёрный платок.
А кому-то фатой улыбнётся латать паруса корабля.

Тамбов

СВЕТЛАНА СУПРУНОВА

ЯГА

Будут земли российские белы,
А пока, обгоняя метель,
Журавлей однобокие стрелы
Всё за тридевять мчатся земель.

Манят дали незримой мишенью,
Потихоньку пустеет колчан,
В страсти осени к опустошенью
Что-то есть от лихих половчан.

Где-то скрылись вещуньи-кукушки,
Улеглось разнотравье в стога,
Показалась в окне завалюшки
Баба Маня, по кличке Яга...

То ль за длинные пряди седые,
То ль за близость к опушке лесной
Языки ребятишек незлые
Нарекли её Бабой-Ягой.

Мало было ромашек и ряски,
Мелок был у села водоём —
Размечтались детишки о сказке
В околотке убогом своём.

Подросли — и уехали в город,
Где другая гуляет весна.
У Яги огород не прополот —
Третье лето не гнётся спина.

...И лицо рисовалось так тонко
А умытом стекле дотемна,
Будто светлая ликом иконка
Кем-то вставлена вместо окна.

ВСТРЕЧА

Всё будет уже по-другому.
Ты спрыгнешь на мокрый перрон,
Свернёшь к просветлённому дому,
Встречаемый граем ворон.

На стенах забытые снимки,
От поздних машин огоньки...
Ты мокрые снимешь ботинки,
И дам я сухие носки.

И мы в ожиданье тревожном
Присядем с тобой у стола,
Нисколько не вспомним о прошлом,
А если и вспомним — без зла.

Заплещут лампадные блики
На тонких оправках простых.
“Откуда здесь скорбные лики?” —
Кивнёшь на серьёзных святых.

И я не сумею ответить,
Что так повернулись дела
И что по-другому отметить
Жилище своё не смогла.

Мы выкурим по сигарете,
И, глядя в пустое окно,
Ты выдавишь: “Где наши дети?”
“Да выросли дети давно,

Легко разлетелись по свету —
Иные края повидать”.
Ты снова возьмёшь сигарету:
“Нельзя ли мне им написать?”

Неловкостью спутана липкой,
Теряя остаток души,
Тебе я отвечу с улыбкой:
“Да ты о себе расскажи!..”

И струи воды дождевые
Замрут у холодной стены,
И вздрогнут на стенах святые
От страшной вокруг тишины.

РЯБИНА

А гармонист, нетрезво улыбаясь,
Донёс напев до ближних деревень
О той рябине, что стоит, качаясь,
И ягоды роняет на плетень.

И бабий хор подтягивал послушно,
Да так распелся — сразу не унять.
И мне в прохладный вечер стало душно —
А где же ту рябину отыскать?

Рассвет осенний заползал в долину,
Столы убрали, в дом сложили снесь,
Хозяева забыли про рябину —
А мне б ещё послушать да подпеть!

Я дерево другое обнимала,
Жалея все на свете дерева,
И спела бы — да дивных слов не знала,
А может быть, забыла те слова...

г. Калининград

ВЛАДИМИР ПРОНСКИЙ

ХОЖАЛКА

РАССКАЗ

Непросто бывает не только обездоленным людям, но и тем, кто оказывается рядом с ними. Что это так, Вера Чумакова давно поняла: восьмой год работает в социальной службе. За это время она избегалась, исхудала, стала резкой, научилась ехидничать, особенно когда кто-то нелестно отзывался о её работе. “Кто ты есть, чтобы обсуждать мои дела?!” — спрашивала она у любопытствующего и так прожигала из-под рыжей чёлки раскосыми глазами, что у любого сразу пропадала охота к новым вопросам. Или припустится бежать, а куда, зачем — неизвестно. Идёт-идёт и вдруг, как стальная, — помчалась. За это её и звали Вера Чума.

Все эти годы Вера закупала продукты для подопечных, если надо, прибиралась у них и со всеми находила общий язык. Лишь однажды случился конфликт, когда одинокий старичок подарил шоколадку. Подношения запрещено было принимать, она никогда и не брала ни у кого подарков, а в тот раз слабинку дала, да и как отказать ради Христа. Принесла Вера шоколадку домой, а отломить и дольки не смогла — стала бы поперёк горла. Отдала шоколадку соседскому мальчишке, а в следующий раз отказалась от нового подношения. Дедуля же пожаловался в управление соцзащиты: мол, шоколадок нынешним хожалкам мало, они ждут конвертик с деньгами... Веру хотели уволить, а она и не сопротивлялась: “Увольняйте, тужить не бу-

ПРОНСКИЙ Владимир Дмитриевич родился в городе Пронск Рязанской области в 1949 году. Работал токарем, водителем, корреспондентом, редактором. Автор романа-трилогии “Провинция слёз”, романов “Племя сирот”, “Три круга любви”, нескольких книг повестей и рассказов. Публиковался в журналах “Молодая гвардия”, “Москва”, “Наш современник” и других. Лауреат премии имени А. С. Пушкина, Международной литературной премии имени Андрея Платонова. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

ду. Я тоже человек, а не тряпка тёрханая, чтобы об меня ноги вытирали!” Но её не уволили — заступились другие подопечные. В их числе оказалась Аня Федоткина. Вера и раньше к ней испытывала симпатию, но после того случая она стала ей, как родная сестра, которой у Веры не было.

У них и судьбы были схожие, построенные на несчастье, потому что обе рано остались без родителей. И если Аня — инвалид с детства, то Вера внешне вполне здорова, но в душу лучше не заглядывать. Изранена она у неё, пугливая, постоянно плачущая — даже Ане не понять. Только одна общая заноза — отсутствие детей — уравнивает их. И если Вера давно смирилась со своей долей, то Аня пока в боевом настроении. Она даже журит хожалку, когда та совсем раскисает. Особенно осмелела, побывав на нескольких репетициях в студии реабилитационного центра, готовясь к концерту. Сперва-то Аня и слышать не хотела о выступлении. Тем более что и священник Лука отговаривал; он частенько приходил к Ане в праздники с молитвой и подарками и весьма одобрительно отзывался о её увлечении вышиванием, считая, что это самое подходящее для неё занятие. Хотя пальцы у Ани не особенно ловкие, зато хватает упорства. Сперва она вышивала салфетки, платки, а потом льняное платье украсила цветными узорами с использовани-ем полутонов, расписала платье красными вензелями и диковинными изумрудными птицами. Да так выразительно получилось, что платье возили на областную выставку народного творчества, где её работа заняла первое место. А в последний день выставки платье даже продали. С Аниного согласия, конечно. Когда привезли кругленькую сумму, Аня позвонила Вере и расплакалась, потому что это был её первый в жизни заработок, и она не знала, что с ним делать.

— Не тужи — мы найдём деньгам применение! — рассмеялась Вера и посерьёзнала:

— Купим несколько таких же платьев, на год-два работы хватит. А то в последнее время тебе неизвестно что на ум приходит, думаешь о том, о чём нельзя.

Аня тогда никак не отреагировала на последние слова, хотя обида осталась. Да и как не остаться, если в последнее время она всё серьёзнее мечтала о муже. Ведь это так прекрасно — быть замужем! По фильмам Аня подробно знала, что происходит между влюблёнными, о чём они говорят, но в её положении оставалось лишь завидовать.

После успеха на выставке ей позвонили из реабилитационного центра и предложили заниматься в танцевальной студии, чтобы со временем подготовить парный танцевальный номер.

— А разве такое возможно? Это совершенно нереально! — изумилась Аня и бросила трубку, решив, что над ней кто-то зло пошутил.

Ей перезвонили и убедили-таки попробовать, а если действительно не получится, тогда и настаивать не будут.

— А вдруг удача придёт! — убеждал грубый женский голос. — Вы теперь лауреат, и самое время увеличить диапазон своего таланта! Звезду из вас сделаем! С соцзащитой мы договорились, и работница будет сопровождать на репетиции.

— Кто тот человек, с которым мне предстоит репетировать?

— Такой же, как вы... У нас несколько подобных пар. В нашей стране нет обездоленных людей! Каждый может найти занятие или увлечение по своим возможностям! — сердитая женщина говорила так напористо, что трудно было вставить слово, чтобы возразить или спросить о чём-то.

— Можно попробовать... — только и вздохнула Аня.

— Вот и хорошо! Завтра позвоню, зовут меня Маргарита Иосифовна, я руководитель студии. Пожалуйста, будьте готовы после обеда отправиться на первую репетицию. За вами придёт специальный автобус.

И действительно, на следующий день в назначенный час появился хмурый седоусый водитель, подстриженный пугающе коротко, и забрал Аню, поехавшую без головного убора, — боялась помять шапочкой белокурую причёску, освобождённую перед самой поездкой Верой от бигуди. В автобусе уже находился человек на коляске. Как выяснилось, тот самый, с кем Ане предстояло репетировать. Её познакомили с ним, звали его Алексеем. Необы-

чайно смущаясь, она коснулась его руки; какое же это, оказывается, чудо — чувствовать сильную мужскую руку.

У реабилитационного центра водители и Вера помогли Ане выбраться из автобуса, подняться по пандусу на входе в центр и далее — доехать до репетиционного зала; Алексей же сам ловко управлял своей коляской.

На репетиции у них сперва ничего не клеилось. Они потели, краснели, слушая подсказки, и старались кружиться в такт музыке. Как же это тяжело, хотя начали с самых простых движений, и даже стыдно быть такой неуклюжей и перед высокой стройной девушкой-хореографом, гибкой и подвижной, как стрекоза, и перед Алексеем, и перед стремительно мелькавшей миниатюрной Маргаритой Иосифовной. И это было только началом.

Почти всю зиму Аня занималась в танцевальной студии, даже вышивку забросила, и теперь без репетиций не могла жить. Стала ездить на них, как на любимую работу.

Вот и сегодня вновь собралась и ждала Веру. А та пришла хмурая и молчаливая, словно таскаться на репетиции ей стало тяжелее тяжкого. И Аня не удержалась, упрекнула:

— Ну, и чего губы развесила?!

— Ничего и не развесила! — Вера в этот момент постаралась не хмуриться.

Аня же, заметив настроение хожалки, сменила тему разговора:

— Вот то-то же! Нам всего-то по сорок! Вполне можем ещё семью создать!

— Ты всё о том же... Я уж была там... Семь лет муж помучился и бросил. И правильно сделал, не осуждаю. Это мне наказание за то, что в девках за парнями собачонкой носилась. Жалко только, что родители внуков не дождались.

— Что было, то прошло. Я бы на твоём месте ещё сто раз замуж вышла!

— Опять упрёки слушать?!

— Если не хочешь замуж, то в наше время ребёнка можно искусственно сотворить.

— Деньги большие нужны! Думаешь, много я зарабатываю?

— Но я слышала по телевизору, что теперь такие операции будут делать бесплатно.

— Ладно, потом поговорим... В чём поедешь-то?

— Даже до конца не выслушаешь... В розовой кофте и серой юбке!

— Хотя бы раз концертное платье надела, для чего тебе его сшили? Оно ведь длинное — надо привыкнуть.

— Привыкну на генеральной репетиции, а то в автобусе могу испачкать!

Накануне генеральной они репетировали дольше обычного. Когда же приехали домой, Вера закатила Аню в квартиру, помогла раздеться, усадила в ванной на табуретке и начала купать — уставшую, но не умолкавшую ни на минутку; со стороны посмотреть — непонятно, чему она так радуется.

После закутала Аню в халат, помогла перебраться в кухню, усадила за стол. Заварив чай, разлила по чашкам и подвинула к Ане вазу с конфетами и печеньем. Но та и не посмотрела на сладости, неожиданно спросила:

— А как у тебя было в первый раз?

— Что “в первый раз”?!

— Ну, с мужчиной... — уточнила Аня и покраснела.

— Не помню...

— Не обманывай. Замужем долго была, да и теперь Николай похаживает...

— Похаживал... Два месяца потаскался после развода, а потом помоложе нашёл. Так что завидовать нечему! — грубовато фыркнула Вера.

— А я Алексею нравлюсь... — неожиданно похвасталась Аня. — Он так смотрит на меня!

— Брюнетам всегда блондинки нравятся... Зря ты о нём думаешь! Духу с места стронешь, потом и сама не рада будешь.

— Ну, как всё-таки?!

— Никак... Не хочу об этом говорить. Пей чай и перебирайся на кровать — отдохни, бледная вся!

Аня промолчала, и Вера поняла, что она заразилась тем самым состоянием, от которого отговаривала её в последнее время. Теперь так и будет цепляться. Поэтому, быстренько перебив чашки, Вера собралась домой и от порога напомнила:

— Дверь я запру, а завтра в обед жди. Чего из продуктов-то принести?

— Сама знаешь... — сердито ответила Аня и закрыла глаза.

— А ты поспи хорошенько, а то завтра генеральная репетиция!

Аня даже не отозвалась.

— Вот до чего танцы доводят! — лягнула Вера велух и хотела добавить: “Так ведь можно и свихнуться!”, — но вовремя замолчала.

А на улице уже думала по-иному: “Всё-таки надо ей кого-нибудь найти. Это только кажется, что они беспомощные и ничего не умеют! Ведь как завистливо упрекнула Николаем! Не надо было ничего ей рассказывать!”

Когда Вера ушла, Аня пожалела, что грубо обошлась с хозяйкой. Хотя и она хороша — даже выслушать не могла. Ей ведь это ничего не стоило. А кому теперь рассказать, что творится на душе? “Жаль, что не умею сочинять стихи, а то сердечное стихотворение написала бы!” — мечтала Аня, чувствуя, как подкапывают слёзы, и сердце почему-то сжимается, да так сильно, что уж и воздуха не хватает. Поэтому гнала мысли об Алексее, но он вспоминался сам собой: чёрные волосы аккуратно подстрижены, а карие глаза такие глубокие, что в них можно утонуть. И ещё вспоминала его сильные, цепкие руки. На первых репетициях она очень боялась упасть, начиная кружиться под звуки вальса, но потом поняла, что с Алексеем ей ничего не страшно. И это прибавляло уверенности, и всё чаще слышалась похвала. “Молодец!” — словно школьнице, говорила хореограф, и это очень нравилось Ане.

Она и сама чувствовала, что у неё стало получаться. Постепенно выучила танец до автоматизма. Несколько раз репетировала на сцене, ставшей теперь привычным местом. И к Алексею привыкла, и к Вере, сидящей в зале, даже к электрику в смешном оранжевом комбинезоне, что-то постоянно чинившему за кулисами.

С утра Аня разложила на диване концертное платье, решила ещё раз проверить швы — вдруг где-то разошлись! Темно-лиловое, разукрашенное блёстками, шёлковое платье радовало нарядностью, оно, словно живое, выскальзывало из рук. Аня даже представила со стороны, как будет выглядеть в нём... А что будет потом, даже страшилась подумать. Главное — слушать музыку и следить за Алёшей, чтобы не пропустить ни одного его движения и не испортить впечатления, чтобы о ней не могли сказать: “Ну, что с неё взять...”

Она бы долго утонула в мечтах и размышлениях, но громыхание ключа в двери заставило её отвлечься.

— Ну, что, звезда, готова к генеральной? — грубовато и слегка насмешливо спросила Вера.

— Готова вроде бы... Только сильно переживаю!

— Это и хорошо, что переживаешь, — значит, не чурка бесчувственная. Давай-ка помаленьку собираться.

Собирались они долго, а вечно ворчащего водителя попросили приехать пораньше, потому что Аня хотела переодеться в концертное платье самой первой, чтобы привыкнуть к нему и побороть стеснение. Хотя оно и без того явилось, когда они прибыли в центр. Ей показалось, что все почему-то смотрят на них с Алексеем, представшим в чёрном костюме с бабочкой, но главное — с какой-то женщиной.

Когда готовились за кулисами к выступлению, Алексей подъехал к Ане, поцеловал в щёку и сказал:

— Не волнуйся, всё хорошо будет!

Она машинально кивнула, совсем не думая о его словах, чувствуя, как горит щека от поцелуя; к этому месту хотелось приложить ладонь и остудить. От растерянности она даже закрыла глаза и почувствовала, как кто-то коснулся её плеча. Веки распахнула — рядом опирается на трость спутница Алёши.

— Не переживайте, всё получится! — негромко сказала она.

— Вы — кто? — спросила Аня, замирая от недоброго предчувствия и понимая, что это женщина неспроста появилась за кулисами.

Подъехавший Алексей словно читал её мысли:

— Анна, познакомьтесь, — это моя супруга Светлана!

Аня почтительно кивнула и увидела на правой руке Алексея обручальное кольцо, хотя прежде его никогда не было! От страшных слов, от обручального кольца — от всего, что сейчас произошло, — сразу разрушились все мечты, словно и не было их никогда, а если и приходили, то к какой-то другой Анне. Она почувствовала, что ей не хватает воздуха, и голова вдруг куда-то поплыла...

Когда её привели в чувство, она посмотрела савельими глазами вокруг себя и вновь безвольно откинулась.

— Что с Федоткиной произошло? Что, я вас спрашиваю?! — прокуреным голосом испуганно и зло скрипела Маргарита Иосифовна, всегда заботливая, но в тот момент на себя не похожая и сильнее обычного напоминавшая высохший стручок.

— Ей домой надо! — твёрдо сказала Вера. — Выдохлась она, разве не видно!

— Врача ей надо, а не домой! Пусть приведёт в чувство — и на сцену. Не для того мы с ней полгода возились, чтобы сценарий ломать!

То ли от этих слов, то ли сама по себе, но Аня открыла глаза, хотя по-прежнему стараясь смотреть на окружающих её людей, и о чём бы её ни спрашивали — на всё отвечала молчанием. Она и в автобусе молчала, лишь перед домом толкнула Веру:

— Где Алексей?

— На репетиции остался... Будет выступать со своей старой композицией. Ты-то — как барышня кисейная расклеилась... Не переживай. Это и к лучшему. Нужны тебе эти трали-вали. Правильно ведь говорил Лука! — отрывисто и даже сердито выговаривала Вера.

И Аня обиделась на неё.

Когда сердитый водитель помог Вере переместить Аню в квартиру, она как была в концертном платье, так и бухнулась на кровать.

— Отъездились, что ли?! — радостно спросил водитель и впервые за всё время улыбнулся.

— Всё-всё — отъездились... Будьте счастливы и проваливайте! — шугнула его Вера и забыла о нём, подседа к Ане. — Сейчас-то хоть скажешь, что случилось? — спросила она и посмотрела ей в глаза.

Аня ответила не сразу. Наревевшись, вдруг отчётливо пожаловалась:

— Алексей — женатый...

Вера чуть не рассмеялась, думая до этого трагического для Ани откровения, что с ней произошло что-то серьёзное, а тут такое...

— А ты чего же, планы на него строила, губы от счастья раскатала?

— Не твоё дело, уходи!

Вера продолжала сидеть, а Аня повторила:

— Уходи и никогда больше не приходи ко мне. Без тебя обойдусь! Ты — злая Чума!

Если бы Аня сказала озлобленно, то Вера поверила бы ей, а то пропихала, как всегда. В любом случае Вера не должна была обижаться на подопечную, но разве скажешь себе: “Не обращай внимания — какой спрос с больной!” За долгие годы Вера хорошо изучила её и очень правильно поняла нелестные слова, от которых всё-таки сделалось горько и обидно. Даже не верилось, что Аня могла сказать такое. Неужели надуманные любовные фантазии так повлияли на неё, что она решилась обидеть самого, может быть, дорогого ей человека, потому что близких родственников у неё не было, а дальние не хотели с ней знаться. Поэтому Вера и стала ей почти родной. И обе это знали, но теперь Аня всё перечеркнула. Неужели такое возможно? Ведь никто и никогда не будет с ней так возиться! Другие хозяйки с утра разнесут продукты, в квартире, если нужно, приберутся — и нет их. А Вера и в выходные пропадала у Ани. Увидит в программе интересный фильм — и к ней отправляется. Прибежит пораньше, чтобы еду приготовить, постирать. Иногда и заночует у неё. А теперь, значит, стала “злая”! Но самое обидное, что Чумой обозвала!

— Ну, спасибо, Анна Сергеевна! — попыталась усмехнуться Вера.

Хотя она оделась внешне спокойно, но пока шла домой — ноги подкашивались. “Завтра попрошу, чтобы освободили от этой нахалки, — решила она. — Или вообще уйду из соцзащиты! Давно зовут работать в детсад. После педучилища работала же в яслях воспитателем, и ничего — справлялась, и никто Чумой не обзывал!”

Дома Вера хотела заняться ужином, но не было сил стоять у плиты — лишь попила чаю с печеньем и прилегла на диван. Ведь, что ни говори, тоже сегодня замучилась с этой генеральной репетицией — весь день на побегушках! Вера чувствовала, как окутывает её лёгкая и приятная дрема, и, засыпая, вновь подумала об Ане: “Поживи одна денёк-другой! Сразу по-другому запоёшь. А то набаловалась, лауреатка, все должны вокруг тебя юлой вертеться!”

Вера всё-таки заснула по-настоящему, а проснулась от телефонного звонка. Звонил отец Лука. Даже перепугал, потому что за окном уже по-настоящему стемнело.

— Вера Петровна, срочно приезжайте к Анечке, её надо сопроводить в больницу...

У Веры от слов Луки дух перехватило, сразу вспомнила, что стгоряча забыла закрыть Анину квартиру... Видно, что-то случилось серьёзное. Не помня себя, оделась, выскочила на улицу, а когда в пути встретилась со “скорой”, мелькнула мысль: “Неужели это её повезли?!” К дому подбежала и увидела полицейскую машину, священника, нескольких соседей.

— Что с Аней? — спросила Вера у Луки, казавшегося в высокой шапочке ещё выше.

— Кажется, отравление... Она недавно позвонила, сказала, что ей очень плохо, и просила приехать. И ничего не объяснила. Я в квартиру вошёл, а она без сознания на полу лежит и какие-то таблетки рядом рассыпаны... Вызвал “скорую”, полицию...

К ним подошёл скуластый, чернобровый лейтенант в маловатой форменной куртке и спросил:

— Вы кто будете потерпевшей?

— Хожалка... — И поправилась: — Социальный работник, навещаю Аню. Что с ней?

— Хотела счёты с жизнью свести!

— Какие у неё счёты — как ангел живёт!

— Значит, кто-то довёл. Следствие разберётся... Ключи у вас есть от квартиры?

— Имеются...

— Тогда пройдёмте! Надо выключить электроприборы и запереть дверь, а я её опечатаю. А вас потом доставлю в отделение, чтобы взять объяснение.

— Да какое объяснение... Я от неё час назад ушла — всё нормально было.

— Значит, не очень нормально... Вот поэтому ваше объяснение потом сравним с объяснением потерпевшей, если, конечно, она выживет...

— Что вы наговариваете-то?!

Лейтенант пригласил в квартиру Веру и соседок Ани как свидетелей.

— Холодильник тоже отключите! — сказал полицейский.

— Продукты ведь испортятся! — изумилась Вера.

— Вынесите на балкон...

Когда Вера вынесла содержимое холодильника, то увидела телефон.

— Тогда хотя бы мобильник ей отвезу!

— Пусть всё остаётся на своих местах!

Всё Вера исполнила, как велел лейтенант, а когда он опечатал дверь, они поехали в отделение. Вера только и успела поблагодарить Луку за звонок. В отделении она составила подробное объяснение, прочитав которое, полицейский заулыбался:

— Неужели от несчастной любви это натворила?

— От чего же ещё, прости Господи!

— Тогда ни вам, ни нам и заморачиваться нечего... Езжайте домой.

Вместо дома, остановив такси, Вера помчалась в больницу. В приёмном

отделении узнала у дежурной сотрудницы, важно восседавшей у телефона, поступала ли Анна Федоткина?

— Это которая с отравлением?.. Сейчас в реанимации промывание ей делают. Она уж в себя пришла.

— Ой, счастье какое! К ней можно?

— Да вы что, женщина! Хорошо, если дня через три пустят, да и то когда в общую палату переведут. Хотя, вряд ли — карантин сейчас в больнице из-за гриппа. Вы кем же ей доводитеесь — сестра, что ли?

— Подруга...

— Это хорошо, а то мы думали, что у неё нет никого, — недоверчиво и сонно отозвалась дежурная.

— А коляску ей можно привезти? — спросила Вера. — Она ведь инвалид!

— Неужто в больнице каталок нет? Обижаете! Вот вам наш номер телефона — звоните. Когда будут выписывать — тогда и приезжайте.

Из больницы Вера возвращалась более или менее успокоенной, а дома загрустила, потому что показалось в квартире сыро, холодно и необыкновенно одиноко. Даже позвонить некому. Весь вечер смотрела на телефон, а он весь вечер молчал. Кое-как улеглась спать, а утром сообщила на работу об Ане и попросила не передавать её другой хожалке.

— Она по-прежнему за тобой числится, не волнуйся! — обнадежила начальница отдела, видимо, всё уже знавшая.

Каждый день Вера звонила в больницу, узнавала о самочувствии Ани, а сама она так и не отозвалась. На четвёртый день Вере позвонила незнакомая женщина и торопливо спросила:

— Вы — Чумакова?

— Она самая...

— Вам из больницы звонят... Я медсестра Ани Федоткиной. Она просила вас приехать. Но к ней самой нельзя, зато под окошком постоять не возбраняется. Лежит она в терапевтическом корпусе на втором этаже, третье окно слева, напротив центрального входа в больницу. Будет ждать в час дня.

— Спасибо, обязательно буду! Что можно ей передать?

— Ничего. В больнице карантин из-за гриппа.

— И цветы нельзя? Ведь праздник был — Восьмое марта!

— Ни-че-го! — по слогам сказала медсестра, как отрезала.

Посетив до обеда двух клиентов, Вера в обед прибежала в больницу и заняла пост у третьего окна, но никого не увидела. Даже хотела швырнуть снежком, но вскоре выглянула Аня — бледная, осунувшаяся, но радостно блестящая глазами. Очень хотела и пыталась что-то сказать, едва дотягиваясь подбородком до подоконника, но разве поговоришь по-настоящему через двойные рамы? Минуту или две Аня подавала непонятные знаки, а потом показала лист бумаги. На нём крупно было написано: “ПРОСТИ”. Вера замахала, нахмурилась, мол, ладно, не за что прощать-то, а самой сделалось невозможно радостно оттого, что Аня оттаяла и больше не сердится. Вот молодец-то! Когда она начала подавать знаки, что, мол, пора прощаться, Вера, хочешь не хочешь, сдалась. Помахала в ответ, показала жестом, чтобы звонила и, невольно оглядываясь, пошла к выходу.

Затуманившись радостным возбуждением, она месила талый снег на разбитом оттепелью тротуаре и не сразу поняла от навалившихся чувств, что витрины, сами здания, сквер за перекрёстком — всё вокруг затопило тёпкое солнышко, блестящее в отдалении золотом церковного купола. Вера залюбовалась удивившим её свечением и поняла, что пришла настоящая весна, и самое плохое осталось в холодной и, казалось, нескончаемо долгой зиме. Это трепетное ощущение новизны обновления помогло по-иному посмотреть на всё, что произошло недавно, что растрогало сейчас и заставило окончательно забыть тревоги последних дней. “Теперь и тужить не о чем! — решила Вера и, запоздало расплескавшись слезами радости, вновь вспомнила подругу, шмыгнула носом. — Какая же всё-таки Анька вредная — настоящая коза!”

ВЕСЕЛА ТРАВА ПАСТЕРНАК

РАССКАЗ

В последние годы хозяйство Уласкиных оскудело: из живности остались лишь куры, но и с ними хватало забот. Анастасия Ивановна прежде трудилась бухгалтером в лесничестве, Алексей Петрович — учителем химии. Оба давно вышли на пенсию и кур держали более по привычке. Кормили их по-научному, круглый год пополняя рацион минералами и клетчаткой, используя заготовленные Алексеем Петровичем речные ракушки и веники из крапивы и клевера. Зимой ракушки мелко кололи, веники запаривали или просто развешивали вдоль стен, и куры с необыкновенным удовольствием, до голых прутьев ощипывали зелень. Поэтому и начинали нестись с Рождества — на радость детям, частенько приезжавшим в гости из Москвы и Рязани. Они охотно брали коробку-другую яиц, потому что в городах очень любят именно такие, “деревенские”. Сами же Уласкины их почти не ели, остерегаясь холестерина, нежелательного для пожилых людей. Хотя заботы о холестерине и не угнетали, а вот камни в почках мучили, особенно Анастасию Ивановну. Спасалась она отварами из пастернака. Каждое лето с избытком заготавливала его впрок, благо, что он пышными кустами рос во дворе: сушила вместе с вениками Петровича.

Куры жили у них постоянно, а вот с петухами не везло. Они и от хорьков гибли, и под машины попадали, а на одного даже ястреб-тетеревятник напал по-разбойничьи. На глазах Петровича. Отдыхал он у веранды, и вдруг из-за дерева скользнула серая тень и накрыла петуха... Он тотчас засучил ногами в смертельной судороге, а желтоглазый ястреб, увидев человека, взмыл ввысь, качнув на прощание ветви берёзы, словно и не было его. Потом, когда Петрович ощипывал погибшую птицу, то обнаружил одну-единственную сквозную ранку на шее от ястребиного когтя, через которую, видимо, петух и испустил дух... И куры в очередной раз остались без предводителя...

Из всего городка, наверное, только куры Уласкиных могли подолгу жить вдовами, как на птицефабриках. И если там они на сто процентов подневольные, и для сердечных утех у них не имелось технической возможности, то уласкинские куры несли поражение в любовных правах от стечения житейских обстоятельств. Хозяевам бы завести цыплят и вырастить своих петушков, но им не хотелось на старости лет бегать за цыплятами по двору и огороду, особенно дородной Ивановне. Тем более что куры и без петухов несли у них яйца. Но Анастасия Ивановна всё-таки жалела курочек. Поэтому частенько сидела на низком пенёчке, и хохлатки подбегали к ней, приседали, раскрывшись, и Ивановна легонько терзучила их, словно озорной петушок. Курам от этого — одно удовольствие. Поегозив под рукой хозяйки, они игриво отряхивались, и, если бы могли улыбаться, то улыбались бы во весь свой куриный клюв от перепавшего счастья.

Алексее Петровичу не очень-то нравилось занятие жены.

— Чего ты к ним привязалась?! Ведомость на них составь — вместо зарплаты будешь лохматить! — не выдержав издевательств над курами, однажды насмешливо укорил он.

— Отстань, ты ничего не понимаешь!

Петрович же всё понимал. Поэтому и не связывался с женой. Ведь связь — и она сразу припомнит прошлогоднюю историю, когда он за четвертинку арендовал у соседа молодого петушка, подпустил его к своим курам, а петушок, видно, по неопытности растерялся и норовил сбежать, особенно когда куры начали его нещадно клевать. Их поведение казалось необъяснимым, и Петрович решил, что нужно какое-то время, чтобы петушок и куры привыкли друг к другу, и между ними пробилась искра непобедимого чувства. Он даже привязал петушка за лапку, чтобы тот не убежал и не прятался. И каково же было его удивление вперемежку с досадой, когда к вечеру он обнаружил арендованного “жениха” невинно заклёванным. Хочешь не хочешь, пришлось заплатить соседу двести рублей. С тех пор и взъелась на него Ивановна, укоряя мужа при всяком подходящем случае, особенно когда он вставлял очередное замечание.

— Если ничего не понимаешь, — сердилась она, — так и не подходи к курам! А то желанный выискался?! Петуха принёс! Кто просил, зачем он нужен на зиму глядя?!

— Своих-то цыпят тебе лень завести! А то и молодки были бы, и петушки. Не надо было бы и соседям кланяться! — ворчал в ответ Петрович, хотя и понимал, что резон в словах жены есть, но резон близорукий, без дальновидного взгляда в будущее.

Поэтому Алексею Петровичу и делалось обидно, словно для себя одного старался. За ужином он обычно выпивал рюмку-другую водки, благодарно вспоминая коллегу Менделеева, составившего правильную формулу огненного напитка, но после случая с соседским петухом какое-то время не заикался о профилактике для сердца и сосудов, которую врачи по телевизору советуют выполнять ежедневно. Месяц, наверное, давал встряску организму и невольно подрывал здоровье. Правда, со временем всё наладилось, а история с петухом-наймитом мало-помалу отдалилась. Когда же пришла пора заниматься огородом, то и вовсе обо всём забыли. И о курах в том числе; они как жили вдовами, так и продолжали невинно чаврить. Если только иногда Ивановна вспомнит о них, особенно когда они чуть ли не за подол начинали нахально цепляться, обращая на себя внимание. И это продолжалось бы до бесконечности, если бы не случай.

Однажды Петрович не поверил своим глазам, отдыхая у веранды, когда увидел на двухметровом каменном заборе, отгораживающем двор от улицы, искрящегося на солнце сказочного петуха-богатыря! Окраса он был золотистого, с тёмно-вишнёвыми, почти жуковыми стрелами вдоль спины, переходившими в лиру хвоста длинными перьями изумрудного отлива. А шпоры-то, шпоры — как гнутые гвозди торчат! Не петух, а чудо! Откуда такой только взялся?! А гость походил туда-сюда по ограде, покачивая кустистым гребнем и рубиновыми серьгами, для порядка вытер клюв, показывая привычку к чистоплотности, звучно закукарекал, извещая о своём прибытии колонию притихших кур, испуганно косившихся снизу, словно на хищного ястреба, и тотчас спланировал во двор. Куры — врассыпную, но стоило петуху сделать вид, что он что-то нашёл для них поклевать, и властно закопать, созывая к себе, как все они послушно окружили его, а самые бойкие и озорные сразу раскрылились, заслонив собой всех остальных. Ему же этого только и надо, только за этим, наверное, и спикировал из поднебесья. Одна за другой куры после него отряхивались, а он и не собирался успокаиваться. Едва вспушил последнюю — образовалась новая очередь. Изумлённый Петрович крикнул жене:

— Настя, иди, посмотри: чудо-то какое?!

Не сразу, но Ивановна курносо высунулась из кухни:

— Чего ещё?

— Хочу сказать, что теперь ты осталась без работы!

— Я своё давно отработала!

— Не о том я... Чей-то петух к нам приبلудился, кур щёлкает одну за другой, а ты ничего не знаешь. Глянь, что вытворяет, разбойник!

Анастасия Ивановна вышла на веранду, посмотрела во двор, в котором бесновался пришелец, сказала едко:

— За такого, видно, придётся все пятьсот платить! Тем более что одной породы с нашими. Чей это?

— Откуда же мне знать? Бесплатно достался. Не переживай!

— К соседям сходи.

— Да у них таких красавцев никогда не водилось!

Всё-таки наведаясь Алексей Петрович к одному соседу, другому — ни у кого петух не пропал. А где ещё спросить — неведомо. Городок-то населением не густ, а раскинулся обширно, улиц — несколько десятков. Разве все обойдёшь! Вернулся Уласкин домой и устало доложил жене:

— Придётся гостя на довольствие взять! А там, глядишь, и хозяин найдётся. Не у каждого хватит сил легко отказаться от такого красавца!

Анастасия Ивановна ничего не сказала, лишь вздохнула:

— И с этим чего-нибудь приключится, уж поверь мне.

Так и не понял Алексей Петрович настроения жены, но появлению петуха радовался, словно приятелю, с которым можно поговорить по-свойски.

Петух же к вечеру окончательно освоился с курами, словно давно тайно путался с ними. Теперь же гулял открыто и хозяйки не испугался, когда та принесла корм, а лишь немного отступил. Сам первым к кормушке не подошёл, а, как и положено, позвал вновь обрётённых подруг и, поглядывая по сторонам, строго охранял их. Лишь когда они насытились, торопливо поклевал сам и уверенно повёл кур на насест, словно ходил этой тропой тысячу раз.

Появление петуха удивляло лишь в первые дни. А потом, занятые огородом, Уласкины к нему привыкли, как привыкают ко всякой обычной вещи. Да и петух, почему-то прозванный Ивановной Федькой, обаркался среди хохлатого племени, исполнял свою работу привычно, как все петухи, поэтому и первое удивление от его нашествия пропало.

Но вот к концу мая Уласкины управились с огородом, и опять бросилось в глаза поведение Федьки. Из ласкового и заботливого день ото дня он превращался в деспота. И если недавно куры сами к нему липли, то теперь шарахались, но тот всякий раз был неумолим. Скосив оранжевый глаз и нетерпеливо черканув крылом по земле, он тотчас выбирал жертву, и уж ничто не спасало её от крепких лап и крючковатого клюва. Прячась не прячась, убегай не убегай — дальше двора всё равно бежать некуда! — бесполезно. Как железными клещами вцепится: весь гребень в кровь исклюёт и спину изломает. В конце концов, куры начали шарахаться от Федьки; самые пугливые перелетали через забор, и потом их полдня отлавливали во дворах по всей улице; какие похитрее — прятались за штабелем тёса. Одна так и вовсе пропала. Самые же безвольные сидели в тени берёзы: истерзанные, безразличные ко всему, словно ожидали окончательной расправы.

— Ведь говорила тебе, — допекала мужа Ивановна, — как в воду глядела! И этот оказался непутёвым.

Алексей же Петрович не столько обижался на петуха, сколько не мог объяснить его поведение. Понятен был его первоначальный пыл, понятна и последующая размеренная жизнь. А теперь-то что случилось? Несколько дней Петрович мучился догадками, а однажды утром всё понял, когда Федька, едва выскочив из курятника, побежал к пастернаку и начал клевать листья с такой жаждой, с какой человек дорывается до воды, выйдя из пустыни. “От пастернака буйствует петух! Обьелся весёлой травы, от которой всё петушиное в организме шевелится, вот и гоняется за курами почём зря!” — решил Алексей Петрович.

За завтраком спросил у хозяйки с подковыркой:

— Когда думаешь пастернак-то заготавливать?! А то ничего не останется от него!

— Кому он нужен...

— Не знаю, кому, но Федька очень пристрастился, похоже — зависимым стал. Только соскакивает с насеста — сразу к твоим кустам! Сама же говорила, что пастернак мужскую силу удваивает! — улыбнулся Алексей Петрович.

— Откуда ему знать?!

— Узнал вот... Опытным путём... Видишь, как на него подействовал!

— На тебя, помню, что-то не очень действовал!

— Так ведь насильно заставляла употреблять!

Ивановна отложила ложку, выбралась из-за стола и — во двор. Вернулась побледневшая:

— Этот зверь почти всё ободрал, на весь год оставил без лекарства. Сегодня же уничтожь его. Смотреть на него не могу более!

Петрович же от такого разговора стало не столько смешно, сколько грустно: и с петухом ему не хотелось расставаться, и терпеть нельзя. Но как такого красавца отправить в суп?! Поэтому несколько дней уклонялся от расправы над Федькой, к этому времени до стеблей оципаншего кусты пастернака; без весёлой травы петух сделался тихим и неприметным, старался не попадаться на глаза хозяевам, словно знал их зловещую задумку.

Но это ему не помогло. Когда в выходной прибыл младший сын Василий, то перед его отъездом, коротко рассказав историю петуха, Ивановна попросила:

— Сынок, заруби его! От него одни несчастья. Просила отца, да его разве допросишься!

Но и Василий отказался казнить Фёдку.

— К тёще в Коломну завезу! Её курам как раз петух нужен! А пастернак у неё не растёт! — рассмеялся он.

— Вот и правильно. Увези этого разбойника, куда хочешь, лишь бы подальше. А то опять зайвится!

Надо бы, конечно, дождаться вечера, чтобы без шума снять Фёдку с сестра, но Василий спешил с отъездом и, вооружившись старым половником, вместе с отцом начал теснить Фёдку в угол двора. Петух потихоньку отступал, а когда отступать оказалось некуда, взвился перед ловцами, собираясь перемахнуть забор, из-за которого когда-то появился, но не рассчитал и, стукнувший зобом о камни, попытался проскользнуть мимо Василия. Хотя Василий жилистый и ловкий, в отца, но Фёдке удалось увернуться. Правда, сгоряча он не заметил сетку, воткнулся в неё головой и застрял, но сдаваться не собирался. Освобождаясь, отчаянно дёрнулся и напрочь сорвал гребень, залил двор алой кровью; боясь испачкаться, петуха более не пытались ловить. Тем более что Фёдка сам обречённо замер, словно прислушивался к себе, не понимая, что происходит. Пока прислушивался, на глазах сгорбился, распустил крылья и вскоре, навсегда изойдя кровью, повисшей на побледневших серьгах густыми сосульками, покорно повалился на бок. Иванова убежала в дом, чтобы не смотреть на такую страсть.

Закурив, Василий сказал, кивнув на затихшего петуха:

— Отбегался завоеватель... Чего теперь с ним делать-то?

Петрович вздохнул:

— Надо воды вскипятить, чтобы ошпарить да оципать. С собой возьмишь!

Кипятили воду молча, словно для окончательного завершения злодеяния. Когда же Фёдку ошпарили в ведре, то веранда наполнилась душным запахом пера, а само оно легко сошло с петуха, и все увидели, что не такого уж он богатырского сложения, а обычный оципанный кур: длинношей, длинноногий. И сразу сделали вид, что навсегда забыли огненного красавца, недавно владевшего двором. Торопливо собрали сына в дорогу, уложив в машину коробку с яйцами, пакет зелёного лука да банку консервированных огурцов. И о Фёдке вспомнили. Вскоре, покачиваясь в багажнике “Форда”, он ехал в столицу; завернутый в тряпицу и набитый крапивой, Фёдя совсем не чувствовал, как она изнутри жгла его.

После спешного отъезда сына Уласкины не могли говорить друг с другом, да и не осталось для этого слов. Несколько дней отмалчивались, чувствуя обоюдную вину. За это время на кустах пастернака набухли молодые листья, Анастасия Ивановна повеселела, а следом и Алексей Петрович мало-помалу растопил в себе солидарную отчуждённость. Но всё равно почти не вспоминали Фёду: чего уж бередить душу...

Но вскоре всё-таки вспомнили, когда увидели выводок цыплят и пропавшую курицу-наседку рядом с ними. Весь двор оказался усеян светло-коричневыми, пушистыми комочками, будто ранними опятами. Все они кружили вокруг наседки, а та квохтала, не переставая, словно обращала на себя внимание и говорила удивлённой хозяйке, первой заметившей их: “Не видишь разве, что мои детки голодные?!” Анастасия Ивановна сразу отправилась в кухню, мелко крошила на картонке несколько яиц и понесла во двор. Ничего не сказав, позвала за собой мужа. Алексей Петрович вышел на веранду неохотно, а когда увидел выводок, то широко разудлыбался. Да и было от чего: хотя цыплятки казались крохами и пока без жуковых стрел вдоль спины, но все до одного походили на своего отца.

Поздравляем нашего постоянного автора с 65-летием!

ВИКТОР ЛАПШИН

“СТРАНИЦУ НАУГАД ПЕРЕЛИСТНИ...”

К 70-летию со дня рождения

Перечитывая недавно изданную книгу избранных стихотворений Виктора Лапшина “Русская свеча”, вышедшую в Новосибирске в приложении к журналу “Сибирские огни”, снова и снова повторяешь про себя: “Поэт милостью Божией”.

Так и писал я о нем три десятилетия тому назад:

“Для того, чтобы войти в поэтический мир В. Лапшина, необходимо вслушаться в музыку стиха, медленно прочесть его, осознать, что значишь ты сам в этом мире, на земле, в космосе, в воздухе времени... Так заставляя задуматься лучшие стихи поэта — “Не кручинься, брат, веселись!..”, “Без искания, без искусства...”, “Туча вспучила озеро люто...”, “Нигде я мертвого не вижу...”, “Природы знаками немymi...”, “Мой гордый друг, не вопрошай...” И только войдя в мир поэта, ощутив родными самому себе его заветы, поймешь, что перед тобой один из тех, кто вплотную подошел к вершине “Золотой горы”, где “чудесным образом подают друг другу руки заклятые враги: красота и польза” (Александр Блок)”.

А об истоках своей поэзии написал сам Лапшин в короткой автобиографии;

“...В первую очередь из деревенского мира был перенесен язык, русская народная речь. Ее мне посчастливилось воспринять, так сказать, с молоком матери. Неудивительно, что впоследствии все выкрутасы и безобразные пошуги всяческих модернистов были и остаются для меня и чужеродными и враждебными. Смешны стихотворцы, копающиеся в словаре Даля и переносящие чуждую для них речь в свои мертворожденные подделки-подделки. Мне повезло, я родился в море народного говора, а не на его бесплодном берегу...”

Отсутствие благоразумия и постоянные порывы — без них жизни моей не бывало. Никогда течение ее не отличалось безмятежностью и умеренностью. Великий литературовед и критик Вадим Кожинов успокаивал: если бы, дескать, у меня все шло гладко, не было бы моей поэзии. Похоже на правду...”

Для Кожинова — одного из самых строгих, взыскательных и тонких ценителей поэтического слова во второй половине XX столетия — поэзия Лапшина стала подлинным открытием и “нечаянной радостью”, которой он в отточенных, ясных формулировках сразу же поделился с читателями: “Что же неоспоримо значительно в творчестве Виктора Лапшина? Прежде всего — очевидная сила, воля, энергия поэтического голоса, которых так не-

достаёт в стихах последних лет, подписанных новыми именами... В каждой из... разнородных форм творчества Виктора Лапшина — особенный поэтический строй; даже самый их словарь, сама художественная лексика имеют явные отличия. И в то же время несомненно единая и глубоко личностная, творческая воля, воплотившаяся во всем этом многообразии...”

Но именно органичное соединение тонкого лиризма с философичностью, народного слова с классической нотой, идущей от Евгения Боратынского и Федора Тютчева — все то, что обрел, чем обогатил свою (и отечественную) поэзию Виктор Лапшин, все, что оценили в его слове Вадим Кожин и Юрий Кузнецов — у других специалистов на ниве литературной критики вызвало раздражение и агрессию. “Я, много лет назад этого Лапшина первым заметивший и поддержавший, сказал, что человек оказался на неверном пути — гордыни, озлобления, риторики...” — записал в своем дневнике в 1980 году Игорь Дедков. Жаль только, не удосужился он уточнить — какие именно стихи поэта спровоцировали его на подобную реакцию и где он увидел “озлобление” и “риторику”... Написанные к этому времени стихотворения Лапшина “Васька Буслаев”, “Красава”, “Колодец”, “Озорник”, “Портрет”, “На сборищах тщеславных шумных...” украшали страницы любого периодического издания. И лишь озлобленностью самого критика можно объяснить его выпад (догадываюсь!) против одного из самых замечательных творений поэта “О, если смутная година...”

Одна на свете нам отрада,
За все страдания награда:
Немедля в путь себя готовь, —
Да осенит твой дух смятенный
На Красной площади священной
Державы вечная любовь.

Да уж... Не для либерального уха.

Естественно, сожалеющие слова о том, что “зря Лапшин в свое время не прислушался к словам Игоря Дедкова” и в результате оказался якобы “у разбитого корыта” (именно так называется статья о поэте) довелось прочитать в желтом листке, по недоразумению продолжающем носить имя “Литературная Россия”... Впрочем, это привычное дело. Кожин был прав — не должно было идти гладко. Особенно в годы, когда все чаще вспоминались тютчевские строки: “Теперь тебе не до стихов, о, слово русское, родное!”

Но и в эти годы, тяжкие во всех смыслах, а для русской провинции и людей, в ней живущих, тяжкие тройне, талант Лапшина не угасал. Стих становился тверже и лаконичней, тревожная нота вторгалась все чаще, но он писал и писал, не переставая.

После него остались не только неопубликованные стихотворения. Осталась переписка, часть которой он в целях сохранения прислал в “Наш современник”.

Это яркие человеческие документы. Размышления о природе творчества, добрые, благожелательные советы, которыми Виктор Михайлович делился со своими корреспондентами, открывают нам не только замечательного поэта, но мудрого, тонкого, чрезвычайно эмоционального человека. Его мгновенные, подчас противоречивые оценки прочитанного, его мысли о бытии человеческом, оценки его собственной поэзии такими ценителями, как Виктор Астафьев, Георгий Свиридов, Юрий Селиверстов Евгений Курдаков — все это, бесспорно, представляет не только исторический интерес. Это и яркие штрихи к человеческим портретам выдающихся деятелей отечественной культуры. А еще в этой переписке — отражение сложнейших и отнюдь не благотворных перипетий того злосчастного времени, когда начала распадаться держава, а прелюдией к распаду стало намеренное разрушение вековых символов, о чем рассказывает в письмах Вячеслава Клыкова.

Эпоха... История нашей борьбы... Поэзия... Все — в едином эскизе, на примере одной судьбы.

Подборку открывают стихотворения поэта, печатающиеся впервые.

Сергей Куняев

ВИКТОР ЛАПШИН

ЗНАКОМСТВО

*Вечер наш! Застолье загудело,
Побокую и мысли, и дела.
На меня ты странно поглядела
И глаза небрежно отвела.*

*Как твоя лукавая уловка
Подстегнула оторопь мою!
Только на тебя смотрю, плутовка,
Не кормлю соседку, не пою...*

*Гром музыкальный, дыма коромысла!
Даром что другим твой взор сверкал,
Отражённо он ко мне стремился,
Словно луч из тысячи зеркал.*

ВЁДРО

*Тихо-то как! Не иначе —
Время не Судным громам...
Вихри, стена и плача,
Мира покинули храм.*

*Солнце блаженствовать вправе:
Так лучезарно оно,
Словно в божественной славе
Только что сотворено.*

*Столько им дарено света
Милости Божьей подстать,
Что уж должна бы планета
Звёздочкой вечно блистать!*

*Всё, что таимо веками —
Вот! не гадай по руке,
Благо лазурь с облаками —
Сказка о белом бычке.*

ДРЁМА

*Все улетели птицы, до одной:
Не стало голубей и даже галок...
Ночная потасовка у пивной,
Стремительный по парку полушалок...*

*Блуждают в тучах мутные огни,
Срываются и вспыхивают ртутно.
Страницу наугад перелистни —
Пустой она окажется наутро.*

*Затворнический нежилой уют.
От печки смрад горелой рукавицы...
Смеркается, светает... И поют
Никем ещё невиданные птицы.*

БЕСЕДА

*Многоглаголивая свыше
Беседа породнила нас,
И всё смирнее, кратче, тише
Слова текли за часом час.*

*Но вот вмешался кто-то третий,
И вот уже во власти ты
У недомолвок, междометий,
У несказанной немоты.*

Письма Станиславу Куняеву

Дорогой Станислав Юрьевич!

Только что прочитал Ваш “Путь”¹. Стыдно мне стало: не знал я истинного Станислава Куняева!

Порадовался стальной силе стиха, а главное – верности Пути.
Я благодарен Судьбе за то, что моя жизнь соприкоснулась с Вашей.
Дай Вам Бог – всего!..
С искреннейшим уважением
Виктор Лапшин
26/II-83 года
Галич

Добрый день, Станислав Юрьевич!
Спасибо за книгу².

Викулову я не удивляюсь. И не обижаюсь на него. Когда Вы предложили мне прислать стихи для “Нашего современника” – вот когда я был удивлён! Что печатает Викулов?! Я имею в виду стихи. Чёрт знает что. За весьма редкими исключениями. Свои стихи я не хвалю, это далеко не шедевры, разумеется. И всё же... И я глубоко убеждён: у Вас ничего не выйдет, не оживите Вы журнальную поэзию. Пока у власти Викулов. А при Вашем характере – уйдёте из редколлегии³.

Лучший русский журнал. Великое делающий дело. И во главе журнала – бездарный стихотворец⁴. Диву даёшься... Потому и не обижаюсь. Я даже не прошу Вас, чтобы моё письмо оставалось “между нами”.

Просьба к Вам. Когда Викулов окончательно отвергнет меня (а это неизбежно), пришлите, пожалуйста, мои вирши мне. Я обещался “Волге”, а посылать – нечего.

Потому нечего, что не пишу. Какая-то тоска, противление добру, в коем я продолжаю видеть старинное, могущественное зло. А писать о птичках и цветочках не могу. Читаю журналы, вижу торжествующую сволочь... Я просто помню свой, наш шесток. И ликовать не могу и не хочу. А без радости в душе какая работа? Прочитал сегодня Вашу статью в № 9 “Н. современника”⁵. Ужель Вам радостно? То-то и оно.

Жду Ваш ответ.
Жму руку, Ваш В. Лапшин
21/X-88 г.

Дорогой Станислав Юрьевич!
Благодарю, благодарю за “Антологию”⁶!

Вот ещё какое дело. В середине апреля меня завалили в больницу после гипертонического криза. Говорят, я был на волосок... Кажется, нужно мне подумать о судьбе моего архива. Иначе его ждёт в Галиче судьба печальная.

Посылаю письма Свиридова, Астафьева, Шипилова, Клыкова, Курдакова. Думаю, им в Москве найдётся достойное место.

Всего Вам доброго. Привет Сергею.

Обнимаю, В. Лапшин

8 мая 2007 г.

Дорогой Станислав Юрьевич!

...Кузнецов записывал свои сны, была у него для этого особая тетрадь. Хорошо бы сны опубликовать! Один сон (о Христе) он мне читал, – впечатляет. М. б. Батима пойдёт Вам навстречу?

Всего Вам доброго!

Обнимаю.

В. Лапшин

26/XI-07 г.

Дорогой Станислав Юрьевич!

Огромное спасибо! За всё.

Особенно сильны материалы № 3-го. Читал с упоением⁷.

Дай Вам Бог здоровья. Вы делаете великое дело, уже затмившее дела М. Меньшикова-публициста. В “Нашем современнике” много авторов. Но главный автор – Вы. Во многих лицах. Надеюсь, Вы знаете, что я не льстец.

Всего Вам доброго.

Обнимаю

В. Лапшин

4/IV-08 г.

Добрый день, Станислав Юрьевич!

Недавно я послал Вам мой галичский сборник, а ещё ранее – большую подборку. Думаю, что-нибудь журналу подойдёт. Отсев необходим, разумеется.

На днях копался в бумагах старых и нашёл письма Ю. Селивёрстова. М. б. они, вместе с прежде Вам отправленными, вам пригодятся. Превжные Вы видели.

Любопытствую в душе, думая о давно посланных моих кратких воспоминаниях о Кожинове и Кузнецове⁸. Начинаю подозревать, что что-то или как-то написал не так... И поэтому...

Всего Вам доброго. В. Лапшин

30/XI-09 г.

¹ Книга избранных стихотворений Ст. Куняева “Путь” с предисловием В. В. Кожина вышла в свет в 1982 году.

² Речь идёт о книге стихов Ст. Куняева “Мать сыра земля” (М., 1988).

³ Этого не произошло. В августе 1989 года Ст. Куняев стал главным редактором “Нашего современника”.

⁴ Эмоциональный всплеск В. М. Лапшина, его субъективный отклик можно понять, если учесть, что из подборки В. М. Лапшина, из присланных в “Наш современник” при главном редакторе С. В. Викулове, были опубликованы лишь 2 стихотворения (№ 12, 1986).

⁵ В № 9 ж. “Наш современник” за 1988 год была напечатана статья Ст. Куняева “Всё начиналось с ярлыков” о судьбе крестьянских поэтов.

⁶ Речь идёт о 3-м томе 5-томной “Антологии” избранных произведений, опубликованном в “Нашем современнике” за 1990–2005 годы (Муза надежды. Антология русской поэзии. Составитель С. С. Куняев. М., 2007), в которой были напечатаны 16 стихотворений В. М. Лапшина.

⁷ В № 3 “Нашего современника” за 2008 год напечатан цикл стихотворений В. М. Лапшина. В этом же номере были опубликованы письма В. А. Чивилихина, воспоминания Олега Игнатьева о Ю. П. Кузнецове, статьи Ю. Емельянова “Загадка смерти Сталина” и А. Севастьянова “Новая инквизиция”; а также статьи А. Баженовой о поэзии Светланы Сырневой и Э. Анашкина о поэзии Дианы Кан.

⁸ Воспоминания В. М. Лапшина и письма Вадима Кожина и Юрия Кузнецова к нему были опубликованы в ж. "Наш современник". См. "Восторга не теряющий" (№ 7, 2005), "Человеческий лик" (№ 2, 2006).

Письма Екатерине Козыревой¹

Добрый день, Екатерина Николаевна!

... Я рад за нашего гения²: видите, Ваши стихи понравились. Вы в самом деле пишете профессионально. Или – как бы сказал Ю. П. – прописываете стихотворение. Доводите, иначе говоря, до совершенства. Так это же и есть профессионализм, то есть ответственность и строгость (к себе, к слову).

В том стихотворении "не русский оборот" потому, что это в самом деле не русский оборот. Разве в народных песнях есть что-то подобное? Это "ать-ить-уть" началось, кажется, с Фета. Но – не грешил он этим постоянно. И Блок: "Грешить бесстыдно..." Пастернак уж за ними.

Кузнецов прав: надо много писать. Каждый день надо писать. Выйдет – хорошо, не выйдет – что поделаешь. Я вот не всегда могу каждый день – и маюсь из-за этого. Зачем ждать случая? Вся-то наша жизнь – как бы случай.

О сознательном творчестве боюсь думать. Знаешь, бывает, о чём надо сказать, а как – надо слушать и ждать. Иначе – насилие, "сознательность", неудача.

Кажется, я ответил на все Ваши вопросы, которые вы назвали "детскими". Это вопросы – самые главные. И графоман, гордое ничтожество их не задаёт, он их просто не знает. Так что, у Вас, на мой взгляд, всё в порядке.

Всего Вам доброго.

В. Лапшин
14/IX-89 г.

Извините за сбивчивость: я прихворнул, мысли путаются.

Добрый день, Катя!

Не слишком ли мрачно Вы смотрите на русский народ? Я не думаю, что русский дух исчез. Если б это было так, то и бесов бы не видели – воочию.

Лучше Кашпировского не смотреть³. Если даже он добр (а есть большие сомнения), его оружие – обоюдоостро. Есть и в Галиче люди пострадавшие от него серьёзно. На меня почему-то он никак не действует. Два раза глядел, а потом мне стало смешно и очень неприятно.

Да, вера, да, православие. В них спасение. А давно ли Вы читали Лескова? Скажем, "На краю света"? Или "Скомороха Памфалона"? Или "Час воли Божией"?

О какой праздности души Вы говорите? Смешно сказать: "Душа обязана трудиться..."⁴ Ничего она не обязана. Да и праздной быть она не может. Усталость – да, но не праздность. Это у всех бывает, всё волнообразно. Хотя, конечно, порой "упадок" мучителен, пугающ.

Рад за Вас. Книжка будет хорошая. Глушкова (гневающаяся на меня) поможет Вам, честь ей и хвала.

Свою книжку я Вам пришлю, попозже. Пока – голова кругом.

Желаю Вам всего доброго.

В. Л.
13/XI-89 г.

Катя, здравствуй!

Спасибо! Всё очень ладно. Деньги я послал тебя позавчера, получила ли?

А я читаю И. Брянчанинова – о падших духах и человеках, – вообще – о святых Отцах и святых Отцов⁵. И земная мудрость (с поэзией вместе зримо для моих душевных глаз) меркнет.

Ничего не пишу, с чем ты и можешь меня поздравить.

Жду твои стихи в "Лит. России". Но сейчас все с ума сошли, после гос. и лит. переворотов⁶.

Постараюсь приехать в середине октября.

Всего тебе доброго.

Катя, здравствуй!

... Что ты там с подружкой говорила о Солженицыне? Я-то знаю, что он, извини, — козёл. Давно подозревал я... и вот жизнь показала его истинное лицо. Средний прозаик, одержимый манией величия, демократический тиран, политический труп, разжиревший на жидовских долларах, враг России, а значит — Бога. Всё мы верно понимаем “с этой демократией”, не сомневайся. То ли ещё предстоит! Читала ли ты книгу Рида “Спор о Сионе”?..

Солоневича “Монархию” мне надо!!! Но! Сколько стоит она? Хватит ли тех, 60-ти рублей? И за почту ведь надо платить... Если можно, пришли.

Галковский — гений⁷. Но, как всякий гений, он заключён в собственную непроницаемую скорлупу. Мир в него валится, в нём варится безвыходно. Кроме того, не могу не думать о Розанове, когда читаю Галковского.

Всего тебе доброго!

Берись за всё, что предлагают, сейчас это дар Божий. Я бы рад — в сторожа!

Пока всё.

В. Лапшин

22/IV-92 г.

Катя!

... Чтобы несколько тебя развеять, посылаю одно из своих новых стихотворений — “Кузькину мать”, которое ни патриотам, ни демократам не понравится. Что поделаешь, я следую не доктринам, а правде подлой жизни...

Пока нашим не показывай. Я им скоро пришлю.

*Не грусти, не печалься, не сетуй,
У окна обомлело не стой, —
Закуси лучше стопку котлетой,
То бишь нищего светлой мечтой.*

Не тужи, Катя! Что толку? Жить надо! Чаша — наша, питьё — Богово: пей до дна!

До встречи!

В. Лапшин

20/X-92 г.

КУЗЬКИНА МАТЬ

*По Богом забытой дороге
(Откуда, куда — не узнать)
В полуденном лиственном вздроге
Шли Кузька и Кузькина мать.*

*Он в драной заморской тельняге,
Она — словно в чёрном дыму.
Пел Кузька о гордом “Варяге”,
И мать подвывала ему.*

*Вдруг видят: на взгорке покатою
Лупцуют друг друга под дых —
“И-эх!” — патриот с демократом,
А рядышком пара гнедых.*

*Один (как-то странно знакомый)
Во гневе кусает губу:
“Утритесь вы с вашим законом!
Европу я видел в гробу!”*

*Другой (не похоже, что местный)
Вертит кулаком-кистенём:
“Молчи о России Небесной!
Гори она синим огнём!”*

*Слегка призадумался Кузька,
Поморщилась Кузькина мать.
Махнули рукой они: “Пусть-ка!
Побьют ещё, коль разнимать”.*

*Под покрик, да взбучку, да встряску
 (“Иисусе, насилу спаслись!”)
Уселась, родные, в коляску
 — “Ню, милые!” — и унеслась.*

Так-то! А вы говорите...
23 сент. 92 г.

Катя, здравствуй!

Покупаю книги по богословию, читаю, думаю, — стыжусь и негодую на себя.

О. Сергей Махонин плоховато понимает дух русской литературы начала XX века. Символизм — истинная свобода? Да, свобода. Свобода от Бога, от Православия. Свобода тяготеть... к сатане. О советской литературе он верно говорит. Но не совсем. Наряду с советской росла и существовала у нас русская литература (Платонов, Шолохов, Белов...)

На катехизаторские курсы, конечно, поступай. Это будет твоё настоящее дело — православная гимназия. Дай тебе Бог. Если будут затруднения (с возрастом), обратись за помощью к священникам, чтобы они посодействовали.

Пока всё, Катя. Пиши.

Всего тебе доброго.

В. Лапшин
10/II-93 г.

Катя, здравствуй!

Сперва о делах. Бандероль (с деньгами) я от Беляя получил. О чём ему и сообщил недавно. Ещё послал для “Лепты” стихи. Прошу тебя узнать у него, получил ли он их. И сразу ещё одна просьба. У меня пылится лет пять замечательная сказка, стихотворная, абхаза Таифа Аджбы — в моём, хорошем, переводе. 208 строк всего лишь. Хорошо бы её тиснуть в “Лит. России”. Узнай, можно ли туда её послать. И кому. Кажется, Аджбу грузины убили⁸... Так что это мой дар абхазскому народу.

Стихи твои, “Во тьме”, хороши. Насторожило меня только одно: “блеск, вино и яд струится, веселеет, сатанеет”. Я бы написал: струятся, веселеют, сатанеют. Концовка сильная. Ты, Катя, явно растёшь, поздравляю. Лихие времена тебе на пользу, видимо...

Каковы мои дела? Обанкротился “Евроросс”, пропала поэтому моя рукопись тамошняя. 18 дек. Кожин говорил обо мне в передаче “Русский огонёк” на радиостанции “Радонеж” (?). А всё остальное — Галич. Настроение — паршивое.

Не болей! Пиши! Жду.

С Новым годом! В. Л.

С Рождеством Христовым! 22/XII-93.

Катя, Катерина, здравствуй!

Всех ты переплюнула: кто из наших в 97-м году книжку издал⁹?. Изданы “Качели...” хорошо. Рада ли? Я для себя отобрал из них “Цветок”, “То не стакан гранёный...”, “Какое небо над водой...”, “Тютчев”.

Да, Ю. П. Тютчева напрасно развенчивает¹⁰. Когда-то мы с ним (за столом) об этом говорили... Я ему написал, что к Тютчеву он так отнёсся всё

же... из любви к Тютчеву. А написал (и не только, и не столько об этом) после получения от него томов Афанасьева, его книжки “До свиданья...”, книжки Сырневой¹¹. По моей просьбе земляк встретился с Ю. П. в Москве и всё мне привёз. Само собой — и письмо.

А что Хворостовского духовное пение (“Святой крепкий...” и т. д.)? Стоит она, кассета, не более десятки, так я же тебе деньги бы сразу же выслал (и за посыл). В. Непомнящего статьи о Пушкине я читывал, нравятся. Но книги его “Поэзия и судьба” у меня нет. А что должен был написать по этому (не по этому?) поводу Ю. П.?

Галковский, естественно, отпадает. Пусть его читают новые русские и интуристы русскоязычные, имеющие доллары. Да хрен с ними, с старинными и новейшими розановыми. Нет ли в них огромной, сколлапсированной червоточины... Брюзжание, изредка благородный гнев... Но это всё — сбоку, рядом с телейгой русской словесности, суть творчества.

Такие пироги. Спасибо тебе, не забываешь ты меня, старого грешника. Всего тебе самого-самого!!!

В. Лапшин 4/VI-97 г.

¹ Козырева Екатерина Николаевна, поэт. Автор 6 поэтических книг. Лауреат Всероссийской литературной премии “Традиция”.

² Речь идёт о Ю. П. Кузнецове.

³ В 1989 году на центральном телевидении СССР стали демонстрироваться “Сеансы здоровья врача-терапевта Анатолия Кашпировского”, которые трудно было расценить иначе, как зомбирование населения.

⁴ “Душа обязана трудиться...” — строка из стихотворения Н. А. Заболоцкого “Не позволяй душе лениться...”

⁵ Речь идёт о “Слове о чувственном и духовном видении духов” святителя Игнатия Брянчанинова.

⁶ Имеются в виду государственный переворот августа 1991 года и насильственная смена руководства Союза писателей СССР в том же месяце.

⁷ Так поначалу В. М. Лапшин оценил фрагменты из книги Д. Е. Галковского “Бесконечный тупик”, опубликованный в “Нашем современнике” (№ 1–2, 1992) с предисловием В. В. Кожинова.

⁸ Таиф Аджба, классик абхазской литературы, был расстрелян грузинскими боевиками в октябре 1992 года. В 1990 году в Москве вышла его книга стихотворений и поэм “Вместо точек” в переводе Виктора Лапшина.

⁹ Речь идёт о книге Е. Козыревой “Качели над обрывом” (М., 1997).

¹⁰ Имеется в виду стихотворение Ю. П. Кузнецова “На родине Тютчева” (1997).

¹¹ Речь идёт о книгах Ю. П. Кузнецова “До свидания, встретимся в тюрьме” (М., 1995) и С. Сырневой “Сто стихотворений” (Киров, 1994).

Письма Елене Балашовой¹

Лена!
(Елена Львовна!)

Мне не только не докука письма твои, а, напротив, они мне лестны: тем, что они исповедальны. А это честь для меня, грешного галичанина.

Галич... Ну-с, и ладно, что Приозёрск — любовь, а Галич — нет. Дело сердца, не ума. А мне вот Кострома ненавистна, а Вологду люблю. Ничего не поделаешь, лишь бы русское, или, как ты пишешь, наше. Сердце-то главное. Бог с нею, с книгой. Будет — прочитаю. Того интереснее, ежели сама мне о городе сём расскажешь. (Тут ты — галичанка, а там? Приозёрщица? Приозёрница? Приозёренка? Преозорница-преозоренька.) Кстати, и Галич — приозёрен. Фу! Сколько всего!

“... Ненавидеть всех людишек... “жить проще”... не умею понять, и оттого злюсь на себя... придумали, что существует любовь, верность, поэзия, придумали, чтобы обмануть, и сами посмеялись... не могу разобраться даже (что всего труднее) в себе...”

Это мне знакомо. Как и всем людишкам. Это общий бич. Это-то и заставляет всех сгрудиться, собраться вместе. А там (в груди), конечно, и смех, и удавка, и прочее. Но... смерть на миру красна. Это они, людишки, сказали. О себе. Плохо быть одинокому среди людей. А без людей? Лучше и не думать. Слава богу, что никто (даже граф Толстой) не может разобраться в этом. Если б разыгрались – жить-то зачем? И живём, чтоб разобраться. Всё к совершенству стремится? А что это такое? По-моему, чтоб было совершенно целое, нужно иметь части его несовершенными. Вот и плачь, вот и кусай подушку, ненавидь всех и себя – и люби эту распроклятую жизнь, которая одна дорога́ и одна – доро́га.

Насчёт “проще жить”. Тот, кто так говорит, стоит внимания. Если он умён – может сказать так в утешение. Если ж глуп – отвернись и уйди. Но я согласен с твоим пониманием этой фразы. В этом секрет юности души и источник (как там её?) поэзии. Вот-с.

Я тоже живу сегодняшним днём и не говорю “гоп” не перепрыгнув.

Так. Хватит. Заболтался, как Мазай.

Всего доброго.

В. Лапшин

3/1-73 года.

Лена!

Начну по порядку, чтоб сумятицу побороть...

Пусть девять пар глаз видят твою чистую бумагу, а твои глаза за этим ничтожным, всемогущим листком мир провидят и тайну его торжественного существования. Конечно же, ты выше их, это правда, стыдиться “перед народом” этого нечего. Так было, так будет. Она туловище, тело, а ты дух и высокоий, глаза пророческие, сияние золотое овевающее, стремительную глыбу “народа”. Да, надо подняться – и над собой тоже, ведь без этого не сдюжить, не вытерпеть “бессмертной пошлости людской”. Я знаю эту ярость – и благодарен ей. Она и только она несёт меня, мои ноги по волнам, не давая утонуть. Да здравствует священная ненависть – это лучше же для этих людей. Это любовь и есть, и так всегда – вечно меж людьми. Иначе было бы одно молчанье гробовое или маниловщина прудовая.

Стихи стали слишком философскими? Значит, это необходимо тому началу, которое движет тебя. Нужно ему безусловно покоряться, оно не обманет. Будешь противиться – не дойдёшь полноводно до своей Астрахани, не примешь в себя тыщи рек и ручейков. Слушай “бога” – и ты будешь на высоте. Это минует, другое народится, так должно быть – и слава богу. Таскать в себе “кучу ерунды” – необходимо поэтому. Волга таскает – и ничего, великой остаётся. Да будет одиночество от века... Ты права, одиночество – это дар бесценный для того, кто пишет стихи (настоящие). Без этого нет творчества. Моя мечта – жить в медвежьем углу и выбираться оттуда лишь для добытия пищи.

Добро и зло в людях я совмещаю. Увы, жизнь моя – не твоя, моя научила этому. Возмущаться я не могу и, поверь, права не имею. Да вряд ли кто имеет – заметь. Кто жил в чистоте, тот может винить другого в грязи. Поживи в грязи – сохрани чистоту – вот мудрость. Мне это редко удаётся, поэтому я об этом даже и писать не пытаюсь...

Ну, Лена, пока всё. Напиши мне строчек десять, они будут с тыщу весить. Будь молодцом!

14/XI-73 года

Лена, здравствуй!

Значит – Правда Земли? Сердцем понимаю, вообще – понимаю, но лучше бы тебе написать, как ты её представляешь? И как и зачем понесёшь её зная к людям – в Завтра? Не напишешь? О том, что я верю тебе и верю в тебя – могу говорить хоть Будде...

Моя поэма была в Москве и не понравилась Кожинову, стиль её не понравился. Об этом я узнал у Старостина, с которым во время гощения в Костроме у Ю. Бекишева встретился. Был с 19 по 21 февраля. Надо будет пе-

ределявать. А в ней 800 строк. Да ещё вторую поэму начал, половину отгрозил. Ужас!²

Шли стихи, жду письмо.
Всего доброго, Витя
27/II-75 г.
Сегодня мне – 31 год. Старость.

Лена!

Громадная просьбища! Не сумеешь ли ты помочь мне в записывании народных старых песен, наговоров (заклинаний), частушек, баек и проч.? Если я соберу со всего района – то в Ярославле будет книга. Это мне обещано. Там у вас есть ведь старые люди, поспрашивай их, а?

Непременные условия записи текстов:

1) как поют, как говорят, со всеми ошибками – так и записывать.

2) непременно указать деревню, от кого записано, сколько лет ему.

Если, Лена, ты сможешь мне, это будет великолепно. Значение сей работы, думаю, сама понимаешь.

Как твоё здоровье? Стихи? Почему от тебя давно ни слуху ни духу?

Ответь мне, ладно.

Твой Виктор Лапшин

¹ Балашова Елена Львовна – поэт, автор поэтических сборников “Заколдованный круг” и “И высокий свет”. Живёт в Чухломе.

² Сейчас уже нельзя сказать, какая из ранних поэм В. М. Лапшина не понравилась В. В. Кожинуву. Вторая поэма – высоко оценённая Кожинувым “Дворовые фрески”.

Из архива Виктора Лапшина

Письмо Виктора Астафьева¹

Дорогой Виктор Михайлович!

Мне в общем-то нравится Ваша поэма² – складная-ладная, хорошо расчленена. Молодец!

Но надо над нею, на мой взгляд, ещё поработать, чтоб она стала не просто поэмой и “заметным произведением”. Прояснить стих, не загромождая его старомодностями; продолжить поэму и “нагрузить” её большими событиями, столкновениями и той лесной “чертовщиной”, которую Вы так хорошо ведаете и которая только появившись в конце и заглохла. Мне думается, поэма выиграет оттого, что Вы её назовёте поэмой-легендой и придадите ей ещё более “неземную” тональность и окраску. Мне Ваша поэма видится в два или даже в три раза длиннее – столкновение естества и энтээр этой самой пока что у Вас выборматывается, причём сын саморазоблачается, а надо бы как-то потоньше это и поглубнее сделать...

Желаю Вам удачи.

С Новым годом!

Кланяюсь – В. Астафьев

10.12.1979 г.

¹ Астафьев Виктор Петрович (1924–2001) – автор более 60 книг романов, повестей и романов, трёх собраний сочинений. Дважды лауреат Государственной премии СССР, лауреат Государственной премии РСФСР им. М. Горького и Государственной премии Российской Федерации.

² Речь идёт о поэме В. М. Лапшина “На Горыни”.

Письма Георгия Свиридова¹

Москва–Дарьино, 31 авг. 1986 г.

Дорогой Виктор Михайлович!

Спасибо Вам за память! Письмо Ваше получил на днях, почти четыре месяца не был дома: два месяца с лишком в больнице, а потом ещё два – в клиническом санатории. Теперь я чувствую себя получше, хожу, гуляю, лечусь в домашних условиях. К работе ещё не вернулся, надеюсь на лучшие времена, на Бога! Как Вы славно написали! Душа Ваша добрая и мягкая находит простые и сильные слова. Я читал большую подборку Вашу в “Дне поэзии” – отличная подборка². Мне очень хорошо говорил о Вас В. Кожин, человек строгих вкусов. Желаю Вам добра и вдохновения. Жизни сейчас очень нужно вдохновенное русское слово.

Будьте здоровы! С искренним уважением

Г. Свиридов

Дорогой Виктор Михайлович!

В конце минувшего года получил Вашу новую книгу стихов³. Сердечно Вас благодарю за память и прекрасный подарок. Поэзия Ваша, которую я знаю уже давно, остаётся близкой и дорогой моему сердцу, несмотря на все житейские перемены и передряги. С удовольствием увидел в книге Ваш портрет: какое чистое лицо! Таковы же и Ваши стихи...

Время наше трудное и на редкость мрачное, но Вы должны беречь и хранить свою силу. Пусть души Вашей не коснётся тление и уныние.

Примите мой душевный Новогодний привет. Желаю счастья и здоровья Вам и всем Вашим близким.

Г. Свиридов

12 января 1990 года, г. Москва

¹ Свиридов Георгий Васильевич (1915–1998) – композитор, пианист. Лауреат Сталинской, Ленинской и двух Государственных премий СССР.

² Подборку из 15 стихотворений В. М. Лапшина опубликовал главный редактор “Дня поэзии” 1983 Ю. П. Кузнецов

³ Речь идёт о книге В. М. Лапшина “Мир нетленный” (М., 1989).

Письма Юрия Селивёрстова¹

26.03.85.

День добрый, Виктор... (для обращения не хватает отчества, хотя и вполне хватает для молитвенной памяти).

По порядку. Всякое доброе беспокойство есть дело доброе, тем более, что существо просьбы о делах братних. Далее “серьёзность” чаще в делах может остаться не более, чем курьёзностью, в “желании **послужить**” уже много, что значит. Ведь недаром же этим словом мучился Гоголь. А вот уже на следующей фразе “Он лишён чувства тщеславия начисто” я споткнулся. Ибо и память о Гоголе сему весьма противоречит. Да и, честно-то говоря, без этого пакостного “тщеславия” в этом пакостном искусстве делать нечего. Ну, да это при встрече. Будете в Москве, пожалуйста на чаёк, для рифмы на часок. Знакомство с Вашей поэзией (хотя и весьма необъёмной по Дню поэзии) меня радостно обрадовало и открыло. Поэзия-то нынче, прямо скажу, не частая гостья. Да и хорошо! В частотных-то колебаниях и дышать было бы трудно, да и под кол-вом быть суху трудно. А сам-то я тоже заговариваюсь. Дай Бог! И всякой силы и всякой радости в творчестве. (Правильнее, коли Вы “словотворец” – в твАрчестве.)

В поклоне Ю. Селивёрстов

85 весна

25.09.88.

Уважаемый Виктор, признателен за книгу стихов во-первых и во-вторых за книгу стихов прекрасных!² Очень жалел, что Вы не смогли побывать у меня, Кузнецов объяснил Вашим недопомощием. Когда будете в Москве, то непременно пожалуйте в гости в мастерскую...

В стихах нашёл некое двоякое понимание “Вины”³, мне же думается, что чувство вины есть самая главная и отличительная черта нашего народа; затем чувство правды – красоты и острое отношение и чувствование смерти. Жду, когда наша “дума” осилит понимание **русского раскола** (разумею, не религиозное событие 17 века).

В поклоне грешный Георгий
Ю. Селивёрстов

Дорогой Виктор!

Рад был твоему письму, твоей отзывчивости и вниманию к творчеству других.

И не буду лукавить... не сомневаюсь, что ты говоришь и рекомендуешь хорошего поэта,⁴ но не смогу содействовать и даже помочь советом, ибо не просто занят (это выше моих возможностей), но, главное, зверски устал, а планы на годы.

Сдаю “О Великом инквизиторе. Достоевский и по-следующие...” – составление, предисловие, междусловие и цикл иллюстраций и портретов. Ещё не до конца редактор вычитал “...Из русской думы”, а за мной ещё слово предваряющее. Срочно будем готовить в “Молодой гвардии” издание “Нового Завета”, то что я делал анонимно в изд. отд. патриархии.

Впереди весь Гоголь и за мной ещё работы по Пушкину. А проект? А... а-а – и стоит колом в глотке адовый вопль: а-а-а. Не смогу. Ради Бога, прости. Будешь в Москве, хотел бы не только повидаться, но кое-что предложить для...

До встречи и ещё раз извини.

Кланяюсь Ю. Селивёрстов

07.06.89

¹ Селивёрстов Юрий Иванович (1940–1990) – художник, архитектор, директор художественно-духовных программ Культурного центра “Русская энциклопедия”.

² Речь идёт о книге стихов В. М. Лапшина “Желание” (Ярославль, 1988).

³ Очевидно, Ю. Селивёрстов имел в виду стихотворение В. Лапшина “Ответ”: “Корите спесью: где она? На всех равно лежит вина. Смиритесь прежде вы...”

⁴ Речь идёт о галичском поэте Юрии Ивановиче Балакине (1932–2006).

Письма Вячеслава Клыкова¹

Уважаемый Виктор Михайлович!

В Москве, в Манеже открыта Всесоюзная выставка конкурсных проектов на памятник Победы советского народа в ВОВ. 41–45 год. Памятник должен устанавливаться в Москве на Поклонной горе. Прежний, жульнический, волонтеристский проект был осуждён общественностью летом 1986 года. Пресса стыдливо умалчивает о страстях в Манеже, дезориентируя народ редкими фальшивыми сообщениями. А в Манеже идёт настоящая Куликовская битва идей, умов! Правда, в “Сов. культуре” за 29 января пробили голос В. Распутина, и, как всегда, голос этот выражает Глас народный. Он писал об одном проекте № 206 шифр 123-740. Действительно, вокруг этого проекта ежедневно ведутся дискуссии, споры, стихийно образуются обсуждения. Подавляющее число посетителей этой выставки отдадут голос за этот проект! Видимо, он выражает пробуждающееся самосознание, в первую очередь, русского народа. Борьба ведётся между двумя идеями. Одна выражается символом – наша история начинается с 1917 года.

Другая выражается символом – наша история имеет тысячелетние корни. Это – главная борьба сейчас в нашем Отечестве. Вот почему масоно-сионистская печать молчит и не информирует народ, что происходит сейчас в Москве, в Манеже.

А на Памятник поступают народные деньги. Народ ничегошеньки не знает: на что, куда идут его денежки.

Сейчас начнётся период газетной потасовки. Ведь надо же **ИМ** как-то возразить Распутину! До сих пор **мы** наносим им удары первыми. Они не могли противопоставить нам свою достойную Идею. И защищать им нечего. **Их** цель замутить воду, т. е. навязать опять новый конкурс, и там можно растворить потом и хорошие идеи и срезать стоящих за этими идеями личности. Такую тактику в памятнике Победы они ведут уже 30 лет, с 1957 года.

Но настал предел этому! В Москве русские патриоты встали на защиту проекта № 206!

Просьба к вам, Виктор Михайлович, присоединиться к нам, нашим патриотам! Сейчас нет больших или малых людей в этом исторически важном для судьбы нашей страны деле. Оттого каков будет символ над Москвой, читай над Страной, зависит положение дел в нашем Отечестве в будущем.

Сейчас в борьбу вступает слово. Оно неизмеримо сильнее, чем у этой космополитической сволочи!

Сейчас нужно писать в Центральные газеты. (“Правда”, “Сов. Россия”, “Сов. культура”, “Комсомольская правда”, “Красная звезда”).

Желательно отметить следующие пункты.

1. В нарушение Постановления партии и Правительства, конкурс проходит всё-таки кулуарно. Видеть работы на выставке могут только москвичи.

2. Не худо было бы организовать 2 раза в неделю по ЦТ передачу из Манежа под рубрикой “Народ выбирает, народ предлагает”.

3. Конкурс длится 30 лет! Ненужные траты времени и народных денег.

4. Выбрать за основу проект № 206 шифр 123740. И сосредоточить средства и силы на разработке его.

5. Немедленно прекратить на Поклонной горе разрушительное строительство.

6. Восстановить Поклонную гору и демонтировать Музей Славы.

7. Прислушаться к мнению народа. (Народ – глас божий).

Виктор Михайлович, сообщите в Кострому, в общем поднять нужно пишущий народ в Костроме!

Вологда, Курск, Красноярск, Иркутск, Псков, Ростов-на-Дону встали вместе с москвичами на защиту проекта № 206! Нужно прорвать эту атмосферу молчания, эту сионистскую завесу в прессе. Посылаю такое послание Вам без извинений в нарушении этикета и т. п. Сейчас не до этого! Идёт самая настоящая война!

Обнимаю Вас.

Желаю сил, крепости духа. Мимолётная вологодская встреча, для меня очень значимая, убедила меня в том, что у нас появился изумительный поэт и настоящий гражданин.

Дорогой Виктор Михайлович!

Спасибо за поддержку!

Так и должно быть у нас: тревога в любом конце страны – должны на выручку подняться по первому сигналу все наши лучшие силы!

Идёт открытая война! Сил у нас ещё мало, многие просто спят, а потому один **наш** должен противостоять сотни **их**.

17 февраля заседало в последний раз Жюри Конкурса.

Мнение (но не решение) Жюри – Конкурс не выявил “достойного” проекта. Объявить новый всесоюзный конкурс.

Это вроде как собрать урожай после основной первой сборки. За проект № 206 проголосовало более чем в два раза, чем за все вместе взятые проекты (их было около 400). За проект № 206 были резолюции общих собраний московских архитекторов, художников, писателей!

Тем не менее Жюри не приняло это во внимание, обозвав реакцию общественности “нездоровым ажиотажем”. Для того чтобы опорочить проект № 206, в ход были пущены размноженные фотографии с какого-то памятника в Брянске и переданы были в Жюри. Дескать, вот, мол, проект № 206 вторяет этот памятник. Вчера я достал эту фотографию, чтобы размножить и разоблачить жульнические приёмы Жюри. Этот памятник так же похож на мой, как телеграфный столб на водокачку. Похоже на то, что усилия Жюри

были направлены на то, чтобы преградить дорогу проекту № 206.

Уж лучше вообще отменить Всесоюзный конкурс, чем выделить проект № 206!

Как же **они** боятся **наших идей!** Жюри и кто за ними стоит совершили роковые ошибки, которыми мы должны воспользоваться.

Вот они:

1. Небрежение и неуважение к художественному потенциалу страны (какой ни есть, а он есть).

А судьи – кто?

Плевок художникам, скульпторам, архитекторам из разных республик и городов нашей страны.

2. Оскорбления общественного мнения. Просыпающееся самосознание народа было пренебрежительно ошельмовано в “нездоровый ажиотаж”.

3. Кошунственный приговор нашему поколению, как несостоятельному и лишённому права (кем?) утвердить себя в истории. В этом праве **они** лишают нас вот уже 30 лет только в одном примере – проектирование Памятника Победы на Поклонной горе ведётся уже 30 лет!

4. Недостойными жульническими приёмами членами Жюри была организована кампания против одного проекта № 206, между тем члены Жюри должны беспристрастно взвесить и мнение народа, и мнение отдельных общественных организаций, и мнение прессы. Из каких массонский лож дано было указание прессе и телевидению молчать о конкурсе? С какой целью? Или это мнение народа? Или это указания Партии и Правительства?

Всё, кончилась муть! Выставка в Манеже и обсуждение проявили давно существующую грань между патриотами страны и врагами её. Сторонних не может быть – или **с нами**, или против нас!

17 марта мы проводим вечер на тему: “Мир спасёт красота”. Не смогли бы Вы принять участие в этом вечере? Это будет первый у нас на эту тему вечер. На ваше усмотрение два-<три> стихотворения ваши. Прочитать нужно самому... В вечере будут принимать участие лучшие исполнители (чтецы-певцы), учёные, скульпторы. Цель – выработать мощный позитивный взгляд, свободный от расчленённости и т. п.

Скорее так: “Сотри случайные черты, и ты увидишь – мир прекрасен”.

Если будете в начале марта в Москве – поговорим об этом. Я не могу с вами согласиться в оценке Распутина².

Мы склонны предъявлять счёт другим по высшим категориям, между тем такой счёт нужно предъявлять прежде всего себе. Вспомните, “Кто бросит камень в блудницу?”

Писатели тоже люди (как и Лев Толстой), и они делают человеческие ошибки, как и все мы. Потом не забывайте, что В. Распутин совсем на другой высоте стоит, неизвестно, как бы мы устояли на этой высоте.

Предисловие к “Ягодным местам” объясняя провинциальной, наивной добротой и неосведомлённостью “кто есть кто”. Сейчас Распутин уже не тот. И наконец, есть “Матёра” – прощание; я думаю, что там есть строки, под которыми бы подписался и Достоевский, а Льву Николаевичу и не снилось подняться до такой высоты.

И потом не время сейчас искать блох у своих; время объединиться, сплотиться и действовать плечом к плечу. Иначе нас раздавят, разъединят, рассорят и поодиночке срежут головы, как **Они** это делают вот уже 70 лет.

На днях был у Свиридова, с завистью посмотрел на вашу книжку на его книжной полке, но взять, посмотреть – постеснялся!

Всего доброго.

Желаю Вам крепкого здоровья и творческих сил.

В. Клыков

Весна 87 г.

¹ Клыков Вячеслав Михайлович (1939–2006) – скульптор, лауреат Государственной премии СССР, Президент Международного фонда славянской письменности и культуры. Председатель возрождённого Союза русского народа. Письма В. М. Клыкова В. М. Лапшину посвящены драматической истории борьбы за установку памятника Победы на Поклонной горе. На открытый конкурс В. М. Клыков представил проект: высокая белая часовня-звонница, напоминающая своим

очертанием храм Покрова на Нерли. Этот проект собрал наибольшее число голосов, после чего конкурс прикрыли и явочным порядком отдали заказ Церетели, под уродливый “проект” которого Поклонная гора была фактически снесена. См. также “Открытое письмо искусствоведа Никите Воронову и жюри конкурсных проектов главного монумента памятника Победы” за подписью 30 писателей (Василия Белова, Владимира Крупина, Олега Волкова, Станислава Куняева, Евгения Носова, Валентина Распутина, Юрия Лощица и др. “Наш современник” № 6, 1987).

² Речь идёт о предисловии В. Г. Распутина к роману Е. А. Евтушенко “Ягодные места” (“Слово о романе”. “Москва” 1981, № 10).

Письма Евгения Курдакова¹

Здравствуйте, дорогой Виктор Михайлович!

И у меня нет Ваших книг, удалось лишь наспех посмотреть их у Вадима Валериановича, — раньше же читал только подборки Ваши — замечательные.

Этот мой сборничек в “домашнем” переплёте — из оставленных для себя, — не обессудьте, нет ни одного вольного экземпляра.

Был недавно в Москве и Брянске на тютчевских праздниках поэзии, познакомился, наконец, с теми, кого уважал издали, за кем следил с волнением, — с Кожинным, с Чухонцевым, с Куняевым. Подружились мы и с Борисом Сиротинным, он мне немного рассказывал о Вас, о Вашем нелёгком быте, о Вашей с ним переписке.

Два незабываемых вечера беседовал с Кожинным, услышал много толкового (о стихах своих), но ситуация замеченной мною борьбы в литературной Москве осталась для меня не совсем понятной. Всё же с корабля на бал следует попадать несколько медленнее: многим был буквально ошарашен, о многом и не подозревал.

Хотелось бы иметь Вашу книгу, мне близки стихи Ваши (внутренним), — и, если бы Вы прислали мне книгу, я был бы на время вполне счастлив.

Всего доброго Вам, Виктор Михайлович, до свиданья, Евг. Курдаков

Дорогой Виктор!

Был в отъезде (мотался в экспедиции) — и поэтому задержался с ответом.

С облегчением перехожу на “ты” — мне тоже легче так, — и сразу благодаря тебя за “Позднюю весну” — она доставила мне редкую радость знать, что Русь мудра и неиссякаема, сердечна и праведна, что бы с ней ни вытворяли, что бы о ней ни говорили вокруг и далече. . . Ещё раз благодарю тебя и за поэзию, и за то, что ты есть, прекрасный русский поэт.

Да, о сионизме я читал достаточно много (Бегуна, Пигалёва, Соловьёва и пр.) и рассудком понимаю его разрушающую опасность. Но не мы ли сами всей своей последней историей готовили почву для его нынешнего торжества в своём национальном искусстве. Наверное, дело поэта — создавать свой мир, избегая русопятого кликушества, которое только на руку космополитическому жидовству. Только реально сотворённый мир может противостоять всему этому, но не разговоры о нём. Работать надо, Виктор, вот так, как ты работаешь. . .

Будь здоров, Виктор, — всего тебе доброго, и ещё раз огромное спасибо за книгу от меня и от моих друзей.

Виктор, дорогой, здравствуй!

Я тут всячески “пропагандирую” тебя, часто читаю твои стихи в студии, как образцы “голой”, но требующей технической оснастки, мысли. Хочу сказать, что школа твоей поэзии — наглядна необыкновенно, но тут же возникают споры, главный контраргумент которых: а как же быть с традицией фольклора, русской песни, классики, которые вовсе не гнушались формотворчества. Вот тут-то и помогают твои стихи, обнажающие главное, глубинное в поэзии, которое в стихах иных поэтов и вовсе отсутствует, являя собой мишуру и би-

жутерию всех и всяческих технических приёмов. Я и сам грешу этим, но моя поэзия идёт от верстака, где я, как опытный профессиональный резчик, знаю, что если ты мастер, то и имеешь право на приём. . .

Спасибо, Виктор, за поддержку, огромный привет тебя от наших молодых студийцев, любящих тебя, как и я, —
пиши,

присылай стихи, —
твой Евг. Курдаков

Усть-Каменогорск,
15 ноября 1982 г.

Здравствуй, дорогой Виктор!

. . . С этим “интернационализмом” здесь беда. Опять кампания, опять скудоумное и искусственное нагнетание т. н. дружбы. . . А на деле — милиция и чиновники сплошь казахи, а на заводах у станков — русские. И все благие намерения вышестоящих на фоне действительности выглядят опять всё той же ложью. . . А в русской секции СП и в единственном здесь журнале правят евреи: Ю. Герт, Руфь Тамарина, Ал. Жовтис, Морис Симашко (Шамис) и ещё с десяток. Эти тянут что-то своё, малопонятное и сложное. Они в этой скрытой междуусобице — как рыбы в воде и гораздо наглее и откровеннее, чем в центре. Недавно звонили, просили “разгромную” статью в “Простор”, и знаешь на кого? — на любимого мною В. Белова, на его “Всё впереди”. Я малость погорячился, и теперь мне и в этой помойке печататься уже едва ли придётся. . .

У нас здесь совсем плохо нынче. Хоздвор страны: бардак, карточная система, грязь. Каждый четверг трясёт соседний атомный полигон, и если в этот день идёт снег, то детей стараются не выпускать на улицу. Вот, ударили морозы, неделю было под 50°, вырубилась три котла у ТЭЦ, город почти замёрз, стали греться электричеством: полетели подстанции, сидели без света. Аэропорт закрыли, почты нет. Ну, и для полного “комфорта” рухнул единственный мост в городе и реку “форсируем” пешком, т. к. весь транспорт утонул в берег. Всё это дико в современном цивилизованном городе, но ещё более дико то, что эти дикости стали привычными.

И вот что удивительно: все мои друзья, которых я знаю, все — прекрасные мастера, умные и смекалистые люди, они всё умеют, много знают, любят работать. И вот эти люди поставлены в такое положение, что ни их ум, ни их руки золотые не могут их избавить от бардака, полунищеты, грязи, от стояния в очередях, от болезни простуженных детей, от идиотизма чиновников. . . Что же случилось, Виктор?

Какое-то мрачное письмо получается. . . Это, наверное, оттого, что сижу в пальто за верстаком своим, руки мёрзнут, а работать надо. . .

Твои письма удивительно светлы и бодры, после них становится спокойно. У меня к тебе просьба: расскажи о Ник. Рубцове, ты ведь знал его? Ребята очень просили меня об этом.

Всё хочу написать письмо В. В. Кожинову, накопились вопросы в связи с книгой (по языку, по истории литературы и пр.) — но боюсь, откровенно, его беспокоить, — он ведь загружен, наверное, под завязку, — просто неудобно дёргать человека своими пустяками. У него ведь таких сотни. . . Как он сейчас живёт, как здоровье его?

Извини за сумбур этот, за бессвязность, —
жму руку,
Евг. Курдаков
29 ноября 1982 г.

Виктор, дорогой, здравствуй!

Вот вернулся из Москвы, где проходили дни журнала “Простор”, — разбитый, больной.

Москва — нища, темна, уныла. Была сильная оттепель, всё тонуло в мокром жёлтом снегу, ходить было тяжело и скользко, магазины совершенно пусты, люди злы и разочарованы. Бродил по своей любимой Солянке, по Чистопрудному, — и эти маленькие церковки, загнанные в глубь дворов, навевали тоску страшную. Это же надо, богатейшую, щедрейшую в мире столицу вели-

кой страны с талантливейшим народом загнать в такую беспраздничную беспросветность!..

Получил книгу твою – замечательную². Всё близко, понятно до глубины души, всё – дорого. Как раз тут подоспел одноклассник Юрия Кузнецова (Дет. л-ра, 89 г., пред. В. Кожинова), – читал ваши книги наперебой, и произошло какое-то внутреннее слияние их, слияние высоты и ширины, мысли и – души. Наверное, это признак не просто сподвижничества, но чего-то большего, единоосновного...

Значит, скоро новоселье твоё. Поздравляю тебя и с этим, и с прекрасной книгой, и с Новогодьем. Да будет счастье тебе в новом доме. Обнимаю – всегда твой –

Евгений Курдаков

Здравствуй, Виктор!

Пожил на “озере стариков”, – спине и впрямь стало лучше. И тут же, осмелев, рванул на китайскую границу, – на Зайсан. Это – красивейшее озеро в огромной пустынной чаще между гор. Хотел просто убежать на какое-то время от этой поганой жизни, от бардака, который вокруг, – пожить в полном одиночестве, наедине с вечностью, что ли, – и, знаешь, вначале удавалось: захлебнулся солнцем, чистой водой, этими птицами. Ловил полупудовых щук и судаков... Но жизнь и здесь настигла. Сначала – полуголодные студенты стройотряда, возводящие тут какие-то строения, – кормил их рыбой. Потом – кооператоры-коммунары во главе с фанатиком с горящими глазами, – они разводят в этой пустыне питомник и бахчи, воют с природой и чиновниками, – я втянулся во всё это, и одиночество моё, вернее, сама необходимость его, стали совсем не такими необходимыми. Погрузился в жизнь кооператива, исписал целую тетрадь, и теперь, вернувшись, сажусь за очерк “Гуси над Зайсаном”, – вот обо всём этом... Да, живому не уйти от жизни, да это просто и не нужно...

Послал заявку на посещение Семипалатинского атомного полигона, может быть, удастся попасть на него: хочется понять, постичь его, особенно людей, которые работают там, – что у них за психика, о чём они там думают, сочетая в себе несочетаемое. Ведь здесь есть аулы и сёла, где заражённость доходит до 150 бэр! при предельно допустимой норме (для аварийных ситуаций) – 10 бэр. Болеют дети, рак и лейкоз косят людей, а у них мыло по талонам...

Ну, а моя книга, “Золотое перо иволги”³ – я не стал её форсировать, – это книга души, такое пишу потихоньку всю жизнь. Вот сделаю к зиме книгу очерков, может, ещё и стихи будут. Заявил здесь в местном издательстве книгу стихов о природе на 2 листа, нашёл для неё художника местного, хорошего талантливого парня, мы с ним много путешествовали вместе...

А у меня в ушах ещё шумит прибой Зайсана, крики гусей и чаек. На столе в чашке с водой мерцает разноцветная цеолитовая галька с берегов озера, лежит тяжёлая подкова от расколовшегося коня старого чабана Заде, который в своей юрте, угощая меня чаем с баурсаками, долго рассказывал мне о страшном времени коллективизации, времени еврея Голощёкина, убийцы полутора миллионов казахов... Пора за очерк...

Всего доброго, Виктор, поцелуй за меня своего малыша, – хочется верить, что им жить будет несравненно лучше.

*Ковыльный холм, волнуясь, серебрится,
И там над ним, развесив зеркала,
Журчит взахлёб полуденная птица,
Таинственно мерцая в два крыла.
То — жаворонок в знойном занебесье
Не устаёт собой напоминать,
Что песне нужен свет, чтоб сбыться песней,
А свету — песня, чтобы светом стать.*

Всего доброго, ещё раз, –
твой Евг.
30 июля 1989 г.
г. Усть-Каменогорск

Дорогой Виктор!

Да, с Вологдой у меня в тот раз не получилось по разным семейным обстоятельствам (дочери, квартира, тяжелейший многолетний разговор, который не завершён и до сих пор, и т. д.). Но сейчас всё утрамбовалось, с болью, с сердечной тяжестью, – и я опять стучусь в Россию. Послал в Вологду Карачёву образцы своей резьбы по дереву (т. н. “русская маховая резьба” – реставрированный мною ещё в мою музейную деятельность забытый наш национальный способ владения материалом и инструментом), – послал книги свои последние, публикации в журналах, – как “визитную творческую карточку”, – и жду хоть какого-нибудь решения вологодцев. В этом “сердце Киргиз-Кайсацкой орды”, как ты пишешь, жить мне настолько не вмоготу, что и описать невозможно. Особенно тяжела несправедливая травля из-за моих переводов Абая и очерков из его биографии⁴. . . Ну, да Бог с ними, они – дети, ещё и не ведают, что творят. . .

А я полон тоски по России, особенно после летнего путешествия в Новгород⁵ – к Святой Софии и в Старую Руссу к Достоевскому. . .

Заканчиваю сейчас совершенно новый (концептуально) перевод “Слова о полку Игореве”, которым я занимался потихоньку с 1984 года. Можешь себе представить, что ни одного т. н. “тёмного места” не осталось. Но перевод (охранного типа) оказался неожиданным ещё и тем, что он позволил совершенно по-новому взглянуть на русскую историю, резко удревнив её и т. д. . .

Может быть, пришлю его тебе, если удастся размножить. Ну, а если “помещусь” в Вологде, – то, конечно же, с удовольствием вручу это “дело своей жизни” прямо в руки: мне чрезвычайно важно твоё мнение об этом.

Спасибо за отзыв, – “Золотое перо” писалось между делами, и, в общем-то, всё было распубликовано допрежь. Поэтому книгу я сам как-то не вижу, слишком “знакомом”. Нужно сказать, что эта книга интересна другим: она, видимо, последняя русская книга Казахстана. Издательства закрываются, своей бумаги здесь нет, а та, что втридорога запускается, идёт на казахскую литературу.

Ну, как в газете? Не отвык от журналистики? Убийственное это, однако, дело для поэта. . . Хотя я тебя понимаю.

Обнимаю,

Пиши, –

Евгений Курдаков

1 декабря 1992 г.

г. Алма-Ата

Виктор, здравствуй!

Стихи твои – это как бы уже и не стихи даже (забываешь об этом, читая их), – это какой-то душевный стон, – волнуют и мучают, и так я понимаю тебя. . . Что сделали с жизнью, со всеми нами! И не просветляет ничего, вот, может быть, кроме работы каторжной, которую я выдумал для себя, эта книга моя – “Русский Пантеон”, которую пишу и пишу, зная, что почти в бездну, не ведая даже, кому и для чего. . .

Да, ты прав, есть у меня этакая “чистописательность”, и причина её проста, хотя и необратима: сын военных (мать и отец – военврачи), – всю жизнь мотались по Союзу необъятному, от Ашхабада – до Питера, одних школ сменил больше десятка. И не было у меня, вот как у тебя, к примеру, языковой родины (юг ли, север ли – не важно), где я мог впитать навсегда говорок ли какой-то, местную своеобыченку, которые, конечно же, оживляют и речь и стих. Потому-то и остались навсегда для меня “родиной стихов” – Пушкин да Бунин, – прекрасная, но нейтральная-таки (языково) хрестоматия. . . И всё это я, Виктор, знаю, а что делать. . .

Вот был недавно на хлебниковской могиле в деревушке Ручьи, что в Крестецком районе. К Хлебникову я равнодушен, понятно, но что-то в судьбе его нелепой и смерти трогает и волнует. Сделал барельеф (портрет его) из кедра, привёз в подарок деревенскому музейчику при клубе, чем больше напугал, чем обрадовал: “Теперь-то уж точно ограбят”, – сказала мне удручённо музейская старушка. . . И узнал там дикую вещь, – о том, что прах Хлебнико-

ва тайком был выкопан ещё в 60-х неким Митуричем и перезахоронен на Новодевичьем в Москве, где ныне регулярно устраиваются поэтические шашлыки. Но самое удивительное, — в спешке Митурич ошибся (могила в те годы была едва обозначена, её хорошо знали только местные), — и был выкопан и перезахоронен прах какого-то местного крестьянина, царство ему небесное, — умирал и не знал, что будет лежать в Белокаменной, а над прахом его будут каркать вознесенские и эпштейны...

Извини, что пишу об этих малоизвестных тебе вещах, но в них тоже какой-то символ и времени и судьбы...

А насчёт резьбы моей, — о чём речь! — закончу работу за письменным столом (пишу сейчас главу о “Влесовой книге”)⁶ и пересяду за верстак, — и сразу пришлю тебе чего-нибудь в стиле “русской маховой резьбы”.

Спасибо за добрые слова о журнале, передам редактору, — он, кстати, почитатель твоей поэзии.

Обнимаю тебя, — Евг.

8 июля 1994 г., г. Новгород.

Евгений Курдаков

Да, Виктор, гонорар, хотя и мизерный, тебе уже послали, но, кажется, по тому же ошибочному адресу. Проверь и напиши.

Е. Курдаков

Здравствуй, Виктор!

Передай привет Юрию Поликарповичу, он тебе тоже шлёт привет, спрашивал, как ты там, получаешь ли стипендию и т. д. Ведь это он выдвигал нас с тобою (мне здесь сказали).

Ты говоришь, что что-то должно произойти. Нет, здесь, в Москве такого ощущения нет. Эта банда окапывается всё глубже и всё шире. Из-под Москвы убрали полевые дивизии, заменили ОМОНОм и войсками МВД. Эти сволочи предусмотрели и возможную “корниловщину”...

Евреев, правда, в Москве стало меньше, это заметно, но всё равно всё в их руках, и как от этого дерьма отряхнуться, Бог знает.

Пришли каких-нибудь стихов новых, и мне — для души, да и пристроить (извини за такой термин) проще мне их, хотя твоё имя и без этого имеет здесь вес (в русской среде, естественно), а в Литинституте тебя знают все.

Всего тебе доброго. Вы молодцы там, в Галиче, не вешаете нос. Конечно, нужно что-то делать, а не ждать, иначе — сожрут...

Обнимаю, Виктор, —

Е. Курдаков

27 ноября 1994 г.

г. Москва

¹ Курдаков Евгений Васильевич (1940–2002) — поэт, прозаик, художник, эссеист, переводчик. Автор 12 книг стихов и прозы.

² Имеется в виду книга В. М. Лапшина “Дума-даль” (М., 1989).

³ Книга Е. В. Курдакова “Золотое перо иволги” вышла в Алма-Ате в 1992 году.

⁴ См. публикацию очерка Е. Курдакова “Абай” и переводы стихи Абая в ж. “Дружба народов” (№ 10, 1991).

⁵ После неудачи с переселением из Усть-Каменогорска в Вологду Е. В. Курдаков поселился в Великом Новгороде.

⁶ См. Евгений Курдаков. Влесова книга — реликт русской мифологии (“Молодая гвардия”, № 7, 1997).

Письмо Николая Шпилова¹

Здравствуй, Виктор! Не описать чувство, с которым я прочёл твоё письмо. И радость, и гордость за правильно выбранный путь, и сил прибавилось, пришло, а значит, и жить стало лучше.

Знаешь, Виктор, после той блокады, в которой я находился (блок ада) всякая радость ценна, а радостей было мало и я ловлю себя на том, что у меня нет привычки правильно переживать моменты радости. Кажется, что это происходит не со мной, с кем-то другим. Вот получил письмо от тебя и едва не заплакал. Такой я нынче инвалид.

К делу. Не буду пересказывать о своих скитаниях, об этой не цепочке, а цепи их, о том, как сквозь пальцы уходит время, как сердце от жалости и тоски разрывается, когда ощущаешь утечку этого времени, утрату рабочего состояния, а нет угла, где стоял бы стол, твоё рабочее место, и твои рабочие бумаги ждали бы или огня в печи или огня душевного. Смогу прислать тебе кое-что из неопубликованного ближе к зиме, просто всё в работе, на машинке, всё задействовано.

А ещё такой вариант. Хочу поехать в июле на Ленинград и очень, очень хочется доехать к тебе в Галич на недельку... Я ж ещё ни разу не был на Русском Севере, само название “Галич” для меня, как сказка, древнерусское дыхание.

Урывками пишу повесть “Шарабан”, думаю, что успею к 10 июля: срок сдачи в издательство, где меня ждут уже 4-й месяц². Кому станешь объяснять, что работать негде?

Сейчас снял квартиру (несколько дней назад), может быть, дело пойдёт веселей?

Витя, дорогой, если не поленишься, то напиши: возможно ли к вам в Галич завернуть? Те вещи, которые ты рекомендуешь почитать: где они опубликованы? За статью об отце М. Ю. Лермонтова – благодарю, впервые я имею информацию, которую не имеют многие литературно-ненавистные-веды. Дали б мне одного из них – озадачил бы непременно. Но это глупая шутка, информация дорога сама по себе.

Жду письма, Виктор, желаю тебе острого русского пера, не сомневаюсь в нём. Привет от Сергея и Марины Ключниковых (они брат и сестра). Жму твою честную руку, Николай Шпилов.

3/VII-84 г.

¹ Шпилов Николай Александрович (1946–2006) – поэт, прозаик, автор нескольких книг прозы и популярных песен (“После бала”, “Пехота”, “Баллада о брате”, “Дурак и дурнушка”, “Деревя” и др.), Лауреат литературной премии “Традиция”. В журнале “Литературная учёба” (кн. 2, 1991) было напечатано предисловие Н. Шпилова “Вдалеке от славы” к подборке стихотворений В. Лапшина.

² Книга “Шарабан” вышла в Москве в 1987 году.

ИГОРЬ ШУМЕЙКО

КАЛАШНИКОВ. ПАМЯТЬ КАК ДУХОВНОЕ ОРУЖИЕ

1. Никогда не снимут с вооружения

К оценкам солдат, оружейников России и мира я могу добавить немного. Ведь всё подсчитано: около 105 миллионов экземпляров автомата Калашникова выпущено, он стоит на вооружении 55 стран, украшает гербы и флаги трёх стран. Два миллиарда долларов в год – “потери от несанкционированного выпуска” автомата. Копии (в вариантах от “хуже” до “намного хуже”) клепают в десятках стран от Китая и Румынии до самих... США (якобы по “лицензии” от болгарской фирмы “Арсенал”). На претензии СССР, а теперь и России отвечают, что даже если патенты, авторские свидетельства на автомат Калашникова и были бы оформлены правильно, сроки патентной защиты давно истекли. “Это как если бы китайцы потребовали выплат за то, что они изобрели порох 700 лет назад”, – подытожил эксперт профессор Аарон Карп. (То есть безнадежно... Но хоть сопоставил удачно – невольно оценил масштаб изобретения.)

Но если вдуматься, есть ещё одно “оружие”, которое у нас точно никому не украсть. Это сам автор АК-47, Михаил Тимофеевич Калашников. Точнее, с 2014 года – его образ, его биография, память о нём.

Это “оружие” не снять с вооружения. О самом автомате, наверное, помните, года 2–3 назад в новостях часто мелькали сообщения, будто в Министерстве обороны считают, что “Калашников” устарел, “должен быть снят с вооружения”. (Впрочем, о том руководстве МО сегодня пишут в основном в судебной хронике.)

Не подумайте, что упоминание о “мнениях в МО” – защита изделия 1947 года, пусть и гениального. Под “Автоматом Калашникова” будет пониматься всё семейство автоматов, совершенствуемых почти до последних дней Михаила Тимофеевича. Автор этих строк ещё в 1975–1977 годах служил с АКМ (Автомат Калашникова модернизированный).

А тот “АК-47” теперь – бренд, ставший именем музыкальных ансамблей.

Итак, Память о Конструкторе как духовное оружие. Да-да, те самые “поучительные примеры из жизни”. И первый же, навскидку, полезный для многих в наши расслабленные времена: ещё накануне своего 91-летия Михаил Тимофеевич продолжал 4 дня в неделю трудиться в своем конструкторском бюро...

Дочь, Елена Михайловна, президент Фонда им. М. Т. Калашникова. Елена Михайловна занята просветительством, популяризацией не только творчества её отца, но и всех ижевских конструкторов-оружейников: Е. Ф. Драгунова, Г. Н. Никонова, поддержкой ветеранов ижевских оружейных заводов, развитием творческих связей с российскими и зарубежными специалистами стрелкового оружия. Помню, пару лет назад Елена Михайловна приехала в Москву победительницей: после обычных наших трудностей-препонов её Фонд установил-таки мемориальную табличку Драгунову.

Елена Михайловна Калашникова:

— Мне, как дочери конструктора, с ранних лет было ясно, что “папина работа” — это главное и в его жизни, и в жизни всей нашей семьи. Для нас, детей, было привычным, что отец уходил на завод ранним утром и возвращался ближе к полуночи. Его командировки на испытательные полигоны длились иногда месяцами. А когда он бывал дома, то часто получал срочные телеграммы с мест испытаний от своих соратников или же их телефонные звонки будили всех нас среди ночи. А потом вдруг всё прекращалось — наступало время ожидания результатов испытаний. Иногда это заканчивалось тем, что нам, детям, мама “по секрету” сообщала о том, что папу представили к награде. И вскоре в доме уже был праздник — приходили его коллеги с жёнами и детьми. Заканчивался этот праздник непонятными для нас разговорами на оружейные темы, а на столе появлялась бумага, карандаши и начиналось бурное обсуждение очередных технических проблем.

И только через много лет ко мне пришло понимание того, что я тогда была свидетелем очень важных событий не только в жизни моего отца и моей семьи. Это была часть истории развития советского стрелкового оружия, признанного самым лучшим, самым надёжным и простым.

— Елена, из трудов Вашего отца важны не только те, что “в металле”, но и его книги. “Я с вами шёл одной дорогой” — прекрасный рассказ о своём трудном веке. В 2005 году мы все следили за триумфальной поездкой Михаила Тимофеевича в Венесуэлу. Президент Уго Чавес говорил: “... как бывалый солдат утверждаю, АКМ — лучшее в мире и истории оружие, гордитесь, что держите его”. Михаил Тимофеевич был тогда удостоен ордена Боливарианской Республики Венесуэла “Звезда Карабобо”. Автомат Калашникова как оружие в борьбе с колониализмом увековечен в гербах нескольких государств. Расскажите ещё о международной миссии Калашникова.

— Впервые прикоснуться к мировой оружейной истории “живую” мне довелось летом 1989 года в Москве, когда из США в нашу страну приехал эксперт по стрелковому оружию доктор Эдвард Изелл. Он готовил материал о Михаиле Тимофеевиче Калашникове для видеоистории Смитсоновского института в Вашингтоне.

В 1990-х годах мне посчастливилось участвовать в первых зарубежных поездках отца в США, я стала свидетелем “живой оружейной истории” — интереснейших встреч всемирно известных конструкторов, многие десятилетия заочно конкурировавших друг с другом.

Михаил Тимофеевич познакомился с создателем знаменитой американской винтовки М16 Юджином Стоунером, с конструктором и производителем многих видов лёгкого стрелкового оружия Биллом Рюгером, с автором известного израильского пистолета-пулемёта Узи Галом.

Эти поездки дали мне представление о том, насколько авторитетен и уважаем в оружейном мире русский конструктор Михаил Калашников и насколько известен и почитаем его “первенец” — легендарный АК-47. Я узнала, что есть немало людей, интересующихся историей создания этого оружия и жизнью его конструктора. Поэтому я решила написать и издать книгу “АК-47 — оружие-легенда”. Теперь эта книга есть и в звуковом формате.

В рассказах Елены об отце даже мелкие, “непроизводственные” подробности собираются, как детали АК-47: просто, надёжно, результативно. Например, запомнилось...

— Отец в принципе не представлял, что значит ездить отдыхать на курорты. Наши самые идеальные семейные отпуска — Подмосковье, служебное общежитие при воинской части, полигоне испытаний стрелкового оружия. Там новые разработки показывают генералам, промышленникам, руководителям страны. Самое долгожданное прекрасное время: он берёт нас с собой в ко-

мандировку! Мы живём в общежитии при полигоне. Утром, когда начинается его работа — стрельбы, испытания, — мы электричкой уезжаем в Москву. Музеи, театры, выставки, прекрасный город — всё перед тобой!

Уверяю, в рассказе Елены не было и намёка на возможную “поучительность”, она просто вспоминала картинки детского и отроческого семейного счастья. Это я сейчас пытаюсь “приспособить”, передать её воспоминания “в поучение соотечественникам”. Но согласитесь, трудно удержаться, не поделиться таким примером, когда сегодня многие соотечественники совершенно убеждённо утверждают, что без отдыха на загранкурортах “просто физически не могут, не восстанавливаются, просто недееспособны!” Не надеюсь изменить сложившийся образ жизни, но эту убеждённость поколебать очень хочется! Как-то очень быстро, со скоростью действия внутривенной инъекции, у нас сложился этот уклад, “стиль жизни”. И вот вам... Автор “изобретения века”, “выдающегося изобретения XX века” (эксперты французской “Либерасьон”) и через десятилетия триумфов оставался скромным советским человеком. Работал, дожил до таких лет. Два слова самого Михаила Тимофеевича Калашникова о судьбе оружейника:

— К сожалению, люди, читая мои книги и рассуждая об оружии, думают, вот то, что я сделал, сразу принимают на вооружение. Ох, далеко это не так.

Я за свою жизнь создал большое количество разнотипных образцов, но вот тот первый образец, как сейчас говорят, по своему дизайну — непревзойдённый! Он сам в руки просится! Когда в Санкт-Петербурге бываю в музее, мне всегда хочется взять его в руки, поддержать. Вот так случилось — я стал конструктором стрелкового оружия сначала Советского Союза, а теперь нашей России.

Михаил Тимофеевич о воспитании, патриотизме:

— Что мы оставим после себя, какое мы оставим наследство — вот важно что! Надо воспитывать молодёжь в духе любви к своему Отечеству, в духе любви и уважения нашего прошлого. Не всё было плохо, как некоторые преподносят. Плохое надо отбрасывать, а хорошее преумножать. Настоящего не может быть без прошлого!

По счастью, автор этих строк драгоценного времени Михаила Тимофеевича отнял немного, разве что на чтение некоторых своих книжек, которые передавал через его дочь. Несколько раз мне доводилось помогать Елене дотащить до ижевского поезда сумку книг — её “московский улов”. Отец с дочерью — страстные книголюбцы. Михаил Тимофеевич любил историю, поэзию и как читатель, и как автор.

2. Сквозняк из-под двери (об авторстве)

О попытках приписать авторство АК-47 Хуго Шмайссеру, конструктору штурмовой винтовки StG-44, лучше всего скажут специалисты с чертежами в руках. Что можно представить “мысленному взору” в статье?

Главная черта сходства, покоряющая дилетантов, конечно, “рожок” — дуга магазина. Да, патроны сходят на конус, и если сложить их плотно один к одному — дуга образуется неизбежно.

Схожи очертания ствола, мушки газоотводной трубки, что обусловлено применением на обоих автоматах газоотводного двигателя, который принципиально не мог быть напрямую позаимствован Калашниковым у Шмайссера, поскольку был известен задолго до этого. В действительности главное, настоящее сходство АК-47 и StG-44 — промежуточный патрон: больше пистолетного, но меньше винтовочно-пулемётного. Это да, StG-44с таким патроном запомнилась нашим военным и побудила к созданию аналога. Но для конструктора это всё же “вводная”, элемент ТЗ (техзадания).

Сама конструкция систем Шмайссера и Калашникова различается в устройстве ключевых узлов: механизм запираания ствола, ударно-спусковой механизм, крепление магазина. “На пальцах”, как дилетант — дилетантам, я бы сказал так: главная, чудовищная разница видна при разборке и... в ходе самой разборки. Помню до сих пор два движения: ударяю ребром ладони по защёлке и снимаю крышку ствольной коробки. Всё. В StG-44 (здесь положусь на свидетелей) всё на винтах, шплинтах: вы достаёте отвёртку и начинаете *развинчивать*.

Рискну предположить (может, пригодится и свежий взгляд дилетанта?): исходная идея Калашникова мне напоминает русскую деревянную архитектуру: сколотить что-либо (или даже свинтить шурупами) – дело нехитрое, а вот сделать всё “на зарезах”, чтоб сама деталь держалась за деталь – в этом всё искусство! “Храмы и хоромы без единого гвоздя” на Руси строили не только от дефицита скобяных и вообще металлических изделий в отсталой стране. Хотя – может и от дефицита пошло, но когда-то очень давно, со временем родив вид искусства. Потом появился и металл, и науки, и конструкторские бюро, ракеты... но главная конструкционная идея Калашникова лично мне напоминает о той “архитектуре на зарезах” – ведь именно так в ствольной коробке крепится затворная группа и крышка. Прост и гениален, как... теорема Пифагора. Дальше читайте у спецов, глядите схемы. Посмейтесь над гигантской пирамидой “разоблачений”, основанных на сходстве элементов внешнего контура изделия Хуго Шмайссера!

3. О “покаянии” требуемом

Кончина Калашникова дала всплеск и других размышлений – “о покаянии”. Журналист Максим Кононенко: “Спи спокойно, старенький дедушка. Пусть тебе там не приснятся миллионы убитых твоим самым надёжным в мире автоматом в мирное послевоенное время людей”.

Лидер партии “Гражданская сила” Владислав Иноземцев: “Скончался Калашников. Конечно, талантливый человек. Но не оставляет мысль, что там, куда он отправился, – причём безотносительно, на небо или в преисподнюю, – он встретится с душами тех, кто погиб от его изобретения. И их больше, чем жертв практически любого другого оружия в XX веке. Приятного общения, Михаил Тимофеевич...”.

Таких “реквиемов” найдёте немало в российских СМИ. И при жизни Конструктора были напоминания “о жертвах его изобретения”.

Для ответа лучше оттолкнуться от реплики “с той стороны”, одобренной американским юмором. *“Господь создал людей, а полковник Кольт сделал их равными”, – гласит старая американская поговорка. А старший сержант Калашников пошёл дальше: уравнивал не только людей, но и целые государства*”.

Задумаемся, ведь АК-47 и правда изображён на гербах и денежных знаках Мозамбика, Зимбабве, Буркина-Фасо. Стоит, как памятник самому значительному изменению карты мира. То, что многие страны, освобождённые повстанцами с АК-47 в руках, нынче зашли в социальные тупики, стали ареной действия банд, вооружённых теми же неизносимыми автоматами, – другой вопрос. Но... Рискнёт ли сегодня хоть один из самых ярых либералов и пацифистов сказать где-нибудь в ООН, что надо было бы сохранить те колониальные империи?

Десять заповедей, включая “Не убий”, – заповеди личные, не отменяющие государственного устройства, наличия судов, армий, патриотизма. Как-то неловко публично повторять столь азбучные истины, но опыт преподавателя... Так часто слышу: “Ах, поп кропил святой водой атомную подлодку! Благословлял убийства!” Это ещё самые лучшие, искренние возмущения. Увлекающимся русским детям (“Карту звёздного неба переправят!” – говорил Достоевский) хочется и нужно возражать. Не Кононенко же с Иноземцевым!

Студенты часто подходят с вопросами, держа закадровый готовый ответ, который я уж научился угадывать с полуслова: “Вот Далай-лама – у него самое настоящее “Не убий!” Не то, что у РПЦ!”

Некоторые подкрепляются и Соловьёвым. В 1881 году, накануне вынесения приговора желябовским царевбийцам в публичной лекции философ Владимир Соловьёв вдруг сказал: *“Царь должен простить. Если он христианин, он должен простить. Если он действительный вождь народа, он должен простить. Если государственная власть вступит на кровавый путь, мы отречёмся от неё”*. Свидетели: *“Невозможно передать, что творилось в зале. Какой-то массовый экстаз. Восторженная молодёжь вынесла оратора на руках...”*

В недавней книге я старался разобрататься с феноменом “истерического террора” (Засулич и её адвоката незадолго до этого тоже несли на руках), формула выходила примерно такая:

Желябов + Соловьёв = Общественное мнение.

Начинать ответы приходится издалека. Да, сегодня последователи Далай-ламы — люди кроткие, образец гуманизма. Но когда на Далай-ламах лежала ответственность *государственной* церкви, им тоже доводилось благословлять тибетскую армию, которая, например, при царе Сонгцэн Гампо покорила пол-Китая. А царя Ландарму буддийский монах Лхалун Пэлги убил точным выстрелом из лука, и день убийства царя-гонителя стал *Праздником* тибетских буддистов. А ещё была известная дискуссия в тибетском монастыре между сторонниками разных версий буддизма, и победившим довелось казнить тех, кто неправильно “трактовал нирвану”... Нынешний Далай-лама XIV, действительно, самый, пожалуй, достойный из лауреатов Нобелевской премии мира, от Далай-лам того периода не может отречься, как отрёкся Хрущев от Сталина, по той простой, совершенно замечательной причине, что *Он — и есть Они* в новом воплощении (главный догмат буддистов)!

Вы, кроткие, умиротворённые судьи “убийцы-оружейника”, уж извините за экскурс в *человеческую историю*; в вашей, ангельской, наверное, всё по-иному.

5. О “покаянии” подлинном

Но подобный ответ Маккейну, Кононенко, Иноземцеву не должен заслонить подлинной глубины души Калашникова. В прессе обсуждается письмо Михаила Тимофеевича, написанное Патриарху весной 2013 года:

“Моя душевная боль нестерпима, один и тот же неразрешимый вопрос: коль мой автомат лишал людей жизни, стало быть, и я, Михайло Калашников, девяноста три года от роду, сын крестьянки, христианин и православный по вере своей, повинен в смерти людей, пусть даже врага?” Комментариев известного рода было достаточно.

Это и есть Покаяние подлинное, глубоко личное. НЕполитизированные размышления христианина. Пример Михаила Калашникова — прекрасная картина сочетания патриотизма и живой, неуспокаивающейся, незагрубелой души.

КСЕНИЯ МЯЛО

РОССИЯ И МАЙДАН: 2013–2014

Острейшему политическому кризису, вот уже третий месяц подряд сотрясающему Украину, не видно конца. И, похоже, ни один даже из самых известных украинских политологов, которым и карты в руки, не берётся предсказать, когда именно наступит этот конец, окажется ли он быстрым и внезапным, либо, наоборот, кризис разовьётся в нечто другое, что и называть уже придётся тоже по-другому. Тем более же – сказать, каким в итоге окажется выбор Украины “между Западом и Востоком”, то бишь между двумя ЕС – Европейским и Евразийским союзом. Выбор, собственно, и образующий самую сердцевину драмы.

Не собираюсь делать предсказаний и я, и не только потому, что слишком многие пружины того, что уже вошло в историю под названием “Майдан-2”, ещё остаются скрытыми за кулисами, но прежде всего потому, что, глядя на события с “русской” стороны, свою задачу вижу иной. И для начала – гораздо более скромной: попытаться, хотя бы в самых общих чертах, восстановить картину событий, которая сегодня, не в последнюю очередь усилиями российских СМИ, предстаёт скомканной и обрывочной. Портреты Степана Бандеры, с вызовом вывешенные на стенах захваченных радикалами административных зданий и в самом Киеве, и в областных столицах; коктейли Молотова, под радостный молодой гогот метателей превращающие в живые факелы бойцов “Беркута”; каски дивизии “СС-Галичина” на площади Независимости, наконец, развешанные на деревьях петли в Ивано-Франковске и даже в Севастополе – всё это, вызывая законное чувство омерзения и негодования, почти заслонило собой начало событий. Задвинутым далеко на задний план оказался вопрос о внутренних и далеко не одномерных проблемах, выведших людей на улицу. И уж совсем неуместной – да что там, просто возмутительной – в глазах большинства тех, кого у нас принято именовать государственниками, покажется сама попытка задаться вопросом о роли России в таком остром развитии процесса. Однако я сознательно придаю ему первостепенное значение, потому что иначе мы так и не сможем понять, каким образом разногласия по такой, казалось бы, сугубо прагматической проблеме, как присоединение или неприсоединение Киева к Таможенному союзу, привели к тому, что на кону сегодня оказались проблемы куда как более масштабного значения. Бежала мышка, хвостиком махнула и...

Конец сказки известен. И остаётся надеяться, что таким же не окажется конец истории русско-украинских отношений – сложных, порою напряжённых до взрыва, но до сих пор всё-таки выстаивавших в бурях и потрясениях, на которые не поскупилась для нас судьба. Однако надеяться не означает тешиться иллюзиями, к месту, а чаще не к месту поминая о “дружбе и братстве между народами” и полагая, что если в “дружбе и братстве” что-то не за-

ладилось, то исключительно по причине вмешательства внешних сил. Однако нельзя не видеть, что лозунги эти, когда-то бывшие выражением пламенной веры, изжили себя, превратились в лишённые энергии ритуальные мантры и больше не работают. И что там, где на такую архаику делается главный упор в информационном обеспечении политических программ, мало соответствующих первоначальному смыслу этих лозунгов, провал обеспечен даже без всякого вмешательства внешних сил. С той лишь разницей, что в случае такого вмешательства он становится особенно впечатляющим, в чём мы за последние 20 лет имели немало возможностей убедиться и что ещё раз показали события, развернувшиеся на Украине.

В самом деле, всего четыре года назад ничто, казалось, не предвещало бури, напротив, стрелка барометра в отношениях Москвы и Киева всё более уверенно сдвигалась в сторону “ясно”. Так что же произошло, откуда прибежала “мышка”? Неужели опять из Вашингтона?

* * *

Сегодня В. Ф. Янукович подвергается остракизму с самых разных сторон, а не только на майдане. Причём между гонителями и хулителями возникают порою самые неожиданные и даже противоестественные, на первый взгляд, сближения. Так, “Новая газета”, известная своим неумолимым неприятием В. В. Путина, в одном из февральских номеров теперь с глубоким удовлетворением отмечает знаки его немилости к президенту Украины – не там (на галёрке) посадил на церемонии открытия Олимпийских игр, не так, притом прилюдно, поговорил. Всё это радует либеральное сердце, которое особенно ликует в предвкушении места на скамье подсудимых в Гааге для опального киевского гостя. И наоборот: Запад, ненавистный Запад, чьими происками Янукович будто бы и учинил бунт на готовом к спуску на воду евразийском корабле, грозит официальному Киеву санкциями (что, как мы знаем по Югославии, может предшествовать Гааге), а государственники из газеты “Завтра” идут ещё дальше и предрекают лично Януковичу участь Иуды. Поразительное “согласье струн в концерте”, но, на мой вкус, слишком уж похожее на азартное улюлюканье увлечённых травлей охотников.

К тому же Янукович пока, на момент сдачи этой статьи в набор, остаётся легитимным президентом Украины, и цинично-презрительный тон по отношению к нему не может не задевать его избирателей, которым принадлежит право решающего суждения. А они такого суждения ещё не вынесли. Тем труднее понять российских политиков и журналистов, яростно мечущих свои отравленные стрелы в Януковича, но более всего ранящих как раз ту часть населения Украины, которая в разгар противостояния всё ещё выходила на улицы с портретом действующего президента. Чего стоил, например, один только Жириновский, в программе В. Соловьёва “Поединок” набрасывавшийся на украинского писателя Олеса Бузину, представляющего как раз противоположную Майдану часть Украины, так, словно бы перед ним был, по меньшей мере, лидер радикального “Правого сектора” Дмитрий Ярош.

Но это ещё цветочки, потому что есть и такие, кто готов призвать к ответу самого первого “восточника”, Богдана Хмельницкого, причём не где-нибудь, а на страницах весьма уважаемой “Московской правды”. Вот что пишет о гетмане, которого мы, оказываемся, понапрасну продолжаем считать великим, автор статьи “Сказки старого майдана” Михаил Щипанов: “Учившимся по советским учебникам, быть может, неизвестно, что мифологизированный Богдан Хмельницкий отнюдь не был пророссийским политическим однолюбом. И довольно долго маневрировал между Москвой, Варшавой и... Стамбулом”. Многозначительное многоточие перед “Стамбулом”, видимо, должно указывать на глубину падения гетмана, а также открыть нам глаза на изначально порочный генезис украинской государственности. Ибо гетман, продолжает автор, всего лишь – но как хитро! – “вёл игры в стиле нынешних украинских вождей, торгуя собственной страной направо и налево” (“Московская правда”, 10 февраля 2014 года).

Вот ведь как мочили нам голову “советские учебники”! Я, правда, всегда считала, что киевский памятник Богдану Хмельницкому был установлен тогда, когда никаких “советских учебников” ещё не существовало даже в за-

мысле. Именно о нём, окружённом пламенем Гражданской войны, но всё ещё указывающем булавой на восток, писал Михаил Булгаков, если кто помнит “Белую гвардию”. Но, видимо, Михаил Афанасьевич каким-то диковинным образом тоже подпал под влияние “пустопорожних мифов”, от которых нам давно пора освободиться. А заодно припомнить и ещё кое-что: например, русский церковный раскол XVII века, ответственность за который, оказывается, тоже должна нести впадая в униатство Украина (подвиг украинских православных братств, ценой огромных жертв отстоявших свою веру, разумеется, не в счёт). Да и ещё многое можно припомнить, всего не перечислишь, главное – извлечь уроки из нашей общей четырёхсотлетней истории, а самый важный из них таков: “Нам пора более разумно платить за разбитые буйными соседями горшки. Умом понимать и себя, и соседей” (там же).

Вообще-то от буйных соседей обычно отгораживаются и даже отделяются, коль скоро с ними и впрямь сладу нет. Тем более, вот и случай удобный представился: Евросоюз приглашает Украину к себе, так что вопрос о “наследии Богдана”, так тревоживший Пушкина, можно решить легко и просто. Вот только к чему бы тогда и весь огород городить – если украинцы так плохи по самой природе своей, так пускай идут себе с миром. Но вот как раз этого, столь очевидно вытекающего из всех его рассуждений вывода, автор как раз и не делает. Почему? Да потому что Украина вообще не имеет права выбирать – вот “идея-чувство”, вот смысл статьи, которая при иных обстоятельствах и не заслуживала бы внимания – мало ли что теперь пишется в прессе и звучит в эфире, мало ли какие диковинные версии “альтернативной истории” гуляют по России! Но сегодня, в атмосфере накалённых страстей вокруг Майдана, она воспринимается иначе, потому что, несмотря на свою вызывающую грубость, а возможно, именно благодаря этой грубости, открыто обозначила то, что не столь явно и не с такими, с позволения сказать, экскурсами в историю звучит у многих других.

В самом деле, почему, собственно, Хмельницкий должен был быть “пророссийским однолюбом”? Он был лидером своего народа и, мечась в поисках выхода для своей страны, к середине XVII века оказавшейся в ситуации, по своему драматизму имеющей не так уж много аналогов в истории, не делал ничего такого, чего не делали бы другие современные ему и даже более поздние правители. Чего не делала бы и сама Россия, вступавшая, например, в союз с Турцией против Наполеона (Средиземноморский поход адмирала Ушакова), затем заключавшая мир с ним, а затем вновь воевавшая против него. Притом – в союзе с империей Габсбургов, будущим её противником в Первой мировой войне. Как и противником Франции, вновь ставшей союзницей России. Тем более не стоит напоминать о хитросплетениях военно-политических союзов, заключавшихся и распадавшихся на протяжении всего XX века – о них, надо надеяться, многие ещё помнят. Но обо всём легко забывается, как только дело касается Украины, и, как показали последние три месяца, с их грандиозным штурмом украинской темы в российских СМИ, по отношению к ней считается допустимым то, что не допускается в отношении других постсоветских государств.

Так, с лёгкостью необыкновенной можно заявить, притом на широкую аудиторию, что Украина, уже в силу множественности влияний на неё, вообще не является суверенным государством (В. Крашенинникова, “Воскресный вечер”. TV Россия-1, 28 января 2014). Говорилось ли что-либо в отношении других, Киргизии или Казахстана, например? Не припомню. Не говорилось ни о Молдове, ни об Азербайджане, между прочим, вот уже третье десятилетие не контролирующей существенную часть *де-юре* собственных территорий. Не говорилось также и о Грузии – не говорилось ни тогда, когда её отношения с Россией были обострены до предела, ни теперь, когда она, одновременно с Молдовой, в ноябре 2013 года подписала в Вильнюсе соглашения, подтверждающие её европейский выбор. Иное дело Украина. Ведь “нээзлэжная”, как непринуждённо сообщает нам Александр Маслов на страницах газеты “Завтра” (№ 3, 2014), “может существовать только при одноименной подпитке с Запада и с Востока. Поэтому в перспективе Украина станет либо колонией Запада, либо частью “большой России” (если таковую захотят воссоздать и если это замысел реализуется). А третьего, увы, не дано”.

(Показательно уже само по себе это презрительно-насмешливое “нээзлэжная”, как и небрежно брошенное М. Леонтьевым (программа “Однако”,

27 ноября 2013 года) “европЭйський выбор”: так демонстрировали когда-то почтение к королю-шуту, подчёркивая тем самым, что карнавальный король, конечно же, не “всамделишный” король. Как, по убеждению многих в России, украинский язык и не язык вовсе, а в лучшем случае наречие, если не испорченный русский, так почему бы лишний раз и не посмеяться? Напомню, однако, что ещё в 1903 году Российской академией наук украинский язык был признан именно языком, а не наречием; но даже если бы такого решения не было, в любом случае насмешка недопустима. Всегда следует помнить, что языковой вопрос гораздо быстрее других может превратиться в вопрос политический, а это оружие обоюдоострое. Споры нет, львиную долю ответственности за напряжённость между говорящими на разных – в данном случае, только в лингвистическом смысле – языках частями Украины несут ревнители по определению невозможной тотальной украинизации. Но ведь и в России выходят книги, из которых можно узнать, что ни украинского народа, ни украинского языка, ни украинского государства нет и никогда не было. Есть лишь “фетиши, созданные идеологией наших врагов” – это сообщает нам сборник “Украинский сепаратизм в России”, изданный в 1998 году в Москве, и не сомневаюсь, что “наших врагов” как раз такие умозаключения могут порадовать. Ведь отсюда следует, что если радикальные украинские националисты отрешиваются от русских, как от возможной родни, то некоторые русские тоже не остаются в долгу, объявляя украинцев, да и самую Украину не имеющими реального бытия фантомами.

Такие представления о “братском народе” имеют, к сожалению, немалую сторонников, что показала, в частности, весомая победа В. Жириновского в поединке с Олесем Бузиной. И не стоит объяснять сделанный телезрителями выбор лишь их впечатлениями от зрелища толп, под бандеровскими знамёнами идущих на штурм бастионов, то бишь административных зданий. Сходный, по сути, взгляд на Украину как на обречённую быть несамостоятельной историческую личность был высказан известным политологом, лидером российских неоевразийцев Александром Дугиным, притом на языке строгом и внешне корректном, что лишь усиливает значение сказанного. В своём интервью газете “Консерватор” (17 апреля 2003 года) он, насколько мне известно, первым сформулировал павший в России на благодатную почву девиз “Вместе в Европу”, пояснив, что Украина не имеет будущего за пределами этого “вместе” – даже в том случае, если сама Россия сделает более чем эксцентричный выбор. А такого выбора Дугин не исключает, потому что, по его словам, “Россия заинтересована в интеграции в Европу и вступлении в НАТО”. Но вот “вступление Украины в НАТО и в европейские структуры невозможно без России”. Невозможно по многим причинам, но, главное, потому, что такая попытка поставит её на грань раскола и гражданской войны. Что, как видим, и произошло – с той, однако, существенной разницей, что к опасной черте Украину подвела не интеграция в европейские структуры, но, наоборот, отказ от неё.

Именно после отказа Януковича поставить в Вильнюсе свою подпись под уже подготовленными документами сторонники евроинтеграции начали стекаться на майдан. А вот её противников, которых имел в виду Дугин, говоря об опасности внутреннего конфликта на Украине, по-настоящему вывела на улицу всё-таки не проблема выбора между европейским и евразийским вектором интеграции, а обретшая вполне реальные очертания угроза экспансии необандеровцев за пределы их базовой территории. Но это уже совсем другой вопрос, к проблеме выбора между Таможенным союзом и зоной свободной торговли с ЕС имеющий отношение самое отдалённое, а потому до недавнего времени российские власти вовсе не занимавший.

* * *

О бандеровском возрождении в западных (отчасти и центральных областях Украины) давно уже было известно всем. В том числе и российским политикам, а также политологам и журналистам, ныне с театральным пафосом зывающим: “Как может Запад спокойно смотреть...”, “Как может Европа не замечать...” и прочее. Всё в духе того же скверного спектакля, глядя на который хочется, прямо по Станиславскому, воскликнуть: “Не верю!”

Все участники этого спектакля прекрасно знают, что и весь Запад как целое, и Европа как его часть, конечно же, “могут смотреть” — как точно так же смотрели на прибытие усташских ветеранов в Югославию — для продолжения дела, от которого им пришлось оторваться в 1945 году; как точно так же смотрели и продолжают смотреть на марши эсэсовских легионеров в странах Балтии. Но могла же ведь и сама Россия с тем же спокойствием смотреть на воздвигаемые там и сям памятники Бандере и бойцам УПА; на разрушение во Львове могилы Героя Советского Союза Николая Кузнецова в 1998 году; наконец, могла же не замечать проходивших в прессе сообщений о тренировочных лагерях в Карпатах. На всё это реагировала, и очень болезненно, немалая часть российской общественности, прежде всего, конечно, ветераны, но и не только они. Однако не руководство страны, не её сменявшие друг друга президенты и не её парламент.

А ведь ещё в 1996 году около ста депутатов Верховной Рады Украины призывали народы России и Белоруссии, а также государства Восточной Европы расследовать преступления бандеровцев против человечности и человечества. Особого отклика их обращение не нашло, в том числе и в России, зато Конгресс украинских националистов сразу предпринял ответный ход: начал сбор подписей в поддержку акции национального возрождения и единства под девизом: “Героя Украины — государственное признание”. Что и произошло в годы президентства Виктора Ющенко, присвоившего звание Героя Украины лидеру ОУН Степану Бандере и командующему УПА Роману Шухевичу. Но Ющенко лишь официально закрепил, легитимировал тенденцию, открыто набиравшую ход со дня провозглашения независимости Украины. Так, ещё задолго до “оранжевой революции” 2004 года канадский политолог В. Полищук писал: “Украина создала своего рода феномен. Ни в одной стране мира так явно и так активно не действуют партии и движения фашистского типа, нигде не возвеличивают фашистских лидеров, нигде им не воздвигают памятники и не называют их именами улицы и площади...” (“Правда”, 25 декабря 1996 года).

Однако Россию эта сторона украинской жизни не слишком волновала, к тому же в ней самой довольно громко звучали голоса, призывающие если уж не к посмертному награждению генерала Власова, то, во всяком случае, к его полной реабилитации как борца против коммунизма и, особенно, сталинизма. В атмосфере более чем снисходительного отношения к коллаборационизму Россия прожила более десяти лет уже и при новом, сменившем Б. Ельцина руководстве страны. Но особенно сгустилась она при подготовке к воссоединению РПЦ МП и РПЦЗ, хотя о поддержке, оказанной “зарубежниками” нацистскому рейху в годы Великой Отечественной войны, было, конечно, хорошо известно. Как было известно и то, что РПЦЗ не только не собирается пересмотреть своё отношение к такому прошлому, но, ещё до подписания обеими церквями Акта о каноническом общении, её Синод вынес решение о признании генерала Власова патриотом России. Это стало некоторой неожиданностью для Московской патриархии, но не препятствием к воссоединению. И вот как, уже *post factum*, объяснял её позицию архимандрит Тихон (Шевкунов): “Когда в процессе подготовки к воссоединению с РПЦЗ мы проводили наши собеседования, было принято молчаливое соглашение этот вопрос не поднимать. Слишком по-разному мы на него смотрели. Ведь речь шла ни больше ни меньше, как о наших отцах и дедах, сражавшихся по разные стороны фронта... Это как в большой и непросто прожившей семье: есть темы, проблемы, которые человек любящий и чуткий никогда не поднимет” (“Известия”, 15.09.2009).

Трогательно, конечно, вот только аналогия с делами внутрисемейными не слишком уместна. Сама РПЦЗ, величая Власова патриотом России, именно *подняла вопрос*, который является отнюдь не внутрисемейным, а политическим, притом международного значения. Потому что, в соответствии с документами Нюрнбергского процесса, те организации, юридические и физические лица, а также правительства тех стран, которые будут реабилитировать воинские формирования, воевавшие на стороне Гитлера, подлежат суду Международного трибунала. Конечно, документы эти давно игнорируются и США, и Европой, когда того требуют их интересы. Однако проблема коллаборационизма имеет не только юридическое, но и нравственное измерение, и до 2008 года Россия, в общем, не пересекала черты, отделяющей заявления отдельных “физических лиц” и даже организаций от позиции самого государст-

ва, не допускала их легитимации, а тем более церковного освящения. И это давало ей моральное право выступать с осуждением других стран, пересекающих такую черту. Теперь она его утратила, и поскольку воссоединению церквей, подсвеченному “отмыванием” коллаборантов, было придано общегосударственное значение, теперь всё, что она ни скажет по этому поводу, прозвучит неубедительно. Особенно в том, что касается Украины.

Недавнее благосклонное упоминание Путиным тех лет, когда премьером Украины была Юлия Тимошенко и когда как раз и произошла официальная героизация ОУН и УПА, позволяет заключить, что российское руководство, в общем, не воспринимало попытки украинских публицистов привлечь его внимание к проблеме и тех угроз, которые “бандеризация Украины” (см. “Бандеризация Украины – угроза для России”, Львов, 1998) она несёт с собой. Иное дело – вдруг осознанная как близкая и реальная возможность сближения Украины с ЕС не “вместе с Россией”, а самостоятельно, да а ещё в тот момент, когда Россия приступила к реализации своих неожиданно заявленных интеграционных планов. Вот тогда со стороны Москвы, ещё почти за полгода до Майдана, и последовали стремительные и очень жёсткие действия.

* * *

14 августа 2013 года в 00 часов, без всякого предварительного уведомления, Государственная таможня России полностью перекрыла доступ в страну для украинского экспорта. Все без исключения грузы подвергались тотальной проверке, что предполагало выгрузку товаров, их перегрузку, досмотр и обратную погрузку в транспортные средства. При этом, по словам известного украинского политолога Константина Бондаренко, к украинской продукции предъявлялись требования более жёсткие, чем даже к продукции стран, уже заключивших с ЕС соглашения об ассоциации и свободной торговле. Но ещё за месяц до этого, 16 июля, российский премьер Д. Медведев заявил, что поставок украинских труб в Россию на оговоренных ранее и достаточно благоприятных для Украины условиях больше не будет, так что всё происходящее явно представляло собой нечто другое, нежели все торговые войны, которые Россия вела ранее. Будь то запрет на ввоз в Россию грузинских и молдавских вин, литовского и украинского же сыра или даже то, что назвали “шоколадной войной”, когда 29 июля Россия запретила ввоз продукции украинской фирмы “Рошен”. Теперь, в ретроспективе, ясно, что “шоколадная война” была лишь первым шагом и только частью неординарных мер, уготованных Украине за её пренебрежение Таможенным союзом. Смысл же их и цель неделю спустя раскрыл советник президента РФ Сергей Глазьев. “Российская таможенная служба, – пояснил он, – проводила профилактические мероприятия, связанные с подготовкой режима таможенной администрации в случае, если Украина подпишет соглашения об ассоциации с ЕС” (“Новая газета”, 28.08.2013).

Не берусь судить о том, насколько обоснованными с формально-юридической точки зрения были мероприятия, на целую неделю парализовавшие украинский экспорт, – это дело специалистов. Однако уже само по себе возвращение к прежнему режиму работы таможни говорит о том, что никаких веских причин, связанных с качеством поставляемых товаров, наносить такой удар по экономике соседней страны не было. А то, что за всю постсоветскую историю такие действия были предприняты по отношению только к Украине, всё-таки позволяет сделать некоторые выводы. В самом деле, такой “профилактике” не подвергались ни Грузия, ни Молдова – ни тогда, когда они вместе с Украиной собирались поставить свою подпись в Вильнюсе, ни после того, как поставили её. Не подвергалась и Киргизия, несмотря на то, что её позиция по вопросу о Таможенном союзе приобрела уже прямо-таки гуттаперчевую гибкость. При этом любые отказы от уже согласованных документов нередко сопровождаются со стороны Бишкека не слишком дружественными по отношению к России комментариями, вплоть до обвинения её в “расизме и фашизме”, но в особенности – выдвиганием всё новых и новых требований к партнёрам по ТС. Например, о предоставлении безвозвратных кредитов, создании трудоёмких предприятий в Киргизии; а в ожидании этого – увеличении Россией иммиграционных квот. Для сравнения: уже в июне, когда гроза только собиралась, руководитель ФМС РФ Константин Ромодановский

в ходе состоявшейся в Москве международной конференции “Российско-украинские отношения: реалии и перспективы” заявил, что Россия может выслать на родину и запретить на три года въезд на свою территорию 700-м тысячам украинских граждан. Которых в России, по данным самого Ромодановского, находится около полутора миллионов.

Между тем, только в 2013 году в Россию въехало, по данным ФМС, 8 миллионов мигрантов, получивших регистрацию, всего же их, опять-таки по данным ФМС, находится 12 миллионов, в основном из Средней Азии, легально же из них работает всего полтора миллиона. То есть столько же, сколько всего находится в России украинцев, вдруг привлечших к себе пристальное внимание главы ФМС, которому наверняка хорошо известно, что не украинцы являются главной причиной напряжённости, вызываемой сегодня в России гигантским притоком иммигрантов. Причины такого внимания, конечно, ни для кого тайной быть не могли, и один из ведущих украинских политологов, Алексей Лещенко, не без иронии заметил тогда: разумеется, на Украину давят и Европа, и Россия, вот только Европа давит, обещая смягчение визового режима для Украины, а Россия – депортацию украинцев. Что окажется эффективнее, покажет время.

Наконец, летом 2013-го Киргизия заявила о своей готовности вступить в альянс тюркских государств, среди задач которого, между прочим, значится создание единого экономического пространства. Произошло это в азербайджанской Габале, на встрече лидеров Турции, Азербайджана, Казахстана, являющегося членом ТС, и Киргизии, имеющей намерение присоединиться к нему. Однако никаких заявлений о недопустимости параллельного членства в разных союзах со стороны Москвы не последовало. Хотя примерно тогда же предложение Януковича создать для Украины особый формат её присоединения к ТС по формуле “3 + 1” было резко отвергнуто премьером Д. Медведевым, заявившим: “Или всё, или ничего”. Это, к сожалению, подтверждает гипотезу об “особом” подходе Москвы к Киеву и позволяет оценить августовские профилактические мероприятия на российско-украинской границе как своего рода акцию превентивного устрашения. Или, если угодно, показательную порку ослушницы.

Судя по всему, подобного руководство Украины не ожидало, и, думаю, больше всё-таки не по беспечности, а потому, что рассчитывать на другую манеру обхождения у него были достаточно серьёзные основания.

21 февраля 2010 года, за четыре дня до его инаугурации, только что избранный президентом Украины В. Ф. Янукович и президент РФ В. В. Путин подписали документ, открывавший, казалось, перспективы заметного улучшения российско-украинских отношений: Харьковские соглашения. Соглашения были уже 27 февраля ратифицированы парламентами обеих стран и предусматривали продление Украиной срока аренды для Черноморского флота России до 2042 года и предоставление Россией столлларовой скидки на газ для Украины. Больше выигрывала, конечно, Москва, так как цена на газ для Киева всё ещё оставалась очень высокой, значение же Черноморского флота для России в комментариях не нуждается. Тем не менее, была создана база для сотрудничества на более доверительном, нежели при президенте Ющенко, уровне, и в ходе этого сотрудничества Киев, конечно, надеялся более благоприятным для себя образом разрешить большой для него “газовый” вопрос. А главное – добиться пересмотра заключённых премьером Юлией Тимошенко соглашений о поставках российского газа в объёме, заметно превышающем потребности Украины. Притом – на условиях, которые делали невозможным для Украины односторонний отказ от закупок.

Добиться желаемого пересмотра, однако, так и не удалось, однако ожидать от России особо резких действий не давала как будто и сама история программы Евросоюза “Восточное партнёрство”, в рамках которой Киев готовился к подписанию соглашений об ассоциации с ЕС и свободной торговле. Замысел этой программы был предложен Польшей и Швецией в 2008 году, а год спустя, 7 мая 2009 года, на саммите ЕС в Праге была подписана декларация о принципах “Восточного партнёрства” и состоялась его учреждение. “Партнёрство” предлагалось шести бывшим республикам СССР (Армении, Азербайджану, Белоруссии, Грузии, Молдове и Украине), и в прессе эту программу порою стали называть “суррогатом ЕС”. Подчёркивая, что само уч-

реждение “Восточного партнёрства”, с его акцентами на экономическом сотрудничестве, можно считать знаком отказа Европы от прежних амбициозных замыслов вхождения в постсоветское пространство. Видимо, не усмотрела в новой программе ЕС угрозы для себя и Москва. Во всяком случае, в том же году Д. Медведев, ещё будучи президентом, заявил, что Россия не видит особой пользы от программы Евросоюза, но и не намерена препятствовать её реализации. Таким образом, “слово короля” было сказано и могло восприниматься как гарантия от слишком резких реакций со стороны Москвы.

Правда, в ноябре того же, 2009 года в Минске президентами трёх стран (России, Белоруссии, Казахстана) была подписана декларация о создании, в рамках ЕврАзЭС, Таможенного союза, но задачи его пока определялись очень скромно, как сугубо торгово-экономические. 1 июля 2011 года новый таможенный кодекс начал действовать на территории Казахстана и России, а спустя шесть дней – и на территории Белоруссии, при этом внутренние таможи были сняты и перенесены на внешний периметр трёх государств. Никакой напряжённости в их отношениях с ЕС это не вызвало, и новая ситуация никак не отразилась на работе Брюссельского саммита “Восточного партнёрства”, состоявшегося в июле 2012 года. В конце 2013 года предстоял очередной, Вильнюсский саммит, но о его итогах, как и окружавшей его атмосфере, уже хорошо известно. Так что же такого произошло, что так резко изменило ситуацию, и почему вдруг рутинный вопрос о таможене стал детонатором острого политического кризиса на территории самой крупной из стран современной Европы?

* * *

В поисках ответа стоит вернуться в 2011 год, а точнее – напомнить о статье В. В. Путина, 4 октября опубликованной в газете “Известия”. В ней президент Российской Федерации изложил свой взгляд на проблемы интеграции на евразийском пространстве, прежде всего постсоветской его части, и очертил её цели, далеко выходящие за рамки экономики и лежащие, как это прямо следовало из слов президента, в области глобальной политики. “Мы, – заявил тогда Путин, – предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и сыграть при этом роль “связки” между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом”. Зелёный свет для этого проекта был дан немедленно.

18 ноября 2011 года лидерами трёх государств – учредителями Таможенного союза была подписана декларация о Евразийской интеграции. А несколько месяцев спустя, в феврале 2012 года спикер Госдумы РФ Сергей Нарышкин заявил, что наступает черёд формирования наднациональных структур, прежде всего Евразийского парламента. Что до уже существующих организаций экономического характера, ТС и ЕЭП (Евразийского экономического пространства), то они теперь приобретали вспомогательный характер и должны были стать базой для формирования Евразийского союза, гораздо более масштабные цели которого со всей определённоностью были обозначены в статье Путина. Они привлекли наибольшее внимание политиков и СМИ, гораздо меньше были замечены слова президента РФ о том, что Таможенный союз уже начал переговоры о создании зоны свободной торговли с Европейской ассоциацией свободной торговли. Однако в контексте Майдана-2 они получают другое значение. Ведь из слов Путина следовало, что Россия в принципе не против создания совместной с ЕС зоны свободной торговли, но что члены ТС должны присоединяться к ней не поодиночке, а лишь “вместе с Россией” и в рамках нового наднационального образования, работа по созданию которого быстро набирала темп. Что придавало вопросу о включении в него Украины особую остроту, потому что, как не раз говорили многие политики, от Бисмарка до Бжезинского, Россия с Украиной представляет собой гораздо более крупную геополитическую величину, нежели без неё.

Замысел Евразийского союза, как он был представлен в программной статье Путина, то есть как мегаобразование, призванное стать одним из центров силы современного мира, неоднозначно был воспринят в самой России. Одни с восторгом увидели в нём некую некую форму восстановления СССР, пусть даже и с прямо противоположным советскому общественным строем. Другие, также с удовлетворением, сочли проект воплощением в жизнь своих

неоевразийских идей о создании на постсоветском пространстве единой могучей империи, способной в будущем, превзойдя даже мечты европейских сторонников “третьего пути” о Европе “от Атлантики до Урала”, распространиться от Атлантики до Тихого океана. Третьи с тревогой заговорили о неизбежной в случае реализации проекта гибели России, которая просто исчезнет как историческая личность, растворившись в океане гораздо более многочисленных и динамичных азиатских народов. Четвёртые – что вступление на этот путь окончательно снимет для России даже самые скромные перспективы выхода на столбовую дорогу мировой цивилизации, для сторонников такого взгляда – синонима цивилизации западной.

Однако подлинной дискуссии не получилось, а большая часть российско-го населения осталась глубоко равнодушной к рождению проекта Евразийского союза, как равнодушна ныне и ко многому другому. А там, где дискуссии всё-таки имели место, за рамками их оставалось как раз то, что в конце ноября 2013 года на Украине вывело граждан на вначале ещё достаточно мирный майдан, а именно: верхушечный, “номенклатурный” способ решения вопросов, затрагивающих интересы миллионов людей и даже будущее целых народов. Вряд ли можно спорить, что на том же элитном уровне вырабатывался и сам проект Евразийского союза, который даже не выносился на широкое общественное обсуждение, не говоря уже о референдуме. В России это не вызвало массовых протестов, а вот на Украине случилось иначе, для чего существовали очень веские предпосылки. Возможно, конечно, что российское руководство даже и не знало о них, хотя для такого знания не требовалось быть специалистом по истории Украины. Но в любом случае такое незнание не освобождает его от своей части ответственности за нынешний кризис, подобно тому, как незнание закона никого не освобождает от ответственности за его нарушение.

К сожалению, даже в самый разгар кризиса, уже обернувшегося человеческими жертвами, всё ещё приходится слышать, притом из уст именитых действующих политиков, что следует прекратить *искусственное* противопоставление Запада и Востока Украины. О, если бы перед нами и впрямь было всего лишь *противопоставление*, искусственно созданное исключительно происками неких “внешних сил”! Тогда и тревожиться было бы особенно не о чем. Просто следовало бы улучшить работу соответствующих служб и дать ей информационное обеспечение более высокого качества, нежели то, что мы видим сегодня. Однако приходится говорить о реально существующем *противостоянии* двух Украин, имеющем достаточно долгую историю для того, чтобы мы перестали, наконец, надеяться преодолеть его детсадовским “в мире – в мире навсегда, в ссоре – в ссоре никогда”. Оно существовало ещё в те времена, когда в состав Украины, с её нынешними, “случайными”, по выражению историка Ю. Пивоварова, границами не входили не только столь трудно, если и вообще сочетаемые области, как Крым и Галиция, но когда ещё и сам Киев принадлежал Речи Посполитой.

Да, “западноукраинский субэтнос специфичен”, писал на страницах “Нашего современника” киевлянин В. Радзиевский, ссылаясь при этом на академик П. П. Толочко, по мнению которого после Брестской Унии 1596 года украинский народ расколот на две цивилизации и духовно неоднороден. Однако не одна лишь Уния сыграла роль в формировании двойственной украинской идентичности. Двойственность эта существовала ещё тогда, когда Тарас Бульба и его сыновья ехали в Сечь, по “зелёной девственной пустыне”, по ещё не тронутой плугом и не размеченной границами степи, ещё тогда, когда только “начали разыгрываться на Украине битвы и схватки за Унию”,

* Чрезмерная фиксация на роли внешних сил, интриги, подкупа и т. д., то есть всего того, что всегда имело и будет иметь место в отношениях между соперничающими государствами, вообще нередко ведёт к недооценке значения внутренних причин и самого масштаба событий. Так, А. Гордеев, побывавший на майдане 18 января, на страницах “Завтра” небрежно писал о нём как о немногочисленных кучках “бомжеватого вида” людей, которые “явно получают зарплату за то, что проводят время в этих палатках, на морозе и говорят о своём недоверии правительству”. А буквально на следующий день отнюдь не “бомжеватого вида” штурмовики из “Правого сектора” и бойцы “Беркута” вступили в жестокую схватку. Киев заволочло ядовитым дымом от горящих автомобильных покрывшек, и страна начала стремительно приближаться к порогу гражданской войны.

когда каждому из двух братьев ещё только предстояло сделать свой выбор. И выбор Андрия — это ведь не только предательство, которым он обернулся объективно, это ещё и трагедия, обусловленная геополитическим положением и самой историей Украины, веками, после гибели Киевского государства, вынужденной выбирать между Европой и Московией. Ожесточённо сражаясь с Речью Посполитой, она гораздо раньше испытала на себе влияние западной культуры, ощутила её мощь и красоту, притягательность которых, вслед за Малороссией, предстояло ощутить и Великороссии. Андрий ведь пленён не только “прекрасной полячкой”, но и тем особым миром, что олицетворяется ею. Такое влечение к Европе как к образу желаемого бытия органично присуще Украине, а отнюдь не является лишь следствием чьего-то искусного манипулирования её сознанием. Об этом слишком часто забывали в России, говоря о Майдане. Конечно, я далека от мысли уподобить нынешних защитников “европейского выбора” трагическому герою той давней романтической истории: не тот размах крыльев, что у запорожского казака XVII века, да и Европа, утратившая свой могучий “готический импульс”, тоже уже не та. Но и так часто звучавшие сегодня суждения, что вот, мол, польстились на жирный европейский кусок, а куса-то вернее всего и не будет и т. д., так не лучше ли остаться с Россией, свидетельствуют об очень ограниченном понимании самой идеи европейского выбора. Но ведь и Россия тоже утратила свою суровую мощь и своё неутомимое стремление к высшей правде, всё то, что делало её особенно притягательной для людей “львиной” породы, таких, как второй брат, Остап. Сегодня с обеих сторон всё предстаёт гораздо более сниженным и прагматичным.

И всё-таки не выбор между двумя “кусками” образует ядро драмы, ныне переживаемой Украиной, иначе и драмы бы не было. Но драма есть, причины же её лежат гораздо глубже области одной лишь экономики, вот почему оказываются глухи как раз к аргументам экономического свойства (“Вам же в Евросоюзе станет хуже! Посмотрите на Болгарию! Посмотрите на Боснию!” и т. д.) сторонники европейского выбора, одержимо продолжающие стоять на своём. Вот что писал о подобной глухоте к голосу разума бывший в 1918 году гетманом Украины Павел Скоропадский, вспоминая о галичанх: “К сожалению, их культура из-за исторических причин слишком разнится от нашей. Затем, среди них много узких фанатиков, в особенности в смысле *исповедания ненависти к России*. . . Для них неважно, что Украина без Великороссии задохнётся, что её промышленность не разовьётся, что она будет всецело в руках иностранцев, что роль их Украины — быть населённой какими-то прозябающими селянами” ([ru.pages.wikia.com./wiki/Галиция](http://ru.pages.wikia.com/wiki/Галиция). Курсив мой. — **К. М.**).

Многое в этом суждении, конечно, безнадежно устарело, и вряд ли, глядя на состояние нынешней России, можно с большой уверенностью утверждать, что она может быть локомотивом развития для кого-то другого. Однако главное в нем сохраняет значение для понимания нынешних событий, и этим главным, на мой взгляд, является признание “ненависти к России” подлинной страстью, способной побуждать людей к действию с силой не меньшей, чем любовь. В данном случае к бегству от России: “Только бы не с ней!”. Слышать такое неприятно, но лучше знать заранее, чем питаться иллюзиями, о чём, по сути, в 1914 году, незадолго до начала Первой мировой войны, писал часто вспоминаемый ныне экс-министр внутренних дел Российской империи Дурново. Предупреждая об опасности “присоединения к нашему отечеству области, давно потерявшей с нами живую связь”, он с поразительной точностью предсказал резкий рост влияния “галичанства” на всю остальную Украину и, как следствие, убывание среди её населения традиционно глубокого, несмотря на все сложности совместно пройденного пути, чувства исторической связи с Россией.

Но даже Дурново вряд ли мог предвидеть, какие масштабы обретёт это влияние за всего лишь 20 с небольшим лет, прошедших после крушения Советского Союза. И как стремительно “Галиция”, понимаемая не как крошечная территория, но именно как особая ментальность, станет определять государственную идеологию независимой Украины, а также её политику в области культуры и особенно образования. Перед нами действительно феномен, и его трудно понять, не учитывая всей атмосферы, в которой совершился распад Союза, подготовленный разрушительными — и оглушительными — кампаниями разоблачений всех реальных и мнимых преступлений, совершённых Рос-

сией в прошлом, и обличений её исторически сложившегося духовного облика, будто бы заведомо делающего её вообще недостойной будущего “вхождения в общеевропейский дом” (был такой, вполне официальный слоган). Тем более же — претендовать на то, чтобы вести в него других. А вот Галиция достойна, потому что кто мог лучше всех знать пути в этот “дом обетованный”, если не она, прожившая в нём семь с половиной столетий и лишь по произволу, конечно же, Сталина вновь оказавшаяся в составе этой тиранической империи? Кто непоколебимо и стойко исповедовал ненависть к России даже тогда, когда весь мир казался обольщенным ею? Кто, наконец, с оружием в руках боролся против сталинизма, “чудовищную сущность” которого все остальные разглядели много позже?

Словом, для Галиции, особенно же для её люто русофобского ядра, в своих определяющих чертах сложившегося после Унии*, наступал звёздный час, и надо признать, что она сполна использовала так неожиданно представившиеся ей возможности. Именно под её влиянием был неузнаваемо трансформирован пантеон национальных героев, своё место в котором пока удерживает разве что один лишь Богдан Хмельницкий. Имя Шевченко, конечно, ещё остаётся общеукраинским “брендом”. Однако националистам самого радикального, бандеровского толка то, что в России считалось его “московфобией”, теперь представляется пресным, недостаточно заряженным той ненавистью к извечному врагу, которая, для того, чтобы быть, не нуждается в причинах социального или даже исторического характера, не ищет опоры в обидах прошлого, а имеет скорее метафизическую природу.

В самом деле, какие уж такие незабываемые обиды могла нанести Россия Галиции, если последняя даже не входила в Российскую империю? И вот, однако же, в учебнике литературы для 6 класса целый раздел посвящён изучению истории и песен сечевых стрельцов — военных формирований из галичан, созданных правительством Габсбургов для борьбы с Россией во время Первой мировой войны. Поскольку Галиция находилась тогда в Австро-Венгерской империи, то, собственно, в самом по себе том факте, что стрельцы воевали против России, нет ничего удивительного и тем более предосудительного: они ведь были гражданами другой страны, так почему бы, собственно, они стали уклоняться от исполнения своего долга перед ней? Формально нет и никаких оснований сравнивать их с бандеровцами; однако у истоков ООН стоял бывший сечевой стрелец Евгений Коновалец, и сама история стрельцов теперь читается и преподносится именно под знаком этой связи. Стрельцы, оказывается, достойны уважения более всего не потому, что были честно воевавшими солдатами, а потому, что, только надев чужую форму и воюя в составе сильной армии, можно было надеяться сокрушить самого страшного исторического врага — Москву. Открыв тем самым путь к построению новой, независимой Украины. Дети должны помнить об этом, а потому им в качестве домашнего задания рекомендуется, например, разучить песню “Червона калина”, в которой есть такие вот слова:

*Машерують наши добровольці у кривавий тан,
Визволяти наших Українців з московських кайдан*.
А мы наших братів-Українців визволимо,
А ми нашу славу Україну, гей! гей! розвеселимо!*

Что же должны чувствовать родители севастопольских школьников, когда их детей учат разучивать такие песни и чтить таких героев, для которых сам прах четырёх русских адмиралов, покоящихся во Владимирском, когда-то ещё и Морском, соборе, олицетворяет лишь ненавистные “московские кайданы”? Что должны чувствовать все те, чьи прадеды и прапрадеды воевали с другой, российской стороны, а это — подавляющее большинство населения

* Потому что некогда была и другая Галиция. Галицкий полк бился на Куликовом поле в русском войске, она же, Червонная Русь, подарила нам инока Петра, пришедшего в Москву с мечтой о собирании русских земель, подарила замечательного киевского богослова Иоанна Вишенского, пламенно отстаивавшего правослаvie перед жестоко наступавшей Унией, и ещё многих других, о которых мы, к сожалению, позабыли. Среди этих других непременно надо назвать Дмитрия Вергуна, буквально накануне Первой мировой войны издавшего книгу “Что такое Галиция?”, которая теперь, столетие спустя, воспринимается с особой остротой.

современной Украины? К сожалению, у этого большинства память оказалась не столь крепкой и воля не столь настойчивой и сильной, как у тех, других, кто, не встретив особо сильного сопротивления, сумел вывести галицийскую версию украинской истории далеко за пределы самой Галиции и обрести сторонников даже в Харькове, всегда считавшемся оплотом пророссийской Украины. Ведь именно здесь, в Харькове, 30 июня 2001 года состоялись крупные торжества в честь 60-летия издания Степаном Бандерой, с первыми передовыми отрядами немцев вошедшим во Львов, Акта о восстановлении Независимого Украинского Государства. Состоялся и концерт с участием лучших харьковских артистов, что не вызвало у большинства “восточников” заметного негодования или хотя бы тревоги. Так не за это ли равнодушие расплачиваются сегодня их дети и внуки, которых жгут самодельным напалмом и которым выкалывают глаза?

* * *

Похоже, Юго-Восток наконец просыпается. Но когда я вижу людей, которые и теперь, когда, впервые за без малого столетие, центр Киева стал ареной жестокого братоубийства, всё ещё выходят с плакатами в поддержку Таможенного союза и против присоединения к Евросоюзу, я спрашиваю себя: понимают ли они, о чём сегодня действительно идёт речь? Ведь и “Правый сектор” тоже не слишком благосклонно относится к идее вступления Украины в Европу, так не потому ли медлит Москва с недвусмысленной оценкой совершённого в Киеве государственного переворота? Я вовсе не хочу сказать этим, что руководство РФ готово к сотрудничеству с крайним, откровенно бандеровским (см. более чем выразительное интервью Д. Яроша “Новой газете”) крылом Майдана, но и исключать такой вариант не вижу оснований. Да, гипотеза выглядит фантастической, но кто ещё в конце января и даже в середине февраля мог предположить, что патрулировать улицы “матери городов русских” выйдут боевики из не скрывающих своей родословной организаций. Это – явление качественно новое, даже по сравнению с маршами легионеров СС в странах Балтии, а затянувшееся молчание России – уточню: на момент сдачи статьи – становится дополнительным фактором легитимации утверждающегося на Украине *нового порядка*, де-факто уже легитимированного Евросоюзом и США.

Правда, по некоторым признакам, на сегодняшний день Москва отдаёт предпочтение Ю. Тимошенко, уже вышедшей из тюрьмы, триумфально прибывшей на Майдан и заявившей о намерении идти на досрочные президентские выборы. Однако трудно сказать, сумеет ли Тимошенко нейтрализовать и вывести из предстоящей в стране большой политической игры бандеровское крыло Майдана, да и стремится ли она к этому. Ведь заявила же сравнительно недавно экс-премьер, что живи она в годы Первой мировой войны, то непременно вступила бы в ряды сечевых стрельцов – шедших, как поётся в “Червоной калине”, идти вызволять украинских братьев из “московских кайдан” (оков). Сегодня такой освободительный поход Галичины если и не на Москву, то уж на юго-восточные области Украины несомненно, приобретает совершенно реальные очертания; а это вплотную ставит Москву перед очередным выбором, уклонившись от которого она на сей раз утратит те остатки влияния на политическую ситуацию внутри Украины, которыми ещё располагает. Эти области, сосредоточенные на юго-востоке, теперь стоят пред лицом более чем реальной угрозы прямого террора и культурного геноцида и в поисках выхода готовы на самые разные формы самоопределения – от сравнительно мягких, таких, как федерализация или конфедерализация страны, до прямого отложения от украинского государства. Трудно, однако, представить себе, что на это согласится какая-либо из политических сил, выведенных на авансцену Майданом, а следовательно, на этом направлении можно ожидать в недалёком будущем весьма острого развития событий.

К сожалению, нам, гражданам России, до сих пор остаётся неизвестной позиция нашего руководства и по этому, всё более горячему вопросу. А вот Европа уже высказала своё мнение, причём очень быстро, с опережением событий. 19 февраля, то есть ещё до фактически совершившегося в Киеве госу-

дарственного переворота, в Брюсселе, с участием европейских депутатов и некоторых активистов Майдана, состоялась пресс-конференция, на которой глава Международного комитета Европарламента Эльмар Брок заявил, в частности: “Нужно сохранить единство страны. Все предположения о федерализме, которые иногда звучат из Москвы, направлены на раскол, а этого нельзя допустить” (“Новая газета”, 21.02.2014). Совершенно непонятно, почему, по Броку, Украина, столь крупная и столь сложно организованная страна, не имеет права на то, на что имеют право другие, гораздо меньшие государства – Канада, например, не говоря уже о Бельгии или Швейцарии. И почему, собственно, Европа должна вмешиваться в вопросы сугубо территориального устройства государства? Это ведь прямое нарушение суверенитета, а Брок ещё настаивает, что ЕС никак не вмешивается в украинский конфликт и что все утверждения о её вмешательстве суть не что иное, как происки Москвы, коварно подталкивающей Украину к расколу (как говорится, “от нашего стола – к вашему столу”). Между тем, *официальная* Москва пока никак не ответила на идущие к ней обращения народа и властей юго-востока Украины, так что все предположения евродепутата на сей счёт основаны на непроверенных и недостоверных источниках. А вот что достоверно, так это публичные заявления ряда известных российских политиков (В. Матвиенко, например, или экс-министра внутренних дел РФ А. Куликова) и близких к Кремлю политологов о недопустимости не только что распада, но даже и федерализации Украины. Что позволяет даже говорить о трогательном совпадении их позиции с той, что от имени Европарламента была заявлена Э. Бромом.

Думаю, в Москве понимают, что вопрос о евразийской интеграции пока снят с украинской повестки дня. Так можно ли отсюда заключить, что, рассматривая возможные варианты сотрудничества с Тимошенко, уже заявившей о безальтернативности европейского выбора для Украины, российское руководство будет готово на сотрудничество и на дальнейшую галицизацию, а теперь ещё и бандеризацию юго-востока? Под благовидным предлогом необходимости противостоять всяческому сепаратизму, как когда-то она под этим же предлогом сдала Приднестровье теперь уже тоже уходящей в Европу Молдове. Такого варианта я не исключаю, потому что, к сожалению, время для принятия внятных необходимых решений стремительно истекает, а законы, наносящие разрушительные удары по тем, кто ещё пытается сопротивляться, Верховной Радой принимаются в режиме нон-стоп. Но если Россия и впредь с олимпийским спокойствием будет смотреть (как смотрела из Сочи) на такое развитие событий, то противостояние “Запад” – “Восток” и впрямь в обозримом будущем исчезнет. Но не потому, что оно плодотворно разрешится, а потому, что *Запад* придёт на *Восток*, выжигая здесь все черты новороссийской, отличной от галицийской ментальности*. Тогда мы и впрямь получим совсем другую Украину, которая действительно никому больше не позволит – и в этом будет права – заявлять себе прямо в лицо, что её не существует. Но которая свой выбор между Европой и Россией сделала уже несколько столетий назад – надо ли пояснять, какой. Если российское руководство и впрямь окажется готовым принять подобную перспективу, тогда его игры вокруг Таможенного союза предстают бессмысленной суетой, если не преступлением – по крайней мере, моральным: уж слишком дорого было и ещё будет за них заплачено.

* Нельзя не заметить, как много молодых людей с “Востока” уже теперь прибыло на Майдан и как легко они восприняли ожесточённо русофобскую и откровенно бандеровскую его стилистику, и это – тревожный синдром.

ЮРИЙ СКУРАТОВ

МАФИЯ БЕССМЕРТНА?

Из книги “Убить дракона”

Чем дольше я работал над этой книгой, тем больше нового узнавал о своих соотечественниках. Газетные аналитики довольно подробно исследовали ситуацию с выборами девяносто шестого года, и с дефолтом девяносто восьмого, и с тем, как сколачивалась знаменитая “семья” (группировка влиятельных лиц вокруг Ельцина. — **Прим. ред.**), каков был расклад сил в ранний период правления “царя Бориса”. При первичном раскладе, когда на Кремлёвский холм просочились быстро разбогатевшие (в основном, криминальным путём) люди, в окружении Ельцина сложилась следующая расстановка сил, когда по левую руку от президента стоял Чубайс и возвращённые им олигархи: Гусинский, Смоленский, Потанин, Авен и Березовский. А по правую — Коржаков, Сосковец, Бородин, Черномырдин и Барсуков.

“Левые” (именно так они себя тогда называли), в отличие от “правых”, на тот момент ещё не были полноценными членами “семьи”. Но зато они лучше владели семейным принципом конвертации власти в собственность и деньги, потому в итоге и победили.

“Левый” фланг очень основательно сдерживал “правый”, налицо было равновесие сил, и лодка оставалась на плаву.

Но после истории с “коробкой из-под ксерокса”, когда от “царского тела” были отлучены Коржаков, Сосковец и Барсуков, картина здорово изменилась. Место Коржакова, переместившись на правый фланг, занял Березовский, и этот факт, по мнению аналитиков, сыграл решающую роль. Всё дело в том, что не стало противовеса — он исчез, система сдержек рухнула, а на смену ей ничто не пришло, образовалась пустота, которую срочно должен был кто-то занять, и заняла освободившуюся клетку не самая удачная фигура — фигура Березовского.

А должен был занять кто-то из силовиков, способных хватать за руку вороватых “демократов”. Березовский же хватать за руку никого не мог, ибо сам был такой. В результате вся “семья”, все её члены, на какой бы ступени они ни находились: на высшей, где рядом с благородной сединой “царя Бориса” поблескивала лысина Бориса Абрамовича, или на низшей, занятой здорово потолстевшим, отъевшимся на качественных харчах Леонидом Дьяченко, — оказались причастными к коррупции.

“Семья” раскололась — у неё образовалось два лагеря. Оба — одной ориентации. Один лагерь примкнул к Чубайсу, другой — к Березовскому. Оба лагеря стали довольно недружелюбно поглядывать друг на друга, словно бы им не хватало жирного пирога, выставленного около “царского тела”.

“В стране началась бесконечная череда банковских, информационных и металлургических войн, — написал в “Стрингере” Сергей Степовой. — Выпестованная Олегом Сосковцом империя братьев Черных разделилась. Михаил вместе с Искандером Махмудовым и Олегом Дерипаской ушёл под патронаж Чубайса, а Лев с Анатолием Быковым решил воспользоваться лоббистскими возможностями Березовского. Войны продолжались вплоть до ухода Ельцина в отставку”.

Довольно зрелый анализ расстановки сил в “семье”. Как и вывод, сделанный в итоге... Крылья, присосшие к флангам трона “царя Бориса”, начали самозабвенно бить друг друга — только перья взлетали в воздух и мешали окружающим дышать. Дракой увлеклись настолько, что и “Чубайс, и Березовский выпустили из рук реальные рычаги власти: собственность и финансы. А после ухода Ельцина выяснилось, что новому президенту ни Анатолий Борисович, ни Борис Абрамович по большому счёту не нужны...”

Забыли умные люди Чубайс и Березовский, что плохой мир лучше хорошей войны, — забыли эту простую истину и войну свою проиграли. Те люди, которых они тянули, лелеяли, воспитывали из них олигархов, прекрасно стали обходиться без них.

Один из самых закрытых людей в “семье” — Александр Леонидович Мамут — скромный, тихий, молчаливый. Но, несмотря на закрытость, кое-какие сведения о нём и об операциях, которые он проводил, просачивались, становились известными.

Например, печальная практика взаимозачётов была рождена, говорят, именно им. Он же продумал и схему, как это делать.

Когда в Беловежской пуще тремя нетрезвыми политическими деятелями были подписаны бумаги о развале СССР, то в подвешенном состоянии оказался один из самых мощных государственных банков — ВЭБ (Внешэкономбанк). Сам этот банк был должен немалые деньги различным структурам, в том числе и зарубежным, да и ему были должны.

Долги эти были заморожены. С одним, правда, условием: коммерческим банками, которым ВЭБ оказался должен крупные суммы, долги начнут возвращать в 1994 году.

Что же придумал Мамут? Например, он приобрёл по заниженному курсу 15 миллионов долларов долга у “Технопромимпорта”, дал обещание, что внесёт ценные деловые бумаги в уставной капитал банка “Лефортовский”, но обещание не выполнил и сбросил долги на биржу, а точнее — в МБФК (Межбиржевая кредитно-финансовая компания), а биржа предъявила бумаги банку “Империал”, где находились счета “Технопромипорта” — государственной, как известно, организации. В общем, долги госпредприятия были приватизированы частным лицом за сумму гораздо меньшую, чем долги эти стоили на самом деле. В результате Мамут положил в карман (а государство эти деньги потеряло) 8,8 миллиона долларов.

Слухи об этой операции просочились в прессу, о делах ловкача Мамута стало известно, вспыхнул скандал, но длился он недолго — затих. Остаётся добавить, что одним из должностных лиц, засветившихся в этом скандале, был “Миша — Два Процента” — Михаил Касьянов, возглавлявший в ту пору Министерство финансов.

Когда возник громкий скандал вокруг американского банка, повинного в массовой отмывке грязных русских денег, а именно вокруг “Бэнк оф Нью-Йорк”, то на поверхность вновь всплыла фигура тихого Мамута. Главным перевалочным пунктом, откуда отправлялись деньги на отмывочный конвейер, был Собинбанк. Двадцать процентов акций этого банка имел МДМ — банк, наблюдательный совет которого возглавлял не кто иной, как Мамут.

Ещё двадцать процентов акций Собинбанка принадлежали, кстати, Национальному резервному банку, возглавляемому Лебедевым.

Предвыборная кампания “царя Бориса” в 1996 году финансировалась по схеме Мамута, — в том числе, как говорят, и за счёт махинаций с бумагами ВЭБа. Бумаги эти тогда стали звучно называться “вэбовками”. Мамут оказался по “вэбовкам” большим специалистом.

Кстати, ему принадлежит и авторство в создании схемы, по которой погашались индийские долги.

Банк, которым в ту пору руководил Мамут, положил в результате на свои счета 38,7 миллиарда рублей. Здесь надо отметить ещё одну деталь: руково-

директором Департамента иностранных кредитов и внешнего долга Минфина тогда являлся опять-таки... Михаил Касьянов.

Кстати, предвыборная кампания Ельцина в 1996 году обошлась России в сумму от семисот миллионов до четырёх миллиардов долларов, о чём мы ещё поговорим. Раздать бы эти деньги пенсионерам и инвалидам – куда больше было бы пользы!

Но к этой поре и сам Ельцин, и окружение его – окружение особенно! – боялись потерять власть: эти люди прекрасно понимали, что их будут судить.

Борис Николаевич всегда отличался своими экстравагантными выходками. В Америке до сих пор помнят, как ещё в советскую пору он прилетел в Штаты представляться тамошнему начальству, вылез из самолёта на несвежий аэродромный воздух... Встречали его довольно много людей, в том числе и женщины. Борис Николаевич властным движением отстранил встречавших в сторону, пристроился к колесу шасси и начал мочиться на него. При всех.

Уже тогда было понятно, что собой представляет этот человек. И, тем не менее, Запад, Штаты сделали на него ставку. Похоже, у них не было выбора.

Писатель Карпов Владимир Васильевич, Герой Советского Союза, легендарный человек, фронтовой разведчик, взявший в годы войны больше всех “языков”, рассказывал моему товарищу Валерию Поголеву, как они ездили однажды большой делегацией в Америку. Возглавлял делегацию Михаил Горбачёв. Карпов тогда был депутатом Верховного Совета СССР и первым секретарем правления Союза писателей СССР.

Переговоры с американцами шли ни шатко, ни валко. Горбачёв по обыкновению юлил, жался, испуганно оглядывался по сторонам – чего он боялся?... Это было совсем непонятно Карпову, фронтовику, боевому командир.

Когда визит подходил к концу, Карпова отозвал в сторону сотрудник посольства – пошепаться.

– Завтра Горбачёв постарается отделаться от делегации, – сказал сотрудник посольства, – останется один. У него встреча с руководителями всемирной масонской ложи. Попробуйте составить ему компанию. Вдруг получится?

– Хорошо, – пообещал Карпов и утром следующего дня, увидев в вестибюле отеля, в котором они жили, Горбачёва, подошёл к нему:

– Михаил Сергеевич, можно вас на секундочку?

Отношения у Карпова с генсеком были довольно короткие, дружеские, Горбачёв звал его просто Володей, поэтому он отозвался на зов, присел вместе с Владимиром Васильевичем в уголке вестибюля на диван.

– Михаил Сергеевич, я знаю, вы сегодня встречаетесь с масонской ложей...

У Горбачёва округлились глаза:

– Откуда ты это знаешь, Володя?

– Да известно... сорока на хвосте принесла. У меня к вам просьба, Михаил Сергеевич. Возьмите меня с собой! Мне это интересно в литературном плане...

Деваться было некуда. Горбачёв взял Карпова с собой на встречу.

Председательствовал на встрече старший из Рокфеллеров, рядом с ним расположились человек восемь членов так называемого “всемирного правительства”. Обращивали они Горбачёва круто, требовали, чтобы Советский Союз отказался от своего зачатого социализма, встал на капиталистический путь. Горбачёв потел, жался, бляял что-то невнятное, испуганно оглядывался на Карпова и не говорил ни “да”, ни “нет”.

В конце концов, Рокфеллеру это надоело. Он поднялся с кресла, достал из кармана белоснежный платок, высморкался в него и бросил на стол перед Горбачёвым.

Разговор был окончен. С этой минуты американцы перестали делать ставку на Горбачёва – переключились на Ельцина.

А Жириновский о Ельцине поведал вот что – история эта была опубликована в газете “Версия” в 2002 году: “Рассказывают, где-то в Кемерово во время поездки к шахтёрам”, – а они стали в 90-м главными “борцами за демократию” (сегодня они, кстати, стыдятся своего тогдашнего простодушия, ещё бы – тогда по 500 рублей зарабатывали, а сегодня – хрен с маслом!), Ельцин после очередной пьянки остановил возле речки кортеж, разделся – он очень любил купаться в холодной, не более 10–15 градусов, воде. Такая вода

освежает действительно. Поплавал вместе с Коржаковым. Вылез на берег и, к смущению окружающих, снял трусы, стал их выкручивать. А потом глянул в их сторону и, показывая свой “предмет”, ухмыльнувшись, сказал: “Вот таким могучим предметом мы их всех, коммуняк, перебьём”. Никто не знал – смеяться им или плакать”.

Вот такой характер имел один из самых видных бывших “коммуняк”.

Теперь насчёт выборов 1996 года и суммы, официально обнародованной пять лет спустя. Во что обошёлся России новый старый президент в 1996 году? В два миллиона четыреста тысяч долларов, так тогда было объявлено. Если же в рублях, то в четырнадцать миллиардов четыреста миллионов старых неденоминированных рублей. Или же всё-таки в сумму совсем иную, закрытую, способную поразить воображение даже невпечатлительного человека: от семисот миллионов до четырёх миллиардов долларов.

Один мой знакомый – Буланов Владимир Васильевич, – работающий руководителем инженерной группы у знаменитого хирурга-сердечника Рината Акчурина, подсчитал, что четыре миллиарда долларов – это столб долларовых бумажек высотой, ни много, ни мало, в четыре километра. Человеческий мозг почти не в состоянии охватить такую массу купюр.

Так сколько же денег было израсходовано?

В редакции газеты “Версия”*, как было сообщено сотрудниками этого издания, “оказалась уникальная рукопись книги, которая вряд ли будет когда-либо опубликована и которая может пролить свет на эту тайну, тщательно скрываемую державными имиджмейкерами. Книга называется “Опыт организации и проведения избирательной кампании Президента Российской Федерации в 1996 году”. На титульном листе перечислен авторский коллектив: В. А. Воронцов (руководитель). Ю. В. Петров. С. А. Попов. П. Г. Премьяк. В. А. Рыжков. С. А. Филатов. А. А. Шаравин. В. О. Шушин. Авторы – персоны важные, имевшие прямое отношение к избирательному штабу Ельцина. Люди, передавшие нам рукопись, рассказали, что все копии, за исключением единственной – этой, – были уничтожены. Ибо авторы (по недоразумению?) хотели обнародовать слишком много “лишней” информации. Но им не дали это сделать.

Сотрудники редакции не поленились, очень внимательно изучили рукопись, все триста страниц – вместе с графиками, финансовыми отчётами, пояснениями, таблицами – и отметили один факт: **за первое полугодие 1996 года внешний долг России вырос на четыре миллиарда долларов.** В четыре миллиарда долларов оценивается ныне знатоками предвыборная кампания Ельцина. Это что, совпадение? Если совпадение, то оно наводит на определённые мысли.

Если вы помните, в 1996-м выборном году, весной, Ельцин встретился с олигархами – встречу эту довольно точно обозвали “семибанкирщиной”, – в результате чего Россия лишилась самых лучших, самых прибыльных своих предприятий, а “царь Борис” вновь вскарабкался на трещавший под ним престол. К слову, рейтинг его популярности составлял тогда всего восемь процентов, девяносто два процента избирателей проголосовали бы против. . .

“Семибанкирщина” принесла в копилку избирательной компании кое-какие деньги, но не столь огромные, о которых говорят ныне: Березовский буквально обязал, словно генерал своих подчинённых, каждого олигарха выложить на скатерть по пять миллионов долларов.

Судя по тому, что деньги из кассы избирательной кампании растаскивались коробками из-под ссероксов (вообще, я допускаю, что увозились машинами), вспомоществование “семибанкирщины” улетучилось довольно быстро – эти деньги растащили.

А лучшие свои заводы, самые лакомые, самые прибыльные предприятия России потеряла.

Избирательная кампания 1996 года по новому водворению на престол Ельцина растянулась на полгода и стала, как признали авторы книги, “наглядным примером того, как отсутствие обоснованной системы финансирования приводит к нерациональному расходованию средств”. Проще говоря – к воровству.

Распределяли деньги по принципу “тебе – блин, мене – блин” – по количеству населения в той или иной области. В результате относительно небольшая Орловская область получила столько же, сколько и огромный Хабаров-

*Газета “Версия” от 27.03.2001.

ский край. Цифры в книге были приведены заниженные. Здорово заниженные.

Как прикинули эксперты “Версии”, по расчётам авторов одна приведённая в книге у. е. (условная единица) была равна одному рублю той поры, между тем курс доллара тогда колебался где-то около пяти-шести тысяч рублей за один “зелёный”. Так что можно представить себе, сколько денег ушло “налево”.

Огромные суммы были потрачены на телевизионные раскрутки: ведь дряхлеющего спивающегося “царя” надо было ставить на ноги, поднимать его рейтинги, показывать народу.

Вот людей и бомбили каждый день громкоголосыми акциями “Голосуй или проиграешь” и “Ельцин – наш президент”.

Тугие пачки долларов перевозили в холщовых мешках в сопровождении сотрудников госбезопасности.

Официальная сумма, которая была озвучена, – дескать, столько-то денег мы потратили на всю кампанию Ельцина, – вообще никуда не выезжала из Москвы, она так и осталась в столице – её потратили на “мелкие расходы”. Эта сумма и составляла четырнадцать миллиардов четыреста миллионов неденоминированных рублей.

Причём “по безналу” переводилась лишь малая часть денег, крохотная верхушка айсберга; на расходы более крупные, серьёзные, использовалась привычная тара – коробки из-под ксероксов; вручались эти коробки лично “получателям платежей”, из рук в руки, либо был ещё один путь – рубли конвертировали в “баксы” и довольно сложными, запутанными дорожками (чтобы оторваться от “хвоста”) переводили в швейцарские банки, на личные счета.

В общем, работа кипела.

“На наглядной агитации – листовках, буклетах и т. д. – тоже делались деньги, – писала газета “Версия”. – На листовке указывался тираж 300 тысяч экземпляров, за который платили “по безналу”, а реально печатался совершенно другой тираж. Разницу передавали в “коробке из-под ксерокса”. Другую “коробку” брали себе – в качестве комиссионных.

В общем, жульничали, воровали, занимались надувательством, как могли. Отчёта – никакого. Одну “коробку из-под ксерокса” – на оплату листовок, одну – налево, а потом ещё шесть – на личные нужды.

Авторы книги составили таблицы, в какие регионы России избирательный штаб отправил наличные деньги, где они исчезли совершенно бесследно, будто и не было их, – как в болоте утонули “зелёные”! – или, пользуясь модной терминологией того времени, у. е. Утонули у. е.! В Кемеровскую область, к шахтёрам, так любившим поддерживать “демократию” грохотом своих касок, загнали 840 миллионов у. е., в Адыгею – 316 миллионов у. е., в Чечню – 116 миллионов у. е. и так далее.

“Версия” отмечает, что “даже если у. е. была равна докризисному рублю, всё равно впечатляет”.

И далее – не могу не процитировать: “Но самое интересное, на наш взгляд, в страницах неизданной книги – сколько было потрачено на каждый голос, отданный за Ельцина. Голос одного эвенкийца стоил в первом туре 108754 у. е. Во втором – ещё 9413 у. е. Голос каждого коряка обошелся в 93178 у. е., жителя Алтая – в 54178 у. е., москвича – всего в 490 у. е.”

Это очень похоже на приватизацию с ваучерами, когда всю страну поделили на всех, и никому в результате ничего не досталось. Зато была создана прослойка монстров – олигархов с растопыренными пальцами.

“Реальная – до последнего рубля! – цена “победы” Ельцина никогда не станет известна”, – к такому грустному выводу пришли журналисты “Версии”. Хотя “чёрные” расходы всё-таки фиксировались. Несмотря на холщовые мешки и “коробки из-под ксерокса”, в которые охапками складывались пачки баксов, несмотря на то, что за “чёрный нал” никто не отчитывался...

Расходы эти грязные, за них должно быть стыдно перед Россией! Потому что расходы эти – криминальные. За них надо привлекать к ответу.

И тех, кто этим занимался, – людей сытых, пышущих здоровьем, готовых услужить любому, кто покажет им пару стодолларовых купюр, – таких людей в Москве очень много. В России – меньше, Россия оказалась более честной, чем Москва.

Именно избирательная кампания 1996 года привлекла общее внимание к дочери президента Татьяне Дьяченко. Тогда многим очень хотелось узнать,

кто она и что она? В газетах стали часто появляться её снимки, материалы о ней. Газетчиков Татьяна Борисовна не любила откровенно и, честно говоря, напрасно это делала, ибо газетчики стали платить ей тем же – нелюбовью.

В результате – истерики, скандалы дома, на людях – припухшие глаза. Это результат той самой журналистской нелюбви. Как было замечено, президентская семья очень тяжело и близко к сердцу воспринимала подобные невинные развлечения акул пера.

Стало известно даже то, что Татьяна – большая любительница носить пиджаки – одежду заказывает себе в салоне у Валентина Юдашкина. А ещё любит так называемый “американский стиль” – одна из фирм в Штатах специализируется на том, что изготавливает “искусственно состаренную аутентичную форму американских летчиков”, – эта форма долго считалась последним пиком моды у заокеанских любителей броско одеваться.

Дьяченко старалась от заокеанских модников не отставать.

Нью-йоркская газета “Newsday” писала о ней: “Официально она просто член аналитического центра руководимой Чубайсом администрации. Неофициально – привратница президента, основной канал, по которому его достигают запросы, предложения, слухи и петиции”.

Когда Ельцины переехали с Урала в Москву, то часто вспоминали Свердловск и всё, что видели в Москве, сравнивали со Свердловском – так уж в этой семье повелось.

– А у нас в Свердловске – лучше...

Говорят, даже тучи, собиравшиеся в летнюю пору над столицей и орошавшие землю коротким сильным дождём, они сравнивали со свердловскими:

– А у нас в Свердловске тучки поразмашистее будут.

Гостей у них почти никогда не бывало, жили они довольно замкнуто, нелюбимо, Ельцин, будучи первым секретарём столичного горкома, устроил в Москве жестокую партийную чистку, рубя под корень всех – и правых и виноватых, – в результате чего Московская парторганизация понесла физические потери...

Когда выпадали дни рождения будущего “царя”, Наина Иосифовна пекла пирог под названием “Поцелуй негра”. “Рецепт этого пирога она узнала еще в Свердловске, – подметили вездесущие журналисты. – Дни рождения всегда проходят по одному и тому же сценарию. Борис Николаевич громогласно объявляет Таню любимой дочерью, а Татьяна Борисовна в ответ произносит длинный тост о “тяжёлой ноше”, “огромной ответственности” и необходимости беречь себя для страны”.

В общем, обычная провинциальная семья советского парработника, если бы не одна тайна, которую тщательно скрывали от Ельцина. Тайна эта – смерть Клавдии Васильевны Ельциной.

“Мать Бориса Николаевича умерла от инсульта. Ельцин до сих пор убеждён, что причиной инсульта стала угроза импичмента, который ему собирались объявить”.

В своё время Клавдию Васильевну вызвали из Свердловска, там она жила с братом Бориса Николаевича Михаилом и уезжать не хотела, но Ельцин настоял на своём. Поселили Клавдию Васильевну в Барвихе. Ей выделили маленькую комнатку рядом с дежуркой, сразу за санузлом.

Старая мудрая женщина не роптала. К общему столу её никогда не звали, потому что во время здравниц в честь президента Клавдия Васильевна могла легко сказать: “Боря, не зарывайся!” В тот день, когда у матери президента случился инсульт, Наина Иосифовна устроила ей жуткий скандал с истерикой.

На могилу к Клавдии Васильевне никто из семьи Ельциных не ходит. Только Наина Иосифовна частенько заглядывает. О Боге в семье Бориса Николаевича никто и никогда не говорит”.

Это признание, которое я специально процитировал довольно широко, было обнаружено в “Стрингере” в декабре 2000 года. Оно интересно тем, что даёт точную характеристику обстановки, царившей в доме Ельцина, да и довольно точно характеризует самого “царя Бориса”, загнавшего родную мать в “маленькую комнатку рядом с дежуркой”, чтобы старая женщина “не зарывалась”, слушая по ночам храп офицеров-охранников и шум спускаемой в унитаз воды. Самодурство – качество, которое всегда было присуще первому президенту России.

И в церкви со свечой видел народ Бориса Николаевича – по телевизору показывали, – только особым уважением, честно говоря, к нему не проникал-

ся, потому что “царь Борис” держал свечу в правой руке. А правой рукой, как известно, крестятся, свечу надо держать в левой.

Про дочь “царя Бориса” Татьяну говорили, что она мягкая, обходительная, улыбчивая, никогда не повышает голоса, способна утешить всякого человека и уговорить, чтобы он изменил свою точку зрения, если эта точка зрения не нравится Татьяне Борисовне или кому-то ещё, и если бы не она, то история с “коробкой из под ксерокса” развивалась бы совершенно по иному направлению, но увы! — благодаря именно ей правые оказались виноватыми. Могущественные люди, желавшие Ельцину добра — Коржаков, Барсуков. Сосковец, — очутились на улице.

Коржакова Татьяна боялась, ненавидела, заискивала перед ним. Знающие кремлёвскую кухню журналисты отметили, что буквально в самый канун отставки трёх государственных деятелей Татьяна ходила с женой Коржакова Ириной в Малый театр. Время провели достойно, обстановка была тёплой, Татьяна наговорила Коржаковой много хороших слов.

В частности, она сказала:

— Я верю только Александру Васильевичу. Он предан отцу и желает ему только добра.

Именно Коржаков Александр Васильевич стал крёстным отцом Татьяниного сына Глеба. Елена Окулова стала ему крёстной матерью...

А через несколько дней, когда Валерий Стерелецкий задержал двух здорово перетрухнувших деятелей из ельцинского штаба с гигантской суммой денег, ночью кинулась к отцу, чтобы утопить человека, о котором буквально только что говорила, что верит только ему... К утру утопила: утром был подписан указ об отставке.

Тогда же, утром, Ирине Коржаковой позвонила Наина Иосифовна, произнесла дрожащим голосом:

— Ирочка, это я... — губы у неё запрыгали, скривились, и она заплакала в голос.

Татьяна не замедлила вырвать телефонную трубку у матери.

— Ира, это временное решение. Александр Васильевич мешает выборам. Он неправильно себя ведёт. Но вы не переживайте, после выборов мы его обязательно восстановим в должности.

Это были пустые слова. Более того, после отставки Коржаков вынужден был скрываться — у него были все основания опасаться преследования. Татьяна продолжала ненавидеть Коржакова и больше всего боялась его возвращения в Кремль.

Более того — боялась случайно встретиться с ним где-нибудь на улице или в подъезде дома на Осенней улице. Даже специально выставила там пост охраны — с одной только целью: чтобы охранники сообщали ей, находится Коржаков в доме или нет.

Через некоторое время она заняла на Кремлёвском холме высокую должность советника по имиджу — должна была следить, чтобы и причёсочка у папы была волосок к волоску, и чтоб глаза при виде выпивки меньше блестели. Должность эта вызывала брезгливую усмешку и у простых людей, и у тех, кто ходил по кремлёвским коридорам, застеленным коврами.

Но, как было подмечено “мастерами пера и объектива”, “политиком стать Татьяне Борисовне так и не удалось. Хотя и стремилась. Олигархи просто-напросто наняли её на четыре года на роль передаточного механизма. Всё это время Таня старательно исполняла свои обязанности: вкладывала в уши папы мысли Березовского и Чубайса”.

И ещё одна любопытная цитата. “Так передаточным звеном Татьяна Борисовна и проработала четыре года. Известна и стоимость Таниных услуг Березовскому. После выборов Роман Абрамович каждый месяц заносил в кремлёвский кабинет Татьяны Борисовны дипломат, заполненный стодалларовыми купюрами.

Деньги — это ещё одна (помимо власти) страсть Татьяны Дьяченко. Во время предвыборной кампании 1996 года Татьяна Борисовна очень хотела участвовать в распределении средств “чёрной кассы”, но её к предвыборному фонду так и не допустили. Официальными средствами занимались Виктор Черномырдин, Герман Кузнецов и Александр Смоленский. А “чёрными” — Павел Бородин”.

И другие вещи всплыли в печати. Как известно, у нас долго буксовало од-

но дело, к которому очень болезненно относилась вся страна, — это создание Союзного государства, блока России с Белоруссией. Не надо обладать особенной прозорливостью, чтобы понять, кому это было, будто кость в горле, стоящая поперёк.

В 1997 году в Кремле состоялась очередная встреча Ельцина с Лукашенко Александром Григорьевичем. Когда встреча закончилась, стали проверять помещения, готовить их к следующей встрече, и в комнате, примыкавшей к залу переговоров, было найдено подслушивающее устройство — довольно мощный “жучок”.

Было замечено также, что в эту комнату очень часто навевывалась Татьяна Борисовна, особенно когда в Москве появлялись высокопоставленные визитёры, и Танин папа вёл с ними переговоры.

Можно только предположить, какое наказание ожидало любого другого гражданина России, если бы он был пойман за этим делом. Немедленно было бы заведено уголовное дело по статье о шпионаже.

В связи с этим в печати было отмечено следующее: “Как уверяют бывшие работники охраны президента, установить “жучок” Татьяне Борисовне посоветовал Борис Абрамович: мол, мало ли чего папа наговорит. А Таня отдала приказ на прослушку тогдашнему руководителю Федеральной службы охраны Крапивину. Крапивин приказ выполнил.

После своего ухода в отставку Борис Николаевич попросил Владимира Путина год не увольнять главу ФСО со службы. Путин не выдержал обещанного срока и уволил Крапивина через четыре с половиной месяца. Видимо, не хотел, чтобы Березовский знал, о чём он разговаривает во сне”.

Вот такой убийственный пассаж был выдан в “Стрингере” в декабре 2000 года! Надо полагать, что быть агентом Березовского — ещё более позорно, более стыдно, чем быть шпионом какого-нибудь государства и наблюдать за собственным отцом. Но что было, то было. Слова из песни не выкинешь...

Зато Дьяченко вошла в число самых богатых женщин России — недаром её одно время считали “стержнем кремлёвского клана”, прозванного на мафиозный лад “семьёй”. Когда в 1996 году “царь Борис” вновь вскарабкался на трон, Таня стала самой могущественной женщиной в России: в её активе были не только съеденные Коржаков, Барсуков, Сосковец, но и Лебедь, и многие другие. “И вообще она впоследствии будет иметь отношение к любому мало-мальски заметному назначению или снятию с госпоста”.

Состояние её было равно к моменту ухода из Кремля, как оценивают опытные эксперты, 180–200 миллионам долларов США. Имела Таня и недвижимость в Западной Европе.

В общем, неплохо “поработала” наша Таня.

Своего мужа, расплывшего и обрюзгшего Дьяченко, она бросила после того, как тот умудрился оказаться практически в центре скандала с “Бэнк оф Нью-Йорк” и отмывкой денег русской мафии, сблизилась с Валентином Юмашевым, на досуге помогавшим “царю Борису” писать мемуары и плавню перекочевавшим с табуретки личного летописца в кресло главы администрации Кремлёвского холма... Впрочем, долго он там не задержался...

Вскоре после выборов 1996 года, осенью, по рядам депутатов Госдумы начал гулять документ, распечатанный на нескольких страницах, свидетельствовавший о деятельности ельцинского избирательного штаба. Газета “Завтра” 19 ноября 1996 года опубликовала его под заголовком “Крокодилы сожрали бюджет. Законно ли избран Ельцин?”. Подзаголовок был не менее выразителен: “Административный ресурс на выборах. Кому сколько заплатили и за что”.

Произошло это в тот момент, когда журналисты судорожно искали ответ на вопрос: “Где деньги, Зин?”, — а заодно пытались понять извечное: “Как жить дальше?”

Экономика страны после успешных ельцинских выборов дышала на ладан — была опущена “до уровня Алжира и Панамы”. Было понятно, что власть растратила огромные государственные средства, — и не только государственные! — чтобы остаться у власти. Нищих в стране стало в несколько раз больше.

Приведу цитату*:

“Чтобы дать некоторое представление о тратах на ельцинскую избирательную кампанию, мы публикуем документ, ксерокопия которого давно хо-

* Газета “Завтра” от 19.11.1996.

дит по коридорам Госдумы и уже цитируется печатными изданиями. В нём зафиксированы лишь агитационные проекты, датированные до 17 мая. Тем самым основные пропагандистские расходы, которые приходится на июнь, остаются вне поля нашего зрения. Естественно, речь идёт вовсе не о главном финансовом потоке, закрытом от посторонних глаз, которым разносились по тайным адресам миллионы долларов в коробках и сумках. Об этой глубоко законспирированной и грязной стороне выборов 96-го года нам ещё предстоит узнать в будущем”.

Увы, авторы этих строк правы. А вот и сам список расходов* (приводится выборочно). Тот самый, что ходил по рядам Государственной Думы:

1. “Фонд “Согласие” (Рыбкин) – 500 тыс. у. е. Утверждено. Передано в банк.
 2. “Женщины России” – 800 млн р. Утверждено. Передано в банк.
 3. “Гражданская инициатива (От двери к двери)” – 1 млрд 700 млн р. Утверждено. Передано в банк.
 4. Телерадиофонд – 18 млн р. Оплачено.
 5. Газета “Культура” – 1 млрд р. Утверждено. Оплачено.
 6. Газета “Не дай Бог”. 15,9 млн у. е. Утверждено. Передано в банк.
 7. Воздухоплавательная агитационная программа – 920 млн р. Фокус-группы дали отрицательный результат. Оплатили долги (по визе Сосковца).
 8. Фильмы Михалкова – 500 тыс. у. е. Утверждено. Передано в банк.
 9. Спартакиада трудящихся РФ. Смета на согласовании у Б. Федорова. За счёт бюджета Б. Федорова (НФС).
 10. Молодёжный проект “Голосуй или проиграешь” – 7 млн у. е. Утверждено. Передано в банк.
 11. Компенсация эффекта Ленина в избирательной кампании Зюганова как главного конкурента Б.Н. Без сметы. Без гарантии эфирного времени. Отрицательный отзыв г. Малашенко. Б-059/Ф от 12.04. Отказ.
 12. Совещания-инструктажи членов избиркомов (Волков) – 130 млн р. Утверждено. Передано в банк 19.04. Оплачено.
 13. Парашютная экспедиция на Северный полюс. – 80 млн р. Негативный отзыв г.г. Малашенко, Никонова. Б-043/Ф от 11.04. Отказ.
 14. Телевизионные проекты информационно-пропагандистской кампании по повышению электоральной активности молодежи (Кинилев). Без сметы. На согласовании у Малашенко, Бевза. Одобрено финансирование клуба молодых избирателей и проведение концертов и дискотек в размере 100 тыс. у. е.
 15. Анализ законопроектов коммунистов, подбор информационных материалов, подготовка контрпропагандистских материалов – 600 млн р. Утверждено. Передано в банк.
 16. Телеэкспо – 2,5 млн у.е. На рассмотрении у Малашенко. №1953 от 2.04 (О. В. Кисилёв). Отказ 23.04.
-
74. Оплата НТВ – 78 млн у. е. Оплачено.
 75. Оплата ОРТ – 169 млн у. е. Закрыто налоговыми освобождениями.
 76. Общественный фонд «Победа – 1945 год» (производство препарата «Веторон»). Б-187/Ф от 29.04.96. Отказ 6.05.
 77. Российская автомобильная федерация (картинг):
 - соревнования в Москве – 80 760 000 руб.;
 - этап чемпионата РФ в г. Новотроицке – 21 000 000. Утверждено. За счет бюджета Б. Федорова (НФС) Б-176/Ф от 29.04.96.
 78. Проект “Глас народа” (ТВ) (М. Швыдкой) – 540 000 у. е. №188-32 от 16/04 (Минкультуры РФ). На рассмотрении.
 79. Российская партия социальной демократии:
 - проведение съезда РПСД – 1 240 000 000 руб.
 - региональные конференции РПСД (70 конф.) – 1 694 000 000 руб.
 - агитационные поездки по России, листовки, брошюры, пр. – Утверждено 250 млн. р. Передано в банк 6.05.
 80. Агентство региональной прессы (Лоскутов) (АРП) – 130 614 у. е. Утверждено. Передано в банк 6.05.
 81. МОО “Достижения молодых” (памятные сертификаты и бланки обращения президента) – 50 млн р. №96–13 от 5.05 (М. Ю. Дробышев). Вх. 149 от 5.05. Утверждено. Передано в банк 6.05.
 82. Фестиваль “Студенческая весна-96” (Кинелев):
 - изготовление футболок – 75 млн р.,
 - приобретение приза – 10 млн р.

* «Кремлёвские подряды Мабетекса». М., «Новый индекс» 2010 г., с. 108-110.

Поступило от Ю. Ярова 5.05. Утверждено. Передано в банк 6.05.

83. Внепартийное политическое движение избирателей (Р.Быков) – 652 482 259 руб. Б-240/Ф от 5.05.96. Отказ 6.05.

84. Изготовление значков “Ельцин — наш Президент” – 1 900 000 000 руб. ПФ-126 от 2.05.96. На рассмотрении.

85. Организация лечебно-оздоровительных сеансов А.В. Чумака – 1 613 800 000 000 руб. Б-218/Ф от 02.05.96. На рассмотрении.

86. Аграрный союз молодёжи:

- Всероссийская площадка инноваций по новой педагогической технологии – 17 300 000 руб.

- Конференция аграрной молодёжи России – 74 740 000 руб. – вариант 1; 137 740 000 руб. – вариант 2;

- Лагерь актива АСМ – 68 000 000 руб.

Отказ 6.05.

.....

123. Журнал «Журналист» – 41 118 850 руб. Утверждено.

124. Фестиваль «За честные выборы» (от Ярова) – 1,85 млрд р. (Пекелис М.А.). Отказ.

125. Книга «Сто вопросов и ответов» (изд. «Вагриус») – 369 млн р. Утверждено.

ИТОГО УТВЕРЖДЕНО: 49 139 524 650 руб.

332 691 742 у.е.

На оплате в банке: 67 проектов.

Рассматривается: 8 проектов.

Отказ: 50 проектов”.

Вот так!

Многие ведущие исследователи Европы, – и, прежде всего, Швейцарии, – до сих пор пытаются найти клад – исчезнувшие в 1998 году деньги Международного валютного фонда.

Клад этот будет побольше, подороже драгоценностей, которыми были набиты трюмы морских судов, лежащих на океанском дне в разных местах планеты. Следы денег всплывают постоянно, уже точно очерчены места, где они осели, – в том числе и на счетах Татьяны Борисовны Дьяченко и её бывшего мужа, известны суммы, схемы проводок, имена людей, совершивших эти преступления либо способствовавших им, остаётся только собраться с духом и наказать виноватых, но нет! У Генеральной прокуратуры “духа” этого нет совсем – она безмолвствует...

И вряд ли в нынешнем своём положении сможет подать голос... Увы!

Потому что стала прокуратура послушным придаточным механизмом деятелей с Кремлёвского холма.

Много на Западе, в тамошних газетах поведано о Касьянове – “Мише – Два Процента”. Именно его считают руководителем группы исполнителей, совершивших эту “кражу тысячелетия”; много пишут о Черномырдине, о Леониде Дьяченко и Викторе Столповских, приведены тысячи доказательств, фактов, а воз и ныне там.

И главное: двигаться никто никуда не думает, словно бы эти люди сотворили для России благое дело, либо прокуратура просто-напросто покрывает их. **И пропавшие деньги – тот же кредит МВФ в сумме 4,8 миллиарда долларов – никто и не думает искать. Будто бы так и надо было, чтобы он исчез.** Тем временем за границей, – в частности, в Штатах, – до сих пор появляются статьи в серьёзных изданиях. Речь в них идёт о том, **что весь кредит был украден “семьёй” и родными президента Ельцина.**

Такая статья появилась, например, на страницах газеты “Нью-Йорк таймс”, где это было напечатано – чёрным по белому, со ссылкой на бывшего министра финансов США Роберта Рубина (Рубин после исчезновения денег был вынужден уйти в отставку). Были обнародованы схемы проводок этих денег, исследованы пути, по которым они ушли, названы банки, фирмы и конкретные лица, которые этим занимались.

В подтверждение того, о чём я уже говорил, процитирую отрывок из сведений (иначе это не назовёшь), касающихся кредита МВФ, опубликованных в “Нью-Йорк таймс”: “14 августа 1998 года вышеуказанная сумма была пере-

ведена транзитным переводом со счёта № 9091 Федерального резервного банка Кредитан-штальт – Банкферетайн в Лугано (Швейцария) на счёт банка во Франкфурте-на Майне, Германия, являющегося дочерним зарубежным банком Центробанка РФ. Далее 2 миллиарда 350 миллионов 14 августа 1998 года были направлены в “Бэнк оф Сидней” (Австралия), а часть этого перевода – 235 миллионов долларов – была зачислена на счёт некой австралийской фирмы, в которой через своего люксембургского представителя Татьяна Дьяченко имеет 25 процентов акций. Остаток в 2 миллиарда 115 миллионов долларов был конвертирован в фунты стерлингов и отправлен в Национальный Вестминстерский банк (Лондон, Великобритания). В свою очередь, 1 миллиард 400 миллионов долларов из кредита МВФ были 14 августа 1998 года отправлены назад. В “Бэнк оф Нью-Йорк”; 780 миллионов долларов 17 августа 1998 года были направлены в “Креди Сюисс” (Швейцария); 270 миллионов долларов 17 августа были направлены в лозаннское отделение Кредитан-штальт-Банферайн (Швейцария)”.

Деньги исчезли, считается, бесследно, но они исчезнуть бесследно никак не могли, их можно отыскать в глубоких банковских подвалах (адреса-то названы). Надо только взяться за работу, но родная российская прокуратура делает вид, что никакие деньги не пропадали, ничего не произошло.

Но ведь отдавать-то их придётся МВФ нашему народу, нам с вами. И отдавать с процентами.

Соврать американцы никак не могли, они на этот счёт очень щепетильные, более того – имеют так называемое Агентство национальной безопасности. Агентство это было создано ещё при Рейгане для “компьютерного отслеживания в банках всего мира наркодолларов колумбийских картелей”. Агентство это по своей оснащённости, численности, профессионализму и мощи не уступает пресловутому ЦРУ. Поэтому сведения, обнародованные американцами, – самые что ни на есть верные.

Многие, очень многие, – в том числе и за рубежом, – хотели вернуть эти деньги России, но, увы, только не прокуратура, которую долгое время возглавлял Владимир Устинов.

Такое впечатление сложилось не только у меня.

В газете “Ла Република”* был опубликован материал, который назывался очень красноречиво: “Касьянов украл 4,8 миллиарда долларов и спрятал их в надёжном месте”. Нужно ли что-либо добавлять к такому броскому заголовку?

Большой материал, увидевший свет в “Републике”, был посвящён нескольким открытиям (скажем так), сделанным швейцарским следственным судьёй Лореном Каспером-Ансерметом, который разослал по всем банковским учреждениям страны письма с просьбой приоткрыть завесу над своими тайнами. “Грязные российские деньги” должны всплыть, оказаться на поверхности, – справедливо полагал следственный судья. И женеvская прокуратура, в отличие от российской Генеральной, очень близко подошла к секретным банковским счетам “семьи”.

Поскольку Россия при Ельцине здорово шаталась, стонала, корчилась (извините), припадала на обе ноги, то было решено предоставить ей стабилизационный кредит в одиннадцать миллиардов долларов. **Первый транш – 4,8 миллиарда, – исчез, как мы знаем, бесследно, остальные два транша в связи с исчезновением первого были заморожены – их России так и не перечислили.**

“Женеvскому судье удалось выяснить два факта, – написали корреспонденты “Републики” Джузеппе д’Аванцо и Пьетро дель Ре. – Деньги никогда не прибывали в Москву, а все трансферты проводились по указанию главы делегации на переговорах с МВФ Михаилом Касьяновым. Это новое имя в расследовании. Его появление в деле можно сравнить со свинцовой пулей истэблшменту Владимира Путина, назначившего премьером именно Касьянова. Таким образом, Касьянов оказался центральной фигурой в расследовании. И о нём стоит поговорить. Недоброжелатели утверждают, что в московских деловых кругах его зовут “Миша–Два Процента”, поскольку именно такими были его комиссионные во всякой сделке, будущее которой зависело от его подписи или одобрения.

* “La Repubblica” от 17.06.2000.

Совершенно очевидно, что среди заинтересованных лиц были и олигархи. Они платили Мише и терпели его наглость, властную манеру разговаривать и плохо сшитые костюмы. Более того, они помогали ему строить политическую карьеру. Мише удаётся скрывать свою алчность под маской усердного слуги государства. Он прагматичный и хитрый. На международных переговорах он может месяцами упрямо обсуждать процентную ставку погашения российского долга (4,3 или 4,2), хотя ему совершенно точно известно, что Россия не сможет выполнить ни одно из условий, будь то 4,2 или 4,3 процента”.

Очень точный портрет российского премьера путинской поры – таким, как Касьянов, совершенно наплевать на Россию. Его во сто крат больше волнует собственные интересы. И собственный карман, естественно.

Типичный чиновник, взращённый ельцинским временем.

“Миша быстро поднимался по служебной лестнице”, – отметили корреспонденты “Республики”: руководитель управления в Министерстве финансов, затем заместитель министра и министр. В настоящее время – премьер-министр. Если вы спросите у Миши Касьянова о тех исчезнувших почти 5 миллиардах долларов, он ответит, не моргнув глазом: “Не было отмечено ни одного факта незаконного использования кредитов МВФ. До тех пор пока нет конкретных доказательств, приходится иметь дело с газетными сплетнями, возникшими на пустом месте”.

Талантливо подан читателям Миша–Два Процента, талантливо и образно. И – беспощадно.

Собственно, обо всём этом я уже рассказывал. Появление статьи в “Республике” – лишь подтверждение моей правоты. А от повторения истина не тускнеет, скорее – наоборот. Это – закон.

Если человек не согласен с обвинениями, которые высказаны в его адрес, да ещё в печати, он обычно подает в суд. Касьянов не подал, побоялся. Раз не подал, значит, согласен с теми высказываниями, что прозвучали в его адрес. Раз согласен, значит, виновен.

Олег Лурье опубликовал статью в Москве, в “Новой газете”, где также обвинил Касьянова в воровстве и в появлении немалых сумм на “его различных сомнительных счетах в Европе и Америке”. На дворе стоял, напомним, 2000-й год. “Кроме этого, за Мишей–Два Процента тянется шлейф и других фокусов, таких как продажа инсайдовской информации и “выборочное” погашение кредитов близких людей. Нет ничего удивительного в том, что премьером оказался именно он, ведь управляла же страной дочь экс-президента, которую мы не выбирали, да и сейчас у власти немало жулья, обобравшего россиян в пирамидально-чековый период. Поражает другое: до сих пор Касьянов, мило улыбаясь, курсирует по державам, чьи деньги, внесённые в виде паёв в МВФ и направленные на стабилизацию России, были бессовестно растащены под его чутким руководством. Вот уже действительно: Божья роса...”

Олег Лурье раскопал – либо вычислил – схему, по которой разбогател второй муж Татьяны Дьяченко Леонид, – некоторые приближенные люди называют его Алексеем. Схема проста и примитивна, как и всё воровское.

Дьяченко особой изобретательностью не отличался – присосался к Омскому нефтеперерабатывающему заводу, обросшему, как корабль ракушками и прочей ненужной налипью, разными фирмами, конторами. ООО, ЗАО, фирмочками, ИП и так далее, которые приобретали у завода его продукцию: бензин, солярка, горюче-смазочные материалы, мазут – для продажи за рубежом, а точнее – в дальнем зарубежье. Но ни в коем случае не в ближнем зарубежье – на страны СНГ распространялась специальная налоговая инструкция, по ней за ввоз товаров надо было платить дополнительные деньги.

На этой разнице тогдашний Татьянин муж и решил сшельмовать. Он покупал у омичей бензин и отправлял, допустим, в Польшу либо в Венгрию. По дороге, когда эшелон находился, скажем, в Литве или в Молдавии – бывших наших республиках, которые эшелон должен был пройти транзитом, – неожиданно появлялись новые вводные. Это были бумаги, из которых следовало, что конечная точка следования эшелона изменена, и ему надлежит оставаться там, где он находится, – на Украине, в Литве или в Молдавии. В результате нефтяной эшелон становился под разгрузку, за товар Дьяченко получал повышенную сумму, включавшую в себя налог, который зять президента должен был вносить в российскую казну. Но Дьяченко вносил его в собственный карман.

Вот так, например, скопилась сумма в два миллиона семьсот тысяч долларов на Каймановых островах, в тамошнем отделении “Бэнк оф Нью-Йорк”, что, кстати, под присягой подтвердил Томас Реч — директор этого банка. Думаю, что скопились денежки Дьяченко не только в этом банке, но и в других местах.

Стали известны и некоторые другие подробности и аферы с первым траншем стабилизационного кредита МВФ. “Разруливал” его, распределял Миша—Два Процента, как мы уже знаем, через “Бэнк оф Нью-Йорк”. Он объяснил “доверчивым ребятам из МВФ” (это выражение взято из печати), что воспользоваться долларовой массой Россия не сможет, прямое хождение “зелёной” валюты по этой стране запрещено, с прилавков даже исчезли этикетки и ценники с обозначением “у. е.” — так довольно противно и примитивно называли тогда торговые дельцы доллар, эмвезфовские доллары всё равно надо переводить в рубли. “Доверчивые ребята” в ответ на суждения Касьянова одобрительно покачали головами и дали разрешающую отмашку: действуй, мол. . .

И Касьянов начал действовать: тут же приказал перевести так легко доставшиеся миллиарды (через “Бэнк оф Нью-Йорк”, естественно, — ближе банка у него не было) на зарубежные счета банков, близких ему — “СБС-Агро”, “Менатеп”, “Инком”, “Объединенный банк”, “Собинбанк” и так далее. Какому-нибудь задриссенскому или голопупинскому сельскому банку ничего, естественно, не досталось, хотя они готовы были честно выполнить свою миссию и конвертировать доллары в рубли, поскольку Миша—Два Процента чужие банки терпеть не мог. В ту пору он, напомню, занимал пост заместителя министра финансов России и отвечал за внешние долги и кредиты, — в общем, пустили козла на грядку с “капустой” . . .

Получив валюту, банки сделали ответный ход: “вместо живых рублей вручили любимому государству гособлигации ГКО и ОФЗ, которые к тому времени превратились в никчёмные бумажки”.

В общем, сыграли вчистую, как на биллиарде, не дав противной стороне, — в данном случае, России — ни одного шара. В общем, **большая часть кредита, предназначенного для стабилизации курса рубля, исчезла совершенно бесследно — растворилась на счетах банков, перечисленных выше**, а облигации, которые россияне получили взамен долларов, годились лишь для того, чтобы насадить их на гвоздь в общественном нужнике.

За первым ходом последовал второй: банки, хватившие по большому куску “зелени”, один за другим, стали объявлять о банкротстве и разваливаться, будто песчаные сооружения, на которые подул ветер. Первым исчез “Инком”, потом “СБС-Агро” . . . Одним из самых активных игроков на этом воровском, откровенно шулерском поле был знакомый нам господин Смоленский — человек, в криминальном мире известный не меньше, чем в деловом. Кстати, именно он создал в своё время “МДМ”-банк и “Собинбанк” — конторы, перешедшие потом к Мамуту. А Александра Мамута газеты часто величали в ту пору “постоянным бизнес-партнёром и другом Михаила Касьянова”.

“То есть никто в обиде не остался, разумеется, кроме российского бюджета и “лохов” из МВФ, — написал в “Новой газете” 21 августа 2000 года Олег Лурье. — Особую роль в скандале с “Бэнк оф Нью-Йорк”, по мнению следователей, играл приближённый к Касьянову “Собинбанк”, принадлежащий олигарху Александру Мамуту. Даже представитель МВД России официально заявил: “Участие “Собинбанка” в безвозвратной проводке многомиллиардных платежей через “Бэнк оф Нью-Йорк” — доказанный факт”.

Ну, и что из того, что факт воровства — доказанный факт? “Воз и ныне там” — ни МВФ, ни нищающая Россия этих денег уже не увидели.

Впрочем, Мише—Два Процента, честно говоря, на все эти обвинения и официальное заявление представителей МВД было просто наплевать: он работал уже председателем Правительства России, вместо тюремных нар переместился вон в какое кресло!

Думаю, что некие детали правления Касьянова в российском правительстве ещё всплывут на поверхность. Россия многое узнает про дела его.

Недаром Миша—Два Процента, ныне уже находясь в отставке, всё время рвётся к власти: то партию какую-нибудь организует, то пикет с протестом против действий нынешних властей, то ещё что-нибудь. И когда я читаю или слышу по радио сообщения о “свободолюбивых” действиях Касьянова, мне

делается грустно: **не нужна России свобода по-касыяновски**. Это будет свобода подковёрных манипуляций, хитростей, обмана, воровства, при котором несколько человек будут успешно красть, а миллионы – смотреть на это воровство и молчать. И руки у них будут связаны, и рты – заклеены.

Вот к какой свободе стремится Касыянов.

Но шансов вновь вернуться на прежние позиции во власть у него, мне кажется, нет. Ни одного. Во-первых, *на воре шапка горит*, а во-вторых, Россия уже знает, что это за явление такое – Миша–Два Процента.

После истории с украденным траншем МВФ и преступных действий “Бэнк оф Нью-Йорк”, так тесно слившегося с нашим высшим криминалитетом – высшими чинами государства, ставшими на преступный путь и вышедшими из этой истории совершенно сухими, ненаказанными, – **генеральный прокурор кантона Женева Бернар Бертосса сказал следующее: “У коррупционеров не возникло никаких проблем с российским правосудием. У нас сложилось совершенно определённое мнение, что за публичными заявлениями о готовности к сотрудничеству у прокуратуры нет никакого желания взаимодействовать в проведении расследования, всё ближе и ближе подбирающегося к самой верхушке российской политической власти. В сложившихся условиях Международному валютному фонду остаётся лишь заморозить финансовую помощь”**.

Больше мы никаких денег от МВФ не получали. Теперь нам остаётся деньги только отдавать. За тех, кто их получил и положил в свой карман, – за Касыянова, Мамута, Смоленского, Черномырдина, Татьяну Дьяченко с её прежним муженьком и ещё за несколько других персон, чьи имена хорошо известны правоохранительным органам.

Взять их и привлечь к ответственности ничего не стоит, только нужно, чтобы сверху не давали команды “отбой” и не покрывали преступников. Но воры до сих пор ходят на свободе, живут в своё удовольствие... Справедливо ли это, бессмертна ли эта мафия?

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

ПОДВОДЯ ИТОГИ — 2013

Итак, еще один год позади, и пора подвести его политические итоги.

1. Путин в зачищенном поле

Первый итог — значительное укрепление во внутренней политике позиций Путина, который, как я и предполагал год назад, избрал излюбленную тактику абсолютизма: искусное балансирование на противоречиях основных общественных сил. Не случайно его режим с каждым днем всё больше напоминает эпоху первых римских императоров.

О том, насколько уверенно чувствует себя Путин на внутренней арене, говорит не только встреча с оппозиционерами — Рыжковым, Кудриным и др. — на Валдайском форуме и широкая предновогодняя амнистия для мелкого политического люда, но, прежде всего, — выпуск на свободу потенциального “российского Манделы” Михаила Ходорковского, а также продолжение затягивания гаек в отношении русских националистов (опробочивый шаг, свидетельствующий, однако, о весьма высокой оценке Кремлём собственной безопасности).

Правда, на мой взгляд, Путин увлёкся балансированием и пропустил тот момент, когда одна из общественных сил чрезмерно выросла и вышла из-под контроля. Новогоднее поздравление Президента, где он говорил о взрывах в Волгограде, в значительной мере было траурным, не праздничным. Произносить его Путину было, я думаю, нелегко.

На внешнеполитической арене Путину до недавнего времени сопутствовал успех. Симптомами постепенного, частичного, но такого долгожданного выхода нашего президента из-под вашингтонского контроля стали дипломатическая победа в Сирии (фактически Россия дерзко схватила США за руку, готовую в очередной раз применить оружие; впервые с 1991 года нам удалось остановить агрессию НАТО, а значит — подвергнуть сомнению реальное всевластие Запада), но в ещё большей степени, на мой взгляд, — невыдача Америке спецслужбиста Сноудена со всеми его секретными потрохами.

Всё это вместе взятое гораздо лучше любых лукавых цифр говорит о резко возросшем при Путине военном и экономическом могуществе России и ярко свидетельствует об общем позитивном тренде развития нашей страны. Кто бы что ни говорил.

Хотя и здесь всё не так просто, и я, например, опасаясь, что невнимание Путина к азам этнополитики обернётся для нас очередным провалом на украинском направлении, очередным разочарованием и отдалением от наших истинных целей и задач, очередной сдачей русских интересов*.

Дело в том, что, по моим представлениям, никакое решение украинской проблемы в необходимом для нас, русских, ключе невозможно иначе, как через раздел Украины. Все остальные варианты – пустые и вредные для нас иллюзии, не более того. Пока же Украина избрала тактику ласкового телёнка, сосущего двух маток – Россию и ЕС. Выйдя за счёт этой тактики из кризиса, Украина станет более богатой, более единой и националистичной, что окончательно перечеркнёт наши надежды на возвращение русского Левобережья, Крыма и Новороссии вплоть до Приднестровья включительно. Поддерживая Януковича как фигуру, объединяющую Украину, Россия на деле мостит дорогу к всевласти украинским националистам, которые, избавившись в скором времени от Виктора Фёдоровича, эту единую Украину унаследуют. А между тем, сегодня, когда Румыния и Молдавия взяли курс на слияние, а Приднестровье официально устремилось в Россию, мы могли бы одним выстрелом убить двух зайцев. Но для этого надо было все эти двадцать лет не отталкивать от себя, а развивать и поддерживать русское движение на Украине и в Крыму. А сейчас, когда такая опора стала вдруг остро необходима, – хватя! ан её-то и нет...

2. Канун войны?

Чего нам ждать от укрепления Путина в России и во всём мире?

Прежде всего, как это всегда бывает, сознание собственной успешности обязательно перерастёт в иллюзию своей непогрешимости, что гарантирует нам закрепление всех ошибочных направлений, во всяком случае – во внутренней политике (внешняя всё же требует больше считаться со всеми партнёрами и обстоятельствами).

Худшее из последствий будет в том, что Путин, убеждённый, что худой мир с либералами лучше доброй войны с ними, будет откупаться от них, как обычно, давя русских националистов, которых он упорно не желает понимать, а тем более – к ним прислушиваться. В результате недобитые либералы сохранят, а возможно, и укрепят своё влияние.

Беда в том, что подобное расхождение с русскими националистами трагически скажется на том направлении, которое сейчас уже вырисовалось как наиболее угрожающее миру и спокойствию в стране. Я имею в виду русско-мусульманские отношения. Но Путин, похоже, не видит здесь проблемы или не вполне понимает её характер. Об этом свидетельствуют его обращение к Федеральному собранию и новогоднее поздравление.

Выступая в Хабаровске с новогодним поздравлением, Путин сказал: “Уверенно, жёстко и последовательно продолжим борьбу с террористами до полного их уничтожения. Мы поддержим всех пострадавших”.

Это чисто популистское обращение – сродни знаменитому призыву “мочить в сортирах” боевиков. За деревьями Путин не видит леса, за боевиками и террористами – этноконфессиональный и цивилизационный характер войны, тлеющей и в принципе не имеющей конца. Хотя, надо отдать должное, всех основных чеченских полевых командиров при Путине уничтожили, но в итоге войну чеченцам проиграла и перед Чечней капитулировали, подавая тем вождельный пример другим мусульманским республикам и анклавам внутри нашей страны, которые при определённых условиях могут использовать подобный вооружённый шантаж ради подобного же бешеного процветания. “Игра стоит свеч!” – показали чеченцы на своём опыте.

А между тем, нашу капитуляцию следовало предвидеть, ведь Путин сам же её и предсказал ещё в 2000 году. Он тогда честно раскрыл перед французским журналистом М. Хальтером из еженедельника “Пари матч” своё *credo* по поводу конфликта цивилизаций вообще. И своё видение чеченской проблемы в частности: “Вы знаете, здесь есть только одно средство – повышение благосостояния мусульманского населения или мусульманских стран в целом и внедрение общечеловеческих ценностей. Всё остальное – это про-

* Статья была набрана ещё до революции на Украине.

должение этих двух составляющих. В принципе, тот религиозный экстремизм, с которым мы столкнулись, например, на Северном Кавказе, основан на квазикоммунистических идеях о необходимости перераспределения богатств и борьбы за лучшее справедливое будущее. Когда человек беден, ему очень легко вдолбить идею о всеобщем равенстве, чем и пользуются религиозные экстремисты, о которых мы с вами говорили. Поэтому нужно действовать вышеупомянутыми методами и средствами”.

Перед нами, как видим, – в голом виде самая схематичная марксистская политэкономия, которая не могла дать иного результата, чем тот, что мы имеем. Ужас состоит в том, что нашу капитуляцию Путин, а за ним многие и многие, особенно военные, воспринимают как свою победу. Как замирение, а вовсе не как пролог для худшего, более страшного и масштабного противостояния, которое, как мы все видим, не только не прекратилось с нашей капитуляцией, но, напротив, набирает обороты.

Из политэкономических соображений Путин исходит и в другом принципиальном вопросе, требующем исключительно этнополитического подхода: в вопросе миграции (внутренней ли, внешней, законной ли, незаконной – всё равно). Категорически отказываясь вводить визовый режим со странами Средней Азии и Закавказья, Путин способствует росту и организации социальной базы исламской экспансии и терроризма. Чем он мотивирует свой отказ? Да тем, что боится навредить процессу (фантомному, замечу) реинтеграции Средней Азии и Казахстана с Россией. На деле же он просто не может расстаться с мечтой о хотя бы частичном восстановлении Советского Союза, видимо, считая себя новым российским императором и “собирателем земель”.

А между тем, только за последние три года в России легализовалось (!) 3,5 млн мигрантов, абсолютное большинство которых представлено молодыми мусульманами. Кроме того, на одного легального приходится как минимум трое-четверо нелегальных. Формально они все – гастарбайтеры, но потенциально – *лушечное мясо джихада*, неустанно обрабатываемое вербовщиками. В российскую бочку сыплется исламский порох, остаётся только фитиль поднести. Однако Путин со своим политэкономическим мышлением видеть этого не хочет в упор.

Таким образом, увлечённый реинтеграционной квазимперской утопией, Путин, на мой взгляд, допустил Россию до кануна большого этноконфессионального противостояния. От стрельбы из свадебных кортежей в центре Москвы до стрельбы на поражение дистанция не столь большая. Таков ещё один из итогов 2013 года.

Возможно, Кремль просто хочет продолжить игру в *сдержки и противовесы* ради сохранения роли балансира и абсолюта. Путин однажды уже ловко удержался и усилил своё могущество, балансируя на противостоянии либералов и национал-патриотов. Но теперь либералы сошли с арены. На их место пришли исламисты. Путин будет балансировать на их противостоянии с национал-патриотами?

Опасная игра, прямо скажу.

3. Кто в доме хозяин?

Канун войны... Это серьёзно, об этом стоит сказать ещё нескольких слов.

Увы, я не в первый раз убеждаюсь: этнополитическое видение ситуации чуждо Владимиру Владимировичу. В обращении к нации Путин, явно с чужих слов (уж не знаю, кто у него сейчас в советниках по нацвопросу), высказался насчёт причин межэтнического напряжения: “Его провоцируют не представители каких-то народов, а люди, лишённые культуры, уважения к традициям, как своим, так и чужим. Это своего рода аморальный интернационал, в который входят и распоясавшиеся, обнаглевшие выходцы из некоторых южных регионов России, и продажные сотрудники правоохранительных органов, которые “крышуют” этническую мафию, и так называемые “русские националисты”, разного рода сепаратисты, готовые любую бытовую трагедию сделать поводом для вандализма и кровавой бузы”.

На деле всё происходит строго наоборот. Мы наблюдаем именно классическое, прямо по Хантингтону, столкновение двух культур, двух моралей, двух

традиций, за каждую из которых люди готовы идти – и идут! – на смерть. Это касается как участников джихада, смертников-ваххабитов, так и русских националистов.

Сколько бы Путин ни говорил о “мерзости преступлений, совершённых в Волгограде”, он не сможет убедить в этом исламских мучажедов-террористов, готовых на самопожертвование, у него попросту нет для них аргументов. Они-то считают взорвавшихся шахидов героями и мучениками за веру, заслужившими рай. За годы правления Путина на территории России был уже совершён 81 террористический акт с участием, в общей сложности, 123 смертников, в которых, видимо, так и недовнедрили общечеловеческие ценности. Нет никаких оснований думать, что список исчерпан. За Путиным – своя правда, но за ними – своя. Он будет толковать им про Фому, а они ему, с помощью тротила, – про Ерёму.

Не сможет Путин переубедить и русских националистов, встающих за свой народ, ведь они находятся поближе, чем он, к жизни и видят всё, как есть. А пытаюсь и дальше балансировать между “вашими” и “нашими”, пытаюсь одной рукой подавить исламских экстремистов (своего непосредственного врага), а другой – русских националистов (своего потенциального защитника), он и вовсе столкнет Россию в хаос. Ибо нельзя безнаказанно ликвидировать своих собственных часовых и пограничников. . .

Путину пора определиться, сделать выбор.

Почему Кремль, как до Путина, так и при Путине, не хочет взять себе в союзники русский народ? Почему боится развязать нам, русским, руки? Допустить хотя бы в некоторой степени наше, русское национальное самоуправление и самозащиту?

Всё просто. Весь вопрос в том, кто в доме (в России) хозяин.

“Я”, – законно и обоснованно считает русский народ.

“Нет, я!” – говорит народу *император* Путин.

Налицо противоречие, которое кажется непреодолимым. На деле оно преодолевается очень легко.

Для этого надо только, чтобы Путин захотел стать *русским царём*.

Но вся беда как раз в том, что Путин не хочет быть *русским царём*. Он хочет быть *российским императором*. Он хочет выстроить очередную квазиимперию за счёт русских, но не для русских. “Чтоб служила ему золотая рыбка (русский народ) и была б у него на посылках”...

Успех 2013 года только укрепит его в этом намерении.

Налицо конфликт интересов, чреватый большой бедой для страны.

4. Ультиматум

Я устал от роли Кассандры. Мою душу давно терзает предвидение гражданской войны. Войны этноконфессиональной, которой я тщетно пытаюсь противостоять вот уже двадцать лет и которая, несмотря на мои усилия, приблизилась вплотную и стала на нашем пороге. Я кричу об опасности, но меня мало кто слышит.

Враждебные русским внешние и внутренние силы шаг за шагом опутывают нас цепью зловещих обстоятельств, связанных между собой, направленных на углубление русско-мусульманского конфликта. Здесь и наращивание численности этнических диаспор, исповедующих ислам и служащих питательной средой для этнической преступности и терроризма. Здесь и рост этой самой преступности, вызывающий возмущение и протест русского населения, подобный тому, что случился в Бирюлёво, когда долго копившиеся гнев и разочарование простого народа выплеснулись на улицу*. Здесь и провокационная публичная резня животных на улицах и площадях русских городов в дни мусульманских праздников. А также не менее провокационное требование строительства всё новых мечетей на исконно русских территориях и даже требование изменить российскую символику: снять кресты с корон орла на российском гербе. Здесь и сожжение православных храмов в Татарии (за несколько по-

* По соцопросам, 74% граждан относятся отрицательно к иммигрантам, и всего 1% москвичей положительно относится к жителям Кавказа.

следних месяцев воинствующими исламистами сожжено уже семь храмов). Здесь и непрекращающийся террор исламских экстремистов, ведущих неприемлемый джихад со “страной неверных”, с её народом – свежие, но не последние ужасные примеры (Дагестан, Волгоград, Пятигорск) у всех на слуху. И т. д.

Напомню, что с точки зрения правоверного мусульманина, как её объяснил нам выдающийся улем Гейдар Джемаль, вся мировая суша делится на три категории: 1) территория Ислама; 2) территория Шайтана; 3) территория войны (Ислама с Шайтаном). Россия относится к последней категории. Она обречена, согласно постулатам исламской науки, на немирное будущее*.

Что следует из подобной установки? Добившись критического роста своего удельного веса в России и в Москве, превзойдя все предельно допустимые концентрации, инородцы-иноверцы решили показать, *кто тут рулит*. Вот только два примера.

В праздничную новогоднюю ночь по неофициальным милицейским сводкам, с которыми меня ознакомили, в центре, в районе Манежной и Красной площадей было отмечено примерно полмиллиона этнических мусульман разного происхождения. Многие вели себя, скажем так, несдержанно. 1537 человека из них в результате оказались в полиции, у них изъято в общей сложности 157 единиц холодного и огнестрельного (!) оружия. Это в нашей Москве, в столице русского народа! Они, эти незваные гости, с оружием в карманах явились в сердце нашей нации на своего рода необъявленную демонстрацию – демонстрацию вседозволенности.

На мой взгляд, это, несомненно, вызов нам, коренному русскому населению. Своего рода моральный террор, чтобы мы уже не чувствовали себя хозяевами у себя дома, чтобы мы были фрустрированы и лишены воли к сопротивлению (тем более, что органы охраны порядка десятилетиями в подобных ситуациях вставали за них против нас).

Этот вызов носит характер репетиции. Основной спектакль на тему “Руки прочь от диаспор!” должен был состояться там же, в сердце русской столицы 26 января, заявку собирались подать те же люди, которые в ноябре истекшего года провели гигантский митинг мусульман в Махачкале в поддержку прав исламского меньшинства России. Чтобы оно, это (пока что) меньшинство, могло и дальше увеличивать численность своих диаспор, захватывать русские рынки, землю, собственность и женщин, наращивать преступность и выращивать криминалитет, резать баранов на улицах Москвы, жечь православные храмы, строить у нас мечети, ходить в русские школы в хиджабах, вербовать русское юношество в моджахедство...

По сути, нам грозили предъявить ультиматум, требовали от правительства, от всей нашей русской России безоговорочной капитуляции под страхом войны. Это была эдакая проверка режима “на вшивость”: прогнётся – не прогнётся...

До “миллиона мусульман” на Манежной, которым стращали либеральные СМИ, дело пока не дошло. Но в нашу виртуальную эпоху информационная угроза сплошь и рядом не менее значима, чем акция на площади.

Дело зашло слишком далеко. Вопрос приходится ставить так: воевать или капитулировать? Потери неизбежны в обоих случаях. Лично для меня как историка ответ однозначен: капитуляция недопустима, она есть путь к бесславной гибели. Пока что у нас есть ещё силы и возможность пойти другим путём и победить.

Боюсь, что Кремль, однако, настроен по-другому.

Это значит, что когда вопрос встанет ребром: жить или умереть, – русский народ, как Гулливер в стране лилипутов, уже будет опутан и связан миллионом веревочек. Хватит ли ему сил, чтобы разорвать их, встать и освободиться? И есть ли в стране такие силы?

5. Суперстаренькие

Возвращаясь к итогам года. В своих ежегодных обзорах “Подводя итоги” я никогда не касаюсь экономических тем. На то есть *тьма искусников*, зачем вставать с ними в один ряд? Куда интереснее и важнее, по-моему, бро-

* Понятно, что далеко не все мусульмане согласятся с такой точкой зрения, но и её не следует сбрасывать со счёта. – Ред.

сильный взгляд на общий расклад политических сил, который именно за прошедший год раскрылся предельно откровенно и до конца. Результат я выше назвал *зачищенным полем*.

Одна из причин политических побед Путина и его укрепления на троне (со стороны это выглядит как «стабильность») состоит в том, что все эти самые силы либо деградировали и вынужденно утратили свои амбиции, либо ещё не набрали необходимый потенциал.

Что именно я называю сегодня политическими силами, и каковы они на пробу? Что их ждёт?

В первую очередь, это идеологические системы, объединяющие значительные людские контингенты, а также политические партии, консолидирующие представителей этих идеологий. После 1993 года их набор в нашей стране относительно неизменен, меняется только удельный вес.

Коммунисты продолжают оставаться одной из парламентских партий, но уже давно не контролируют Госдуму и вообще заметно проявляются в обществе лишь раз в несколько лет – во время выборов. И надо прямо признать, что удержание КПРФ на плаву связано с популярностью почти исключительно протестных, а вовсе не коммунистических убеждений масс. Показательно в этом смысле прошло минувшее празднование годовщины Октябрьской революции, когда в демонстрации 7 ноября на Тверской улице участвовала аж... тысяча человек (да и та собиралась долгонько!).

Системные либералы (*сислибы*), попытавшись в 2011–2012 годах с наскоку вернуть себе былое всевластие по ельцинско-гайдаровскому образцу, жестоко, как говорится, *обломались* и притихли, сдулись быстро и радикально, признав своё поражение. Поражение это, конечно же, не временное, тактическое, а стратегическое и экзистенциальное. Оно связано не столько с личностью Путина, ловко их переигравшего, сколько с настроением народа, досыта хлебнувшего либеральных реформ и готового на всё ради их прекращения. Разочарование либералов в результатах «снежной революции» усугубилось очевидным провалом их надежд на обретение харизматического лидера в лице Ходорковского. А поскольку прежние лидеры кто лёг на дно (как Борис Немцов или Михаил Прохоров), кто съехал прочь из России (как Гарри Каспаров), кто сменил иголокки на гладкую шёрстку (как Владимир Рыжков и Геннадий Гудков), а кто частично потерял поддержку «тусовки» (как Алексей Навальный, чей триумф никогда в действительности не входил в планы *сислибов*), то можно сказать со всей определённой ясностью: либерального реванша в России не будет. Никаких перспектив у *сислибов* нет, кроме суда Линча в отдалённом будущем*.

Самой либеральной силой в России на ближайшую перспективу остаётся отныне сам Путин и его правительство, а также партия «Единая Россия». Они сегодня крайние (все претензии по этому поводу к ним).

Спрашивается: *нам-то какая разница, кто будет продвигать в России либеральные ценности – сислибы или путинцы?* На самом деле разница громадная: за немцовыми-каспаровыми стоял Запад, за Путиным – свои. Вот только кто «свои»? Увы, зачастую – отечественные хапуги. Я считаю, что второе не смертельно, в отличие от первого. С Западом не договоришься – съедят и на косточках покатаются. С Путиным будем пробовать.

Центристская партия «здравого смысла» – «Справедливая Россия» – останется на плаву. Ни рыба ни мясо в плане идеологии, она ни у кого не вызывает сильных эмоций, но привлекает отдельных прагматиков. Смысл её существования в том, чтобы дать альтернативу людям, не поддерживающим партию власти (репутация «Единой России» как «партии жуликов и воров» вряд ли в ближайшее время исправится), но и не готовым присоединиться к коммунистам и жириновцам.

ЛДПР не смогла (не сумела? не захотела?) преобразоваться в русскую национальную партию. Хотя она и подавала такие сигналы вплоть до осени 2011 года, но так и осталась всего-навсего «партией Жириновского». В этой связи выборы 2011 и 2012 года ВВЖ, по сути, провалил, получив голоса по

* Автор явно пристрастен к А. Навальному. Как бы ни относиться к оппозиционному политику, его, во-первых, нельзя считать либералом, а во-вторых, неудачником. Большой процент голосов, собранных им в прошлом году на выборах в Москве, заслуживает обстоятельного анализа. – **Ред.**

нижнему пределу. А теперь уже поезд ушёл, и ЛДПР осталась на перроне навсегда, её востребованность будет стремиться к нулю, как и доверие к ней. Интересы у меня как у политолога она уже не вызывает, свой исторический шанс она упустила. *Пятое колесо в российской политической телеге...*

“Единная Россия” получила на выборах 2011 года жестокий, но заслуженный урок. Более того, она стала обузой для своего сюзерена – Путина, который вполне недвусмысленно от неё дистанцировался. И продолжает сохранять дистанцию. Вся история высшего эшелона власти последних двух лет вращается вокруг попыток создать альтернативную опору для Кремля, на которую Путин мог бы сделать ставку, не понеся репутационных издержек.

Проблема в том, что общество, на самом деле, не заинтересовано в том, чтобы подобная опора в реальности возникла. Оно заинтересовано в том, чтобы Путин постоянно ощущал свою зависимость не от партии власти, её лояльности, а от народа, от настроений населения в целом. Скандальное падение поддержки “ЕР” в сочетании с достаточно мощной поддержкой самого президента на минувших выборах ясно об этом говорит.

Я уверен, что эти выборные тенденции сохранятся, если не усилятся. Хорошая ли, плохая ли партия власти, но она – так инстинктивно верно чувствует избиратель – должна быть слабой, а не сильной. Всенародно избранный президент должен быть избран всенародно (а не через партийный ресурс) – такой триумф в лучших традициях нашей общественной мысли просится на уста. И искать поддержку избранный, в свою очередь, должен у народа, а не у толстосумов и карьеристов из “ЕР”. Не дадим единороссам приватизировать ещё и президента России ко всему прочему, что они уже приватизировали! Логика непробиваемая, железная.

В условиях нормализации избирательной системы (а такая тенденция налицо) эта логика приведёт к дальнейшему падению удельного веса “ЕР” в политике. Как бы она ни старалась понравиться избирателю, как бы ни кокетничала, какой бы политический макияж ни наводила. “Чёрного кобеля не отмоешь добела”. Да и кому он нужен – чёрный, белый?

Насколько полезен для России отказ от элементов партократии, и сможет ли она эффективно управляться без неё, я тут не сужу. Хотя мой личный слоган давно известен: “Да будет власть партии, но не партия власти”. Здоровую партократию сверху не построишь...

6. Кто на новенького?

Итак, итогом 2013 года вполне можно признать *политическое безрыбье*, отсутствие сколько-нибудь серьёзных игроков на поле. Спрос на них, как всегда, имеется, а вот предложения, увы, одно рахитичнее другого. Список не исчерпывается перечнем парламентских партий.

Политическая общественность, политический класс чутко реагирует на экзистенциальное фиаско партии власти. Претендентов занять *свято место* хватает: не прекращаются попытки искусственно выстроить общественно-политическую силу, на которую Кремль мог бы опереться в своей квазиимперской политике.

И вроде бы сложился даже идеологический пул из журналистов и политологов, формирующий и выражающий соответствующую идеологию: **Изборский клуб**. Да только вот беда: никаких шансов подвести под эту идеологию значительные человеческие контингенты (а значит, стать реальной политической силой) у этого направления нет и априори быть не может.

Дело в том, что под различными объединительными инициативами типа **Ассамблеи народов России** или **Общероссийского народного фронта** нет никакой естественной, природной базы единения: ни классовой, ни национальной. Фантом “российской нации” – порождение мечты о квазиимперии – он и есть фантом, существующий только на бумаге да в воображении добросовестно (или не слишком добросовестно) заблуждающихся политиков.

А чисто умозрительные аргументы, пусть блистательные, но не затрагивающие непосредственные классовые и/или этнические права и интересы масс, не могут служить объединительной платформой. Агитация “за всё хорошее”, казалось бы, должна быть беспроегрешной, а – была, есть и всегда будет абсолютно провальной в политике.

К тому же, все эти “ассамблеи” и “фронты” показательно игнорируют права и интересы государствообразующего русского народа, который и предстательства-то там полномочного не имеет. Перекос в сторону “малых сих” (малочисленных народов и национальных меньшинств) там, как правило, чудовищный, бросающийся в глаза. Нечего и ждать, что русский народ – значимое большинство – всерьёз поддержит тех, кто игнорирует его статус и проблемы.

Боюсь, та же участь ждет и **Национально-освободительное движение** депутата Евгения Фёдорова (и формирующуюся на его основе партию), поскольку его идеология, пусть и верная во многом по сути, “не цепляет” каждого конкретного человека, резонируя только в узком слое неравнодушных, жизненно активных людей. Она не обращена ни к одной из естественных общностей: ни к какому-либо классу, ни к какому-либо этносу. А для обращений типа “Вставай, страна огромная!” в условиях, когда нет всеобщей наглядной опасности извне (какой было когда-то немецкое вторжение), а страну раздирают социальные и национальные противоречия, сегодня явно не время. Точнее, услышав подобный призыв, рядовой гражданин подумает вовсе не об англо-саксонской интриге, а всё о том же нашествии нерусских под маркой гастарбайтеров. Но как раз эта тема НОДом робко обходится.

К тому же, ставя во главу угла своей программы возвращение России полноценного суверенитета, НОД при этом видит выход в суперполномочиях президента Путина. Впечатляет их слоган: “Родина! Свобода! Путин!” – вот за что, оказывается, мы должны бороться и умирать. Первые две части возражений не вызывают, но третья... Таким образом, предложенный НОДом ответ на вопрос: “Кто должен быть хозяином в доме?” – совсем не тот, какого ждут русские...

Думаю, что всем этим *эфемеридам* (Изборскому клубу, АНР, ОНФ, НОД и им подобным) никогда не стать реальной политической силой, несмотря на всемерную поддержку Кремля. Но, похоже, их статус-кво вполне устраивает. Относительно благополучное существование в своих узких нишах – “и что ещё нужно, чтобы спокойно встретить старость”?

Для НОДа, впрочем, я вижу один выход: влиться в Русское Движение, слиться с ним, приняв его программы (минимум и максимум), и повести за собой, отбросив весь негатив, накопившийся в РД. Но к этому руководство НОД, зараженное интернационализмом, не готово. Да и Кремль вряд ли даст санкцию на такой поворот дела.

В последние годы в России появился еще один претендент на роль политической силы: это **Русская Православная Церковь**, повысившая свою активность в различных сферах внутренней и внешней политики. Во многом это связано с личной позицией Патриарха Кирилла, пытающегося вернуть РПЦ тот кредит доверия, который в непомерно большом количестве был получен ею после падения советской власти, но который она заметно успела растерять с тех пор. Увы, в силу того, что претензии на духовное водительство в обществе у названного претендента необычайно сильны, а реальный вклад в решение жизненно важных проблем, стоящих перед русским народом, пока малозаметен, говорить сегодня о значительных перспективах этой силы преждевременно.

Здесь следует предположить, как и в отношении НОД, что присоединение к Русскому Движению могло бы открыть для РПЦ небывалые перспективы. Но что мы видим вместо этого сегодня? Попытку (с негодными средствами) подменить это Движение собой, вытеснить его с политического поля... Неуместная конкуренция вместо продуктивного сотрудничества. На мой взгляд, недалёковидная позиция.

7. Коса на камень

Все перечисленные мною выше политические силы объединяет одно: они лишены “драйва”, они обращены либо к прошлому, либо к утопии. Они не способны дать большинству населения, уставшему от безыдейного, бессмысленного существования, ни мечту, ни надежду, ни цель жизни, ни план развития, Проект с большой буквы вместо конъюнктурных программ. Все они

немного напоминают белогвардейцев, всё проигравших из-за своей *безыдейщины*, “непредрешенчества”, не сумевших объяснить людям, за что стоит бороться, убивать и умирать.

Всё это: мечту, надежду, цель, проект – могут сегодня предложить только русские националисты. Предложить такому значимому большинству, как русский народ и поддерживающие его этносы. Эта Мечта, эта Надежда, эта Цель, этот Проект имеют свое имя: Русское национальное государство.

Понимание этого, возникшее в массах, есть важнейший итог 2013 года.

Прежде чем перейти к анализу итогов года для Русского Движения (РД), я хочу постулировать: реально в России осталось только две живые политические силы, имеющие потенциал роста, имеющие проект будущей России и могущие претендовать на роль вожака нации.

Это: 1) Путин и 2) русские националисты. Амбициозное мусульманское меньшинство я пока ещё не могу поставить в тот же ряд, хотя претензий там хватает, и самые смелые мечты о преобразовании России уже озвучены. По-терпевшие поражение либералы, конечно, тоже не сложат рук и оружия, но их социальная база в России слишком мала, чтобы надеяться на полноценную будущность.

Основные конкурирующие проекты: квазиимперия за счёт русских, но не для русских (у Путина) и Русское национальное государство (у нас, русских националистов) – радикально не совпадают друг с другом.

Не то чтобы точек соприкосновения не было совсем: сильная, суверенная Россия предусматривается обоими проектами. Но расхождения всё же слишком серьёзны, чтобы можно было мечтать о компромиссе. Возьмём, к примеру, интеграционные мечты, важные для обоих проектов. У русских националистов они не простираются далее Белоруссии (ибо мы с белорусами генетически и антропологически – один народ) и русского в целом Приднестровья. Дальнейшее расширение границ России может происходить только за счёт ирриденды – воссоединения частей разделённой русской нации. Но ни о Казахстане в целом, ни об Украине в целом, ни, тем более, о Прибалтике, Средней Азии и Закавказье в плане присоединения и речи быть не может. Путин же, подзуживаемый своими идеологическими оруженосцами типа Дугина или Кургиняна, грезит не то о безразмерной Евразии, не то о репликации СССР... Подобных примеров расхождения наших взглядов на должное и будущее немало.

Итак, признаем неизбежное: Путину и русским националистам предстоит конкурировать за духовную власть над русским народом.

Худший из возможных вариантов соперничества – возвращение сурковщины (даже без Суркова), то есть политики подавления Русского Движения. Худший, потому что расходится с ходом истории, с велением времени.

Не чувствуя русский народ с его проблемами, не зная, что ему предложить, а потому и не предлагая ничего существенного, Путин, на мой взгляд, имеет немного шансов увлечь русских за собой в новое “светлое будущее”.

Верный компас, указывающий перспективное направление истории, – только в наших руках, в руках русских националистов. Этот компас указывает единственное направление – в сторону Русского национального государства. И это тоже один из итогов 2013 года.

8. Веление времени

Правильно пишет академик И. Р. Шафаревич: “Выработал ли русский народ исторические инструменты адаптации за свою длинную историю? Кажется, что да. Это создание своего национального государства, цель и оправдание которого – защита народа, причём не только его границ, но и его духовной, экономической и даже чисто биологической жизни”.

Когда нас, русских, упрекают в отсутствии навыков консолидации, самоуправления, в низкой способности к самоорганизации, к солидарной деятельности, забывают почему-то, что у нас все эти функции выполняло русское национальное государство Русь, созданное нами ещё в XV веке, на которое мы привыкли полностью полагаться, а потому и освободили своё общественное сознание от подобных забот. Со временем эти функции перешли, в очень значительной мере, к Российской империи.

Образование Советского Союза не только лишило нас, русских, своей государственности, но и самим мечтам о ней положило предел, казавшийся непреодолимым. Однако Советский Союз продолжал заботиться о нас если не как о русских, то хотя бы как о согражданах.

Российская Федерация почти освободила себя и от этого минимума забот.

Сегодня в мире нет такой инстанции, которая осуществляла бы русский суверенитет и представительство, заботилась бы о русских правах и интересах, куда русский человек мог бы прийти именно как русский, со своими этническими проблемами.

Нам нужна родная Россия: Русское национальное государство (РНГ), чтобы снова наладить нормальную жизнь под его защитой. Нам нужно вернуть себе нашу естественноисторическую форму национальной самоорганизации.

Для начала – хотя бы такое же национальное государство, какие созданы всеми другими четырнадцатью нациями, входившими в состав СССР, по всему периметру России. И где теперь отнюдь не скрывают, что Казахстан – для казахов, Украина – для украинцев, Эстония – для эстонцев, Молдавия – для молдаван... Мы, русские, что – хуже, дурнее, глупее всех их?! Мы у бога телёнка украли, мы лишены какие-то в историческом плане? Ну, уж нет!

Превратить нынешнюю межеумочную, невнятную Российскую Федерацию в Русское национальное государство – вот веление времени. Те народы и племена, кто поможет русским в обретении своего государства, получат в награду полное равноправие. Те же, кто будет совать палки в колеса, тоже потом получают своё.

Мы, русские националисты, первыми поняли неизбежность и желательность такой метаморфозы и заговорили об этом ещё в 1990-е годы.

Либеральный лагерь, где сосредоточены сегодня сливки советского интеллектуального класса, также понял неизбежность этой метаморфозы, только оценил её с противоположным знаком – как нежелательную. И занялся было (в лице Э. Паина, Е. Ясина, И. Яковенко, Д. Фурмана, М. Ходорковского) созданием противовеса в виде национал-либералистской амальгамы – этакое троянского коня: по внешности и названию РНГ, но выстроенного по либеральным лекалам и напичканного либеральными ценностями. На эту обманку клюнуть могли, конечно же, только совсем уж молодые и сопливые националисты...

Есть особая категория нерусских патриотов России, которая также в ужасе от приближающейся перспективы РНГ (Михаил Леонтьев, Сергей Кургинян, Максим Шевченко и иже с ними), но предложить союз нам они не способны, а могут только плевать со стороны и кусать исподтишка. Бог им судья...

Те политики, что умом послабее нас и либералов, не видят грядущего преобразования *Эрэфии* в РНГ, не ощущают ни восторга, ни тревоги по этому поводу. Тем лучше.

Кто может и должен осуществить указанную вожделенную метаморфозу? Путин? Нет, у него совсем другие, противоположные намерения. Либералы? Не дай Бог! Эти с милой улыбкой положат нам в руку змею вместо рыбы и камень вместо хлеба. И ещё благодарить заставят!

Вернуть русскому народу Русское национальное государство способно только Русское Движение.

В 2013 году на Русском Марше наряду с привычными уже растяжками “Вернём Россию русским!”, “Россия – это русская земля!” или “России – русскую власть!” впервые пронесли большой транспарант: “РУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО”. Этот лозунг впервые был внесён и в резолюцию Русского Марша – причём первым пунктом как главное из требований.

Таков один из важнейших итогов года.

Мы определились с общей целью номер один.

9. Доктор болеет

Что же собой представляет сегодня Русское Движение (РД), на котором лежит такая ответственная историческая миссия?

Коротко говоря, можно определить так: Русское Движение есть политический авангард 150-миллионного русского народа, сознающий, выражающий и защищающий его этнические права и интересы. РД – растущий и уже весьма заметный в наше время политический фактор, уходящий своими корнями далеко в доперестроечные времена.

Судя по динамике его развития, следует ожидать, что в ближайшем десятилетии этот фактор будет многое определять в жизни России. Процесс роста русского национального самосознания, отождествляемого с русским национализмом, объективно имеет необратимый характер и не может быть остановлен произвольно. Можно утверждать, что Русское Движение также есть политическая проекция русского национализма. Ему, так или иначе, принадлежит будущее.

Подробный анализ РД на современном этапе, а равно исторический очерк о нём готовит автор этих строк. Здесь буду предельно краток.

Главное противоречие РД на данном этапе, мешающее его плодотворному развитию, состоит в том, что Движение приобрело подлинную массовость и активно стало развиваться в регионах – это с одной стороны. А с другой стороны – налицо кризис доверия всего Движения как такового, в целом, к московским лидерам и к наличествующим в центре организационным формам. Бывая в регионах, сохранив старые партийные связи в провинции, ведя обширную переписку с нею, я говорю об этом со знанием дела.

Несмотря на всем очевидные успехи, Русское Движение сегодня находится в организационном тупике и не имеет адекватного воплощения в лице достойной доверия избирателей партии, необходимость которой назрела. В связи с чем наблюдается определенное разочарование у не слишком опытных и стойких людей.

В этом смысле критическими был последние три года: 2011-й, 2012-й и 2013-й, когда выявилось расхождение между тем курсом, который взяли основные публичные лидеры РД – братья Поткины, Константин Крылов, Валерий Соловей, Иван Миронов – и теми ожиданиями, которые питают русские сознательные массы. (Ещё один претендент на лидерскую роль – профессор Пётр Хомяков – расстался с претензиями ранее при всем известных скандальных обстоятельствах).

Что же это за курс? В двух словах его великолепно обрисовал Станислав Белковский на правах одного из авторов: это – “национал-оранжизм”, то есть курс на лобовое, непримиримое, максимальное противостояние режиму, вылившееся в итоге в противоестественный союз с либеральной оппозицией. Этот курс впервые проявился в ходе памятной июньской конференции 2008 года и тогда же подвергся тотальной критике с моей стороны, повлекшей за собой мой выход из Оргкомитета Русского Марша.

Одна из неустрашимых причин того, что, в отличие от ряда братских республик, в России национал-оранжизм обречён на провал, состоит в том, что повсюду центр его поддержки находился вне самих республик, на что нам, русским, рассчитывать не приходится. Есть, конечно, и многие другие причины, о которых как-нибудь позже.

Сегодня с полной ясностью видно, что прав был я, а коллеги ошибались. Национал-оранжизм, порождённый Белковским, слишком сильно провонял серой (“Может ли негодяй делать что-либо, кроме негодного?” – спрашивал в подобной ситуации Марк Аврелий). Идущие этим курсом не вошли, а *вляпались в историю*. Не приблизившись ни на шаг к достижению наших конечных целей, они утратили одновременно как доверие масс (которые никогда не забудут и не простят им любовных шашней с либералами), так и возможность когда-либо встроиться в Большую Политику. Вместо того чтобы круто подняться на противодействии системным либералам, бунтующим за возвращение былых привилегий и своего места в обществе, недалёкие националисты-бунтари собственными руками сожгли все мосты, соединяющие их с Кремлём, а без них мечтать о серьёзной политике не приходится – таковы условия игры здесь и сейчас.

Конечно, дурной опыт – тоже опыт, но лучше бы меня в своё время послушались...

10. Точки роста и наши надежды

Понятно, что противоречивое, *подвешенное* положение Русского Движения не может длиться вечно. Этот маховик уже набрал свой ход и неостановимо наращивает обороты, особенно – что важнее всего! – в регионах.

Одним из важных итогов 2013 года, кстати, является не подлежащий сомнению факт: Русское Движение прочно прописалось в политическом пейза-

же России, который уже без него непредставим. Взять хотя бы тот объективный, уважительный тон, в котором – впервые за всю историю с 2005 года! – центральные СМИ освещали Русский Марш. (Напомню оценку ВГТРК, где Марш назвали самым заметным событием недели.) Взять хотя бы ту настойчивость, с которой союза с националистами искали *сислибы*. Ведь до самого конца КС они терпели участие русских националистов, хоть это никому на пользу и не пошло. Понимают: за нами драйв, за нами массы, за нами будущее. С нами нельзя не считаться.

Чутко реагирует пресса. Русская тема прочно прописалась на страницах почти всех крупных газет, кроме очень уж либеральствующих. Скажем, профессиональная, авторитетная и – что важно! – многотиражная “Литературная газета” заняла в целом патриотическую позицию. Русские националисты теперь уже – постоянные гости-эксперты на всех каналах ТВ. Но самое главное – регулярно выходит уникальный, замечательный журнал “Вопросы национализма”, на который можно вполне официально подписаться на почте. В 2013 году он отметил свою 3-летнюю годовщину. А ведь подобного журнала у нас и в мечтах-то раньше не было! Это достижение эпохальное. Можно как угодно относиться к Крылову как политику, главе НДП, но как редактор сайта АПН и журнала “ВН” он просто молодец, переоценить его заслуги невозможно. Ну, и уж вовсе не перечесть число сайтов и блогов, на которых идёт незаметная, но ежедневная русская работа, сливающаяся, в конечном счёте, в море массовых убеждений. Появились и ТВ-интернет-проекты нашего направления: “День-ТВ”, “Концептуал”. А зайдите в книжный магазин! От обилия книг со словом “русский” в названиях зарябит в глазах!

Что-то такое понимают, конечно, и в Кремле. Недаром Путин распорядился поддержать телепрограмму “Русский вопрос” (ведущий Константин Затулин; первоначально предполагался 1-й или 2-й канал, но из-за бешеного сопротивления остановились на ТВЦ). В Краснодарском крае действуют казачьи патрули (и казакам уже начали выдавать для этого оружие), такие же отряды по принципу добровольных народных дружин создаются и в других регионах, к сожалению, не с опорой на актив ДПНИ или Славянского Союза (ныне ЭПО “Русские”). Не власть действует, как правило, в порядке запоздалого реагирования, а не на опережение, поэтому число таких эксцессов, как Бирюлёво или Арзамас, все растёт (и будет расти! За первые дни после Нового года уже гроыхнуло в Перми и Астрахани), увеличиваясь и в частоте, и в массовости. На прямой диалог с русскими националистами власть пока всё никак не может решиться – ни в центре, ни на местах. Но рано или поздно ей это сделать придётся.

Я мог бы ещё долго перечислять достижения РД. Но – ближе к теме. Что нового принёс нам 2013 год, на какие точки роста указал? Я кратко откомментирую лишь три важнейших события.

На первое место я ставлю Русский Марш, который я считаю очень удавшимся. Он прошёл массово и мощно (кстати, впервые был отменён на ТВ запрет показывать РМ с высокой точки, панорамно, так что видно было, как огромная колонна теряется в туманном далеке), с участием самых разнообразных сил, в пестроте знамён и лозунгов, в полноте представительства. Но дело не только в этом. Проведению Марша предшествовала длительная – более года – идеологическая война против него и против его организаторов: Русский Марш пытались всячески дискредитировать. Причём не только открытые враги, нет, так называемые *друзья русского народа* усердствовали ещё больше. Взять хотя бы отравленную стрелу, пущенную Андреем Савельевым незадолго до 4 ноября с конкретной целью – облить грязью всех лидеров РД и оттянуть людей от нашего великого праздника на свой ничтожный маршик (см. об этом: <http://www.sevastianov.ru/novosti/russkiy-marsh-imosjka-iz-podvorotni.html>).

Итог и урок происшедшего именно в том и состоит, что роль и значение Русского Марша, общенародная потребность в нём выросли до такой степени, что русские люди выходят на него, не обращая внимания ни на какие мелочи, даже такие существенные, как политическое лицо организаторов (кстати, за что другое – а за оргработу им спасибо!).

Но марш понравился мне не только разнообразием и многочисленностью, не уступающей прежним годам. Он понравился мне и общим праздничным настроением людей. А пуще всего тем, что организаторы (Дёмушкин и дру-

гие) почувствовали важнейшие перемены в настроении масс – и отменили митинг. Под предлогом дождя. И слава Богу, поскольку ЭТИМ ЛИДЕРАМ сказать людям было уже нечего. Известно: иногда лучше молчать, чем говорить. Распустить митинг было гораздо умнее, чем повторить конфуз 2012 года, когда собравшиеся начали быстренько разбегаться при вполне ясной погоде, услышав с трибуны дикие вопли типа “Путина – на нары!” или бред безумцев про русское национальное восстание.

Давно пора понять: Русский Марш – мероприятие колоссального масштаба. Это не протестный выплеск энергии, а всенародный праздник русского национального единения, демонстрация нашей силы, сознания и воли.

Так что Дёмушкин был прав, ограничившись зачитыванием резолюции, где первым пунктом шло требование Русского национального государства.

На второе место я ставлю исторический Первый Съезд славян Ставрополя, прошедший за три дня до Марша. На деле, конечно же, это был русский съезд: по составу, по тематике, по решениям (подробности здесь: www.sevastianov.ru/novosti/velikiy-pochin.-otchet-o-pervom-sezde-slavyan-stavropolija-31-oktyabrya-2-noyabrya-2013.html).

Съезд дал пример и урок всем регионам России, в каждом из которых русские организации должны консолидироваться, должны создать свой представительный орган, призванный решать текущие политические проблемы русского населения региона. Именно с таким предложением обратился Съезд ко всем русским организациям России. Самоорганизация русского народа начнётся с регионов, сегодня мне это уже ясно. Следом за Ставрополем аналогичные съезды готовятся в Ростове, Воронеже и других регионах.

Понятно, каким будет следующий шаг после того, как русские силы во всех регионах России самоорганизуются и консолидируются. Тогда можно будет ставить вопрос о Всемирном съезде русского народа – с последующим избранием представительного руководящего органа для всех русских поверх границ и регистрацией этого органа в России и/или за рубежом.

Обретение русским народом своей правосубъектности – вот Альфа и Омега русского возрождения, вот главный шаг на пути к Русскому национальному государству.

Ситуация развивается именно в данном направлении, она почти созрела. Во многом это связано с доформированием элиты, её “провинциализацией”, как отмечает Ольга Крыштановская, возглавляющая сектор элит Института социологии РАН. “Провинциализация элиты” означает для нас, попросту говоря, возможность появления нового купца Козьмы Минина с последующим включением хорошо известного русским алгоритма Русского Освобождения.

На третьем месте – массовые проявления боевого духа русского населения, возрастающего, отмечу особо, по мере развития национального самосознания. События в Пугачёве, в Бирюлёве, в Арзамасе... Только что чудом такое же проявление (через обретшие популярность народные сходы) было остановлено в Перми и Астрахани...

По сравнению с тем, что было в Кондопоге, Сагре и др., эти всплески активности гораздо более массовые и гораздо менее стихийные. Характерны заголовки в прессе: “Пугачёво в Бирюлёве”, “Бирюлёво в Арзамасе”. Они верно подчёркивают, что речь идёт не о случайных вспышках насилия, а о системном явлении: народное терпение кончается, русская народная масса жаждет радикальных перемен и готова воспользоваться любым поводом для проявления своего настроения.

Подчёркивают они и то, что объектом возмущения являются не власти в целом (жизнь меняется к лучшему в её материальных показателях), а конкретные чужеродные элементы на русской земле. Не правительственные учреждения, а рынки и торговые базы... Не против князей и бояр встаёт народ, а начинается Освободительное Движение против тех, кого он считает захватчиками, пришельцами, вторженцами.

* * *

Итак, суммирую.

Судьба России сегодня напрямую зависит от судьбы Русского Движения. От того, насколько оно будет разумным, ответственным, адекватным истори-

ческой ситуации, насколько способно будет эту судьбу предначертать, защитить и воплотить.

Отсюда первое требование момента: Русское Движение необходимо переформатировать. Превратить его в надежду всего русского народа, а с ним и всей здравомыслящей России. Дать людям Мечту и Проект. Обратит народ не к разрушительным и бунтовским, а к конструктивным, созидательным целям и задачам, среди которых на первом месте – воссоздание Русского национального государства из нынешней промежуточной, переходной формы – Эрэфии.

Второе требование момента: перенос центра тяжести нашей работы в регионы. Повторяется алгоритм Смутного времени, когда Москва точно так же исчерпала свой политический ресурс, и восстановление Русского национального государства началось из провинции. Москва остаётся пока центром интеллектуального русского национализма (хотя и в регионах уже возникают серьёзные лидеры). Она может быть удобна как координационный центр. Но *рулить* Русским Движением из Москвы уже не получается, оно переросло те границы управляемости, что были до сих пор. И сегодня именно в регионах, а не в Москве формируется тот костяк Русского Движения, который своим коллегиальным решением будет определять, кому доверить своё будущее.

Третье требование момента: пора задуматься о создании единой русской партии под стать единому Русскому Движению. Партия – это уникальный инструмент политики, без которого полноценное политическое существование народа невозможно, как ни крути. Период создания столичных микропартиек закончился, наглядно показав всем за последние два года свою ущербность и несостоятельность. Никто из тех, кто пытался заявить о себе как о новой силе, не добился сколько-нибудь заметных результатов.

Нам предстоит заново, двигаясь, как я уже сказал, от регионов к центру, подчиняя центр воле регионов, перебрать людей, никого не выкидывая из РД и не хороня заживо, но каждого ставя на то место, где ему сподручнее всего проявить свои возможности.

Но главное – нам предстоит переопределить облик, имидж Русского Движения, сделав его притягательным, привлекательным не только для большинства населения, но и для людей, способных быть витриной русского народа. Лучшие русские люди – учёные, писатели, актёры, люди искусства, военные, спортсмены – должны выходить с нами плечом к плечу на Русские Марши, вступать в русскую партию. Ну и, конечно, вся русская молодёжь должна быть у нас, должна проникнуться нашей Правдой.

Тогда – и только тогда! – мы сможем быть спокойны за русское будущее.

ТАТЬЯНА ШИШОВА

ГЕНДЕРНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ ПАЛАТА НОМЕР ШЕСТЬ

Есть вещи, о которых лучше не знать и не думать. Но лишь до той поры, пока они не представляют реальной угрозы. Скажем, в мирное время мирным гражданам необязательно опознавать по звуку летящие бомбардировщики и уметь гасить зажигательные бомбы. А в войну эти знания многим помогли спастись. В информационной войне всё очень похоже. Если её раскаты раздаются за тридевять земель, можно и не вникать, как именно охмуряют доверчивых граждан на другом конце света. Но слишком долго пребывать в блаженном неведении нежелательно, иначе тебя победят, а ты даже не сообразишь, что случилось и почему.

“Гендерный вопрос” из разряда тех, которыми следует поинтересоваться пораньше, хотя ужасно не хочется. Но надо преодолеть нежелание, ведь противник уже пересёк наши границы и даже успел окопаться на нашей территории. Ещё недавно в России и слова-то “гендер” не знали, а теперь “по гендеру” дипломы пишут, ученые степени получают.

Однако пора, пожалуй, кое-что прояснить. Казалось бы, в чём проблема? Есть мужчины, есть женщины. Ну, ещё бывают – крайне редко! – гермафродиты. Однако в Европе и Америке так уже не считают. Там, похоже, всерьёз поверили, что биологический пол (мужской или женский) – это одно, а гендер (то, кем человек себя ощущает) – другое. И что гендеров не два, а больше. Школьники в этих странах проходят на уроках, что бывают трансгендеры, транссексуалы, трансвеститы и даже пангендеры. Так называют человека, который не относит себя ни к мужчинам, ни к женщинам. Это может быть некая смесь (чего-то больше, чего-то меньше), может быть и бесполость. А может – для верности я сперва процитирую по-английски, настолько это мудрено звучит, – *another gender altogether*. Наверное, следует перевести это как “обюдопость”.

КАК СОЗДАВАЛАСЬ НОВАЯ НАУКА

Но прежде чем плутать в этих дебрях, обратимся к истокам. В 1955 году психолог Джон Мани (John Money) начал высказывать в печати весьма эксцентричные взгляды. Он утверждал, что дети рождаются “гендерно-нейтральными” и лишь затем, в процессе социализации, усваивают модели поведения, характерные для мужского или женского пола. Да, у мальчиков и девочек разный набор хромосом и анатомически они несколько различаются, однако это, считал американский специалист, мелочи. Главное – какие установки получает ребёнок в первые три года жизни. Если мальчику в младенчестве сделать

операцию по смене пола и затем соответствующим образом его воспитывать, то он привыкнет чувствовать себя девочкой и станет ею.

Вскоре подвернулась возможность проверить теорию на практике. Родители маленького Брюса Реймера, увидев Мани по телевизору, обратились к нему за помощью. В их семье произошла страшная трагедия. Совсем недавно, всего восемь месяцев назад, они так радовались появлению на свет здоровых, симпатичных близняшек, и вот случилась авария, в результате которой один из сыновей оказался искалечен: его мужской орган был почти уничтожен. Мани утешил убитых горем родителей и взялся за дело. А в год и десять месяцев малыша Брюса кастрировали, назвали Брендой и стали одевать в платья с кружавчиками. Родные и знакомые дарили ему кукол, а его брату-близнецу – машинки. Падкие до сенсаций журналисты разнесли эту историю по миру, и теория американского ученого быстро превратилась в догму. Теперь и в других странах врачи рекомендовали родителям, столкнувшимся с подобной ситуацией, сменить сыну пол и перенастроиться на воспитание девочки. Мани прославился. Случай из его практики стал хрестоматийным. Правда, он уже 20 лет не имел известий о своём пациенте, но не сомневался, что всё в порядке. В 1996 году Мани переиздал книгу “Мужчина и женщина, мальчик и девочка”, в которой повествовалось о сногшибательном успехе эксперимента с Брюсом.

Однако год спустя подопытный в пух и прах разбил утверждения мэтра. Появившись перед изумленной публикой, возмужавший Брюс (которого теперь звали Дэвидом) рассказал, что ни одной минуты не чувствовал себя девочкой, несмотря ни на какие ухищрения родителей, психологов и врачей. Он отказывался играть в куклы и учиться готовить, бегал, прыгал и боролся, как мальчишка, за что одноклассники, не знавшие об операции по смене пола, а просто видевшие, что “Бренда” какая-то “не такая”, прозвали беднягу “пещерной женщиной”. Во втором классе “Бренда” хотела быть мусорщиком, а в восьмом – автомехаником.

Наконец, когда “Бренде” исполнилось четырнадцать, психиатры, тщетно пытавшиеся вылечить её от излишней мужественности, убедили родителей поведать сыну правду. И подросток испытал огромное облегчение. “В моей голове вдруг всё встало на место, – вспоминал впоследствии Брюс-Бренда-Дэвид. – Я понял, что я не придурок, не сумасшедший!”

К тому моменту, как Брюс отважился обнародовать свою историю, он уже был женат, имел троих приёмных детей и работал вахтёром на мясокомбинате.

Ну, а что же горе-экспериментатор? Он признал свою ошибку, отказался от вздорных и весьма небезопасных (ведь не понимавший подоплёки своей “инаковости” подросток был на грани самоубийства!) идей? – Отнюдь! Учёный муж лишь прекратил упоминать об этом случае в печати. Но от своих воззрений на гендер и не подумал отказываться. Тем более что к тому времени гендерная теория получила мощную поддержку той части мировой элиты, которая всерьёз занялась переустройством мира по глобалистским рецептам. А это, как теперь уже всем очевидно, означает не только отмену суверенитета государств, но и разрушение традиционных ценностей, замену их извращёнными представлениями буквально во всех областях. В том числе (а может, и в первую очередь!) в области половой морали. Поэтому, сколько бы Брюсов ни возвышало голос, разоблачая шарлатанство “великих новаторов”, их вздорные идеи всё равно выдаются за незыблемую истину и упорно вдалбливаются в головы миллионов людей. Точно так же обстоит дело с теорией происхождения человека от обезьяны: всякий раз, когда выявлялось, что обнаружение очередного “промежуточного вида” – подделка, пресса старательно замалчивала правду. И в образовательных программах, в музеях мира и т. п. фальсификации до сих пор выдаются за истину.

А в последние годы на Западе уже перешли от пропагандистской арт-подготовки к фазе активных действий и стали принимать законы, которые под угрозой огромных штрафов или даже тюремных наказаний принуждают людей соблюдать “гендерное равенство”, то есть мириться с извращением мужской и женской природы, предоставлять гомосексуалистам, лесбиянкам, бисексуалам и прочим содомитам право заключать официальные брачные союзы, усыновлять детей, быть воспитателями в детских садах и учителями в школах и открыто, не таясь, сворачивать мозги детям на уроках “сексуального просвещения”, включённых в обязательную школьную программу.

Мы с моей коллегой и соавтором И. Я. Медведевой начали говорить об угрозе такой “защиты прав человека” лет этак пятнадцать назад, и многим долго казалось, что мы преувеличиваем, занимаемся “алармизмом”, выдумываем “страшилки”. К счастью (хотя истинным счастьем было бы вообще не сталкиваться с подобного рода вещами!), наше общество всё-таки успело пробудиться до попадания в гендерно-ориентированное “королевство кривых зеркал”. И теперь в ужасе взирает на творящуюся там вакханалию, которая буквально с каждым месяцем становится всё чудовищней.

ЧЕМУ ВЫ УЧИТЕ МОЕГО РЕБЕНКА?

Когда мне дали почитать книгу Мириам Гроссман “Чему вы учите моего ребенка?”, я, признаться, не ждала от неё никаких открытий. В середине 90-х, работая над рукописью “Наследники царя Ирода”, мы с И. Я. Медведевой вдоль и поперёк изучили проблему секс-просвета, проштудировали гору программ и пособий и были уверены, что нас уже ничем в этой области не удивишь.

Но ошиблись! Расчеловечивание в сфере половой морали идёт настолько быстрыми темпами, что программы пятнадцатилетней давности, от которых нас брала оторопь, на фоне нынешних выглядят чуть ни не благопристойно. Нынче СИЕКУС (Sex Information and Education Council of the US – организация, внедряющая “всестороннее сексуальное образование”) и прочие “планировщики семьи” убеждают школьников в том, что сексуальная ориентация и гендерная идентичность – это совершенно разные вещи. Первая обозначает то, к кому ты испытываешь влечение, а вторая – представителем какого пола ты себя ощущаешь. И выбор тут настолько огромен (гомосексуализм и лесбиянством дело не ограничивается), что человеку может не хватить целой жизни для определения, кто же он на самом деле. К примеру, на одном секспросветовском американском портале для девочек изображены аж 23 силуэта, окрашенных в различные оттенки розового цвета, символизирующего лесбиянство. Другой интернет-портал учит, что сексуальная ориентация – это вообще нечто сугубо индивидуальное: сколько людей – столько и ориентаций. Ну, а чтобы выяснить, кто ты, естественно, нужно попробовать. Это всерьёз называется самоидентификацией, поиском себя и даже личностным ростом! Аббревиатура ЛГБТ (LGBT), про которую большинство наших “лично неразвитых” соотечественников наивно спрашивает: “Что это такое?” – уже успела дополниться на продвинутом Западе пятой буквой Q – questioning. Она обозначает детей, подростков и взрослых, которые так и не определились со своей “идентичностью”. Что, впрочем, тоже нормально, уверяют просветители. Они, быть может, даже более ценная категория граждан, нежели все остальные. Ведь это так креативно: вечно что-то выдумывать, экспериментировать, искать и не останавливаться на достигнутом!

Книга М. Гроссман изобилует высказываниями подростков и их “секс-наставников”. Высказываниями, которые невозможно привести по причине их запредельной непристойности. Но одну цитату я всё же себе позволю, чтобы читатели хоть немного поняли, куда зазывают их творцы “прекрасного нового мира”.

“Читайте внимательно, иначе запутаетесь, – предупреждает Гроссман. – Кейт (которая раньше звалась Элом) родилась мальчиком, и её воспитывали, как мальчика. В подростковом возрасте мальчик на несколько лет “стал женщиной”, но затем “прекратил быть женщиной и стал гендерно-нейтральным, то есть никем”. Его (её?) любовница Катерина решила “стать мужчиной” и переназвалась Дэвидом. Кейт (на самом деле Эл) и Дэвид (Катерина) жили вместе, образовав “гетеросексуальную пару”. Но когда Дэвид (на самом деле Кейт) “открыл в себе свою гомосексуальную часть, их отношения прекратились”, после чего Кейт Борнштейн (бывший Эл) написала на основе своего богатого опыта 300-страничный манифест “Как стать настоящим мужчиной, настоящей женщиной, открыть свою истинную сущность или стать кем-то совсем другим”. Себя она (он?) после долгих метаний отнесла (отнёс?) к разряду “совсем других” и надеется “демонтировать общепринятую гендерную систему”, причём в масштабах целой планеты!

Пожалуй, это уже не “королевство кривых зеркал”, а “палата номер шесть”!

Причём разрастается эта палата прямо на глазах. Американские студенческие кампусы всё чаще обзаводятся “гендерно-нейтральными” общежитиями и туалетами. В университете Уэсли уже не интересуются полом студентов, а просят “описать историю их гендерной идентичности”. В Гарвардской школе бизнеса абитуриентам позволяют отнести себя к одному из трёх, а не двух полов. В колледже Смит и других женских колледжах, где до недавнего времени обучались исключительно девочки, теперь появляются мальчики. Нет, на самом деле мальчиков туда по-прежнему не берут, дабы не нарушать традицию. Однако некоторые девочки во время обучения... становятся мальчиками! Вот и приходится их доучивать уже в этом качестве. В четырёх кампусах Калифорнийского университета студентам по страховке оплачивают терапию гормонами и операции по перемене пола. А в Массачусетском университете утверждение, что мир делится на мужчин и женщин, квалифицируется как “трансфобия” и считается предосудительным.

В этой новой конъюнктуре замыслы Кейт Борнштейн по радикальной гендерной перестройке мироздания уже не выглядят нелепыми фантазиями. По крайней мере, её (его?) лекция “О мужчинах, женщинах и о нас – остальных” пользуется огромной популярностью. Кейт выступает с ней и в Йеле, и в Брауне, и в Эмори, и в Миннесотском университете, и в университете Южной Флориды... Основная мысль, которую лектор(ша) старается донести до аудитории, состоит в том, что половая биполярность держит людей в тисках, сковывая их свободу. Поэтому считать себя мальчиком или девочкой “неестественно и не нужно”.

ПОЧЕМУ МАЛЬЧИКИ ЛЮБЯТ БОРОТЬСЯ И КАТАТЬ МАШИНКИ?

Но смех смехом (хотя и смех-то сквозь слёзы!), а существуют вполне объективные научные данные, доказывающие нелепость “гендерной теории”. “В 60-х г<одах> прошлого века, — пишет М. Гроссман, — рассуждения насчёт гендерной нейтральности младенцев выглядели правдоподобно, однако в XXI веке это неприемлемо. Пятьдесят лет назад в науке господствовало убеждение, что Y-хромосома почти не содержит важной информации. Учёные считали, что, хотя от неё и зависит каким-то образом формирование мужских половых признаков, в основном это “генетический мусор”. Ну, а коли мужчины и женщины имеют, в сущности, одну и ту же генетику, то различия между ними обусловлены не биологическими, а социальными факторами: тем, какие установки транслирует общество мальчикам и девочкам и чего от них ждёт.

Однако после биотехнологической революции такие рассуждения являются верхом невежества. Теперь генетики знают, что Y-хромосома, без которой невозможно развитие мужского организма, содержит особый детерминирующий ген, определяющий дифференцирование мужских половых желёз и синтез ими тестостерона. Причём этот ген есть только у представителей мужского пола. Иными словами, мальчики и девочки отличаются друг от друга с момента зачатия. Мани и прочие сторонники гендерной теории уверяют, что мальчики любят бегать, прыгать, бороться и катать машинки, поскольку их на это нацеливают с раннего детства.

— Ерунда! — возражают нейробиологи. — Им всё это нравится, потому что так у них работает мозг. В этом “виноват” ген, который отвечает за выработку тестостерона. Если тестостерон не вырабатывается, то мозг плода развивается по женскому типу. Эти различия возникают, когда зародыш ещё величиной с фасолинку, а будущая мать зачастую даже не догадывается о своей беременности.

Многочисленные научные исследования, проведённые в последние десятилетия, свидетельствуют о том, что различия в поведении мальчиков и девочек (к примеру, большая чувствительность девочек к оттенкам эмоций других людей) связаны с особенностями раннего развития мозга. Младенцы, которым всего один день от роду, ещё не успев, естественно, усвоить какие бы то ни было “гендерные стереотипы”, уже демонстрируют выраженные половые различия в поведении: мальчики дольше задерживают взгляд на движущихся объектах, а девочки — на лице человека (см.: Jennifer Connellan, Simon Baron-

Cohen, Sally Wheelwright, Anna Batki, Jag Ahluwalia “ex differences in human neonatal social perception”, *Infant Behavior and Development* 23. 2000. P. 113-18). Годовалые девочки опять-таки проявляют больше интереса к видеоизображениям лиц, а мальчики – автомобилей. И в год, и в два девочки в среднем чаще, чем мальчики, устанавливая с матерями контакт “глаза в глаза”. Светлана Лучмайа, Симон Барон-Козн и Питер Раггатт в 2002 году выявили любопытную корреляцию таких контактов с пренатальным уровнем тестостерона (мужского гормона): чем он был выше, тем меньше ребёнок выдерживает взгляд другого человека (см.: Svetlana Lutchmaya, Simon Baron-Cohen, Peter Raggatt “Fetal testosterone and eye contact in 12-month-old human infants”, *Infant Behaviour @ Development* 25. 2000. P. 327-35).

Но авантюристам, пытающимся перекроить мир по своим утопическим лекалам, неинтересны научные факты. Наука нужна им в качестве служанки – только до той поры, пока она подтверждает их вздорные измышления. Поэтому, хотя научных работ, подтверждающих существование врождённых генетических различий между мужским и женским мозгом и связанных с этим поведенческих характеристик, уже достаточно много, сторонники “гендерной свободы” упорно талдычат своё. И используют все рычаги, чтобы навязать несогласным эту самую “свободу”.

НАУКА ПОДТВЕРЖДАЕТ БИБЛИЮ

Столь ошеломительных успехов в пропаганде извращений Запад достиг благодаря обману. Людей убедили в том, что гомосексуальность является генетически обусловленной. А коли так, то протестовать бессмысленно: против природы не пойдёшь. Тем более что природу и вообще всё естественное в XX веке стали преподносить в качестве сверхценности. Лозунги “что естественно, то не стыдно”, “будь самим собой” и т. п. стремительно овладевали умами, доводя некоторых граждан до полного безумия.

Конечно, если бы люди не отпали от веры, подобный обман не прошёл бы. Памятуя о страшной судьбе Содома, они бы с негодованием отвергли предложение повторить его гибельный путь. И с лёгкостью опровергли бы доводы о том, что у содомитов якобы другая природа, а значит, они не виноваты, их просто надо принимать такими, какие они есть. Верующие знают, что Господь не сотворил зла, Он благ и безгрешен. И если бы содомия не была грехом, то за что было уничтожить Содом? Однако память об этом уничтожении навеки вошла в историю человечества в качестве грозного предупреждения о неотвратимости Божией кары за содомский разврат, ставший нормой жизни общества.

Но людям, утратившим веру, Бог не указ. Они называют подобные доводы суевериями и требуют научной аргументации. Что ж, Господь позаботился и об этом. За последние двадцать лет в США, Австралии и скандинавских странах было проведено восемь крупных исследований однойцевых близнецов. И все учёные сделали вывод, что гомосексуалистами не рождаются. Дело в том, что однойцевые близнецы имеют одинаковые гены и внутриутробно развиваются в одинаковых условиях. Поэтому будь гомосексуализм или лесбиянство врождёнными, это бы проявлялось у обоих братьев и сестёр. Однако исследования показывают иное. В 2002 году Бирман и Брюкнер провели опрос нескольких десятков тысяч подростков, обучавшихся в США. Среди однойцевых близнецов влечение к своему полу совпадало лишь у 7,7% юношей и 5,3% девушек. Австралийское исследование, проведённое Бейли и др. в 2000 году, дало результат чуть повыше – 11% и 14%, но сути это не меняет. Доктор Уйтхед, защитивший диссертацию в области биохимии и статистики, считает, что влечение к своему полу обусловлено не родственными факторами, а некими событиями, которые с одним из близнецов произошли, а с другим – нет, или же индивидуальной реакцией одного из близнецов на события, которые произошли с обоими. К примеру, кто-то мог подвергнуться сексуальному насилию, а кто-то – нет, один брат поддался развращающему влиянию среды, а другой проявил бóльшую устойчивость (см. подробнее www.cultur-olog.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1695&Itemid=5).

ЧТО ЕЩЁ НЕОБХОДИМО ЗНАТЬ РОДИТЕЛЯМ?

Давно известно, что женский алкоголизм и женская наркомания протекают гораздо тяжелее, чем у мужчин. А недавно появились научные работы, доказывающие, что и извращенческая гендерная пропаганда наносит женщинам больший урон (хотя, конечно, и для мужской части населения она далеко не безобидна). Д-р Лайза М. Даймонд, профессор из университета Юты, в течение 10 лет наблюдала за “развитием сексуальной идентичности” около ста молодых женщин, извративших свою женскую природу (лесбиянок, бисексуалок и “не определившихся”). Это первое столь длительное исследование в истории вопроса, и сделанные открытия, по словам автора, “серьезно и системно” противоречат существовавшим ранее представлениям. Начать с того, что большинство испытуемых даже не подозревали о своих нетрадиционных пристрастиях, пока не начали об этом задумываться под влиянием соответствующей пропаганды. Да, у них, как и у подавляющего большинства девочек на белом свете, были близкие подруги, с которыми они делились своими девичьими секретами. Но им и в голову не приходило испытывать к подружкам любовь и нежность иного, не дружеского толка, пока кто-то авторитетный не просветил их относительно нормальности и желательности соответствующих поисков. После “инициации” поиски продолжились. 2/3 опрошиваемых как минимум один раз за время исследования сменили “идентичность”, а 1/3 — два и более раз. Причём со временем скорость изменений только наращивалась. По признанию женщин, с годами их неуверенность в том, кто же, в конце концов, им нужен, возрастала.

А самое удручающее открытие Лайзы М. Даймонд состоит в том, что нестабильность половой идентичности у женщин может быть “запущена”, как запускается развитие многих других патологических процессов. И происходит это опять-таки под воздействием развращающей информации или под влиянием окружающей среды. Иными словами, если бы девушки были в своё время ограждены от влияния тех, кто норовит сбить их с пути истинного, они не превратились бы в сексуально озабоченных существ неопределённого пола, а стали бы, войдя в брачный возраст, нормальными женами и матерями. Забота же о нравственности дочерей возложена Богом на их отцов и матерей. Что называется, “читающий да разумеет”.

К счастью для наших родителей и к вящей горести отечественных и западных содомитов, Россия законодательно запретила вести в детско-подростковой среде пропаганду гомосексуализма и прочих разновидностей “нетрадиционных отношений”. Это большое подспорье, но успокаиваться родителям рано. Их бдительность и инициатива, безусловно, повлияют на применение закона на практике. А от этого, в свою очередь, будет зависеть духовно-нравственное, психическое и во многом физическое здоровье детей.

ОЛЬГА СВЕРДЛОВА

ИСТОРИИ ЛЮБВИ И НЕНАВИСТИ

От чего всё-таки зависит, будем мы счастливы в браке или нет? Считать, что человеку повезло, судьба к нему благосклонна, и потому он в подарок получил прекрасного мужа или жену, как-то очень обидно. Получается, что всё зависит от фортуны, случая, встретим мы хорошего человека или нет. Но мы так привыкли к рукотворному созиданию своей жизни, что отдавать на волю случая свою судьбу, семейную жизнь, представляется нам неразумным.

А может, что-то зависит и от нас — от нашего выбора, умения разбираться в психологии другого человека, от нашей мудрости отторгнуть то, с чем невозможно смириться, или, наоборот — принять то, на что не следует обращать внимание.

В телепередаче “Как бороться с одиночеством” сидят и психолог, и астролог, и сваха, предлагая женщине несколько женихов на выбор. И все они в подборе гармоничной пары руководствуются не только здравым смыслом, житейским опытом, но и какими-то знаниями. Значит, есть некие законы, признанные профессионалами, но не известные нам. И всё-таки следует согласиться, что им редко удаётся соединить людей в браке. Действуют какие-то непонятные, на первый взгляд, силы, когда мы выбираем себе супруга.

Все мы знаем слова, которыми открывается роман Л. Н. Толстого “Анна Каренина”. Толстой писал, что “все счастливые семьи похожи друг на друга, а вот каждая несчастная семья несчастлива по-своему”. А мне кажется, всё наоборот. Несчастной семью сегодня делают очень типичные обстоятельства, которые несложно перечислить, так как их не так уж много, и о них чаще всего говорят при разводе в суде: не сошлись характером или разлюбили, богатство или, наоборот, бедность разрушили тот хрупкий мир, который был между супругами, что он или она слишком любвеобильны и нашли своё счастье на стороне.

А вот насколько одна счастливая семья может быть не похожа на другую, бывает просто удивительно, и секрет счастья таких людей невозможно разгадать.

Казалось бы, и живут трудно и бедно, и здоровьем не блещут, и характеры трудные, и квартира маловата для большой семьи, и работают много и тяжело, а вот любят друг друга и счастливы, когда все собираются вместе. Скажете, что здесь что-то загадочное, не подвластное разуму, объяснимое только эмоциями.

Думаю, что нет. Внутренние связи, интерес друг к другу и ответственность перед вверенными тебе судьбой людьми скрепляют такие браки. Доброта и невозможность причинить друг другу боль или страдание, и ещё мно-

го чего такого, что определяет человечность, душевность, и создаёт особый микроклимат в такой семье. Когда домой спешат, когда неинтересно проводить время где-то вне дома, когда в семье тебя уважают, радуются твоим успехам, а неудачи общие, когда утешают и благословляют на самые трудные поступки и стараются сказать друг другу что-то приятное, похвалить за какие-то умения, способности, дела, пусть незначительные, но важные для всех, живущих вместе, — поблагодарить за вкусно приготовленный обед или починенный кран, вбитый гвоздь или подаренный пустяк, — тогда-то люди и бывают счастливы вместе.

Но есть люди просто несовместимые, когда характеры — прямо противоположные, и вот тут-то, казалось бы, ничего не поможет, и конфликты неизбежны, — ан нет! они счастливы, хотя часто ссорятся, и злятся, и раздражаются.

... Он — педантичен, предельно аккуратен и дисциплинирован, она — полная ему противоположность: хаотична, беспорядочна, рассеянна, невнимательна, сосредоточена вся на внутренней жизни, а то, что делается вокруг, её мало интересует.

Она всегда опаздывает. Без конца всё теряет, а потом ищет несколько дней — то ключи, то документы, то квитанции, то счета. Но зато творческий потенциал очень высокий. В работе добились больших успехов, о ней говорят как о перспективном исследователе.

Пока встречались, и была романтическая влюблённость, всё это не раздражало, даже было как-то оригинально, над этим мило посмеивались и он, и она. Но когда стали жить вместе, и ушла страсть, первая влюблённость, исчез романтический флёр, который прикрывал все неприятные особенности характера, пришло глухое раздражение, отравившее отношения, и сделало совместную жизнь невыносимой. И тогда она поняла, что если не изменится, то потеряет любимого. И произошло чудо.

Вы будете удивлены, но женщины способны на всё, если любят, даже изменить свою природу. Стала следить за собой постоянно, поставила задачу, которую надо обязательно решить, как в научной работе. Составила список, от чего надо избавиться в первую очередь, и начала с того, что перестала опаздывать. Ломала себя постоянно, от этого испытывала дикий дискомфорт. Дело дошло чуть ли не до нервного срыва. Но на карту была поставлена вся её жизнь, и она справилась — с собой, со своей природой, со своим характером. А муж, увидев, каких невероятных усилий стоила жене переделка себя, зауважал её ещё больше. Ну, а что касается любви, когда он понял, что она ломает себя ради него, это не могло не сказаться на их отношениях.

А теперь о спектакле, о котором не могу не сказать, так как он напрямую касается темы нашего разговора.

Это спектакль-признание, в основу которого положены воспоминания и письма Анны Григорьевны Сниткиной, в замужестве Достоевской, о своей жизни. Он называется “Я была счастлива” и заставляет по-новому посмотреть и на свою жизнь, на бытовые трудности, которые кажутся нам порой непреодолимыми, на сложности характеров близких и вообще меняет наши представления о том, что такое счастье. Начинаешь радоваться и ценить то, что имеешь.

Самое удивительное, что о своём счастье говорит, казалось бы, самая несчастливая женщина с точки зрения современных представлений о счастье — Анна Григорьевна Достоевская, жена великого писателя, который не раз стоял на краю пропасти и мог невольно затянуть туда всю свою семью.

Жизнь, полная страданий, — материальные бедствия, кредиторы, вечно висевшая над ними забота об уплате долгов по векселям, причём в основном сделанных не Достоевским, а умершим братом, оставившим на его попечение всю свою семью, где было четверо детей, страшная болезнь — эпилепсия, безудержная страсть к рулетке и тяжёлые дни проигрышей, когда просаживал всё до копейки и вновь и вновь просил, чтобы ему выслали денег, смерть первого и последнего ребёнка, “пасмурный, капризный характер, надломленный и испорченный судьбой”, как сам о себе говорил писатель, пасынок, сын первой жены, пакостный и коварный, живущий вместе с ними до отъезда их за границу и считающий, что “папа” (отчим) обязан содержать его до конца жизни, и многое, многое другое могло бы отравить жизнь любой женщины, но не Анны Григорьевны, для которой жизнь с гениальным писателем была великим подвигом самопожертвования, но и великим счастьем.

Они были очень разными. Ему необходимо было общение с друзьями, единомышленниками, почитателями его таланта, а она была счастлива в единении с мужем и детьми, ей больше никто не был нужен.

Он был эстетом, любил красивые вещи, когда мог себе это позволить, а она даже не обращала внимания на свою внешность, не одевалась и не причёсывалась по моде.

Он был щедр и расточителен, доверчивый и беспомощный в житейских делах, а она крепко стояла на земле, была практична, порой прижимиста и скупа. Но её рациональность и расчётливость давали возможность семье выжить и даже в самые тяжёлые времена обеспечить какое-то материальное благополучие.

Она вышла замуж не по великой страсти, а больше “по головной любви”, это было “скорее обожание, преклонение перед человеком, столь талантливым и обладающим такими высокими человеческими качествами”. Была “хватавшая за душу жалость к человеку, так много пострадавшему, никогда не видевшего радости и счастья”.

Это были высокие чувства юной неопытной девушки, но суровая жизнь могла развеять эти романтические представления. Из робкой застенчивой девушки она превратилась в женщину с решительным характером, которую не испугала борьба с житейскими невзгодами.

Различие характеров, как ни странно, не стало причиной конфликтов, непонимания, отчуждения, а превратило их союз в редкое единство.

Л. Н. Толстой, встретившись с Анной Григорьевной, в конце беседы сказал: “Многие русские писатели чувствовали бы себя лучше, если бы у них были такие жёны, как у Достоевского”.

Может быть, он имел в виду и себя. Ведь Софья Андреевна, жена Толстого, хотя и любила мужа, тем не менее, не понимала до конца. Какой трагедией обернулась для Толстого его жизнь с ней в последние годы! Она думала, как обеспечить семью и детей, и потому делала всё возможное, чтобы он не отказался от собственности на землю и от гонораров от издания его произведений. А жена Достоевского, понимая мужа, отдавала ему последние деньги.

В отличие от Натальи Николаевны, жены Пушкина, которую не интересовало творчество поэта и у которой не было желания слушать стихи мужа, Анна Григорьевна читала произведения Достоевского по несколько раз, знала досконально некоторые его вещи, и больше всего на свете любила слушать, как он читал главы из своих произведений.

Как научиться терпеть и прощать, когда муж закладывает твоё последнее пальто, чтобы выкупить шубу жены умершего брата? Или молчать, не жаловаться, когда пасынок наговаривает на тебя, и от него ждёшь какой-нибудь пакости каждую минуту? Когда жена умершего брата делает тебе бесконечные замечания по ведению домашнего хозяйства в присутствии Фёдора Михайловича, сравнивая тебя с его первой женой? Страдая и испытывая горечь от невозможности избавиться любимого человека от пагубной страсти, тем не менее, посылать его играть на последние деньги.

С утра до вечера, принимать и угощать родственников и гостей, которые тебе вовсе не интересны. Экономить на всём, не позволяя себе буквально ничего. На такое великое терпение и бесконечную любовь способна только христианка. Прощать всегда и терпеть, терпеть, терпеть и, конечно, бесконечно любить.

А теперь от героини XIX века вернёмся к нашим современницам и посмотрим, насколько добры, терпеливы и мужественны могут они быть, если им судьбой определён трудный жизненный путь. Как они умеют любить и терпеть бескорыстно.

...Татьяна с детства, как себя помнит, мечтала быть врачом. Сначала пациентками её были куклы, а потом подружки из детского сада и школы. Она выписывала им рецепты, ставила градусники, делала примочки. Но уже в 9-м классе детское желание обрело реальность — она решила поступать в медицинский институт. И хотя окончила школу с медалью и занималась с дорогими репетиторами из вуза, всё-таки на бюджетное отделение не прошла. Пришлось родителям платить за учёбу немалую сумму. Родители Татьяны были учёные-астрофизики, месяцами пропадали в командировках, в обсерватории где-то на краю света, а теперь и вовсе, чтобы оплачивать учёбу дочери и заработать какие-то деньги, заключили договор на несколько лет и уехали в свою “тмутаракань”.

Татьяна поселилась у бабушки с дедушкой, а квартиру, где жила с родителями, решили сдавать, чтобы им всем вместе сносно было жить в наше, скажем так, нелёгкое даже для учёных с мировым именем время.

С Сергеем она познакомилась в студенческом буфете, сидели за одним столиком и разговорились. Он учился на санитарном факультете, поступил туда после армии. Таких студентов у них в институте называли “дембелями”, москвички относились к ним, как к ребятам “второго сорта”. Сказывалось время, когда деньги и связи приобрели магическую силу.

Несмотря на льготы, которые ему предоставлялись после службы в армии, он не поступил на лечебный факультет, пришлось идти на санитарный.

Сергей держался с достоинством, был независим, в меру циничен, неплохо учился. Он был из простой семьи: отец работал строителем в какой-то преуспевающей фирме и неплохо зарабатывал, мать – чиновница.

Второй раз они встретились совершенно случайно, на дне рождения у подруги Татьяны, которая жила в общежитии, так как приехала учиться из Новосибирска. Подруга – дочка профессор-вирусологов, преподававших когда-то в тамошнем “меде”, а потом уехавших по контракту работать в Америку, в одну из лучших клиник Кливленда. На день рождения дочери, а ей исполнилось 20 лет, они прислали внушительную сумму, так что шампанское и водка лились рекой. Собрались ребята, в основном, те, что жили в общежитии. А москвичей было только двое – Татьяна и Сергей. Сергей изрядно выпил, чувствовалось, что делает он это не только по праздникам. Но таким пьяным, чтобы потерять голову, не был, в отличие от других ребят, которые, видимо, ещё не получили прививку взрослой жизни и напились в стельку. Со всеми он был подчёркнуто вежлив, в меру остроумен, особого внимания ни к кому не проявлял. Потом все разошлись по комнатам, именинница ушла к своему парню, и Татьяна с Сергеем остались в комнате вдвоём. Уже было далеко за полночь, добраться домой можно было только на такси, но таких денег у студентов не было, и они остались ночевать в общежитии. Тут всё и случилось. Татьяна не сопротивлялась, Сергей ей нравился. Рассказы девчонок об интимных отношениях с парнями, их откровенные шуточки в курилках или за чашкой кофе в какой-нибудь забегаловке сначала смущали её, а потом превратились в навязчивое желание быть как все. Сергей, такой положительный, красивый и сильный, спокойный и вежливый, прошедший армейскую школу, внушал ей доверие, хотя какие-то вещи настораживали.

“Так ты ещё девица?” – удивился он. Эта ночь в общежитии не стала для неё праздником любви, торжеством прекрасного чувства, о котором она столько мечтала. Не почувствовала она и внутренней свободы, раскрепощённости, которая, как уверяют эстрадные звёзды и молодёжные кумиры, даёт сексуальная свобода. Всё произошло как-то очень буднично. Не было ни клятв любви, ни романтики, ни восторгов, чувствовалось, что Сергей – опытный в этих делах человек, и ей даже показалось, что для него это одно из средств, необходимых для поддержания здоровья, к примеру, как плотный завтрак.

Утром он пошёл её провожать – в квартиру, как раз освободившуюся от постояльцев: квартиранты-чеченцы почему-то съехали раньше срока, надо было искать новых. На двенадцать часов была назначена встреча с агентами фирмы, чтобы осмотреть и оценить квартиру. До встречи с ними ещё оставалось какое-то время, и Татьяна пригласила Сергея в дом. Он вошёл, внимательно осмотрел квартиру, прошёл по комнатам, а потом сказал, что учёные с мировым именем могли бы иметь “хату покруче”, на что она ответила, что у родителей были другие интересы. Они много путешествовали, почти весь мир объездили, любили принимать гостей, собирали редкие книги, антикварные, ей нанимали лучших преподавателей, считали, что она должна знать английский в совершенстве. А потом показала редчайшую фотографию царя Николая II с дочерьми, которую они приобрели на каком-то аукционе в Англии.

Когда возник разговор, стоит ли стремиться переходить на лечебный факультет, Сергей заметил: “А зачем, после санитарного можно такие бабки получать, буквально за всё, за любую справку. А врачи влачат жалкое существование. Получают гроши, а от них хотя бы Бог знает чего, как будто они при нашей аппаратуре и диагностике что-то могут”.

Время шло, квартира после съехавших или удравших жильцов была запущена. Татьяне пришлось приводить её в порядок: нужно было сделать хотя бы

косметический ремонт, чтобы сдать за приличные деньги, и она теперь каждый вечер ездила сюда и часто оставалась ночевать. Приходил и Сергей, не каждый раз, но достаточно часто. . . Татьяна всё больше привязывалась к нему.

И, наконец, она заявила бабке с дедом, что будет жить у себя дома. Бабушка отреагировала на это спокойно, а деду идея внучки не понравилась. К тому же он чувствовал, что всё это неспроста. “А как же мы жить будем? Пенсий наших и родительских субсидий будет маловато”, – недовольно пробурчал он. На что Татьяна ответила, что ей предложили подрабатывать – ночные дежурства медсестрой в клинике. “У меня будет стаж и опыт работы после окончания института, может быть, там оставят работать”, – заявила она решительно. Дед и сам всю жизнь вкалывал чуть ли не на трёх работах, и он согласился. Так Татьяна поселилась в отдельной квартире. Конечно, с Сергеем.

В наше время это называется гражданским браком. Люди живут вместе, спят – и никакой ответственности друг перед другом. Что-то не понравилось или разочаровались – быстренько разбежались. Ничего не надо оформлять, делить, а главное – страдать. Для мужчин это просто райская жизнь, а вот женщинам стоит подумать, насколько рискован такой брак, насколько он перспективен. Да вот ещё что: забыли совсем о главном – о детях. Дети в таком браке совсем не желательны, а если всё-таки случится “осечка” – всё расхлёбывает женщина.

К сожалению, современная молодёжь к браку относится скептически и не торопится связывать себя узами Гименея и рожать детей. Я уже писала о том, что у нас всё больше приживается гражданский брак. Кто-то в этом видит счастливое начало совместной жизни. Но это порой только мечты, а в реальности мы видим совсем другое.

Девчонки, не думая о возможных печальных последствиях гражданского брака, соглашаются на него, так как считают, что могут таким образом привязать парня, и он, в конце концов, оформит брак официально.

Короче, Татьяна старалась изо всех сил, создавая уют, научилась вкусно готовить, ублажала Сергея, как могла. А он критиковал её нередко за небрежный вид, одежду не по последней моде, подгорелый пирог или пересоленный суп, невытертую пыль и разбросанные вещи.

Татьяна сначала обижалась, но, поразмыслив, всегда находила Сергею оправдания: “Ведь только близкий человек может делать подобные замечания, если он хочет, чтобы в будущем у него была идеальная жена”.

Как-то посмотрев, как она чистит картошку, он сказал: “Если бы моя мама увидела, как ты срезаешь кожуру, она бы никогда не посоветовала мне жениться на такой женщине”.

“А моя бабушка считает, что чем больше срезаешь кожуру на старой картошке, тем полезнее”, – на этот раз резко парировала Татьяна.

Он был не словоохотлив, подчёркнуто замкнут, возможно, только с ней. А может быть, был просто эмоционально не развит. Никогда ничего ей не дарил и не старался сделать приятно, хотя был вроде нежадный.

“Конечно, он студент”, – оправдывала она такое отношение, и всё-таки временами нарастала обида. Она всегда мысленно сравнивала его с отцом. Отец – весёлый, остроумный, открытый, доброжелательный. В отличие от Сергея, любой повод использовал, чтобы создать праздничное настроение в семье.

“А если он просто меня не любит”, – закрадывалась порой мысль. И тут же приходила спасительная формула: “Так ведут себя настоящие мужики, без всяких сантиментов и романтических излияний”.

“Да он не собирается на тебе жениться, и вообще сейчас это ему ни к чему, – говорила ей подруга, с которой она делилась своими переживаниями. – Ты ему нужна, чтобы переспать. Безопасный секс – он такое не упустит. Он же медик и понимает опасность случайных связей. А тут так удобно – нашёл чистую, порядочную, домашнюю девушку. Хата бесплатная, всегда вкусно накормит, примет, в каком бы настроении не пришёл, и не спросит, где был и с кем. Он себя слишком высоко ценит, чтобы продаться задешево. И если уж женится, то на такой, благодаря которой получит всё”, – так подруга жёстко и, возможно, из зависти, как показалось Татьяне, охарактеризовала Сергея.

А потом случилось то, что по всем законам природы и должно было произойти: Татьяна забеременела. И Сергей, узнав об этом, предложил ей сделать аборт: “Мы ведь не договаривались рожать детей и создавать семью.

Я не собираюсь жениться в двадцать лет”, – сказал он, хотя ему уже было двадцать три года.

Она была страшно оскорблена таким отношением, но порвать с Сергеем окончательно не решилась. Теплилась надежда: “Может, одумается, это только первая реакция мужчины на потерю свободы. А когда родится ребёнок, всё изменится, инстинкт отцовства проснётся...”

Татьяна тяжело переносила беременность. Несколько раз её клали в больницу на сохранение, поднималось давление, боялись даже эклампсии – так называется осложнение, опасное для жизни, которое бывает во время беременности при высоком давлении.

Но даже в самые тяжёлые минуты она не допускала мысли об аборте. Впервые, она, хотя и не была верующей, считала это страшным грехом, убийством. Ведь плод уже дышит, у него бьётся сердце, а может быть, как говорят последние исследования, он даже что-то чувствует. А во-вторых, она как будущий медик понимала, чем может грозить первый аборт для женщины.

Я не пишу роман, и потому не буду останавливаться на всех перипетиях их жизни до рождения ребёнка. Могу сказать только одно – такой ситуации не позавидуешь...

Роды были преждевременными, ребёнок родился недоношенным, с черепной травмой и огромной гематомой на голове. Врачи ничего хорошего не предвещали. Гидроцефалия – этот диагноз означал замедленное психическое развитие, частичный паралич рук и ног. Таков был приговор врачей. “Можете оставить ребёнка”, – предложил ей врач. Но Татьяна ни о чём подобном не хотела и думать. Считала, что диагноз ошибочный, что у ребёнка есть огромные резервы, способные переломить даже самый тяжёлый прогноз.

О страшном диагнозе ничего не сказала Сергею. А когда он приехал её забирать из роддома, пыталась выглядеть счастливой и радостной. Сергей тоже делал, как говорится, хорошую мину. Он принёс цветы и купил приданое малышу, привёз их домой, немного побыл с ними, а потом убежал на занятия, сказав, что придёт поздно, так как подрабатывает на дежурствах в больнице.

Потекли страшно тяжёлые дни. Татьяна попала в беду, но ведь она всё сделала сознательно... Она бегала от одного специалиста к другому, искала врачей, которые могли бы помочь ей вылечить ребёнка. Но врачи были единодушны в постановке диагноза, и она осознала весь ужас такого приговора. И однажды, в минуту отчаяния всё рассказала Сергею. И тогда... он сбежал. Не звонил, не приходил, его сотовый телефон был отключён, он даже ушёл из института, взяв, неизвестно какими путями, академический отпуск.

Нетерпеливый читатель может возмутиться: что тут нового? Банальнейшая история, которая случается с доверчивыми девушками каждый день. Всё настолько типично, что и рассказывать об этом не стоило бы... Если бы не удивительное продолжение. Жизнь подбрасывает иногда такие сюжеты, которые не может придумать самое изощрённое воображение художника.

Узнав о беде Татьяны, вернулись её родители. Купили дочери машину, чтобы она могла возить ребёнка на всевозможные процедуры. Как-то поехала она с сыном в диагностический центр на очередную консультацию, и вдруг что-то случилось с машиной. Она опаздывала, нервничала, пыталась просить помощи у проезжающих автомобилистов, но все спешили и, покопавшись две минуты под капотом, уезжали, – мол, ничего сделать не могу. И тут остановилась девятка, точно такая, как у Татьяны. К машине подошёл мужчина и стал искать причину поломки. Потом заглянул в салон, увидел там мальчика и всё понял. И не ушёл, пока машина не завелась.

Татьяна пыталась расплатиться, но он деньги не взял, а попросил телефон, сказав, что хочет поговорить по поводу ребёнка. Позвонил на следующий день, попросил встретиться, у него, оказывается, рос тоже больно ребёнок с ДЦП (детским церебральным параличом). Жена бросила его с больным сыном, и тайно, выйдя замуж за иностранца, уехала со здоровой дочкой за границу. А ему пришлось отдать ребёнка в спецучреждение, он мучается этим, хотел бы взять его домой, мальчик замечательный, умница, добрый, но он работает, содержать их некому, запасов и накоплений тоже нет. Была у него фирма по сборке компьютеров, но – огромная конкуренция, выжить не удалось. Родителей нет, умерли, нанять няню невозможно – слишком дорого, зарплаты не хватит, и он в полной растерянности, не знает, что дальше делать. Когда увидел Татьяну с ребёнком, у которого, очевидно, похожее заболева-

ние, то понял, что он просто предал своего сына, что вот женщина одна, он это как-то сразу уловил, подчинила всю жизнь воспитанию больного ребёнка.

Татьяна попыталась смягчить угрызения больной совести и сказала, что ей очень помогают родители, которые в основном и тянут эту ношу на себе — она только на подхвате. Но вот недавно, не без тайной гордости добавила она, даже ездила со своим мальчиком на море в Анапу. “Стараюсь, чтобы ребёнок увидел мир и не был заперт в четырёх стенах”.

Игорь, так звали нового знакомого, зачастил к Тане в гости. Его интересовало буквально всё, что было связано с воспитанием и развитием её малыша. У него даже появились какие-то умения в обращении с чужим мальчиком. Татьяну это радовало, она верила, что со временем Игорь возьмёт своего ребенка из приюта и поймёт, что нельзя предавать самого дорогого человека, тем более такого беспомощного, как бы тебе ни было трудно. Да, конечно, жизнь надо целиком посвятить сыну, но разве это не долг любви по отношению к своему ребёнку?

Как-то она попросила Игоря взять её с собой, когда он поедет к сыну. Игорь обрадовался такому предложению, и в один из выходных они вместе отправились на свидание к его ребёнку.

Когда Татьяна увидела этого мальчика, она поняла, что теперь не сможет с ним расстаться никогда. Ребёнок был удивительно приветлив и ласков, хотя внешне это было удручающее зрелище. Он дёргался, не мог усидеть на одном месте, ел неряшливо, хотя старался быть аккуратным, говорил, страшно заикаясь, но в глазах было столько боли, тоски и страдания, что невозможно было не ответить на их призыв лаской.

Прошло несколько лет. Они живут теперь вместе. Поженились и взяли ребёнка Игоря из детдома.

Вы скажете, какой ужас: взять на себя такую ношу, мало ей своего инвалида. Но вопреки житейской логике, семейство это счастливо, потому что в доме поселилась любовь.

Вспомним Бердяева, который сказал, что любовь не должна бояться порождаемых ею страданий.

Могу добавить для тех, кого заинтересовала судьба Татьяны и кому любопытно, как она выглядит внешне. Высокая стройная красивая блондинка с умными серыми глазами, в которых отражается её добрая душа. Её портрет недавно красовался на обложке одного из журналов, правда, не гламурного, а медицинского. Она работает невропатологом в детской клинике и попасть к ней на приём не просто, потому что очень многие хотят получить её квалифицированную помощь и добрый совет.

...Наш великий мыслитель В. В. Розанов после неудачного первого брака (его первой женой была Апполинария Сулова, женщина, которая была на семнадцать лет старше него), женившись во второй раз, понял, что семья — выше всего на свете, она стала для него почти религией: “Нужно находить великое счастье — не великое, а величайшее — самое великое — у себя в доме, с ближайшими людьми. Нужно любить не “ближнего”, а “ближайших”. И тот, кто нашёл силы и умение быть счастливыми только с ними, тот разрешил неразрешимую проблему счастья”.

Нет проще и точнее определения великого чувства, чем розановское: “Любовь есть боль. Кто не болит (о другом), тот и не любит (другого)”.

Кажется, и наше правительство, наконец, поняло, что надо поднимать статус семьи и социальную роль женщины-матери в обществе, сделать здоровую счастливую семью стержнем национальной идеей России. Пока это выражается только в материальной поддержке, но будем считать, что это только первый шаг.

А между тем, свободное от всех запретов телевидение воспекает не красоту семейных отношений, а красоту уродства, показывая семейные пары, которые могут вызвать только отвращение.

“Лилипут — шкет” женится на молодой и красивой женщине, и они счастливы в браке. Потасканный немолодой мужчина, литератор, поселяет у себя в однокомнатной квартире несколько жён, которые по очереди спят с ним и выполняют всевозможные домашние обязанности.

Телевидение всю озабочено проблемой, как в современных условиях “выжить семье”, и в Год семьи предложило россиянам совершенно “новое” средство под названием “свингер”.

Оказывается, надо найти в интернете супружеские пары, которые готовы обмениваться партнёрами, чтобы разнообразить половую жизнь, чтобы не приедались семейные отношения и не появилось желание разорвать их.

Помню, что ещё лет тридцать назад в журнале “Наука и жизнь” была опубликована такая сенсационная новость, что в Америке, кажется, в Филадельфии живёт 700 семей по тем же законам: обмениваясь внутри сообщества мужьями и жёнами. У них общие дети, которым в случае, если кто-то умрёт, отец или мать, не грозит сиротство в такой огромной “семье народов”. Информация была напечатана среди прочих сообщений мелким шрифтом в разделе, где рассказывалось о всевозможных открытиях в научной и общественной жизни.

Сегодня не побоялись рассказать во весь голос по телевидению миллионам граждан в субботу после 7 вечера о наших “новаторах”, рождённых на российской земле, — и ни капли критики или осуждения.

У инициаторов этого сообщества были закрыты лица, так как они работают в солидных фирмах на руководящих постах. Увлечение может стоить им работы. Но остальные участники этой компании лица не закрывали, так как нас уже приучили на ТВ ничего не стесняться, даже самых страшных пороков.

“Свингер” — слово, созвучное со свинством. Но ТВ готово рассказать о самом извращённом поведении, ведь для телевидения — это тот эксклюзив, который даёт высокий рейтинг, а следовательно, огромные деньги.

И тогда действительно хочется воскликнуть: “О времена, о нравы!” — имея в виду, прежде всего, руководителей телеканалов.

Можно найти самые разнообразные пороки у человечества, ведь оно никогда не было безгрешным, особенно если заглядывать в психиатрические больницы или в камеру, где томятся уголовники и извращенцы. Но создавать сюжеты и рассказывать стране о различных извращениях, считая это новым словом в подаче информации на ТВ, — ещё большее преступление. О какой совести, внутреннем цензоре может идти речь, когда такого рода журналистика процветает на нашем “лучшем в мире ТВ” и считается новым словом в подаче информации!

“Творцы” таких передач, видимо, презируют своих зрителей, считая их полными ничтожествами. И, чтобы заработать “бабло”, подсовывают всякую мерзость, пробуждая в них самые низменные инстинкты.

* * *

Сейчас всё больше говорят о кризисе семьи. “Не может быть, чтобы семья себя изжила. Самое непереносимое для человечества — одиночество. И только любовь, семья, дети могут быть надёжной опорой в жизни, защитой от одиночества. Всё может рухнуть, но этого у человека нельзя отнять. Богатство и работа — замечательно. Но с ними может произойти любая катастрофа. А человеческие отношения — самое надёжное вложение души и сил”, — говорит Светлана Ткачёва, начальник Дворца бракосочетаний.

Молодые люди должны понять, почувствовать: счастье не в удовольствиях и радостях, которые они могут схватить, меняя партнёров, наслаждаясь полной свободой и возможностями, открывшимися сегодня перед человеком, не обременённым брачными узами, а только в семье, рядом с любимым человеком и детьми.

АНАТОЛИЙ ПАРПАРА

ДЕРЖАВНЫЕ СТРОИТЕЛИ РОССИИ

3. Заступник Земли Русской

Поражаешься той поистине генетической предопределённости, с которой московская линия потомства Александра Невского проводила в жизнь идею независимости от иноземного владычества. Внук его Иван I Калита (около 1288–1340) заставил разрозненные русские княжества уважать Москву, где – умной силой, где – посулами и деньгами, но более всего – ханской властью, с которой умел ладить. “Он понял, что Русь, при всём изнеможении, заключала в себе силы неодолимые, но раздробленные, несогласованные, следовательно, слабые, что она умирала единственно от внутреннего неурядиства, от запутанности княжеских отношений, что спасти её от неминуемой гибели могло только единодержавие, которое сосредоточило бы все силы её к одной цели, что для введения единодержавия необходимо было утвердить власть великого князя за одним родом, который мог бы следовать постоянной политике, и укоренить мало-помалу мысль об исключительном праве одной фамилии на достоинство верховное” (Устрялов Н. Г. “Русская история до 1855 г <ода>”, Санкт-Петербург, 1855. С. 156).

Потому Иван Калита, желая сильной родовой власти, сделал всё возможное для того, чтобы титул великого князя перешёл к его сыновьям, а от них – внукам и правнукам. Его княжение и последующие годы были живительным отдыхом для истомлённой Русской земли. В общей сложности четыре десятка лет была “тишина велия”.

Сыновья его Симеон Гордый (1317–1353) и Иван II Красный (1326–1359) – великие князья владимирские и московские – уже позволяли себе защищать свои владения от ордынских набегов, задерживать дань. В свою очередь, внук его Дмитрий Иванович Донской (1350–1389) сделал уже серьёзную попытку сбросить с шеи русского народа степное ярмо. Ему не удалось завоевать полную независимость, но вселить надежду в скорую победу он сумел. И в этой благородной борьбе его активно поддерживала и благословляла Русская Православная Церковь.

В 1359 году умер тридцатитрёхлетний великий князь Иван Иванович, оставив малолетних сыновей и дочерей, старшему из которых, Дмитрию, было только девять лет. Страшно себе представить, что было бы с княжичами, Москвой и Русью, если бы не митрополит Алексий. В одной из грамот Константинопольского Патриарха читаем: “Спустя немного времени скончался ве-

ликий князь московский и всея Руси, который перед своей смертью не только оставил тому митрополиту своего сына, нынешнего великого князя Дмитрия, но и поручил управление и охрану всего княжества, не доверяя никому другому ввиду множества врагов внешних, готовых к нападению со всех сторон, и внутренних, которые завидовали его власти и искали удобного времени захватить его”.

Так и получилось. Воспользовавшись смертью Ивана Красного, суздальский князь Дмитрий Константинович, по праву старшинства в своём роду, взял в Золотой Орде ярлык на великое княжение и сел во Владимире. Москве грозила опасность потерять свои позиции первенства среди русских земель. Её правящая элита – бояре – и, конечно же, митрополит решили противостоять опасности: надо было ехать в Орду.

К тому времени потомки Чингисхана перессорились друг с другом в борьбе за власть. Джанибек, благоволивший Москве, был убит родным сыном Бердибеком. Его, в свою очередь, убил сын Наврус. Он и дал ярлык на княжение Дмитрию Константиновичу. Но Наврус недолго был ханом. Его убил полководец Хидыря. К нему и привезли московские бояре юного Дмитрия Ивановича. Тот дал ярлык на великое княжение несовершеннолетнему князю. Н. И. Костомаров основательно комментирует это событие: “Таким образом, на этот раз уже не лицо московского князя, неспособного по малолетству управлять, а сама Москва как одна из земских единиц приобретала первенствующее значение среди других земель и городов на Руси: прежде её возвышало то, что князь был по воле хана старейшим, а теперь наоборот – малолетний князь делался старейшим именно потому, что был московским князем”.

Но золотоордынская замятня продолжалась: Хидыря был умерщвлён своим сыном, который был вскоре сам убит. Появились две партии, воевавшие друг с другом за первенство. Одну возглавил брат Хидыря Мюрид, объявивший себя ханом, а другую – набиравший силу темник Мамай, поставивший ханом Абдулу. Московские бояре получили ярлыки сразу от двух повелителей.

Мюрид, узнав об этом, разозлился и дал свой ярлык Дмитрию Константиновичу.

Москве это надоело, и она захотела разрешить спор силой: собрала многочисленную рать во главе с 11-летним князем и согнала с престола во Владимире Дмитрия. Но тот, увидев, что его тёзка уехал в Москву, выгнал наместников и вновь занял стол. На следующий, 1363 год Дмитрий опять занял Владимир. Решив, что Москву не пересилить, Дмитрий примирился с юным московским князем и даже в январе 1366 года выдал за него свою дочь Евдокию. И не прогадал, ибо зять вскоре помог ему в борьбе за Нижний Новгород. Польза была и Москве – она становилась всё авторитетнее среди русских северо-восточных земель. К голосу её прислушивались всё чаще. А московский князь извлёк для себя урок: сила ломит силу, даже когда не права. Значит, надо быть сильным. И, может быть, удастся избавиться от “томления бесерменского”.

А пока Дмитрий Иванович с благословения митрополита Алексия стал восстанавливать Москву после жестокого пожара 1365 года. Летописец тогда записал: “Князь великий Дмитрий Иванович сдумаша ставити город камен Москву, да ежи умыслиша, то и створиша. Тое зимы повезоша камение к городу”. Тогда же был построен первый каменный мост через реку Неглинную. Отреставрированная Москва выглядела очень красиво, особенно крепость с каменными башнями. В 1367 году вокруг Кремля были выстроены башни с воротами: Никольскими, Фроловскими (Спасскими), Константино-Еленинскими (уже не существуют – А. П.) и Алексеевскими. Угловая башня напротив Москворецкого моста была названа в честь известного боярина Фёдора Свибла. Крепость, выложенная из камня, придала столице княжества солидный вид. А когда москвичи увидели, что набег на их город литовского князя Ольгерда в следующем году был безуспешным, ибо не смог одолеть за трое суток крепость, то поняли, как она необходима для защиты горожан от врага.

Кремль Дмитрия Донского просуществовал более ста лет, пока его правнук Иван Великий не сделал московскую крепость такой, какой, почти всю, мы видим её сегодня, – красивой.

Нарастающая сила Москвы явно не нравилась ни Новгороду, который не хотел быть в зависимости от неё, ни Рязани со строптивым князем Олегом, ни Твери, чей князь Михаил Александрович помнил гибель своего отца в Зо-

лотой Орде по вине Ивана Калиты. Михаил Тверской считал себя по праву старейшим среди русских князей. Понимая, что одному не одолеть окрепшую Москву, он обратился за помощью к литовскому князю Ольгерду, женатому на его родной сестре Ульяне. Отважный и умный литвин и сам не прочь был взять под свою загребушую руку северо-восточные русские княжества, как он сделал, захватив Киев, как его отец Гедимин ранее присоединил западные княжества – минское, лукомское, друцкое, берестейское... Собрал сильное войско, Ольгерд тайно (тайно) вошёл в московское княжество. Высланная ему навстречу рать была разбита на реке Тростне 21 декабря 1368 года. Вскоре он подошёл к Москве, где затворились в крепости Дмитрий Иванович, брат его двоюродный Владимир Алексеевич, митрополит, бояре и народ. Посады москвичи успели пожечь, чем несказанно удивили Ольгерда. Он не ожидал такой жертвенности. Взять Москву ему не удалось, но грабил и жёг он её так, что люди вспоминали нашествие Батыя, который был менее жестоком.

Естественно, что за разорение московских земель ответили разором смоленских и тверских. Русские уничтожали русских. И так было ещё дважды. Но во второй раз Ольгерду повезло меньше. Нападение было не таким неожиданным. Не взяв даже Волока, 6 декабря 1370 года он подошёл к Москве. Ольгерд опасался удара в спину, ибо знал, что Владимир Андреевич успел собрать своё войско и стоял в Перемышле. Он пожёг посады и окрестные села, постоянно неделю под Кремлём и заключил перемирие с московским князем.

Золотая Орда предлагала Михаилу войско, но он боялся возбудить ненависть к себе русских и отказался от помощи, взяв с собой только ханского посла. Он думал, что, показав ярлык на великое княжение в присутствии посла, добьётся подчинения русских князей. Но владимирцы даже не пустили их в город. Посол хана Сарыходжа пригласил Дмитрия Ивановича во Владимир, но московский князь ответил резко: "К ярлыку не еду, на великое княжение не пуцу, а тебе послу цареву путь чист".

Сарыходжа приехал в Москву, где его сытно накормили, напоили, обласкали и дали на дорогу щедрые подарки. Посол уговаривал Дмитрия Ивановича приехать в Орду. Московский князь так и поступил. С богатыми подарками он приехал к Мамаю и так понравился новому хану, что тот уменьшил ханский выход в два раза, надеясь, что Москва будет платить регулярно. Получив ярлык на великое княжение, Дмитрий Иванович выкупил за 10000 рублей серебром Ивана, сына Михаила Тверского, которого удерживали в Орде за долги, и взял к себе в заложники.

В третий же раз, летом 1373 года москвичи встретили литовскую рать уже у Любутска (около Калуги). Войны не было. Заключив перемирие, войска разошлись.

Но неугомонный Михаил Тверской ждал подходящего случая, чтобы отомстить москвичам. И этот случай выпал, как ему казалось. В Тверь сбежали бывший тысяцкий Иван Вельяминов, чью должность упразднил великий князь, и купец по имени Некомат. Михаил ринулся в Литву, но там ему помощь только обещали. Зато в Орде дали снова ярлык на великое княжение.

Обрадованный Михаил объявил Москве войну. В августе 1375 года Дмитрий с союзниками (а к нему пришли князья суздальские, нижегородские, городецкие, смоленский, новосильский, тарусский, оболенский, стародубский, брянский и даже новгородцы, которым Михаил досадовал своими поборами) осадил Тверь. Через месяц Михаил запросил пощады. Дмитрий не стал присоединять Тверское княжество к Москве. Он настоятельно потребовал считать московского князя старейшим, ходить с ним на войну и не принимать от хана великокняжеского достоинства, не претендовать на кашинские земли (отсеклась половина тверской вотчины), вернуть награбленное церковное и частное имущество новгородцам и при нападении татар на Москву или на Тверь быть заедино.

Так Москва превращалась в боевую силу, готовую защищать не только себя, но и все русские земли, предлагая им своё покровительство.

Мамаю не понравился союз, заключённый между двумя авторитетными русскими князьями. Он видел, что Дмитрий Московский стремительно набирает силу, и решил положить этому предел. Летом 1376 года он послал свои тумыны на Рязань, но Дмитрий Иванович неожиданно преградил ему путь, перейдя Оку, и не дал разорить Рязанское княжество. Более того, весной следующего года московский князь, совместно с нижегородским воеводой Дми-

трием Боброком-Волынским совершил наступательный поход и занял Казань, обложив данью земли болгар. Мамай понял, что договор, заключённый русскими князьями в Переяславле-Залесском в 1374–1375 годах на двух съездах, соблюдаемый всеми сторонами (объединение князей против союзника его Михаила Тверского – наглядный пример тому), и к которому он отнёсся вначале легкомысленно, имеет в основе своей опасное антиордынское направление. Требовалась серьёзная подготовка к разгромному карательному походу против Москвы как объединительницы русских земель.

Н. И. Костомаров в очерке “Великий князь Дмитрий Иванович Донской” (“Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей”, книга I, М., “Книга”, 1990) обозначил, ссылаясь на источники, образ князя “неясным”. Он считал, что Дмитрий Иванович был несамостоятельным в своих действиях, ибо как в детстве им руководили бояре, так и в зрелости своей князь слушался советов своих бояр: “. . . Бояре были у него как князья; также завещал он поступать и своим детям”. Московский князь действительно высоко ценил разумные советы и митрополита, и полководцев своих – Владимира Андреевича (Серпуховского), Дмитрия Бренка, Боброка-Волынского. . .

И тут Костомаров делает неожиданный вывод: “От этого невозможно отделить: что из его действий принадлежит собственно ему и что – его боярам. По некоторым чертам можно даже допустить, что он был человек малоспособный, и потому руководимый другими; и этим можно отчасти объяснить те противоречия в его жизни, которые бросаются в глаза, то смешение отваги с нерешительностью, храбрости с трусостью, ума с бестактностью, прямодушия с коварством, что выражается во всей его истории” (стр. 208). Можно понять историка, читавшего Никоновскую летопись, где Дмитрий изображался неуверенным и слабым даже, но мне кажется, читателю будет интересно узнать объяснение этому факту, данное нашим современником, писателем Юрием Лощицем в его книге “Дмитрий Донской”, изданной в 1983 году (М., “Молодая гвардия”): “Но эта слабость Дмитрия сознательно противопоставлена гордости Мамаю, – пишет Ю. Лощиц. – А кроме того, в слабости, в духовной немощи и нищете самосознаваемой, конечно, видели – по законам того же мирозерцания – залог силы. Ибо только слабые обращаются за помощью, гордые же полагаются во всём на себя” (С. 241).

И всё же жизнедеятельность великого князя говорит о другом: о работоспособности великой его. Да и летописцы отмечали необыкновенное трудолюбие Дмитрия Ивановича. А последнее перечёркивает своим действием предположения о нерешительности его, сомнениях, малоспособности. В период с 1363-го по 1380-й не было ни одного года, чтобы Дмитрий со своим войском не участвовал в том или ином походе, в том или ином сражении. А для таких действий нужны иные качества характера: решительность, неутомимость, воля. Поистине, “стражу земли Русския мужеством своим держаша”.

Летом 1377 года в нижегородской земле объявилось войско Арапши (Араб-шаха). Верный своим обязательствам Дмитрий Иванович послал военную помощь нижегородским князьям. Но, уверенные в своей силе, наши воины отнеслись пренебрежительно к врагу и, перепившись у реки с символическим названием Пьяна, были перебиты полностью. Обрадованный Мамай летом следующего года направил пятидесятитысячный отряд мурзы Бегича в карательный поход. Но Дмитрий Иванович, узнав об этом, быстро собрал тридцатипяти тысячное войско, перешёл Оку и, соединившись с рязанцами, разгромил Бегича на реке Воже 11 августа 1378 года.

Редкие исследователи заметили, что московский князь применил здесь впервые военный приём, который принесёт полную победу на поле Куликовом. По совету своих полководцев Владимира Серпуховского и Дмитрия Боброка-Волынского он спрятал засадные полки в лесах на флангах своего войска. И когда русские под напором превосходящих сил противника прогнулись в центре, засадные полки, вырвавшись из леса, ударили вражескому войску в бок и смяли его своим напором. Победа была полной. В битве погиб и сам Бегич, и другие неприятельские полководцы.

Эта первая крупная победа доказала, что непобедимые ордынцы могут бежать от русского оружия. Радость людская была велика, ибо “время отступило от татар”. Поражение Бегича подняло дух русского народа, теперь уже безнаказанно громившего ордынские отряды, врывавшиеся для грабежа в юго-восточные города.

Мамай, который к тому времени объявил себя ханом и мечтал на троне чингизидов обессмертить своё имя воинской славой, конечно же, понимал, что началась битва не на жизнь, а на смерть, и потому стал основательно готовиться к походу на Русь. Он желал денно и ночью “вторым царём Батыем быти и всю Русскую землю пленити”. Ради такого мощного нашествия он заключил союзы с литовским великим князем Ягайло, генуэзцами и, собрав все ордынские племена, включив в своё войско хивинцев, ясов, буртасов, армен, горских евреев и других наёмников, во второй половине июля 1380 года двинулся не торопясь к Дону.

Рязанский князь Олег, вынужденный заботиться о своей земле и потому держаться Мамай, тем не менее, предупредил Дмитрия о грядущем нашествии. Но московский князь уже знал об этом и сам тщательно готовился, собирая общее войско для защиты Отечества. К этому времени очень сильно было желание русских освободиться от владычества ордынцев и унижительной дани. Нестроение, происходящее в столице Золотой Орды, только подвигало к восстанию против угнетателей, хотя боязнь страшных погромов полуторавековой давности тяжёлым камнем оставалась в душе каждого. Но надо было выбирать.

К Дмитрию пришли добровольцы из земель владимирской, московской, нижегородской, суздальской, ростовской, белозёрской, муромской, стародубской, ярославской, псковской, брянской. Москва ожила: шум, смех, бряцанье оружия, ржание коней. Давно не было такого оживления. Желавших постоять за дело русское было много, приходили даже тверичане, новгородцы и рязанцы, хотя дружины их князей не пришли.

К тому времени уже два года как не было в живых предстоятеля Русской Церкви, защитника земли московской митрополита Алексия. Новый кандидат на митрополию — архимандрит Михаил (Митяй) — отправился по желанию Дмитрия в Константинополь на утверждение своего митрополитства. Москва осталась без духовного наставника. И тогда московский князь отправился за благословением на битву в Троицкий монастырь к преподобному Сергию, за которым признавали пророческий дар. Он заслужил всеобщее уважение своим подвижничеством и заступничеством за больных и сирых. Его молитвам, как верили многие, внимали на небесах. Сергей Радонежский не только дал напутствие русским воинам, но и отпустил с князем двух иноков — Александра Пересвета и Родиона Ослябю — в помощь ратному делу.

В августе соединённое войско выступило в путь из Москвы на Коломну. 20 августа епископ коломенский Герасим также напутствовал русские полки на “окаянного сыроядца Мамай, нечистиваго Ягелла и отступника Олега”. В устье Лопасни к войску присоединились полки Владимира Серпуховского и добор московского ополчения. Через неделю войско перешло Оку и двинулось вдоль рязанской земли к Дону. В дороге их догнал гонец от преподобного Сергия. В грамоте своей он писал князю: “Чтоб еси, господине, таки пошел, а поможет ти Бог и Святая Богородица”. Это письменное благословение святого игумена ещё более вдохновило войско на правое дело.

6 сентября русские полки подошли к Дону. Разведка (сторожа) постоянно доносила князю о движении мамаевых полчищ. Третья сторожа, во главе которой стоял смелый воевода Степан Мелик, привела “языка” от “двора царева”. Мамай уже расположился в урочище Кузмина гать и дожидался прихода литовских и рязанских войск.

После долгих сомнений русские решили переправиться через Дон и занять лежащее за рекой между лесами Куликово поле, преградив, таким образом, путь войскам Мамай. Основным аргументом для такого решения послужили слова литовских князей, сыновей Ольгерда Андрея и Дмитрия: “Если останемся здесь, то слабо будет войско русское, а перейдём через Дон, так все будут биться мужественно, не надеясь спастись бегством; одолеем татар — будет тебе, князь, и всем нам слава, а если они перебьют нас, то все умрем одной смертью”. На что великий князь ответил: “Любезные друзья и братья! Ведайте, что я пришёл сюда не затем, чтобы на Олега смотреть или стеречь реку Дон, но с тем, дабы русскую землю от разорения и пленения избавить или голову свою сложить. Честная смерть лучше плохого живота (жизни). — **А. П.**). Лучше бы мне не идти против безбожных татар, нежели пришёл и, ничто не сотворив, воротиться вспять. Ныне же пойдём за Дон и там или победим, или поляжем за святые церкви, за православную веру и за братью нашу Христову”.

На следующий день Дмитрий Иванович приказал наводить мосты через Дон, искать броды, а 8 сентября, в субботу, ранним утром ратники уже были на той стороне и воинским порядком двигались к Непрядве. День начинался туманно, но к десяти часам дня туман рассеялся, и развиднелось. Русские войска успели построиться в боевые порядки между реками Доном и Непрядвой.

Расположение их было таково: полк правой руки под командованием Андрея Ольгердовича встал у речки Дубика; полк левой руки, которым начальствовали князья Белозёрские, разместились у речки Смолки; большой полк, который возглавил храбрый боярин Вельяминов, — известно, что его составляли отборные воины, — разместился в центре. За ним встал полк литовского князя Дмитрия Ольгердовича. Братья не любили своего ближнего родственника Ягайло и потому пришли на помощь Дмитрию Ивановичу со своими добрыми бойцами. А впереди большого полка разместился пеший передовой полк, которому предстояло начать битву. Его возглавили братья Всеволодовичи. Рядом с ним встал конный сторожевой отряд Мелика, состоявший из отчаянных храбрецов. Засадный полк — карающий меч победы — составлялся из отборных всадников. Эта конница была под началом двух выдающихся полководцев: двоюродного брата великого князя Владимира Андреевича и Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского.

Перед русскими воинами вёрст на десять расстилалась ширь Куликова поля.

Во второй половине дня там, на горизонте, появилась ордынская конница, медленно стекавшая с вершины Красного холма. Противник застыл в ожидании распоряжений.

Ставка хана Мамай расположилась на крутой горе. Предводитель Орды не терял надежды на соединение с Ягайлой и Олегом Рязанским. Именно этого остерегался московский князь, потому, объехав на коне воинские порядки и настроив русичей на победу, он, сменив княжеские доспехи на одежду простого воина, вместе со сторожевым полком начал движение к передовым отрядам ордынцев. Первые схватились два богатыря: русский дружинник Пересвет и татарский воин Челубей. И оба упали замертво. Завязалось сражение. Разбитый авангард был подкреплён новыми татарскими силами. Противник стал ввязываться в бой, что и требовалось по начальной задумке Дмитрия Ивановича.

Когда Мамаевы полчища облегли степь и стали надвигаться на русские полки подобно грозовой туче, новобранцев охватила тревога и неуверенность. Летописец заметил: «Московцы же мнози небывальни, видевши множество рати татарской, усташася и живота отчаявшеся, а иanei на беги обратишася» («Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины». Сборник. Под редакцией Б. А. Рыбакова, М., Изд-во МГУ, 1983). Татары ринулись за бегущими и били их без пощады. Московская дружина была разбита, знамя великокняжеское подрублено, пал Михаил Бренок. Воевода Вельяминов с владимирскими и суздальскими дружинами с трудом сдерживали напор врага. Татары уже были готовы отбросить наши полки к Непрядве и растерзать их в оврагах. «Дело русских казалось проигранным, но к трём часам пополудни всё изменилось» (Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 223).

В зелёной дубраве на вершинах деревьев сидели воины, и как только они заметили, что ордынцы хлынули мимо них в центр сражения, подали знак воеводам. И тогда, как копьё возмездия, ударила в бок и в спину мамаевской рати отборная засадная конница, исполняя талантливый замысел боя. Ордынцы, только что бывшие в предвкушении окончательной победы, почувствовали себя беззащитными и сразу же повернули вспять. Отступавшие русские воины развернулись и ударили на них. И татары побежали! Вначале к Красному холму, к своему хану, а потом вдогонку за ним. Мамай, видя своё поражение, воскликнул: «Велик Бог христианской земли!» — и помчался, сменяя коней, искать спасения.

Русская конница преследовала бегущих вёрст пятьдесят — до Красивой Мечи. Спаслись только те, кто, как Мамай, имел запасных коней. Такого превосходства в битве над опасным и умелым врагом русское войско ещё не знало. Владимир Андреевич, став под черным знаменем, велел трубить победу.

Великого князя никто не видел. Князь серпуховской велел искать его. Наконец, кто-то нашёл Дмитрия Ивановича под израненной берёзой в иссечен-

ных ударами доспехах, в бесчувственном состоянии. К счастью, от криков победителей он вскоре очнулся. Контуженный в голову, он и в таком состоянии был молод и красив. Летописец оставил нам словесный портрет Дмитрия: “беаше же сам крепок зело и мужествен, и телом велик и широк, и плечист, и чреват вельми, и тяжек собою зело; брадою же и власы черн, взором же дивен зело”. Представляю, какую радостью сияли взоры его, когда он узнал о великой победе в одной из самых крупных битв Средневековья! И радости воинов не было границ.

Когда же подсчитали погибших, то и печаль была великая, безграничная: оказалось их больше половины из пришедших на поле Куликово. Дмитрий велел собрать тела павших и отвезти в Москву для почётных похорон.

Великий литовский князь Ягайло, находившийся на расстоянии одного перехода от сражения, узнав о поражении своего союзника, стремительно развернулся и ушёл в свои пределы. Олег Рязанский не показался на поле боя. Может быть, так и было задумано! Хотя именно он через два года поведёт войска нового хана Тохтамыша, соперника Мамая, которого впоследствии в Крыму отравили геноуэцы, на Москву вместе с князьями нижегородскими.

Значение Куликовской битвы непреходяще для национального сознания русских. По слову писателя, на Куликово поле пришли разные племена, а ушли с него одним народом. Возможно, что именно там, в крови и страданиях, рождалась (как и всё, что рождается своевременно) великорусская народность. Но всё же я думаю, на поле Куликовом племена русские вспомнили, что они были одним народом, в них неожиданно и предельно ясно всколыхнулась историческая память. Им снова захотелось в новых, труднейших временах стать могучим народом, вольным и независимым, который, если его заденут, мог приколотить свой щит к воротам Царьграда.

Возможно, правы историки Н. И. Костомаров и Н. Г. Устрялов, упрекавшие героя Куликовской битвы в том, что он после победы над ордынцами “не брал никаких мер к их истреблению” (Костомаров). Устрялов был более откровенен: “Для избавления Руси от неволи надобно было разорить вконец улусы Сарайские, чтобы искоренить гнездившуюся там мысль о праве потомков Чингисхана на господство в нашем отечестве”. Но и они понимали, что за победу была заплачена дорогая цена, что подняться для нового похода будет невозможно ещё долго.

Торжество победы было так ощутимо, а скорбь о погибших так велика, что великий князь Московский не заметил настойчивости Тохтамыша. Тот, разбив Маюя на берегах Калки, печально знаменитости для русских, и став ханом Золотой Орды, послал доброжелательное посольство в Москву. Дмитрий, уверенный в том, что победа освободила от всяких обязательств его предков перед потомками Чингисхана, не выразил никакого желания поддерживать отношения слуги с господином. На следующий год хан отправил царевича Акхозю с требованием покорности и уплаты дани. Но царевич испугался ехать в Москву, ограничившись посещением Нижнего Новгорода. Разгневанный Тохтамыш решил силой добиться своих прав на русский улус и покарать излишне горделивых москвичей.

Стремительно переправившись через Волгу, Тохтамыш вошёл в нижегородскую землю, князь которой в знак покорности послал своих сыновей Василия и Семёна, братьев жены Дмитрия Донского. А на границе рязанской земли уже стоял Олег, предложивший быть проводником хана. Он так повёл войско, что обезопасил свою землю, но погубил Серпухов и Москву.

Дмитрий Донской, видимо, не думал о карательном походе хана, потому что и не был готов к этому набегу. Он срочно выехал из Москвы искать союзников и собирать войско. Так же поступил и его двоюродный брат Владимир Андреевич. Москва сожгла свои посады и затворилась. Трое суток безуспешно ордынцы штурмовали московскую крепость. Воины и жители защищались доблестно. На четвёртый день, при помощи хитрости и уверений нижегородских князей в честности хана, ордынцы добились того, что Москва открыла свои ворота. Князь Остей, внук Ольгерда, руководивший обороной города, был убит, растерзано и посольство, а город был разграблен и сожжён. 24 тысячи доверчивых горожан и беженцев были немилосердно убиты.

Некому было ни отпевать мёртвых, ни оплакивать их, ни звонить по ним в колокола. Татары рассыпались во всей земле московской: к Можайску и Дмитрову, Звенигороду и Боровску... Ордынцы убивали одних жителей,

а других гнали в плен. И так могло продолжаться долго, но отважный Владимир Андреевич разгромил один из крупных отрядов ордынских и освободил пленных. Тохтамыш не стал рисковать и вернулся восвояси. Вернулся и Дмитрий, чтобы похоронить убитых.

Видя унижение Москвы, князя нижегородские и тверские поехали к Тохтамышу просить великого княжения. Пришлось Дмитрию послать своего сына Василия в Сарай, чтобы хан Владимирское княжество оставил за Москвой. А вскоре, в 1385 году он заключил с Рязанью союз против хана. Потом возвратил под своё влияние Новгород, усилил свои позиции в Твери и Нижнем Новгороде. Таким образом, он снова возглавил антиордынский союз русских земель. Вместе с тем, он не забывал расширять территорию собственно Московского княжества. Обстоятельства складывались так, что Тохтамыш начал враждовать со своим покровителем, великим и жестоким полководцем эмиром Тамерланом. Последний совершил три похода на Тохтамыш (в 1389-м, 1391-м и 1394–1395-м годах) и трижды разбил его. Этими мощными ударами могущество Золотой Орды было подорвано. Но, к сожалению, в самый пик подготовки к новой схватке с Ордой, 19 мая 1389 года великий князь Владимирский и Московский умер в возрасте 39 лет, из коих тридцать лет он был великим князем.

Очень сильно охарактеризовал жизнедеятельность Дмитрия Ивановича выдающийся историк С. Ф. Платонов: “Приняв на себя татарский натиск, Дмитрий явился добрым страдальцем за всю землю Русскую, а отразив этот натиск, он явил такую мощь, которая ставила его естественно во главе всего народа, выше всех других князей. К нему как к своему единому государю потянулся весь народ. Москва стала очевидным для всех центром народного объединения, и московским князьям оставалось только пользоваться плодами политики Донского и собирать в одно целое шедшие в их руки земли” (“Лекции по русской истории”. Т. 1. С-Пб, 1993).

(Продолжение следует)

ИРИНА ЧИЖОВА

НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Среди многочисленных деревянных строений Москвы гордо высились их каменные особняки. С почтением взирали на них прохожие, с почтением проносили фамилию – Морозовы. Кто же не знал эту богатейшую, чрезвычайно разросшуюся семью ткацких фабрикантов! Они входили в торгово-промышленную элиту России, ворочали миллионами, но, богатея, упорным трудом нескольких поколений создавали нашу промышленность, выводя Россию на одно из первых мест в мире по темпам промышленного и экономического развития. Морозовы оставили память о себе многими делами. Ими были построены храмы и училища, театры и музеи, библиотеки и стадионы, больницы, богадельни. Роскошные и более скромные особняки, принадлежавшие им, разбросанные, как цветная мозаика, по улицам и переулкам центральной части нашего города, придают ему неповторимость, во многом определяя исторический облик Москвы. Морозовы занимались издательской деятельностью, интересовались искусством, составили ценнейшие коллекции. Им обязаны своим существованием такие города, как Орехово-Зуево, Ногинск. Эту семью, особенно личность Саввы Тимофеевича Морозова, обстоятельства его гибели, окружает множество легенд, слухов, сплетен. Высказываются самые противоположные суждения. Многие документы из семейного архива утеряны. Напомню лишь достоверные факты.

От крепкого корня пошли многочисленные отростки морозовского родословного древа. Основателем династии был крепостной крестьянин села Зуево Богородского уезда Московской губернии старообрядец Савва Васильевич Морозов (1770–1860). В детстве он помогал отцу рыбачить, был пастухом, занимался извозом, затем работал на ткацком производстве. Ему выпал жребий идти в солдаты. Служба продолжалась тогда 25 лет. Чтобы откупиться от рекрутчины, он занял у владельца ткацкой фабрики крупную сумму, выплатить которую из своего заработка ткача не мог. Считается, что от жены, дочери красильщика, узнал он особый секрет окрашивания тканей. Для того чтобы выплатить долг, он перешёл на сдельную оплату, трудился чуть не круглые сутки. Дома устроил кустарную шелкоткацкую мастерскую, в которой работал вместе со всей семьёй. Через два года долг был выплачен, но он продолжал вырабатывать в своей кустарной мастерской шёлковые ткани для продажи. Особым спросом пользовались его ажурные кружева и шёлковые ленты. Товар он сбывал в Москве. Богатырская сила помогла ему проходить пешком до Москвы 90 вёрст с тяжёлыми тюками и котомками. Вечером у Рогожской заставы его поджидали перекупщики. Они старались перехватить ставшую по-

пулярной морозовскую продукцию, славившуюся высоким качеством, красотой и прочностью окраски. Успешная торговля позволила ему в 1811 году открыть в селе Зуево небольшую ткацкую фабрику с двадцатью наёмными рабочими. В 1820 году Савва Васильевич выкупился из крепостной зависимости вместе с пятью сыновьями: Елисеем, Захаром, Абрамом, Иваном и младшим – Тимофеем.

Получив долгожданную свободу, он занялся расширением производства. В 1820 году основал московскую фабрику, которая состояла из 11 строений. В Москве он купил для своей семьи большой особняк в Шелапутинском пер., д. 1. Автор книг о старой Москве, Сергей Романюк, так пишет об этом: “Он приобрёл большой участок рядом с Язуой на берегу, где стояли казённые торговые бани. На Язуу с крутого склона холма гордо смотрел его дворец, а позади в нескольких каменных и деревянных зданиях разместилась ткацкая фабрика. Она не была большой. На ней трудилось 250 работников, и выработывали тканей на сумму 40 000 рублей. В Москве среди ткацких фабрик Морозовские занимали 8-е место”. Эту фабрику он ликвидировал после Крымской войны.

В 1830 году Савва Васильевич открыл в местечке Богородское небольшую мастерскую по окраске тканей и контору по раздаче пряжи кустарям. Эта мастерская стала основанием большой Богородско-Глуховской мануфактуры, которая перешла в собственность его сына Захара. Эта ветвь морозовского рода стала называться Захарычи.

В 1838 году Савва Васильевич создаёт в селе Никольском крупнейшую в России механическую ткацкую фабрику, позднее пристраивает к ней и прядильный корпус.

Старший сын Елисей в 1837 году открыл в Никольском рядом с мануфактурой отца небольшую красильную фабрику, из которой выросла мануфактура товарищества “Викула Морозов с сыновьями”. Елисей, увлекшись богословскими вопросами, потерял интерес к фабричному производству и передал дела своему сыну Викуле. Эта ветвь морозовского рода стала называться Викульчичами.

В 1850 году Тимофей Васильевич, которому было тогда уже 80 лет, передал управление Никольской мануфактурой младшему сыну Тимофею. Эта ветвь получила название Тимофеичи.

Сын Тимофея Васильевича Абрам считается основателем тверской ветви Морозовых – Абрамовичей.

Четвёртый сын Иван не принимал участия в семейном деле.

Таковы факты. Много ходило слухов о том, как совершенно неграмотный бывший крепостной Савва Васильевич Морозов, дожив до 90 лет, разбогател, стал купцом 1-й гильдии, оставил сыновьям в наследство многочисленные фабрики и миллионный капитал. Не стоит пересказывать их. Правду скрывает завеса времени, а дела его говорят сами за себя. Не часто даже русская земля рождает людей такого масштаба, такой кипучей энергии, трудолюбия и целеустремлённости.

После смерти отца сыновья продолжили развитие производства. Каждая ветвь морозовского рода управляла своими фабриками совершенно обособленно от других. Всего до 1917 года морозовский клан дал около 50 взрослых мужчин. Не все они были способны стать купцами и промышленниками. Богатство семьи не сделало счастливыми всех её членов. Были среди них люди, ничем себя не проявившие. Были самоубийцы и душевнобольные, кого-то постигала ранняя смерть. Кто-то оставил о себе память, как о беспутном гуляке и человеке никчёмном. Но каждая из 4-х ветвей дала ярких представителей: предпринимателей, благотворителей, коллекционеров. Именно такие люди, каждый по-своему, оставили память о Морозовых в российской истории.

Викула Елисеевич Морозов, обладавший незаурядными организаторскими способностями, достроил к доставшейся от отца ткацкой фабрике в Никольском бумагопрядильную фабрику. Он был главой большой семьи: 5 сыновей и 6 дочерей. В Москве ему принадлежал красивейший особняк (Подсосенский пер., д. 21), ставший украшением Москвы. Купил Викула и нарядный дом на ул. Земляной вал, 30, окружённый большим садом. Сейчас недалеко от Курского вокзала можно разглядеть лишь фасад особняка. Но более всего прославил имя Викулы Елисеевича строительство 1-й детской клинической больницы, которую и сейчас называют Морозовской. Больница строилась старшим сыном Викулы Алексеем после смерти отца на деньги, завещанные им на бла-

готовительность. На строительство было израсходовано 400 000 рублей. Строилась она с учётом европейского опыта. Расположенные в огромном парке отдельные небольшие корпуса позволяют изолировать друг от друга детей с различными, в том числе и инфекционными заболеваниями. Когда бродишь по этому городу в городе, наблюдаешь за его напряжённой жизнью, губы шепчут самые добрые и благодарные слова Викуле и его сыну.

Старший сын Викулы Алексей несколько лет был директором правления Никольской мануфактуры. Руководил он ею, сидя в отцовском особняке в Подсосенском переулке. Особняк поражал посетителей необычайной роскошью. Он напоминал музей русского фарфора, старинной графики, новейшей и древней живописи. Коллекционированию этих предметов отдал свою душу Алексей Викулович. В советское время особняк стал Государственным музеем фарфора, а Алексей Викулович до конца жизни оставался рядом со своей коллекцией, живя в двух комнатах и работая заместителем директора музея по научной части.

Иван Викулович Морозов имел университетское образование и успешно руководил отцовской мануфактурой. Будучи человеком очень набожным, много жертвовал на строительство старообрядческих храмов в Орехово-Зуеве и в Москве. В Орехово-Зуеве на его деньги были построены стадионы, школа, больница. Москву украсил его особняк в Леонтьевском переулке, д. 10.

Одна из дочерей Викулы Алексеевича, Вера, вышла замуж за богатого мебельного фабриканта Шмидта. Её сын Николай Шмидт вошёл в историю как человек, открыто выступивший против своего класса. Будучи студентом университета, он вступил в члены РСДРП(б), ввёл у себя на фабрике 9-часовой рабочий день. Во время вооружённого восстания в 1905 году его фабрика стала оплотом восставших. После подавления восстания был зарезан в камере Бутырской тюрьмы в возрасте 23 лет.

Успешно шли дела тверских Морозовых – Абрамовичей. Но эту ветвь прославили женщины, вышедшие замуж за Морозовых. В юную красавицу и богачку Варвару Алексеевну, дочь миллионера фабриканта Алексея Ивановича Хлудова, безответно влюбился сын Абрама Морозова, Абрам Абрамович. Она вынуждена была подчиниться воле отца и выйти замуж. Родила 3 сыновей. Абрам Абрамович руководил фабрикой вместе с братом Давидом. Они выстроили большую отделочную фабрику и увеличили производство. Но у Абрама Абрамовича развилось тяжёлое психическое заболевание, и он рано скончался. Руководить непростым производством пришлось Варваре Алексеевне. Многие современники восхищались ею. Деловая женщина, красавица, со щедрой и отзывчивой душой, не устававшая трудиться для общественного блага, она заботилась об улучшении быта рабочих Тверской мануфактуры. Ею были построены и финансировались больница, родильный дом, ясли, детский сад, аптека, сиротский приют, богадельня, библиотека. Она пекалась об образовании рабочих. Открыла воскресную и торговую школы, женскую воскресную школу, школу для детей фабричных рабочих. Занималась общественной деятельностью, на её деньги издавалась либеральная газета “Русские ведомости”.

В Москве в память о муже построила университетскую психиатрическую клинику. При её участии были организованы Пречистенские курсы для рабочих, ставшие центром просвещения пролетариата. На её средства была открыта читальня, названная Тургеневской. В Москве она организовала начальную школу и ремесленное училище, в котором неимущие могли бесплатно получить профессию токаря или слесаря. Трудно перечислить всё, что сделала она для людей. Проходя по Воздвиженке напротив метро “Арбатская”, мы и не замечаем тенистый сад, скрывающий строгий серый особняк, принадлежавший Варваре Алексеевне (д. 14). Здесь в её салоне бывали Блок, Брюсов, Белый. Забыта хозяйка особняка. Зато всем известен находящийся рядом (Воздвиженка, д. 16) построенный её сыном Арсением дворец. Вернувшись из путешествия по Португалии, он решил построить в Москве средневековый замок в псевдомавританском стиле, за что был назван матерью прилюдно дураком. Но как представить себе современную Москву без этого здания? Этот дворец – единственная память, которую оставил о себе Арсений Абрамович Морозов. Доказывая, что может вынести любую боль, он прострелил себе ногу и умер от заражения крови. А уютный особняк его отца, Абрама Абрамовича Морозова, напоминающий о его короткой жизни, придаёт ещё большее очарование Б. Алексеевской ул. (сейчас ул. Солженицына, д. 27).

Сын Варвары Алексеевны – Иван Абрамович Морозов – был образованным человеком. Смыслом его жизни была живопись. В своём дворце на ул. Пречистенке, д. 21 он собрал большую коллекцию русских художников и картин французских импрессионистов, привезённых им из Франции. Позднее к его галерее было добавлено собрание С. И. Щукина и создан музей “Новой западной живописи”. Иван Абрамович был организатором клиники раковых заболеваний при Московском университете.

Михаил Абрамович Морозов, третий сын Варвары Алексеевны, окончил университет и тоже собрал коллекцию живописи. Любил слушать в “Яре” цыганский хор. Он прославился красавицей женой Маргаритой Кирилловной (1873–1958), урождённой Мамонтовой – племянницей С. И. Мамонтова. В их дворце на Смоленском бульваре, д. 26/9 собирался цвет московской интеллигенции, устраивались знаменитые философские вечера. Маргарита Кирилловна занималась издательской деятельностью, ей принадлежало издательство “Путь”, дружила со знаменитыми поэтами, брала уроки музыки у Скрябина. Она бесплатно передала Третьяковской галерее картины Ван Гога, Ренуара, Врубеля, финансировала различные концерты. Но делала всё скромно, без помпы, поэтому её имени нет среди благодетелей. После ранней смерти мужа ей досталось громадное состояние. В 1917 году она лишилась всего принадлежавшего ей имущества. Долгие годы прожила в бедности и забвении, почти до конца жизни у неё не было даже собственной крыши над головой. Она выдержала все превратности своей судьбы со смирением и покорностью.

Брат Абрама Абрамовича Морозова – Давид Абрамович – построил на территории семейного гнезда Морозовых в Шелапутинском переулке богато, истратив на это полмиллиона рублей.

Захарычи Морозовы много сделали для создания в России ткацкого производства. Захар Саввич получил в наследство от отца капитал и небольшую красильню в Богородске, затем приобрёл местечко Глухово и 1844 году открыл Глухово-Богородскую механическую прядильную фабрику. Позднее она была преобразована в Товарищество Богородско-Глуховской мануфактуры. У Захара Савича было 6 сыновей и дочь.

Каждое последующее поколение Захарычей развивало и совершенствовало семейное производство. После смерти Захара Савича мануфактурой руководили его сыновья Андрей и Иван. Они расширили уже существующие ткацкую и прядильную и выстроили красильную и набивную фабрики. После смерти Андрея Захаровича его брат Иван с двумя своими сыновьями Арсением и Давидом выстроили ещё одну ткацкую фабрику. Арсений и Давид были не только энергичными и удачливыми предпринимателями, но и талантливыми людьми, интересовались литературой, издавали на свои средства три журнала.

В 1890 году фабрики были оснащены самым современным по тому времени механическим оборудованием, привезённым из Англии. Затем были построены крутильно-ниточная и Новоткацкая фабрика – одна из лучших и крупнейших в Европе, со стеклянным потолком для лучшего освещения. Глуховско-Богородскую мануфактуру составлял комплекс фабрик, выполняющий полный цикл работ. Руководил производством после смерти брата Давида, получая баснословные прибыли, Арсений Иванович Морозов. Арсений Иванович окончил московское коммерческое училище, затем учился в Англии, хорошо знал английский язык. Он построил для рабочих казармы, больницы, училище, гимназию, церковь. Очень любил церковное пение. В старообрядческом Богородском храме организовал великолепный хор, послушать который приезжали из Москвы.

Моя бабушка была солисткой этого хора и часто рассказывала мне об Арсении Ивановиче. О том, что он отправлял за свой счёт её и нескольких других самых талантливых солистов хора учиться пению в Италию. Но родители старообрядцы не желали и слышать о дочери-актрисе. Потом была московская коммуналка, ранняя смерть мужа, бедность. В далёкой юности остались мечты о сцене, тёплых странах и тихом местечке Глухово (ныне город Ногинск), где прошло её детство в доме на 4 семьи – такие дома строил Арсений Иванович для своих служащих. В её памяти он остался коренастым, с небольшой бородкой и умными глазами; он помогал всем, кто к нему обращался. Всю жизнь он прожил в Глухове до своей смерти в 1932 году. Она вспоминала, что после национализации производства молодёжь, отправленная им учиться

в Италию, материально помогала ему, находя способы переправить деньги из-за границы.

Расширение производства и баснословные прибыли Морозовых достигались жесточайшей эксплуатацией рабочих. Они трудились по 12 часов в день, дыша хлопковой пылью, испарениями ядовитых красок и кислот, поэтому на фабриках свирепствовал туберкулёз. Повсеместно использовался детский труд, особенно выгодный для хозяев, потому что оплачивался ниже. Худенький, измождённый ребёнок, волочащий корзину с пряжей, — обычная картина фабричной жизни. За тот же труд российский рабочий получал несравненно меньше своего европейского или американского собрата. Иногда штрафы отнимали до половины и без того нищенской зарплаты. Из-за тесноты в цехах часто происходили увечья. Жили приезжие рабочие в казармах, в которых с двух сторон в два этажа тянулись нары с узким проходом между ними. Одно помещение отделялось от другого только русскими. В таких условиях проходила вся жизнь рабочих. Можно сказать, что русская промышленность строилась на костях. Тяжёлые условия жизни привели к забастовке, которая произошла на Богородско-Глуховской мануфактуре в 1887 году. В 1885 году на всю страну прогремела так называемая “морозовская стачка” на Никольской мануфактуре, где условия труда и быта рабочих были ещё более тяжёлыми.

Никольскую мануфактуру унаследовал младший из сыновей основателя рода Тимофей Саввич. Она была самой крупной из мануфактур, принадлежавших 4-м ветвям Морозовых, а Тимофеичи — самой знаменитой ветвью династии Морозовых. Коммерческий гений Тимофея Саввича сделал мануфактуру лидером российской текстильной промышленности. Она побеждала на выставках в Париже и Чикаго, трижды ей присуждалось право маркировать свои изделия Государственным гербом. В Средней Азии у них были собственные хлопковые плантации. Ткани раскупались и в России, и за границей.

Мировые кризисы почти не отражались на их производстве. Тимофей Саввич был председателем Московского биржевого комитета, гласным (депутатом) Государственной думы. Не являясь высокообразованным человеком, до всего доходил своим умом, понимал значение образования и жертвовал крупные суммы на учебные заведения. Но он ввёл на фабриках такие жестокие порядки, что заслужил у рабочих прозвище “Вампир”.

Несмотря на выдающийся предпринимательский талант, он вошёл в историю как хозяин производства, на котором произошло первое организованное выступление рабочих — “морозовская стачка”. Суд над зачинщиками вылился в суд над хозяином фабрики и его порядками. После суда Тимофей Саввич заболел, отошёл от дел и вскоре умер, завещав огромную сумму на благотворительность. Жизнь он прожил с любимой женой, которую называл “Душечка”, — Марией Фёдоровной Симоновой, дочерью богатого купца, принесшей в приданое фабрику. Дедом Марии Фёдоровны был татарин, принявший православие. Отсюда и азиатские черты на лицах некоторых её детей. Несмотря на религиозность и щедрую благотворительность, Мария Фёдоровна отличалась стяжательством, как и её муж. После смерти в 1911 году в возрасте 80 лет она оставила состояние в 30 млн рублей. Она оказалась самой богатой женщиной в России.

У этой четы были 2 сына и 3 дочери. Семья жила в большом 2-этажном доме в Трёхсвятительском переулке, д. 1. В доме было 20 комнат, его окружал большой сад со староверческой моленной и зимней оранжереей. Здесь прошли детство и юность Саввы Тимофеевича Морозова (1862–1905). В этом районе им принадлежал большой участок земли и несколько особняков (Хохловский пер., д. 2, Подкопаевский пер., д. 2). Когда пришло его время, Савва Тимофеевич возглавил производство с огромной энергией и жадной деятельностью. Он был хорошо образован, окончил физико-математическое отделение Московского университета, изучал политэкономии и философию, затем учился в Кембридже, хорошо знал английское ткацкое производство. В Россию вернулся из-за смерти отца. Зная характер сына, отец завещал большее число паёв жене, а значит, фактической хозяйкой производства оставалась она, а Савва Тимофеевич был лишь совладельцем — управляющим, целиком зависевшим от воли матери. Для одарённого, самостоятельного, незаурядного человека зависимость от духовно чуждой ему матери была тяжела и унижительна.

Ему вовсе не хотелось идти проторенной дорогой, поскольку он был мало похож на других членов своей семьи. “Ох, Саввушка, ломаешь ты себе

шею”, – говорил ему отец. И кричал и топал ногами, когда сын уговаривал его улучшить условия труда и быта рабочих. Свою деятельность он начал с переоснащения производства. “Пришлось мне попотеть, – вспоминал Савва Тимофеевич. – Оборудование на фабрике допотопное, топлива нет, а тут конкуренция, кризис. Пришлось всё дело на ходу перестраивать”. Он построил турбинную электростанцию. Повысил зарплаты рабочим и почти совсем отменил штрафы. В Никольском построил цеха улучшенной планировки, больницу с обслуживанием на европейском уровне, новые казармы, богадельню, парк для народных гуляний, заложил здание театра, которое достроили после его смерти. Занимался общественной деятельностью. Был избран выборным Московского Биржевого общества. Общество это было объединением предпринимателей, самой влиятельной организацией промышленников в Москве. Избирался депутатом (гласным) Московской городской думы, был награждён многими самыми почётными в России наградами, 7 лет возглавлял Нижегородский ярмарочный комитет. Эта работа принесла ему всеобщее уважение.

Его зарплата управляющего равнялась зарплате министра, ему принадлежала городская недвижимость, земельные угодья. Он был пайщиком многих высокодоходных предприятий, человеком очень богатым, но с рабочими держался просто. Его часто видели в цехах. Возбуждённый и озабоченный, бегал он по этажам, входил во все мелочи. К нему, в отличие от отца и матери, рабочие относились с доверием. Он демонстрировал поразительные деловые качества, виртуозно вёл дела, получая огромные прибыли. Так же решительно, как управлял производством, строил он и свою личную жизнь. Страстно влюбился в жену своего двоюродного племянника, сына Викулы Морозова, Сергея, Зинаиду Григорьевну Зимину и отбил её у него. Сергей был беспутным гулякой и сочувствия ни у кого не вызывал. Но женитьба на разведённой в старообрядческой среде не допускалась. Мать говорила Савве: “Первый жених в России, а кого в дом привёл”. По одной версии, Зимина происходила из купеческой среды, по другой – до замужества была простой работницей на фабрике. Для любимой жены Савва Тимофеевич заказал архитектору Шехтелю невиданный в Москве замок, в котором сочетались готические и мавританские мотивы. Это здание сразу стало московской достопримечательностью (ул. Спиридоновка, д. 17). В чудесном замке Зинаида Григорьевна устраивала приёмы, балы, вечера, на которых присутствовали аристократы, иногда даже члены царской семьи, все московские знаменитости. Она щеголяла дорогими нарядами и чудесными жемчугами среди сказочного великолепия дворца, в котором особенно поражало обилие фарфора. Она не отказывала себе ни в чём: самые дорогие курорты, ложи в театрах. На половине Саввы Тимофеевича, наоборот, царил аскетизм, его жильё больше напоминало жилище холостяка. Взаимная сильная страсть свела их вместе. А когда страсть прошла, стало ясно, что у них нет ничего общего.

Заехав однажды в создаваемый Станиславским и Немировичем-Данченко новый театр, Савва Тимофеевич горячо увлёкся идеей театра, “без высочайшего покровительства”, в котором шли бы общественно значимые спектакли. Он материально поддержал театр в самый критический момент, когда решался вопрос о его существовании. Сумма его пожертвований доходила до 500 тыс. рублей. Среди имён создателей МХТ должно быть и имя Саввы Морозова. Он проводил на строительстве здания театра почти всё свободное время, сам красил и забивал гвозди. В МХТ он близко сошёлся с Горьким. Здесь встретил он свою великую и несчастную любовь. Её звали Мария Фёдоровна Желябужская, сценический псевдоним “Андреева”. Она происходила из обедневшей дворянской семьи. Её отец служил режиссёром Александринского театра, и очень красивую девушку ожидала сцена. Но замужество, рождение двух детей изменило её судьбу. Муж Андрей Желябужский, статский советник, был весьма состоятелен и старше её на 18 лет. Они жили вместе, как старые друзья. Оба увлекались искусством и участвовали в любительских спектаклях. Её жизнь была вполне устроена, спокойна. Она жила в окружении друзей дома и многочисленных поклонников, но душе хотелось большего: полёта, общественного служения. Гувернёр детей познакомил её с марксизмом, а приглашение играть в театре, создававшемся для людей всех сословий, было встречено с восторгом.

Савва Морозов преклонялся не только перед её женской прелестью, он видел в ней родственную душу. Много писали о том, сколько денег “вытяну-

ла” она из него на нужды партии большевиков, что “Искра” издавалась за его счёт, что Красин строил электростанцию Морозова и скрывался у него от полиции, что он укрывал Баумана. Такой ловкой была содержанка Андреева! А потом бросила его, увлеклась Горьким, муж не дал развода, и они жили гражданским браком. А Савва Морозов всё продолжал помогать большевикам и беззаветно любить её.

Странно читать всё это. Савва Морозов был человеком исключительного ума. Он читал Маркса и Ленина. И всё, что делал, он делал совершенно сознательно. Никогда не позволил бы он водить себя за нос, не полюбил бы такой великой и трагической любовью пустую кокетку или продажную женщину. Станиславский писал в известном письме к Андреевой: “Отношения Саввы Тимофеевича к Вам исключительные, это те отношения, ради которых ломают жизнь, приносят себя в жертву”. Станиславский упрекал её в актёрском тщеславии, в том, что она хвасталась поклонником-миллионером. Эта слабость не красила её. Но не было её вины в том, что она его не любила. Свою единственную в жизни любовь она отдала Горькому. В её глазах он был правдоискателем, сильным человеком, способным преодолеть и нищету, и любые невзгоды. А Савва Тимофеевич, продолжая безнадёжно любить её, остался в своей роскошной клетке, среди чуждых людей. “Одинок я очень, нет у меня никого”, — сказал он однажды Горькому. В своей среде друзей у него не было, купцов презрительно называл он *волчьей стаей*. Немирович-Данченко писал о нём: “Купец не смеет увлекаться. Он должен быть верен своей стихии выдержки и расчёта. Измена неминуемо приведёт к трагическому конфликту”. Так и произошло.

Савва Морозов был человеком исключительной социальной прозорливости. Став свидетелем Кровавого воскресенья 9 января 1905 года, он сказал Горькому: “Революция обеспечена. Годы пропаганды не дали бы того, что достигнуто в один день. Позволив убивать себя сегодня, люди приобрели право убивать завтра. Они, конечно, воспользуются этим правом”.

Он пошёл к председателю Совета министров Витте и говорил ему о необходимости покончить с самодержавием, о парламенте, выборах, о том, что жить так далее нельзя. Гражданская совесть истинно русского интеллигента не позволяла ему оставаться безучастным. Он понимал, что революция сметёт таких, как он, но судьба Родины была для него важнее. Он предвидел неизбежность революции и пытался сделать всё от него зависящее, чтобы предотвратить кровопролитие. Он составил программу неотложных социальных и политических реформ. Речь шла о введении конституционной формы правления. Савва Тимофеевич обратился за поддержкой к другим капиталистам, но не получил её. Документ обсуждался и на заседании правления Никольской мануфактуры, но и там не был поддержан. В феврале 1905 года прошли забастовки на Никольской мануфактуре. И хотя за 20 лет своего правления Савва Тимофеевич сделал для рабочих очень много, коренного улучшения их положения не произошло. Он целиком зависел от воли матери. Он хотел ввести 8-часовой рабочий день и повысить зарплату. В ответ она пригрозила ему учреждением опеки. Он требовал передать фактическое управление предприятиями в его руки, в ответ она устранила его от дел.

Одиночество и бессилие вызвали апатию. Он закрылся дома, перестал общаться с людьми. Родственники поспешили объявить о его нервном расстройстве и переутомлении. В мае он уехал с женой на юг Франции для “отдыха и лечения”. 13 мая в номере отеля “Ройаль”, на Лазурном берегу, миллионер-фабрикант Савва Морозов застрелился. Было ему 44 года. Часто высказывается мнение, что он был убит. При этом ссылаются на свидетельства его жены, которая утверждала, что видела в окно убегающего человека, что почерк предсмертной записки был изменён, а глаза его были кем-то закрыты. Никаких иных свидетельств, указывающих на убийство, кроме показаний жены, нет. Но если самоубийство было инсценировано, зачем было закрывать глаза, вызывая тем самым подозрения? Естественно, что почерк человека, стоящего у последней черты, меняется. И можно ли верить словам гордой и самолюбивой женщины, знавшей, что муж не любит её? Можно только предполагать, что творилось в её душе. Характерно то, как воспринял весть о самоубийстве Саввы Морозова хорошо его знавший М. Горький: “Я пережил час острой боли и невольно подумал, что из угла, в который условия затискали этого человека, был только один выход — в смерть. Он был

недостаточно силён, чтобы уйти в дело революции, но он шёл путём, опасным для людей его семьи и круга”.

Как не вспомнить слова отца Саввы Тимофеевича: “Ох, Саввушка, сломаешь ты себе шею!” Люди самобытные, богато одарённые, совестливые часто кончают трагически. Совесть истинно русского интеллигента не позволила Савве Морозову спокойно дожить жизнь на Лазурном берегу. Какой неправдоподобно редкий, благородный человек посетил этот мир, и какими несовременными, почти забытыми стали сегодня слова “совесть”, “русский интеллигент”... Зачем они? Сколько чиновников, призванные заботиться о благе России, беззастенчиво грабят её, не мучаясь угрызениями совести. Не трогают их судьбы миллионов обездоленных сограждан, интересам которых они обязаны служить. Савва Морозов считал, что в отношении угнетателей гуманность – ложь. Эти слова справедливы и сейчас. История учит, что рушились казавшиеся незыблемыми империи, где власть совершала преступления или утопала в роскоши и разврате, а народ был нищ и бесправен. Упаси нас Бог нарушить данный нам свыше таинственный нравственный закон! Человек не должен процветать, обворовывая других. Конец бывает страшен.

СВЕТЛАНА ЗАМЛЕЛОВА

“У НЕГО ЕСТЬ ТОЛЬКО ОДНА СТРАСТЬ...”

*Образ Иуды Искариота
в романе М. А. Булгакова “Мастер и Маргарита”*

Тема предательства Иуды Искариота никогда не теряла своей актуальности для теологии и особенно сотериологии. На протяжении веков существования христианства Церковь однозначно трактовала как евангельские события, связанные с именем Иуды Искариота, так и личность Апостола-предателя: “Иуда льстец, сребролюбия рачительствуяй, предати Тя, Господи, сокровище живота, лестно поучашеся, отнюдуже и упився, течет ко иудеям, глаголет беззаконным: что ми хотите дати, и аз вам предам, во еже распяти Его”¹; “нрав сребролюбия и образ твой безумия исполнь несмысленный Иудо: вверен бо был един токмо ковчезцу, всяко не преклонился еси к милосердию, но заключил еси жестокаго твоего сердца утробу, предав Единного Богоутробнаго. Нрав богоубийц проданию сребролюбца смесивыйся: ов убо ко убиению вооружився, ов же к сребреникам устремляшеся...”². Кроме того, психологическая мотивация совершённого Иудой предательства никогда не находилась в центре внимания ни евангелистов, ни следующих за ними церковных исследователей Священного Писания, поскольку практической ценностью его предательство измерено быть не может. И упоминаемое сребролюбие рассматривается обычно как “щель, делающая его доступным внушениям дьявола”³. Интерес к Иуде Искариоту, которого не обошла ни одна из существовавших экзегетических традиций, был связан, в первую очередь, с тем, что “в соответствии с древним принципом “проклят пред Богом всякий, повешенный на дереве” (Втор. 21:23), восходящим к архаическим ритуалам казни как заклания в жертву: повешенный на древе креста Христос, принявший на себя проклятие человечества, и повесившийся Иуда Искариот, несущий бремя собственного проклятия, представляют собой многозначительную внутреннюю антитезу”⁴. Характерно в этом смысле изображение Иуды на фреске Джотто (около 1305 года, Падуя, капелла дель Арена), где лица Христа и Иуды олицетворяют противоположные, разнополюсные человеческие качества: благородства и низости, величия и мелочности. Христианскую традицию не интересуют психологические мотивы поступка Иуды; для неё Иуда – олицетворение предательства, богоотступничества, он “предвосхищает выступление Антихриста; недаром он характеризуется словосочетанием “сын погибели” (Ин. 17:12), применённым в Новом завете также и к Антихристу (2 Фес. 2:3)”⁵, он исполняет пророчества (Иер. 32:9, Зах. 11:12, Пс. 108:1-2). Роль его в Евангель-

ской истории – скорее мистическая, именно с этой точки зрения смотрит на него христианская традиция, не пытавшаяся объяснить психологические противоречия его поведения и весьма осторожно относившаяся к попыткам такого рода. Но с появлением новых трудов по интерпретации новозаветных текстов такие попытки стали предприниматься не только религиоведами и философами, но и теологами. Кроме того, антитеза Христос/Иуда не раз, по словам С. С. Аверинцева, “подавала пластический мотив для изобразительного искусства”⁷⁶.

М. А. Булгаков предложил свою трактовку евангельских событий, которая восходит к нескольким источникам. Это, прежде всего, работа Ж. Э. Ренана “Жизнь Иисуса” (1860), книга Ф. В. Фаррара “Жизнь Иисуса Христа” (1874), рассказ А. Франса “Прокуратор Иудеи” (1891), эссе А. М. Фёдорова “Гефсимания” (1911), пьеса С. М. Чевкина “Иешуа Ганоци. Беспристрастное открытие истины” (1922)... Говоря о романе Булгакова, А. Зеркалов утверждает даже, что “в “Мастере и Маргарите” все без исключения основные герои – либо персонажи других книг, либо литераторы, либо и то, и другое вместе. Даже Стёпа Лиходеев явился из “Фауста” (директор театра, выпустивший на сцену Сатану...)”⁷⁷.

Значительно и совершенно очевидно влияние на Булгакова Ф. В. Фаррара. Вот, например, описание дворца Ирода Великого у Фаррара: “Между двумя колоссальными флигелями из белого мрамора находилось открытое пространство <...>, оно было <...> вымощено богатой мозаикой и снабжено фонтанами и резервуарами, чередовавшимися с зелёными аллеями, в которых находили для себя приятное убежище целые стаи голубей”⁷⁸. А вот как описывает дворец Булгаков: “... В крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат... На мозаичном полу у фонтана уже было приготовлено кресло... Слышно было, как ворковали голуби на площадке сада у балкона, да ещё вода пела замысловатую приятную песню в фонтане”⁷⁹. Сравним описание императора Тиверия, о котором вспоминает Пилат при вынесении смертного приговора Христу, у Фаррара: “При этом страшном, мрачном имени кесаря дрогнул Пилат. Это было заклятое имя, и оно обезоружило его. Он вспомнил о том страшном орудии деспотизма, об обвинении в *laesa majestas*, оскорблении величества, перед которым бледнели все другие обвинения, которое так часто приводило к конфискации и пытке и благодаря которому кровь иногда, как вода, лилась по улицам Рима. Ему предстал Тиверий, престарелый, мрачный император, который тогда жил на острове Капрее, скрывая от людей своё прокажённое лицо, свои злобные подзвонения, своё болезненное распухание, свою отчаянную месть”⁸⁰. А вот описание восприятия Пилатом Иешуа Га-Ноцири у Булгакова: “Так, померещилось ему, что голова арестанта уплыла куда-то, а вместо неё появилась другая. На этой плешивой голове сидел редкозубый золотой венец; на лбу была круглая язва, разъедающая кожу и смазанная мазью; запавший беззубый рот с отвисшей нижней капризной губой. <...> И со слухом совершилось что-то странное, как будто вдаль проиграли негромко и грозно трубы, и очень явственно послышался носовой голос, надменно тянущий слова: “Закон об оскорблении величества...””⁸¹

Даже неоднократно повторяемые Булгаковым слова “ненавидимый прокуратором город” восходят к Фаррару, который пишет, что “неразлучные с большим годовым праздником торжества и опасности вызвали Пилата из его обычной резиденции в Кесарии Филипповой в столицу ненавистного ему народа и в главный очаг презираемого им фанатизма”⁸². За что же Пилат так ненавидел евреев? Фаррар отмечает, что покровитель Пилата Сеян выказывал к еврейскому народу “крайнее отвращение”, и Пилат, возможно, вторил ему. Но были у Пилата и собственные основания ненавидеть евреев и присущий им фанатизм. Фаррар описывает три случая, повлиявшие на отношение Пилата к вверенному его попечениям народу. Воины только что утверждённого прокуратора Иудеи перенесли, с его дозволения, серебряных орлов и другие значки легионов из Кесарии Филипповой в Иерусалим. Евреи сочли это осквернением священного города и в течение недели осаждали резиденцию Пилата в Кесарии, требуя у прокуратора удалить языческие изображения из Иерусалима. Пилат принуждён был уступить. В другой раз прокуратор решил устроить в необеспеченном водой Иерусалиме водопровод, для чего взял деньги из церковной сокровищницы, называвшейся “карван”. Но едва только

иудеи прослышали, что “священные” деньги идут на гражданское дело, как снова принялись бунтовать и возмущаться. Наконец, третье столкновение Пилата с иудейским фанатизмом произошло, когда прокуратор вывесил в Иродовом дворце несколько позолоченных щитов, посвящённых императору Тиберию. Открытое возмущение народные вожди сопроводили ещё и жалобой на имя Тиберия, в результате чего Пилат получил выговор от императора¹³.

Что бы ни предпринимал Пилат в Иерусалиме, всюду наталкивался он на оскорблённые предрассудки и яростные бунты. Результатом этого стали ненависть и презрение прокуратора к подвластному народу, ненавидевшему и презиравшему всё чужое, видевшему кругом угрозу своему преданию.

В пьесе Чевкина имена и географические названия даны в еврейской транскрипции. Чевкин утверждал, что восстановил реальные имена. Именно поэтому Иисус в его пьесе сделался Иешуа, Никодим – Накдимомом, а Савл-Павел – Шаулем¹⁴. В романе “Мастер и Маргарита” оставленный Чевкиным без изменений “Иерусалим” стал “Ершалаимом”. Также и ряд латинских слов обрели своё первоначальное произношение, характерное для I в. н. э. Таковы, например, “кесарь” и “кентурион” вместо “цезарь” и “центурион”¹⁵. Некоторые из персонажей “ершалаимских глав” романа “Мастер и Маргарита”, например, начальник тайной стражи Афраний или кентурион Марк Крысобой отсылают читателя к пьесе Чевкина, герои которой – трибун Корнелий Сабин и сотник Петроний – отдельными своими чертами напоминают булгаковских персонажей¹⁶.

В то же время Булгаков словно полемизирует с Чевкиным относительно главного действующего лица – Иешуа Га-Ноцри, которого Чевкин попытался изобразить проходивцем и честолюбцем, борющимся с саддукеями за власть¹⁷. Иешуа Булгакова – это философ и мечтатель, призывающий к всеобщей любви и почитающий всех людей добрыми. “Добрый человек?” – спрашивает Пилат у арестованного Иешуа Га-Ноцри о предателе Иуде. “Очень добрый и любознательный человек”, – отвечает Иешуа.

В рукописях романа Иуда зовётся по-разному: “Иуда из Кариот” или “Искарриот” (1928–1929); “Иуда из Кериота” (1932–1940); “Иуда из Кериафа” (1937–1938). И наконец, в окончательном варианте Иуда назван Булгаковым “Иудой из Кириафа”¹⁸. Ф. В. Фаррар называет Апостола-предателя “Иудой Искариотом”¹⁹ или “Иудой из Кариота”²⁰. Ж. Э. Ренан называет Иуду “Иудой из Кериота”²¹. Город же Кириаф упоминается в книге Иисуса Навина: “Города же их были: Гаваон, Кефира, Беероф и Кириаф-Иарим) (9:17). Кроме того, в Библейской энциклопедии архимандрита Никифора сказано: “Кириаф – из южных городов колена Иудина к югу от Хеврона”²². Хотя самого Иуду архимандрит называет “Искарриотским” и добавляет, что он из города Кариот²³.

В романе “Мастер и Маргарита” Иуда появляется уже во второй главе романа (первой из ершалаимских глав), когда прокуратор Иудеи Понтий Пилат разбирает дело арестованного Иешуа Га-Ноцри. Сначала секретарь подаёт Пилату один свиток, а через некоторое время – другой. Из первого свитка, как это становится очевидным из дальнейшего текста, Пилат узнаёт, что арестованный явился в город через Сузские ворота верхом на осле, что чернь приветствовала его криками и что затем уже на городском базаре арестованный обращался к толпе с призывом разрушить ершалаимский храм. Рассмотрев дело, Пилат, расположившийся к Иешуа Га-Ноцри, намеревается освободить его из заключения. Но чтобы проповедь философа не послужила причиной волнений в городе, Пилат думает удалить Га-Ноцри из Ершалаима и подвергнуть заключению в Кесарии Стратоновой, то есть в собственной своей резиденции²⁴. В это самое время секретарь подаёт прокуратору второй свиток, и прокуратор изменяет свои намерения. Из этого второго свитка Пилат узнаёт нечто, что одновременно пугает и возмущает его.

Второй свиток открыл Пилату сложнейшую интригу, затеянную иудейскими первосвященниками. Узнав о проповеди бродячего философа Иешуа Га-Ноцри, развивавшего перед толпой идею о грядущем царстве истины, первосвященники начинают опасаться, как бы Пилат не использовал эту проповедь, чтобы погубить ненавидимый им иудейский народ. Ведь мысль о том, что “настанет время, когда не будет власти ни кесарей, ни какой-либо иной власти”²⁵, можно при желании истолковать как призыв к свержению римской имперской власти. “Ты хотел его выпустить затем, чтобы он смутил народ, над верою надругался и подвёл народ под римские мечи!” – говорит Пилату первосвященник

Каиафа²⁶. Для того чтобы этого не произошло и чтобы Пилат не смог освободить Иешуа, первосвященники устраивают для Га-Ноцри подлую ловушку, в которую, сам того не ведая, попадает и прокуратор. Иешуа провоцируют на разговор о верховной власти. Разговор, в сущности, невинный, но его можно признать оскорбляющим императорское величество. И стоит только Пилату заикнуться о попрании первосвященниками закона, как тут же против него будет выдвинуто обвинение в *laesa majestas* – в оскорблении величества.

Из чего же всё это следует? И почему речь идёт о беззаконии первосвященников? Ознакомившись со вторым свитком, разгневанный Пилат спрашивает Иешуа: "... Отвечай, знаешь ли ты некоего Иуду из Кириафа, и что именно ты говорил ему, если говорил, о кесаре?"²⁷ И выслушав рассказ о том, как Иуда, с которым Иешуа познакомился позавчера вечером возле храма, пригласил его к себе домой, Пилат саркастически отзывается: "Светильники зажгёг..."²⁸. Этот комментарий Пилата проливает свет на многое. По еврейскому закону допускалось и даже предписывалось устраивать для преступников или подозреваемых в преступлении ловушки. Вот соответствующая статья: "Ни для кого из подлежащих смерти, по определению Торы, не устраивают засады, кроме совратителя. (Если тот хитёр и не может говорить при них, то ставят свидетелей в засаде позади стены.) ... А он сидит во внутреннем помещении; и зажигают для него светильник, дабы видели его и слышали его голос... Начинают разбор его дела и кончают даже ночью"²⁹. Существенным является то, что ловушки или засады разрешалось устраивать только для совратителей. Совратителями же закон называл тех, кто призывал к совершению языческих обрядов. Иными словами, совращал истинно верующих во тьму язычества. Никакое другое преступление не считалось у иудеев чрезвычайным и не требовало немедленной поимки преступника при помощи засады. Если подозрения в совращении подтверждались, преступника следовало подвергнуть аресту незамедлительно, даже если дело происходило ночью. Но в том случае, если подозреваемый оказывался невиновен или раскаивался в своих заблуждениях, об аресте не могло быть и речи. Более того, Иешуа говорит Пилату, что Иуда попросил его "высказать свой взгляд на государственную власть"³⁰. Но по закону Иуда не имел никакого права заводить подобные разговоры с Иешуа, устраивая ему ловушку. Если в доме Иуды была устроена засада, значит, Иешуа подозревали в совершении языческих жертвоприношений. И тогда Иуда мог добиваться от Иешуа признаний исключительно в совершении языческих жертвоприношений. Кроме того, если бы Иуда услышал от Иешуа такое признание, он был бы обязан приступить к нему с уговорами о раскаянии. И если бы уговоры возымели силу и преступник действительно раскаялся, его нельзя было бы арестовать. Таковы были предписания Торы, таков был иудейский закон, на страже которого и стояли первосвященники³¹. Однако здесь установления Торы были самым решительным образом попораны самими же первосвященниками. Конечно, самая неприглядная роль досталась Иуде, согласившемуся за деньги нарушить священный закон. Вот причина гнева прокуратора: те самые иудеи, что поднимали в Ершалаиме мятежи в защиту своего закона, когда Пилат, руководствуясь их же благом, пытался устранить неудобство недостаточного водоснабжения в городе или украшал стены своей резиденции цитами с вензелями императора, с непревзойдённым цинизмом и лицемерием сами попирают свой закон.

Любопытно, что суд, произведённый первосвященниками над Христом, тоже изобилует нарушениями. Закон в ходе судебного разбирательства попирался неоднократно. "Лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб" (Ин. 11:50), – сказано в Евангелии. Решение осудить на смерть опасного Галилеянина первосвященник Каиафа озвучил в тот день, когда Иисус воскресил Лазаря, то есть за неделю до утверждения Пилатом смертного приговора. Вынести еврею смертный приговор могла только высшая судебная инстанция – великий синедрион. Но его непосредственному суду подвергались лишь его члены. Все остальные дела выносились на суд местного синедриона. Местный синедрион производил допрос виновного, и только потом решал, отправлять или нет дело в высшую судебную инстанцию.

Существует предположение, что тесть первосвященника Каиафы Анна возглавлял местный синедрион. Вот почему арестованного Христа сразу привели в его дом. Иосиф Флавий отмечает, что Анна, бывший первосвященником при прокураторе Квиринии, имел пятерых сыновей, каждый из которых

в своё время также становился первосвященником³². Кроме того, как известно из Евангелия, муж дочери Анны — Иосиф, прозванный Каиафой, — был первосвященником, осудившим на смерть Иисуса Христа.

Судебный процесс у евреев начинался с жалобы свидетелей. Свидетели выступали и в качестве обвинителей, и в качестве полиции, доставлявшей виновного в суд. Не основываясь ни на чьей жалобе, синедрион не мог совершить суд над кем бы то ни было. Неспроста Христос на вопрос Анны “об учениках и учении Его” (Ин. 18:19) отвечал: “Что спрашиваешь Меня? Спроси слышавших, что Я говорил им; вот они знают, что Я говорил” (Ин. 18:21), — указывая на незаконность допроса, поскольку никто из свидетелей не выступил с обвинением. Вслед за тем один из слуг Анны, желая, очевидно, угодить своему господину, бьёт Христа по щеке, в то время как из Деяний Св. Апостолов (Деян. 23:3) мы знаем, что закон запрещал бить подсудимого. И Христос вновь указывает на незаконность действий, совершаемых над Ним: “Если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьёшь Меня?” (Ин. 18:23)³³

Анна, понимая всю незаконность ареста и допроса, отправляет Узника к Каиафе, перекладывая на зятя всю ответственность за совершаемое беззаконие.

Между тем, в доме у Каиафы успел собраться весь синедрион. Время заседаний малого или местного синедриона ограничивалось рассветом и третьим часом пополудни. Великий синедрион мог собираться во все дни, кроме суббот и праздников, в часы между утренним и вечерним жертвоприношением. Утренняя жертва совершалась с появлением зари, а спустя час сжигалась; вечерняя жертва приносилась с наступлением сумерек. Другими словами, великий синедрион мог собираться в светлое время суток. Кроме того, рассмотрение сложных дел, могущих повлечь за собой вынесение смертного приговора преступнику, не назначалось на пятницу или накануне праздника, поскольку оглашение судебного решения в таких случаях производилось на следующий день после вынесения приговора. Но ни в субботу, ни в праздничный день делать этого было нельзя, поэтому сложные дела не рассматривались по пятницам и предпраздничным дням³⁴.

Талмуд полон сокрушений о смертных приговорах и поспешных судебных решениях. Древнееврейский суд чётко придерживался принципа презумпции невиновности, рассматривая сначала обстоятельства, которые могли оправдать подсудимого, и лишь потом приступая к разбору обвинений. Свидетельствовать в суде могли только лица, бывшие в обществе на хорошем счету. Ни ростовщики, ни любители азартных игр, ни торговцы, о которых было известно, что они обвешивают покупателей, ни, равно, родственники судей и обвиняемого не могли выступать в суде свидетелями. Показания свидетелей должны были отличаться точностью и совпадать в деталях. В неканонической тринадцатой главе книги пророка Даниила описывается, как обличены были два старца, ложно свидетельствовавших против Сусанны (Дан. 13:51-62): допросив их по одному, суд поймал их на разногласиях³⁵.

Оправдательный приговор мог быть вынесен в самый последний момент, для чего один из судей оставался с белым платком в руках на пороге судилища, другой верхом сопровождал осуждённого к месту казни. И если до того, как совершилась казнь, кто-нибудь являлся в суд с доказательствами невиновности осуждённого, с порога судилища подавался знак белым платком, и казнь отменялась, дело отправлялось на пересмотр³⁶.

Итак, Христос был схвачен не обвинителями и не свидетелями преступления, никаких жалоб на Него не поступало, в связи с чем Он не мог быть арестован и уж тем более бит. Но кроме того, в Евангелии читаем: “Пётр опять отрёкся; и тотчас запел петух” (Ин. 18:27). В то самое время, когда Апостол, уверявший Учителя, что “с Тобою я готов и в темницу, и на смерть идти” (Лк. 22:33), в третий раз от Него отрёкся, суд был в самом разгаре. Ночь у римлян и евреев делилась на временные отрезки — стражи. Та стража, когда начинали петь петухи, обозначалась термином *gallicinium*, и наступала она в четвёртом часу утра, то есть явно до восхода солнца. Но заседание верховного синедриона по еврейскому закону не могло совершаться в тёмное время суток. Значит, и сборище, и вынесенный им приговор были незаконны³⁷.

Евангелист говорит: “... Многие лжесвидетельствовали на Него, но свидетельства сии не были достаточны” (Мк. 14:56). Недостаточными свидетельст-

ва оказывались потому, что по закону для подтверждения вины необходимо было двое или трое свидетелей (Числ. 35:30; Втор. 19:15). При этом их свидетельства должны были быть полностью идентичными, не расходящимися в деталях. Но не нашлось и двух свидетелей, по обвинению которых Подсудимому мог бы быть вынесен смертный приговор. И тогда первосвященник прибегает к заклятью, то есть под угрозой проклятья требует Подсудимого ответить на вопрос: "... Ты ли Христос, Сын Божий?" Подобную меру могли применить в древнееврейском судопроизводстве исключительно по отношению к заправившимся свидетелям (Лев. 5:1). "Ты сказал..." — отвечает Христос. Это и нужно было услышать первосвященнику. Ответ немедленно расценивается как богохульство. А хула, или оскорбление Божественного величия, считалась у древних евреев одним из серьёзнейших преступлений, за совершение которого наказывали смертью³⁸.

Но свидетельства обвиняемого против самого себя не могли быть основанием для вынесения ему приговора. Преступление могло быть доказано только при наличии двух или трёх свидетелей. И снова первосвященники нарушили закон, вынудив Обвиняемого свидетельствовать против Себя и приняв Его свидетельство за основание для вынесения приговора.

Итак, собравшись ночью, накануне субботы, совершив арест без жалобы, а суд — без свидетелей, синедрион вынес смертный приговор, для утверждения которого собрался вновь не через сутки, а всего лишь через несколько часов. Тогда же был вынесен и окончательный приговор, утверждённый Пилатом, тогда же совершилась и казнь. Всё было сделано накануне субботы, в спешке, с вопиющими нарушениями. Свершился не суд — свершилось беззаконие.

Но если евангельский Иуда-предатель не причастен к нарушению предписаний закона, то Иуда из Кириафа в романе Булгакова — не столько предатель, сколько активный участник беззакония.

Чевкин, анализируя предательство евангельского Иуды, представил целый перечень причин, побуждающих человека к предательству: "История учит, что если из какой-либо заговорщицкой организации один из членов её уходит на сторону врагов или просто покидает организацию, то здесь всегда или уязвлённое самолюбие, или разочарование в идеях, целях организации или личности вожака, или древняя борьба за самку, или всё это вместе в различных комбинациях. Иногда, правда, примешивается корыстолюбие, но не как причина, а как следствие"³⁹. Современный булгаковед Б. В. Соколов вслед за Чевкиным полагает, что корыстолюбие не является причиной предательства булгаковского Иуды. По мнению Соколова, Иуда любит Низу и стремится разбогатеть, чтобы увести её от мужа⁴⁰. Но сложно найти подтверждение этой версии в романе. Иуда нигде не проговаривается и ничем другим не выдаёт, что хочет увести Низу. Кроме того, Иуда не мог быть разочарован ни в идеях Иешуа Га-Ноцри, ни в его личности, поскольку он не был учеником Иешуа, а познакомился с ним лишь накануне предательства. Даже предательством нельзя назвать поступок Иуды — скорее, это провокация. "У него есть только одна страсть... — страсть к деньгам"⁴¹, — говорит об Иуде начальник тайной стражи Афраний. Об Иуде также известно, что он молод, красив и любит свою внешность, которую холит. Иуда работает в меняльной лавке, то есть имеет дело с валютой, что, кстати, перекликается с московскими главами романа, где целый ряд персонажей в результате дьявольских козней становятся гонимыми государством валютчиками. Афраний говорит об Иуде, что он не фанатик, как большинство иудеев⁴². Речь, конечно, идёт о религиозном фанатизме, что в данном случае может означать следующее: Иуда не из тех, кого оскорбляют языческие символы в священном городе и кто ради чистоты веры готов броситься на римские мечи, он не станет жертвовать собой ради идеи, у него не так уж много почтения к святыням: даже в Пасху, вместо того чтобы праздновать, по традиции, с родными, он с лёгкостью отправляется на свидание к Низе. Скорее всего, булгаковский Иуда принадлежит к тому типу людей, у которых принцип "курочка по зёрнышку клюёт" не вызывает улыбки, а является прямым побуждением к действию. Состояния сколачиваются из грошей теми, кто ничем не брезгует и ни о чём не жалеет.

Булгаковский Иуда не может быть назван предателем — он провокатор. За деньги он соглашается нарушить предписание Торы. Он специально знакомится с Иешуа, чтобы пригласить Его к себе домой, где устроена засада. Уже дома он провоцирует Иешуа на разговор, за который доверчивый фило-

соф платит жизнью. Тем не менее, с точки зрения аксиологии, булгаковская трактовка образа Иуды вполне традиционна. Но нельзя утверждать, что Булгаков просто на свой лад пересказывает Евангелие. Ершалаимские главы – это система образов. Это философия евангельских событий: Булгаков обращается к хорошо всем знакомым персонажам, которые не являются в романе самими собой, и Булгаков подчёркивает это изменёнными, иначе транскрибируемыми именами. В каждого героя Булгаков заключает часть своего видения евангельских событий.

Трактовка писателем образа Иуды Искариота представляет одну из наиболее художественно проработанных и философски осмысленных трактовок этого образа в литературе XX века. Булгаков не предпринимает попыток огульного обеления Апостола-предателя, он создаёт многослойное, полифоничное повествование, главным образом, намёками. В результате, булгаковский Иуда не просто не повторяет Иуду из Евангелий, но и выходит за пределы этого образа, олицетворяя “колени Иудино”, возвращая читателя к незаконному суду иудейских первосвященников над Христом.

Понятый таким образом Иуда из Кириафа претендует на более пристальное внимание и более серьёзное отношение со стороны читателей и исследователей творчества М. А. Булгакова.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Седален утрени Святой и Великой Среды.

² Повечерие Великого Четвертка.

³ Аверинцев С. С. София-Логос. Словарь. – Киев, 2005. С. 237.

⁴ Там же. С. 237.

⁵ Там же. С. 237.

⁶ Там же. С. 237.

⁷ Зеркалов А. Евангелие Михаила Булгакова. Опыт исследования ершалаимских глав романа “Мастер и Маргарита”. – М., 2006. С. 187.

⁸ Фаррар Ф. В. Жизнь Иисуса Христа. – М., 1991. С. 521.

⁹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. – Ижевск, 1987. С. 34–37, 429.

¹⁰ Фаррар Ф. В. Жизнь Иисуса Христа... С. 536.

¹¹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита... С. 48.

¹² Фаррар Ф. В. Жизнь Иисуса Христа... С. 520.

¹³ Там же. С. 518–520.

¹⁴ Иуда из Кириафа // Соколов Б. В. Энциклопедия Булгаковская. – М., 1998. С. 226.

¹⁵ Христианство // Соколов Б. В. Энциклопедия Булгаковская. – М., 1998. С. 494.

¹⁶ Там же. С. 495.

¹⁷ Там же. С. 495.

¹⁸ Литературные источники черновых вариантов “древних” глав “Мастера и Маргариты” // Галинская И. Л. Наследие Михаила Булгакова в современных толкованиях. Сборник научных трудов. URL: www.ahmerov.com/book_519_character_10_LEGISLATIVE_PROVISION_OF_DONORSHIP_IN_UKRAINE.html (18.12.11.)

¹⁹ Фаррар Ф. В. Жизнь Иисуса Христа... С. 142, 404, 457, 546.

²⁰ Там же. С. 142–143.

²¹ Ренан Э. Жизнь Иисуса, – М., 1990. С. 251.

²² Иллюстрированная полная популярная Библейская энциклопедия архимандрита Никифора. – М., 1990. С. 394.

²³ Там же. С. 370.

²⁴ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. С. 47.

²⁵ Там же. С. 51.

²⁶ Там же. С. 60.

²⁷ Там же. С. 49.

²⁸ Там же. С. 49.

²⁹ Цит. по: Зеркалов А. Евангелие Михаила Булгакова... С. 88.

³⁰ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита... С. 50.

³¹ Зеркалов А. Евангелие Михаила Булгакова... С. 88–89.

³² Маккавейский Н. К. Археология истории страданий Господа Иисуса Христа. – Киев, 2006. С. 59.

³³ Там же. С. 38–56.

³⁴ Там же. С. 76–79.

³⁵ Там же. С. 79–93.

³⁶ Там же. С. 73.

³⁷ Там же. С. 78.

³⁸ Там же. С. 85.

³⁹ Иуда из Кириафа // Соколов Б. В. Энциклопедия Булгаковская. – М., 1998. С. 226.

⁴⁰ Там же. С. 226.

⁴¹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. С. 436.

⁴² Там же.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Библия.
2. Аверинцев С. С. София-Логос. Словарь. – Киев, 2005.
3. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. – Ижевск, 1987.
4. Галинская И. Л. Наследие Михаила Булгакова в современных толкованиях. Сборник научных трудов. http://www.ahmerov.com/book_519_chapter_10_LEGISLATIVE_PROVISION_OF_DONORSHIP_IN_UKRAINE.html (18.12.11.)
5. Зеркалов А. Евангелие Михаила Булгакова. Опыт исследования ершалаимских глав романа “Мастер и Маргарита”. – М., 2006.
6. Иллюстрированная полная популярная Библейская энциклопедия архимандрита Никифора. – М., 1990.
7. Маккавейский Н. К. Археология истории страданий Господа Иисуса Христа. – Киев, 2006.
8. Ренан Э. Жизнь Иисуса. – М., 1990.
9. Соколов Б. В. Энциклопедия Булгаковская. М., 1998.
10. Фаррар Ф. В. Жизнь Иисуса Христа. М., 1991.

Памяти замечательного критика и учёного Александры Ивановны Баженовой, автора “Нашего современника” с 2002 года, глубокого исследователя древнерусских памятников слова и современной русской литературы (её биография Анатолия Передреева и поныне остаётся лучшей), мы посвящаем публикацию настоящей статьи, присланной в редакцию незадолго до трагической гибели её автора.

АЛЕКСАНДРА БАЖЕНОВА

“ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЛЕКСИКОГРАФЫ”, ИЛИ “ДЕРЖАВНАЯ СЛУЖБА СЛОВАРЕЙ”

Как красив, многосмыслен, глубок русский язык! Иные слова малоупотребительны из-за нынешней тенденции всё обуживать, упрощать, усреднять, нивелировать. Но когда откроешь древнерусский словарь, диву даёшься его богатствам! Восхищает сама лексика – слова русские, магнетически скованные настоящей любовью народа, песнь поэтической гармонии души и мудрости наших предков: “понадобье”, “поволока”, “померкнути”, “поотрадети”, “поостеречься”, “попечаловатися”, “похаживать”, “привадить”, “повидаться”, “порозно”, “посадник”, “послышати”, “посредок”, “потакать”, “перекор”, “потвора”, “прехитрый”, “пресильно”, “преискренний”... (все слова из томов на “П” “Словаря русского языка XI–XVII вв.”). Продолжать эту музыку незащёптых вероломной зыбью веков слов можно сколь угодно долго – до полного восстановления гармонии в душе и умиротворения. Песок времён гранил светлый алмаз родной речи, концентрируя нетленный свет её в тёмной толще веков, где в отдельном слове мысль тысячелетий запечатлена, как океан в капле воды. “Язык, – говорил А. Шахматов, может сделать меня поэтом и отчасти сделал: это язык... познакомил меня с мыслями человека”.

Все слова русского языка (по-научному – “лексика”) хранятся на карточках, в большинстве написанных вручную, в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Картотека эта составлялась с 1925 года многими, в том числе и очень известными лексикографами: А. И. Соболевским, М. Н. Сперанским, Б. А. Лариным и другими.

Описать разнообразную деятельность наиболее значимых собирателей русских слов, тружеников лексической науки решила выдающийся русский лексикограф, доктор филологических наук, многолетний создатель (1975–2003) и главный редактор “Словаря русского языка XI–XVII вв.” Галина Александровна Богатова. Она работала с картотекой русских слов более 50 лет. Книга **“Отечественные лексикографы”** под ред. Г. А. Богатовой вначале вышла в издательстве “Наука” (2000), затем (в 2011; М., “Русская

панорама”, 640 стр.) появилось второе издание, исправленное и дополненное, которому посчастливилось выйти в свет Фонд исторической перспективы, возглавляемый Н. А. Нарочницкой. Такие серьезные, фундаментальные издания, увы, сейчас рождаются и издаются с большими трудностями.

Лишь отдельные разделы книги (И. И. Срезневский, И. Н. Березин) принадлежат перу Г. А. Богатовой. О А. Х. Востокове написал В. В. Колесов, о В. И. Дале — Ю. М. Костинский, о Е. Р. Дашковой — Е. И. Державина, о А. А. Шахматове — В. И. Макаров, Т. С. Коготкова, об С. И. Ожегове — Л. И. Скворцов, о Фасмере — М. И. Чернышёва, о В. В. Виноградове — В. И. Аннушкин и так далее... 32 лексикографа описаны почти таким же количеством авторов. Блок каждого лексикографа содержит хронологию, очерк жизни и деятельности, указания на основные труды, иногда — архивные материалы, отзывы современников.

Историю русской лексикографической науки желательно знать каждому русскому человеку, особенно человеку, имеющему дело со словом, языком, пишущему или преподающему словесность.

Как всё у нас начиналось? В 1783 году наряду с Академией Санкт-Петербурга (основанной в 1725 году Петром I) была создана Российская Академия наук, которая основной своей задачей определила составление грамматик и словарей. Русская лексикография как самостоятельное направление зародилась в её стенах. Именно здесь она набирала силы и была в течение определённого времени ведущим направлением академической науки.

Программы учебных заведений, созданных при Петре I (народных училищ, навигацких школ, духовных семинарий), требовали создания учебников и переводов передовых научных трудов западных авторов. Необходим был учёный-переводчик, знаток отечественного слова. Он стоял перед необходимостью отбора, а подчас и создания нового слова. При этом ни одного русского словаря ещё не было! Но люди, желавшие служить Отчизне в этом направлении, уже появились. В 1734 году было создано “Российское собрание академических переводчиков”, “дабы радеть о возможном дополнении российского языка, его чистоте, красоте и желаемом... совершенстве” (В. К. Тредиаковский). Раньше других необходимость изучения русского языка, составления его грамматик и словарей ощутил М. В. Ломоносов. Его “Российская грамматика”, сочинение “О пользе книг церковных”, содержащее теорию “трёх штилей”, и другие работы стали научно-теоретической основой, опираясь на которую можно было приступить к описанию словарного состава языка, обозреть нетеренные богатства устных и письменных источников русского языка. Главная цель, ради которой учреждалась новая Академия, — создать российский словарь, способный “усовершенствовать и возвеличить слово наше” (М. В. Ломоносов).

Работа над первым отечественным словарём началась буквально на первом же учредительном заседании 21 октября 1783 года, где президент Российской Академии Е. Р. Дашкова (1743–1810) зачитала её Устав. Первый Словарь Академии Российской увидел свет в 1789–1794 годах. В следующем году морской офицер и переводчик Александр Семёнович Шишков (1754–1841) издал “Трёхязычный морской словарь”, после чего в 1798 году был избран членом Российской Академии. Им опубликованы многочисленные статьи по этимологии, теории перевода, синонимии. В 1812 году он как царский референт писал многие патриотические манифесты, в которых император Александр I призывал своих подданных наказывать Наполеона. Не случайно позже Пушкин восклицал: “Сей старец дорог нам, он блещет среди народа священной памятью двенадцатого года”. В 1813 году Шишков был назначен президентом Российской Академии. В 1838 году был переиздан “Сравнительный словарь всех языков и наречий”.

После основательного в филологической науке А. К. Востокова (1781–1864), создавшего “Рассуждение о славянском языке...” (1820), “Русскую грамматику”, “Словарь церковнославянского и русского языка” (1831), “Опыт областного великорусского словаря” (1838) и другие, пришёл “одарённый выдающимся талантом наблюдения” (А. И. Герцен) В. И. Даль (1801–1872). Он задался целью “восполнить иссушительное обеднение русского языка и всеобщее падение чутья к нему...”. В. И. Даль собирал свой словарь 40 лет, параллельно создавая на том же богатом материале русских памятников и фольклорных находок “Пословицы русского народа”, “Русские сказки”. В 1863–1866 годах вышел “Толковый словарь живого великорусского языка”, которым и мы с ва-

ми пользуемся и который любим. Даль привлёк всеобщее внимание к неиспользуемым запасам русского языка, к свежей интересной периферийной лексике, полузабытым выразительным исконно русским словам. Всё это оказывало и оказывает ныне влияние на развитие образованности народной. Любя и понимая русских, он указал средства народного обновления русской литературы девятнадцатого века.

Но не только это. Он знал, как обогатить (а не испортить!) русский язык иностранными словами, которые — хочешь, не хочешь — попадали в него. Даль говорил: "...Если уж мы взяли иностранное слово, не надо ставить его в Бог весть какие необыкновенные условия. Пусть подчиняется правилам нашей грамматики и произносится так, чтобы для русского человека оно не было диковато на слух".

Измаил Иванович Срезневский (1812–1880) заполнил пустовавшую до того нишу отечественных славистов-историков. Увлёкшись вначале украинской стариной и языком, затем он выехал для изучения славянских языков и культуры в южно- и западнославянские страны и Германию (завоевавшую в раннем Средневековье огромные западнославянские территории. Там и поныне сохранилась культура лужицких сербов или мекленбургских славян, которую изучал ещё Срезневский). С октября 1839-го по октябрь 1842 года он побывал в Праге, Шумае, Загребе, Варшаве, Познани и других славянских городах, встречаясь там с местными историками, лингвистами, изучая письменные памятники, обряды славян, местные говоры. Он составил свою карту расселения славян, ибо не все поселения их (а значит, не все говоры!) были известны науке.

По возвращении на родину Срезневский возглавил кафедру славянской филологии Харьковского университета. Он начал свою вступительную лекцию в университете такими словами: "Недавно о славянах или вовсе молчали, или говорили, будто о племени далёком или недостойном внимания, не связанном никакими узами жизни общественной с другими сильными народами Европы, говорили о них ложь и напраслину, одни — их не зная, другие — и не зная, и знать не хотя". Это настроение на фоне нескольких сербских освободительных восстаний в начале девятнадцатого века, приезда Вука Караджича в Россию и других событий было тогда более чем понятно. Курс *славяноведения* создавался в России впервые "и своим первым чтением он должен был защитить права на существование науки, многим казавшейся ненужной роскошью". Славяноведение как учебная дисциплина утвердилось в университетах России.

В 1846 году Срезневский защитил диссертацию "О святынях и культовых обрядах славян" и стал первым в России доктором славянской филологии. После знакомства с культурами южных и западных славян он с той же увлечённостью отдался изучению русской письменности. С 1847 года и до конца жизни он был связан с Петербургским университетом, в 1851 году став его ректором. Здесь началось изучение многочисленных, порой доселе не известных рукописей, накопление материалов для словаря.

Сокровища русской письменности 1840-х годов в Петербурге были таковы: здесь уже имелась Публичная библиотека, хранительница уникального Остромирова Евангелия, собрания русских и южнославянских рукописей графа Ф. А. Толстого, Погодинского собрания. В Петербурге был уникальный Румянцевский музей. В 1859 году в Петербургскую духовную Академию поступили собрания Новгородского Софийского собора и Кирилло-Белозерского монастыря. В эти годы Срезневский особенно много и плодотворно работал, в списке его трудов 389 названий статей и книг. Он умел прокладывать путь к неизведанному. "Материалы для словаря древнерусского языка", изданные после смерти И. И. Срезневского (1893–1913), представляют собой фундаментальный трёхтомный труд, синтезирующий филологические знания девятнадцатого века в области истории русского языка.

А. А. Шахматов (1864–1920) восемнадцатилетним гимназистом начал печатать свои статьи на актуальные филологические темы в берлинском журнале Ватрослава Ягича "Archiv fur slavische Philologie". Они приоткрывали завесу над сложнейшими проблемами истории восточного славянства и его языка. Он касался проблем происхождения славян, изучал процессы формирования и миграций восточнославянских племён и связанные с ними пути становления диалектов, а на их основе — восточнославянских языков. Шахматов был убеждён, что язык важен не сам по себе, а как один из ценнейших результатов и показателей деятельности народа.

Придавая большое значение культурной истории восточных славян, Шахматов предпринял глобальное исследование истории русского летописания. В 29-ти его работах, посвящённых летописям, “проявилась поразительная сила и глубина исследовательского таланта учёного, его редкое, беспрецедентное умение реконструировать, восстанавливать древнейшие памятники письменности, дошедшие до нас не в первоначальном виде, а в позднейших обработках, редакциях, “списках”. Именно Шахматов впервые в науке применил к реконструкции летописных текстов лингвистический сравнительно-исторический метод исследования, впервые подошёл к этим памятникам как филолог”. Он опубликовал результаты глубокого изучения около 200 сводов русских летописей. Притом сводов рукописных! Представляя читателям скрупулёзные расхождения и различия или совпадения многочисленных региональных вариантов летописей, обращая внимание на пропуски, перепутывания листов, не совсем стыкуемых (с точки зрения хронологии, логики) вставок, он уходил всё далее к начальным этапам летописания. В 1816 году ему удалось опубликовать восстановленный древнейший, принадлежавший монаху Киево-Печерского монастыря Нестору текст “Повести временных лет”. “Не будь у него 160 других работ, учёный и одним этим трудом обеспечил бы себе место в когорте выдающихся русских филологов”, – пишут его биографы В. И. Макаров и Т. С. Коготова. Филологическое исследование этой ценной летописи позволило Шахматову уточнить множество исторических моментов прошлого Древней Руси.

Исследуя сотни памятников древнерусской письменности, А. А. Шахматов анализировал в них фонетические явления языка, находил яркие факты из области словообразования, истории лексических значений слов. В них он стремился отыскать отражение культурной истории восточных славян. Как и Срезневский, он был убеждён, что “каждое слово для историка есть свидетель, памятник, факт жизни народа”.

С такими убеждениями Шахматов продолжил работу над академическим “Словарём русского языка”, начатым ещё Я. К. Гротом (смерть которого оборвала выпуск после первого тома). Сам Шахматов успел напечатать лишь II тома на буквы Е–Ж–З; над последующими томами работали известные профессора Д. К. Зеленин, С. П. Обнорский, С. К. Булич и другие. В советское время выпуски Словаря не отличались своими принципиальными установками от идей Шахматова, редакторами их были академики В. М. Истрин и Е. Ф. Карский. Шахматовское издание продолжалось вплоть до 1929 года. В свет вышла примерно пятая часть словаря. В 1928 году Академия наук решила приступить к полному переизданию Словаря. Причиной этому стали колоссальные сдвиги в русском языке, привнесённые Октябрьской революцией, кроме того, нельзя было продолжать печатать Словарь по правилам старой, дореволюционной орфографии. С 1932 года “Словарь русского языка” стал выходить новым изданием. Отсутствие твёрдого порядка в выходе выпусков, затянувшиеся сроки издания (словарь должен был составлять 56 томов), отказ от принципа нормативности – всё это вызвало протесты у широкой общественности. И поэтому в 1937 году работа над словарём была прекращена. Это интересное и поучительное лексикографическое издание стало библиографической редкостью. Словарные материалы, вдумчиво и скрупулёзно собиравшиеся всеми составителями, стали основанием словарной картотеки Академии наук, с которой мы начали этот рассказ об истории создания словарей и об интересной жизни лексикографов в России. На основе этой картотеки создавались новые академические словари: семнадцатитомный и четырёхтомный “Словари русского языка” и диалектный “Словарь русских народных говоров”.

Огромное количество лиц было привлечено Шахматовым к сбору материалов для “Словаря русского языка”. Как добрый гений русских, особенно молодых, учёных он то налаживал учёные командировки и диалектические экспедиции, то хлопотал субсидии для архивных комиссий и научных кружков, то организовывал работу во вновь возникающих учреждениях, то обеспечивал архивные занятия для молодых работников науки, то содействовал появлению в свет учёных, трудов. “Дело Шахматова громадно. Им возведён фундамент и капитальные части здания истории русского языка”, – считал Д. Н. Ушаков. Среди всего славянства он пользовался чрезвычайной популярностью как учёный, всецело преданный делу славянского культурного единения.

По инициативе Шахматова возобновилось систематическое издание капитальных древнейших памятников славянского и русского языка, научное из-

дание русских писателей XIX века. “Тихий ручей старой “Российской Академии” обратился в широкое научно-общественное течение” (В. И. Щепкин).

Имя Дмитрия Николаевича Ушакова (1873–1942), автора двух прекрасных уникальных справочников – “Орфографического словаря русского языка” (М., 1934), с 7-го издания – в соавторстве с С. Е. Крючковым, причём вышло более 30 изданий, и “Толкового словаря русского языка” (т.т. 1–4, М., 1935–1940) – превратилось в советское время в имя-словарь. В духе времени советские граждане стали говорить: “Надо посмотреть Ушакова”, “Заглянуть в Ушакова”, “Как сказано у Ушакова”. Ушаков-лексикограф был широко востребован.

Русская лексикография к 1920-м годам, с одной стороны, имела достаточно богатую традицию в области создания толковых словарей, с другой – уже существовавшие словари плохо удовлетворяли новым условиям, в которых оказался русский язык после революции. Глобальное переустройство общества, многочисленные нововведения получили отражение в лексике: появились новые слова, их новые значения. В то же время массы крестьян и рабочих, не владеющих (или не совсем владеющих) литературной нормой, приобщались к литературному языку. Все жаждали знаний, вся страна с энтузиазмом училась. Нужен был принципиально новый толковый словарь. Толковый словарь Ушакова, работа над которым велась более десяти лет, стал новаторским во всех отношениях. Прежде всего, по отбору лексики. В него вошли новые, иногда “сиюминутные” слова, отражающие время (например, *выдвиженец*, *нэпман*, *продразвёрстка*, *уравниловка*), и слова, традиционно употреблявшиеся в различных речевых жанрах, наиболее употребительные диалектные и просторечные (*губошлёп*, *гугнивый*, *гулёна*, *гущина*), профессиональные и специальные термины, устаревшая лексика, ещё не совсем выветрившаяся из языкового сознания говорящих. Словарь был **нормативным**, и это его свойство проявлялось не только в отборе лексики, но и в системе грамматических сведений о слове, в комментариях, которые предупреждают неправильное употребление; “имеют практическое значение для ищущих стилистического руководства”. Вопросы нормы современная лингвистика считает исходным пунктом всякого начала. Ушаков сломал прежние каноны, смело вышел на новый путь и повёл за собой учеников. Дмитрий Николаевич относился к языку не только как к объекту изучения, к живой, звучащей речи, но он был убеждён в эстетической ценности литературного произношения как символа определённой культурной традиции, культурной среды. А. А. Реформатский отмечал “ювелирную манеру изложения” речи самим Ушаковым, любил он “просторечием играть”, в то же время знал санскрит. Ушаков ещё застал эпоху лексикографии, когда русские учёные не боялись и умели выводить индоевропейскую лексику из праязыка индоевропейцев – санскрита. В Московском университете он начинал преподавание с кафедры сравнительного языкознания и санскрита. В советские времена корневую систему языка (санскритскую) игнорировали, многие русские слова выводили из немецкого, французского, латинского, греческого и проч. как заимствования, всячески придавая русскому языку статус неизвестно откуда пришедшего, полного заимствований. Увы, продолжается это и сейчас. В то время как русские, славянские, французские, немецкие, латинские слова зачастую РАВНОДРЕВНИ, РАВНОЦЕННЫ, так как вышли из одного праязыка. Ушаков остался в науке как образец большого учёного, интеллигентного русского человека, сделавшего немало для русского просвещения, культуры. Жизнь его охарактеризована многими его учениками, события её, внешне скромные, отмечены большим трудолюбием и твёрдыми борцовскими качествами. Немало препон, например, ставили словарю цензурные редакторы. Вошли в анекдоты реальные случаи со словарём Ушакова. Так, необходимые сокращения указаний “сов.” (*совершенный вид*) и “несов.” (*несовершенный вид*) глаголов могли показаться “бдительным” указаниями на “советские” и “несоветские” слова и понятия. А народное выражение “держат в ежовых рукавицах” теми же блюстителями тайных содержаний могли быть расценены как намёк на деятельность ведомства Ежова. Как ни предлагали Ушакову пойти на компромиссы, понимая, что иногда спорить с цензором бесполезно и опасно, он отстаивал свои убеждения и выводы здравого смысла. Но это не значит, что он был мягок, нерешителен в своих поступках, как некий “гнилой интеллигент” (сатирический усреднённый портретный штрих советской эпохи). Ему свойственна необычайная принципиальность и твёрдость, когда

это было надо. Например, он даже ездил добиваться приёма у Молотова, когда возникли проблемы со “Словарём”.

Обладавший прекрасными знаниями этнографии, языков и диалектов, Ушаков умел любую кафедру, разговор, беседу (или печатный материал) превратить в плацдарм для просветительской работы. Играя знаниями, он любил как бы в шутку взять на себя роль Хиггинса: каждому студенту говорил, откуда тот приехал в Москву. Это производило неизгладимое впечатление на присутствующих, они сразу проникались интересом к науке, хотелось учиться и работать в области лингвистики. Ушаков был разносторонне одарённым человеком, любил поэзию, прекрасно рисовал, был знатоком музыки. В тонком, непогрешимом чутье языка ему не было равных. Сам он с неким внутренним лукавством говорил о себе: “Это лучшее ухо в Москве”.

Макс Фасмер совершенно не похож на других своих русских коллег ни характером, ни жизненными обстоятельствами, на фоне которых он так упорно творил. Он был из семьи российских немцев, родился в Санкт-Петербурге в 1886 году, а умер в Западном Берлине в 1962-м. Как говорил о нём академик О. Н. Трубачёв, “по рождению, по культуре, приобретённой в детстве, по образованию он был русским человеком, учёным, сохранившим верность русской теме до конца жизни. Он был филологом русской школы”. Зная множество языков, интересуясь особо языками окружавших Россию народов и народов, проживавших в ней, языками пограничных друг с другом языковых ареалов, Фасмер создал основной труд, прославивший его в веках, — “Этимологический словарь русского языка”. И всё, что он делал до этого, было лишь преддверием “Словаря”. На годы его жизни выпали трудные испытания: войны, революции, но он необыкновенно умел сосредоточиться на научной работе, отрешившись от всего. Его сокурсник по Петербургскому университету, революционер Д. Мануильский вспоминал, как Фасмер уговаривал в 1905 году “делать вашу русскую революцию не столь громогласно — мешаает же готовиться к сессии”.

Преподавая по всем странам Европы, Фасмер собирал картотеку русского языка, сам писал её “от руки”. Причём в Польше критиковали его за то, что он находил германизмы на территории тогдашней Польши, а в Германии, наоборот, обижались, что он вплоть до датских границ находил славянские топонимы (и не удивительно: почти вся Германия занимает территории исторического расселения славян). Фасмер был объективен: “Платон мне друг, но истина дороже”. Объективность в науке — одно из его главных достоинств. Во время господства фашистских установок германского превосходства, по словам М. Вольтнер, он “не дал сбить себя с толку”. Он продолжал заниматься опасными для того времени проблемами: польскими диалектами в Силезии, лужицкими славянскими диалектами в Германии, не задумываясь над тем, что его коллеги Олеш и Вирт пострадали за это.

Захват Польши и последующие события глубоко потрясли Фасмера. Он много сделал для освобождения польских лингвистов из концлагерей, едва не угодив туда сам. Война нанесла и ему сильнейший удар: в 1944 году фугасная бомба разрушила его квартиру. Были уничтожены издания на русском языке с пометами для этимологического словаря, погибли рукописи, огромные картотеки, курсы лекций. После войны из-за отсутствия витаминов у М. Фасмера началась болезнь глаз. Он принял приглашение читать лекции в Швеции. Около двух лет в Швеции, читая лекции, в свободное время он восстанавливал утраченные карточки для “Словаря”. В 1950 году появился первый выпуск “Этимологического словаря русского языка”. Встал вопрос о переводе словаря на русский язык. Таким переводчиком стал Олег Николаевич Трубачёв. Он писал: “Надо отдать должное чутью Фасмера... Момент для публикации он выбрал как нельзя лучше... Суть в том, что его словарь, опубликованный в первое послевоенное десятилетие, требовался именно тогда и притом как насущный хлеб нашей общей науки... Свою единственную роль по уровню подготовленности и причастности к русской филологии учёный понял своим безымянным, так никогда и не высказанным чувством... Кроме Фасмера тогда такой словарь для русского языка не сделал бы никто... Наши дальнейшие исследования были бы во многом поставлены под вопрос... Классическая русистика и славистика имеет право считать М. Р. Фасмера своим, и это не парадокс, а феномен сложной культурной истории”.

Секрет научного успеха академика Виктора Владимировича Виноградова (1895–1969) – учителя учителей славистов, лексикографов, филологов – прост. Он рождён преемственностью идей лучших учителей его и предшественников и беззаветной любовью к родному русскому наречию. А. П. Чудаков назвал наиболее заметной чертой мышления и метода Виноградова “познавательный максимализм”, выразившийся, прежде всего, в “полноте фактов и историзме”. В. Г. Костомаров говорил: “Величайшим таинством мыслей и поступков этого замечательного человека и учёного было “святое беспокойство” – вечное движение, неустанный поиск, всё новые планы, всё новые повороты даже старых тем”. “Будучи новатором в нескольких областях филологических знаний, В. В. Виноградов одновременно обладал редким и благословенным даром историка науки, способного оценить и укрепить жизненную силу научной традиции, умеющего видеть в фактах и идеях прошлого не только краски и оттенки ушедшего времени, но и их необходимость, и значение для настоящего” (Н. И. Толстой).

Как лексикограф Виноградов участвовал в авторском коллективе и редактировании “Толкового словаря русского языка” под ред. проф. Д. Н. Ушакова (1935–1940; Т. I–V). Он был редактором “Словаря современного русского литературного языка” (1949–1965; Т. I–XVII), ответственным редактором “Словаря языка А. С. Пушкина” (1956–1961; Т. I–IV); выпустил десятки монографий на темы отечественной филологии и различных аспектов русского языка.

Сергей Иванович Ожегов (1900–1964) – один из славных учеников Виноградова. Его лучшие труды также стали достоянием национальной культуры. Сергей Иванович был выходцем из простого народа, он родился в рабочем посёлке Тверской губернии, творил в то время, когда у больших масс простых людей проснулась необыкновенная жажда знаний. Кроме школ, техникумов, вузов, существовали “рабфаки”, “ликбезы”, “всеобучи”, “курсы”, “курсы повышения квалификации”, общественный “Университет культуры”, общество “Знание”, кружки по интересам, литобъединения, вечерняя и заочная учёба. Все учились на русском языке и одновременно учились русскому языку. В статье “О трёх типах толковых словарей современного русского языка” Ожегов писал, что в процессе выполнения насущных требований общечеловечности выявилась практическая рациональность трёх типов словарей, удовлетворяющих различным запросам. **Большой словарь** с возможной полнотой включает лексику... произведений XIX–XX вв., областную речь и просторечие разных типов... терминологию и разговорную речь с её типичными фразеологическими штампами, характерными для разных периодов развития литературного языка. **Средний**, а тем более **краткий словари** включают... только актуальную для современности лексику. В частности, таким актуальным оказался ожеговский однотомный “Словарь русского языка” (1-е издание вышло в 1949 году), имевший множество переизданий; а затем (в соавторстве с Н. Ю. Шведовой) – “Толковый словарь русского языка”.

Сергей Иванович активно участвовал в создании многих словарей русского языка в 50–60-е годы: то как редактор или член редакционной коллегии, то как научный консультант и рецензент, то как непосредственный автор-составитель. Он был членом редакционной коллегии “Словаря современного русского литературного языка” АН СССР в 17-ти томах (1948–1965) с 6 по 17-й том, автором-составителем и членом редакционной коллегии академического 4-хтомного “Словаря языка Пушкина” (1956–1961).

Значительной для сохранения и развития русского языка была его работа как редактора новых и важных нормативных словарей. Вместе с С. Г. Бархударовым и А. Б. Шапиро он редактировал “Орфографический словарь русского языка” АН СССР – наиболее полный и самый авторитетный справочник по русскому правописанию, переиздающийся по сей день (с участием других редакторов). В 1955 году под грифом АН СССР вышла книга “Русское литературное ударение и произношение” (в 1959 – она же – “Русское литературное произношение и ударение”), редакторами которой были С. И. Ожегов и Р. И. Аванесов. Это был первый справочник по современной русской орфоэпии, многие годы он был самым полным пособием по различным спорным и вариативным вопросам произношения, ударения и образования грамматических форм. По инициативе и под руководством С. И. Ожегова был подготовлен словарь-справочник “Правильность русской речи” (1962) – первенец отечественной лексикографии в области специальных нормативных словарей. И это далеко не весь перечень

трудов Ожегова. “И по сей день Сергей Иванович Ожегов – учёный новой формации, отдавший силы, знания и опыт современной науке, её пропаганде и совершенствованию, – является для каждого из нас советчиком и учителем в овладении русским литературным языком” (Л. К. Граудина).

Для академика Олега Николаевича Трубочёва (1930–2002) его любимая наука этимология и ономастика (он сорок лет возглавлял сектор этимологии и ономастики в Институте русского языка РАН) – наука о корнях и именах... О корнях слов и имён собственных славянских языков, о корнях и именах славян, Русской земли. Через корни, имена собственные, этнические самоназвания, гидронимы, топонимы, славянскую лексикографию он устанавливал древность того или иного ареала обитания славян и русских (Поднепровья, Северного Причерноморья, Подунавья и т. д.). Его замечательные книги “Этногенез и культура древнейших славян: лингвистические исследования”, “Indoagica в Северном Причерноморье”, “Русская ономастика и ономастика России: Словарь” (редакторская работа), “В поисках единства” и десятки других книг и статей привнесли в исследования жизни славян немало открытий, веско аргументированных доводов в пользу более древнего начала существования славян и русских. В то время, когда распадались страны и народы, Олег Николаевич Трубочёв упорно искал древние корни единства славян. Не случайно и самая популярная книга, неоднократно переиздававшаяся, называется “В поисках единства”. Но настоящий подвиг – его тринадцатилетняя подготовка и двадцативосьмилетнее создание и издание по 1 тому в год уникального “Этимологического словаря славянских языков. Праславянский лексический фонд” (вып. 1–32 под ред. О. Н. Трубочёва; издание продолжается, вышел 36 вып.). Фактически, чтобы заняться этим делом жизни, Олег Николаевич изучил все славянские языки, европейские – древние и новые. Он говорил: “Лингвист – не обязательно полиглот. Но поток научной информации не только многоводен, он ещё и многоязык. Русисту надо читать на других славянских языках...” Не случайно поэтому он считался славистом и русистом мирового масштаба: читал лекции в университете Хельсинки, в университетах Германии, США и других стран. С 1960 года он был членом Советского (Российского) комитета славистов, а с 1996-го – председателем Национального комитета славистов России. При этом, когда он открывал заседание Международного съезда славистов в Германии, он вёл его по-немецки, в Польше – по-польски, в Сербии – по-сербски, в Украине – на украинской мове, в Болгарии – по-болгарски и так далее. Рядом с ним по знанию индоевропейских языков поставить рядом было некого.

Необходимость основательного славянского этимологического словаря назрела давно. Ещё переводя “Этимологический словарь русского языка” Фасмера, Трубочёв понимал, что этот словарь уже недостаточен, он думал над созданием общезтимологического словаря всех славян. Любой славянский язык может обогатить своими знаниями все другие языки, так как нередко иные слова и даже всего одно слово могло сохраниться лишь в том или ином языке, а иногда – варианты – в нескольких. Здесь широкое поле деятельности для анализа лингвиста. Он благодарил судьбу за уникальную возможность начать работу по осуществлению актуального и дерзновенного в своей масштабности проекта создания общеславянского исторического словаря. Цель О. Н. Трубочёва была реконструировать общеславянский лексический фонд по словарному богатству всех языковых групп славян. Работа архисложная. Работа титаническая и почти невидная до её окончания (а до её окончания он – увы! – не дожил). Олег Николаевич размышлял: “...Черновую, техническую работу не принято считать престижной... А между прочим, черновую работу необходимо делать хорошо в интересах прогресса всей дисциплины. Как говорил ещё Микеланджело Буонаротти: “Не презирайте мелочей. Ибо от мелочей зависит совершенство, а совершенство – не мелочь”.

Олег Николаевич Трубочёв вынашивал план создания Русской национальной энциклопедии, где был бы отражён русский взгляд на мир. В 1995 году на II Всемирном Русском Соборе он говорил: “Русские сегодня являются единственной из великих наций, не имеющей Большой Национальной Энциклопедии. Выдержавшая ряд изданий, БСЭ не может претендовать на восполнение данного пробела. Она совершенно не адекватна духовному самосознанию русских ни в смысле древних славянских корней, ни с точки зрения тысячелетней православной традиции. Не сулит положительных сдвигов и переименование

её в “Большую Российскую Энциклопедию”. Тем более что насаждаемые правительственным словоупотреблением и массовой пропагандой регулярные подмены этнического определения “русский” административно-территориальным понятием “российский” несут в себе тенденцию вновь растворить русское в нерусском, размыть и снять вопрос о русском вкладе, о русском месте в мире, истории и культуре.

Задача создания Русской энциклопедии, обобщающей и формулирующей национальную картину мира, принимает сегодня, на рубеже XXI, “общечеловеческого” столетия характер первоочередной необходимости. Понимание этой потребности возникло в обществе и растёт, как народная инициатива, снизу, со стороны широких патриотических кругов”.

Ныне идея Русской энциклопедии подхвачена Олегом Платоновым и осуществляется по мере сил, хотя вполне очевидно всем, что без государственной поддержки такое издание трудно выполнить. И то, что работа эта движется – уже чудо!

Во многом помогала О. Н. Трубачёву его супруга – доктор филологических наук, специалист мирового уровня по древнерусской лексике Галина Александровна Богатова (род. в 1930). Она сама словарник и организатор словарного дела. Как историк лексикографии, она создала книгу, о которой и говорим, – “Отечественные лексикографы”. Главный труд её жизни – “Словарь русского языка XI–XVII вв.” – начался в 1960 году с размышления о типах словарей. Хотя её учитель С. Г. Бархударов был уверен, что в трудные послевоенные годы нужны словари популярного типа, Галина Александровна, познакомившаяся к тому времени с обширной картотекой Древнерусского Словаря, насчитывавшей тогда более полутора миллионов карточек-цитат, была уверена: нельзя возводить только лёгкие постройки на таком мощном материале. Строение должно соответствовать фундаменту. В этой мысли утвердила её и ежедневная в течение многих лет работа над “Материалами для словаря древнерусского языка” И. И. Срезневского (которые были переизданы ею), и изучение его жизни, идей. В 1975–1989 годы Галина Александровна – учёный секретарь редколлегии “Словаря русского языка XI–XVII вв.”, 1989–2004 – главный редактор (издание продолжается). Это одно из наиболее крупных лексикографических предприятий (наряду с “Этимологическим словарём славянских языков”) исторического цикла в современном мире. Историческая лексикография, которой занимается всю жизнь Г. А. Богатова, сама по себе относится к числу “монументальных жанров”. Это, как правило, словари, на составление которых требуется в среднем от 25 до 50 лет. В русской традиции мы пока не имеем ни одного доведённого до конца исторического словаря. Создание национального исторического словаря оказывается напрямую связанным с гражданской позицией патриота Г. А. Богатовой. “Исторические словари – это материальное выражение национальной культуры, основа её духовности. Это глубоко национальная работа. Так полно, как в словаре, специалист не может реализовать себя нигде... Словарь исторического жанра лучше всего исполняет свою меморативную функцию хранителя памяти и традиций народа”, – говорит она.

“Державная служба словарей” – так обозначила в своё время Г. А. Богатова необходимую для любой великой державы систему словарно-лингвистического обеспечения. Без неё невозможны ни образование, ни наука, ни литература, ни культура. О. Н. Трубачёв писал: “...Ни одна подлинно великая страна не кончается там, где кончается её территория. Значительно дальше простирается влияние культуры великой страны, и это влияние идёт практически всегда через её язык... Русский языковой союз – великое и достаточно уникальное культурное наследие..., в нём одна из гарантий сохранения единства страны и её культуры также в будущем”. В книге “Отечественные лексикографы” Г. А. Богатова показала всему миру мощь отечественной лексикографии, мощь русского языка, представила плеяду выдающихся тружеников языковой науки, с которых не грех брать пример и дальнейшим поколениям подвижников русского языка, и нам.

ЛЮДМИЛА КАЛИНИНА

ЯБЛОНЕВЫЙ САД

Сухов Фёдор Григорьевич (1922–1992)

Очерк

Снежная зима, сугробы на главной улице города. Вижу вдалеке знакомую невысокую худощавую фигуру – ни с кем не спутаешь: поношенный овчинный тулуп, уютные подшитые валенки, в одной руке – самодельный посох, в другой – стопка книг. Идёт себе как-то поперёк улицы, радостно улыбается каждому встречному. Не часто приезжал Фёдор Григорьевич в город из родного села, где обосновался – купил небольшой домик и насадил яблоневый сад. Каждая наша встреча – незабываемое путешествие по городу. Однажды отправились к музею “Домик Каширина”, где, как известно, в семье деда прошли детские годы Алёши Пешкова – великого писателя Максима Горького.

Привелось, оказывается, и Ф. Г. Сухову одно время ночевать в этом доме. А получилось так. Опубликовала областная газета “Горьковская коммуна” в первые послевоенные годы стихи бывшего боевого офицера-артиллериста, колхозника Фёдора Сухова. Николай Алексеевич Барсуков заведовал тогда отделом культуры в газете и всех начинающих писателей, в том числе сельских поэтов, знал в лицо, время от времени собирал в газете. Писательская организация находилась в небольшой комнате напротив редакции. Здесь рядом с сейфом (сохранился до наших дней) восседала бессменная секретарша союза писателей Надежда Михайловна Харлова. Надежда Михайловна рассказала как-то, что были времена, когда месяцами никто из писателей не объявлялся, а она всё равно приходила и садилась на свой стул около сейфа, в котором хранились личные дела писателей и прочее. Зарплату ей, надо заметить, исправно платили в райкоме партии. Писательские ряды некогда многочисленной краевой организации были усечены разделением Нижегородского края на области и автономии, войной, репрессиями. Добровольцем ушёл на фронт руководитель союза писателей А. М. Муратов и погиб при обороне Севастополя, десятилетнюю ссылку отбывал ведущий нижегородский

КАЛИНИНА Людмила Фёдоровна родилась в посёлке Керженец Горьковской (Нижегородской) области. Окончила историко-филологический факультет Горьковского университета и Высшие литературные курсы, а также аспирантуру в Литературном институте. Автор ряда сборников стихов и очерковых публикаций. Работает главным редактором газеты “Нижегородский университет”. Живёт в Нижнем Новгороде.

писатель Н. И. Кочин. Закончилась война, и в писательские ряды стали вливаться новые силы.

Молодой поэт Фёдор Сухов, видимо, не без помощи Н. А. Барсукова, с трудом выхлопотал паспорт (это было для колхозника делом непростым) и стал заведующим передвижной библиотекой. Подружился с добрейшим Михаилом Тимониным, он годом ранее приехал в город из Дивеевского района, и уже несколько подборок его стихов вышли в “Горьковской коммуне”. Помню, с каким упоением, прикрыв от удовольствия свои глубоко посаженные глаза, читал стихи М. Тимонина Фёдор Григорьевич: “Пробежал в серебряной рубашке // Шаловливым мальчиком ручей...”, – восхищался: “Какой образ, как точно передано чувство...”

Работал М. Тимонин сторожем в “Домике Каширина”, здесь, в подсобном помещении, и жил. Конечно, на это место он устроился по рекомендации Н. А. Барсукова, который сразу разглядел в нём человека талантливого, бездомного, к тому же слабого здоровьем. Получилось так, что на некоторое время “Домик Каширина” приютил и Ф. Сухова. По вечерам два молодых поэта читали друг другу вслух свои сочинения и стихи, взятые в библиотеке поэта Бориса Пильника: Фета, Клюева, Корнилова, Гумилёва... На вопрос, чем, кроме духовной пищи, они питались в ту пору, Фёдор Григорьевич не мог дать определённого ответа, видимо, кроме поэзии, его мало что интересовало. Топилась печь, кипел чайник, варилась картошка, был кусок хлеба – вот и хорошо. Непритязательность в быту у Фёдора Григорьевича оставалась всю жизнь.

Единственным внимательным и безмолвным зрителем и слушателем этих поэтических концертов был старый музейный кот, который, свернувшись калачиком, спал на музейном экспонате – кровати бабушки Алёши Пешкова, любил он и погреться на печке. Однажды М. Тимонин в поэтической рассеянности схватил кота вместо лежавшей рядом шапки. Ну, и шуму же было – люди в соседнем доме всполошились... Кот спрятался. Впрочем, этот случай с поэтом-сторожем оброс деталями, давно стал анекдотом и передаётся нижегородскими музейщиками из поколения в поколение.

Ф. Сухов мечтал поступить в Литературный институт, но отправил рукопись с опозданием и получил вызов, когда экзамены уже заканчивались. В Союзе писателей – бывает же такое! – он встретился с Семёном Шуртаковым, тоже родом из Нижегородской области (с. Кузьминки Сергачского района), тогда студентом Литературного института. Ночным поездом вместе они отправились в Москву. Литинститут был недостижимой мечтой, и вдруг мечта эта стала сбываться. Ф. Сухов вспоминал: “Мне помог поступить в институт сам руководитель писательской организации страны Александр Фадеев. Учебный год начался, требовалось поручительство. Семён Шуртаков привёл меня в кабинет Фадеева. Удивительно, но он без всякой волокиты принял нас. Оглядел Фадеев меня с ног до головы, спросил, на каком фронте воевал, давно ли стихи пишу, и позвонил в институт, а ещё выписал материальную помощь... Глянул я на бумагу, а сумма такая, что стало страшно – столько корова в нашем селе тогда стоила. Семён помог мне приобрести – купили плащ, костюм, ботинки, – да ещё на жизнь деньги остались. Студенческий профсоюз подарил мне тёплый лыжный костюм. Так неожиданно-негаданно я стал студентом”.

Произведения Ф. Сухова – это взгляд на мир “очарованного странника”, по воле судьбы пустившего корни в большом волжском селе, откуда он, по сути, никогда не отлучался, только на войну уходил. Помню, рассказывал, как его, семилетнего, взяла мать в Нижний Новгород торговать яблоками. Отправились на барже, плыли всю ночь, а утром сквозь туманную дымку он увидел город-сказку с кремлём на склоне горы, сбегаящими к Волге, словно ручьи, улицами, монастырём у самой воды. А к вечеру уже затосковал по дому. В одном из лирических вступлений к сборнику своих стихов поэт восторженно повествует: “Какой простор! Какая размашистая красота! Сдержанная, неторопливая Волга, опирается она своим царственным коленом в крутой, кой-где пронизанный кленовой желтизной да рябиновой краснотцой высокий берег... А на горе, похожей на перевернутую лодку, – мой Красный Оселок. Весь он в яблоневых садах...”

У него всегда была юношеская жажда заявить о себе, выступить со стихами перед публикой, напечататься – совсем не важно, обещан или нет гонопар. Московские редакторы, критики и литературоведы регулярно получали

письма от поэта из Красного Оселка с засохшими веточками полыни, цветами ромашки. В неизменном тулупе и валенках или дорожном плаще, за плечами – рюкзак с яблоками, в портфеле – стихи – таким он время от времени появлялся в редакциях столичных журналов. Однажды он приехал в журнал “Знамя”, узнав из газет, что главным редактором стал его однокурсник Григорий Бакланов. Занял очередь на приём и расположился в коридоре на подоконнике, угощая каждого встречного яблоками из рюкзака, восторженно нахваливая сорта. Конечно, слух о приехавшем из деревни поэте скоро дошёл и до главного редактора... Надо сказать, под настроение он любил прифасониться – щегольнуть добротным пальто, костюмом-тройкой, шляпой... И это ему очень шло.

Есенинское “я последний поэт деревни” – это и про Ф. Сухова. Помню, как-то разговорились мы с писателем М. Шевченко о его однокурснике: “Он пришёл на первый курс с уже сложившимся голосом, со своей интонацией, богатым словарём. Все понимали, что это поэт в своих стихах ...несёт опыт крестьянской жизни. Кто-то завидовал, а что завидовать: путь большого поэта – а Сухов поэт милостью Божьей! – это великие испытания. Тут уж что на роду написано”.

В Красном Оселке жили три семьи старообрядцев, и когда его будущий отец овдовел (лет ему около 30 и двое детей), то невесту “по вере” искал на левом, лесном керженском берегу, и нашёл в селе Великовском. Марии Ивановне было всего 16 лет, и пришлось ей нелегко в новой семье. Она очень любила своего первенца. Трогательное сыновнее сочувствие слышится в стихах поэта:

*В дом чужой, волнуясь и робея,
По зиме пожаловала ты,
Ничего на свете не имея,
Кроме кареглазой красоты...
По одной ходила половице,
Чашу горя выпила до дна,
В проруби хотела утопиться...*

О своём появлении на свет Ф. Сухов пишет с эпическим размахом:

*Был явлен я на свет в середине марта,
По-старому — в начальный день весны,
Когда Авдотья — Замочи Порог
На вытканные за зиму холсты
От полноты душевной прослезилась...*

Небольшой группой мы, помню, вместе с дочерью поэта – Еленой Фёдоровной – и другом – художником Юрием Дёминым – в день 60-летия поэта добрались до Красного Оселка. Фёдор Григорьевич отказался от шумных юбилейных торжеств в Нижнем Новгороде и ждал нас в гости. Шли по заснеженной тропе, по зыбкому мостку через речку Круголку. Вдруг откуда-то из-под мостка, казалось, из самой земной глубины, послышался живой, звонкий родниковый голос. Мы невольно задержали шаг, словно поэт радостно приветствовал нас голосом родной земли.

До войны Ф. Сухов окончил семилетку, учился в Лыскове на рабфаке, был страстным книголюбом районной библиотеки (сейчас библиотека носит его имя). После окончания Литературного института, получив диплом с отличием (один из русских выпускников, были ещё поляк, украинец), уезжает работать в Волгоград литературным сотрудником газеты “Сталинградская правда”. Большинство однокурсников его остались в Москве, заняв должности в издательствах и журналах. Это обстоятельство помогало Ф. Сухову смело стучаться в издательские двери.

Несколько лет он вёл литературное объединение на тракторном заводе. Под опекой Ф. Сухова выросли известный прозаик Борис Екимов, поэты Василий Макеев, Татьяна Батурина и другие. Редактирует сборники стихов местных авторов (например, первый сборник Михаила Танича). Почему Волгоград? “Потому что прошёл войну, ехал восстанавливать разрушенный войной город”. Небольшая зарплата, коммуналка, позднее – квартира в рабочем районе “Баррикады”, где он жил с женой Клавдией Ермолаевной и их четырь-

мя детьми-погодками (Алексея, Владимира и Ярослава уже нет в живых). В Волгограде прошли 20 лет, и каждое лето с детьми он отправлялся на парохоме в Красный Оселок. Потом – переезд в Нижний Новгород вместе с дочерью Еленой, она всегда была неразлучна с отцом. Жизненный круг замкнулся так, как хотелось, на родной земле.

Как бы далеко и надолго ни уезжал из родного села Ф. Сухов – путешествовать он любил! – всегда возвращался домой. Посетил Украину, Белоруссию, где с боями проходила его воинская часть, привёз из поездки наброски романа “Ивница”. Когда вышел правительственный Указ о бесплатном проезде фронтовиков в любой конец страны по железной дороге один раз в год, Фёдор Григорьевич использовал эту возможность. Однажды, было такое, спохватился в конце декабря, билеты только до Ужгорода – поехал туда. Бродил по улицам города с утра до вечера, в ночь обратным поездом – в Москву. Свои впечатления выразил так: “Трое суток в один конец, ну, и что? Какая ширь за окном, а попутчики какие хорошие, не заметил, как время и пролетело, так бы ехал и ехал...” Пускался в длительные путешествия вместе со своим неизменным спутником – дорожным посохом, побывал во многих городах, не задумываясь о гостинице, билетах и прочем. И всегда привозил новые впечатления, новые циклы стихов. “Захожу в гостиницу Бухары, вижу объявление: “Мест нет”, – говорю: “С Волги-матушки я, приехал посмотреть на вашу красоту, одну ночь где-нибудь в коридоре, в уголке, пересплю”, – и всегда какой-то диванчик и стакан горячего чая находились, нигде не отказывали”.

Мне приходилось встречать деревенских старожиллов-философов, к ним шли за советом, за сочувствием. Таким был и поэт Ф. Сухов, ведомый своей правотой, выверенной в годы грубого раскрестьянивания, военного лихолетья, послевоенной разрухи и нищеты деревни. Он не раз шёл поперёк общественного мнения, его поступки часто вызывали непонимание. Помню, как в писательской организации обсуждали его заявление о выходе из рядов КПСС (февраль 1988 года). Ну, и шуму было... Вот отрывки из писем, адресованных мне: “...Зачем разговоры, уговоры, я ведь не мальчик, и заявление моё о выходе обдуманно”, “...относительно моего заявления, предлагают, чтобы я приехал и выслушал членов бюро (Союза писателей). Не понимаю, зачем мне их выслушивать. Выйти из той или иной организации – это моё право...”

Кому-то из стариков стало на этом собрании плохо, кто-то призывал Ф. Сухова вспомнить, что он боевой офицер и в партию вступил на фронте. Он поручил дочери заранее заплатить партийные взносы, рассчитаться с долгом, а деньги пришлось отдать немалые. Вскоре начался обвальная выход из рядов КПСС, но это было потом.

Известие о выходе писателя из рядов КПСС долетело до Москвы. Приехала киногруппа режиссёра Антона Васильева с заданием Центрального телевидения сделать фильм об этом событии. В 1989 году на Первом канале вышел документальный фильм “Поднимаю глаза свои к небу...” Получился пронзительный рассказ о жизни села, падении нравов и долге писателя. Помню, как вместе с Ф. Суховым и А. Васильевым мы тогда ещё в г. Горьком бродили по волжскому берегу, спускались к Печерскому монастырю. Антон Васильев, сам интересный поэт, сын поэта Сергея Васильева, внимательно и почтительно ловил каждое слово Фёдора Григорьевича.

Свою правду поэт сверял с мнением односельчан: учителя, пастуха, вдовы. Вот присел на завалинку рядом со своими сверстниками, и полилась беседа... Вроде бы ничего не добавил, не поправил поэт, так органична его речь:

*А как тут не сетовать, ежели
Работать-то некому стало!
Все завами, замами сделались,
Все стали у нас комсоставом.*

*Канторы да учреждения,
Главсбыты везде да главснабы.
А где оно, это снабжение?
Одни только кабы да кабы...*

(“Ветераны”)

С явной иронией Ф. Сухов даёт портрет одного из таких завов, персонального пенсионера (“Благодетель”), “дачных куц володетеля”: при общении с ним

*Ледяной набегает холод
От стеклянного самомнения...*

Поэт и себя не идеализирует:

*Отходил, отступался от Бога,
Ну, а после прощенья просил...
Верю истинно, верю глубоко
В торжество неразгаданных сил...*

“Саратовские чернозёмы – это же богатство, там хлеба в урожайный год стеной стоят, сам видел, и вдруг – голод, мор, крестьяне семьями покидают дома, убегают, куда глаза глядят. Это следствие непонимания основ жизни, неправильной политики. Учёный ботаник Николай Вавилов не был политиком, он занимался сортами злаков, урожайностью, хотел весь мир, всех голодающих накормить хлебом. Арестован, бесславно погиб в лагере”. По следам реальных событий, памятных Ф. Сухову с детства, появляется стихотворение “Голодари”:

*...А родимая мать
Потеряла рассудок свой,
На чужой колотилась кровати
Неприкаянной головой.*

*Вдалеке от родного дома
Припадала к рудой сосне.
Боль Великого Перелома
И в моём колобродит сне.*

*Неутихим пугает криком
У каких-то железных дверей,
Сумасшедшим хохочет ликом
Умирающих голодарей.*

Небольшой купеческий особняк районного городка Лыскова отмечен скромной мемориальной доской с указанием, что здесь родился поэт Николай Глазков. Семья его переехала в Москву ещё в 1920-е годы, я не уверена, что Н. Глазков когда-нибудь сюда приезжал. Помню, к его юбилею в конце 1980-х вдова и сын покойного Н. Глазкова с группой поддержки приехали из Москвы и проявили бурную активность. В кинотеатрах г. Горького (Нижегород) шли фильмы с участием Н. Глазкова, в институтах – обсуждения его книг. Творческая группа отправилась в Лысково, состоялась встреча с лысковчанами, на которую был приглашён и Ф. Сухов. Кстати, ему больших литературных вечеров при жизни здесь, в районном центре, никто не устраивал. Как водится, дорогим гостям районное руководство организовало застолье. Многие из участников надолго запомнили выступление Ф. Сухова. Приехав из деревни, из самой гущи народных забот и тревог, он говорил о наболевшем, возможно, не к месту, но другого случая высказаться не предвиделось. Говорил о назревавшем всенародном возмущении безотрадной жизнью в деревне, о бесхозяйственности и, указывая на изобильный стол, напомнил о пустых прилавках магазинов. Застолье быстро свернули.

Встречи, беседы, путешествия в окрестностях Красного Оселка... Тропинки здесь то круто взбираются по косогору, то резко обрываются вниз. Неосторожный шаг – и тяжёлый глинистый ком с шумом летит с обрыва, и ты едва успеваешь удержаться за какой-нибудь куст, чтобы не рухнуть вниз. Как сейчас вижу впереди лёгкую на ногу сухощавую фигуру Фёдора Григорьевича, посох в его руке, выточенный из ветви яблони. Он, словно поводырь, уводит нас в мир природы, в стихию поэтических образов. Идёт своей быстрой,

уверенной походкой, как главный знаток, поверенный, смотритель, блюститель порядка в здешних всях. Каждый приехавший к поэту гость вслед за ним, едва поспевая, слотыкаясь с непривычки, первым делом совершал это путешествие – вслед за поэтом взбирался по косогорам, спускался к озёрам волжской поймы сквозь цепкие заросли шиповника. Да, не один каблук был сломан на этих косогорах...

И не один час провели мы в беседах в неприметном среди других, скромном сельском домике поэта, окружённом яблоневым садом. Каждый саженец он выбирал в Лысковском плодопитомнике, о сортах рассказывал дивные истории.

Редкостный дар – услышать в глухом, заросшем разнотравьем овраге родниковую жилу. Ценились среди сельчан такие знатоки – всего-то один-два человека на всю округу. Неспешно ступает искатель с посохом, остановится на склоне оврага, прислушается, спустится ниже, сорвёт травку, понюхает... Вот она, здесь таится живая сила воды! В движении к постижению словесных таинств Ф. Сухова, так мне кажется и сейчас, по истечении времени, неумоимо искал словесную родниковую жилу и в этом поиске никогда не уставал. Да что там говорить, великий знаток русского языка профессор Литературного института Реформатский высоко ценил его фольклорные познания.

Перечитывая записи бесед с ним, вижу, что Фёдор Григорьевич, к середине 80-х годов уже известный, почитаемый автор двадцати пяти книг стихов и поэм, повествования о войне, романа о коллективизации (его проза только сейчас начала издаваться), напряжённо работал над словом (здесь приводятся в основном высказывания Ф. Г. Сухова о поэзии из моих записей 1985–1986 годов).

Он не был сторонним наблюдателем; в стихах, статьях, в публицистических выступлениях обращал общественное внимание на беспорядок, бесхозяйственность, падение нравственности. Окружают Красный Оселок знаменитые на всю округу сады. Фёдор Григорьевич рассказывал не раз, как в былые времена единоличных хозяйств, вооружившись мотыгами, сельчане от мала до велика поднимались по глинистым склонам, высаживая фруктовые деревья и кусты. Гибель садов началась давно, со времён колхозного обобществления. Цветущий берег превратился в голый глинистый, осыпающийся откос: “Сады забыли. Стало выгоднее выращивать огурцы в теплицах. Это хорошо, только огурца в урожайный год у нас не выпросишь – всё на продажу. Трудятся в теплице родители, а молодёжь охватили тунейство, пьянка. По-доброму, открыто жило село до войны”. Вспоминал Фёдор Григорьевич деда-старообрядца, отца, их великое трудолюбие, почтительное отношение ко всем от мала до велика, безграничную доброту, религиозность. Рассказывал об отце – колхозном кузнеце, великом труженике, у которого на руках

*Стеклали мозоли,
В горле силли перепела...*

Сейчас здесь стало выгодно выращивать чеснок. А старые яблони не скупятся – по-прежнему одаривают плодами. Завет поэта Ф. Сухова и сегодня ко времени: “Надо беречь землю, почитать труд отцов”.

В ранней юности озарением были для Ф. Сухова стихи С. Есенина. Прочитал за одну ночь, переписал весь сборник в тетрадку, заучил наизусть: “Ударило в самое сердце сокровенное слово Есенина, и по сей день его стихи не отпускают, задевают за живое: “Режет серп тяжёлые колосья, // Как под горло режут лебедей...” Что главное в стихе? Народный язык, музыка, религиозность. Надо выдерживать свою эмоцию, а ещё – весомость строки. Тебе грустно – передай, весело – вырази. Разница между поэзией Есенина и Исаковского? Есенин себя выкладывал без остатка, Исаковский часто пишет за кого-то – за девушку, за солдата... Поэт ценен своей эмоцией. К примеру, доверчивая интонация и музыкальность Афанасия Фета создают и твой душевный настрой, это неподвластные времени стихи. Главное – воспитывать в себе доброту, честность, это выльется в стихах”. А. Фета высоко ценил почитаемый Ф. Суховым поэт Н. Клюев: “Кто Фета не чувствует да не любит, тот не поэт” (из записей Н. Клюева 1924–1925 годов).

Как начал сочинять, когда появились первые опыты? “Переписывал деревенские частушки, потом стал сам выдумывать”. Дочь поэта Елена Фёдоров-

на рассказывала, что тетрадки с этими первыми опытами хранились в Красном Оселке, в доме его матери Марии Ивановны (сейчас этот дом принадлежит дочери, он отмечен мемориальной доской), точнее, в старой кладовой, которая служила Фёдору Григорьевичу рабочим кабинетом, но сгорела и, видимо, тетрадки сгорели.

Толковый словарь Владимира Даля писатель Ф. Сухов всегда держал под рукой. И ещё романы П. И. Мельникова-Печерского. “Как родилось, говоришь, название моего сборника “Лешева дудка”? Конечно, услышано в детстве. Открываем словарь В. Даля. “Лешева дудка — одно из колен соловьиного свиста”, а этих колен и коленец — десятки, в словаре приводится только восемь, а я знаю больше десяти. Название книги — это объёмный образ. Например, моё название “Сладкая полынь”. Чтение классики для меня — радость, духовное обогащение. Кстати, почему-то у нас издают и изучают Аксакова гораздо больше, чем Мельникова-Печерского. Последний значительнее, интереснее в отношении языка, а какие потрясающие женские образы! Мельников-Печерский и Лесков органично впитали русский язык, Пушкин и Лев Толстой ему усердно всю жизнь учились. Время нашего великого земляка Мельникова-Печерского придёт”.

Первая книга стихов Ф. Г. Сухова — “Родные просторы” — вышла в 1954 году, когда автору было 32 года. Провинциальные издательства (Волгоград, Горький) выпускают скромные, малотиражные сборники (“Поспевают ягоды”, 1956; “Половодье”, 1958; “Дождь сквозь солнце”, 1961...) В 1957 году Ф. Сухов становится членом Союза писателей СССР. Только в середине 70-х годов в Москве начинают выходить его солидные сборники, большие журнальные подборки стихов, и Ф. Г. Сухов был отмечен литературной премией имени А. Фадеева (“Былина о неизвестном солдате”) как автор лучшего произведения о войне в стихах.

Поэт Ф. Сухов никогда не был лишь воздыхателем на лоне природы. Он и живописец, и заступник, и охранитель святынь, национальной первородности слова, самой стихии живописания словом. Как никто, он умел слышать музыку природы, превращая её в свои удивительные напевы, обогащая глубокой мыслью и душевной тонкостью. Его пейзажная лирика осязаема, вчитываясь, чувствуешь, как освещают округу “сияющие ландыши росы...”, как “мятно холодеют луговины...” и “начинает слышной сентябрь...”

Известный литературовед А. Михайлов точно отмечает суть его пейзажной лирики (статья-предисловие к сборнику стихов “Подзимь”, М., “Молодая гвардия”, 1985): “Если бы Сухов всегда и во всём не придерживался позиции, что поэт — голос природы, стихийное её выражение, очевидно, мы не имели бы сегодня такого замечательного явления поэзии, как его лирика”:

*Гляжу на зайца и — не нагляжусь,
А заяц — на меня не наглядится...
Есть в проявленье наших дум и чувств
Какое-то великое единство!
Единство есть в благоуханье рек,
Единые благоухают воды,
И заяц — он такой же человек,
Дитя единой матери-природы.*

(1978)

Откроем сборник С. Клычкова “Домашние песни” (1923), остановимся на стихотворении “В лесу на проталой полянке...”:

*И зайцы по-заячьи пели,
Водили за лапки зайчих...
И радостно сосны шумели,
И звёзды качались на них...
Всю ночь я бродил всё и слушал...
Ах, друг мой, открою тебе:
За бедную заячью душу
Я так благодарен судьбе!*

В стихах поэта другого поколения – Н. Рубцова – тоже с людьми соседствует богатый мир живой природы, чаще всего здесь встречаются ласточка, корова, коза, медведь, заяц. В стихотворении “Про зайца” (сравним с С. Клычковым и Ф. Суховым) говорится о незащищенности природы, братьев наших меньших, причём заяц у Н. Рубцова, совсем как человек, и “думает”, и “горестно вздыхает”:

*Думал, горестно вздыхая,
Что друзей-то у него
После дедушки Мазая
Не осталось никого.*

Несомненно, пейзажная лирика – это одно из достоинств и отличительных черт русской поэзии, и в преемственности видится её жизнестойкость. Сам Фёдор Григорьевич так говорит о своей лирике: “Мои стихи, знаю, считаются чисто пейзажными. Не согласен. По своей сути, мои стихи социальны, но эта, для меня очевидная, социальность, видимо, не всегда доходит”.

Еженедельник “Литературная Россия” (1991) публикует слово Ф. Сухова (из выступления на Пленуме СП СССР) в защиту русского языка, которое вызвало бурную дискуссию. На эту тему он писал не однажды и в областных газетах. В поле его внимания были вопросы ответственности писателя, журналиста, актёра, диктора за своё слово, он говорил о засорённости, оскудении повседневной разговорной речи, надвигающейся англомании... Он часто повторял на писательских встречах и в своих статьях, нет, не просто говорил – бил тревогу: “Литература призвана охранять памятник – язык, потеря языковой культуры – это экологическая проблема”. Но одно дело – говорить, гораздо сложнее следовать сказанному. Поэт Ф. Сухов не отступал от своих убеждений и, участвуя в дискуссиях, как солдат, вескими аргументами держал оборону. В сборнике стихов “Сладкая полынь” (г. Горький, “Волго-Вятское книжное издательство”, 1978) есть восьмистрочное стихотворение очень глубокого, гражданского, величавого смысла:

*Верую: вовек не оскудеет
Та рука, что раннею весной
Освещает пасмурные дебри
Ландышевой влажной белизной.
Возвышает зябликовый голос,
К солнечным возносит небесам.
Соловьиное дарует горло
Всем обезголосевшим лесам.*

“Соловьиное горло” – ярче, точнее и не скажешь о поэте Ф. Сухове. Именно “верую” – так молитвенно, коленапреклонённо признаётся он в своей преданности Отечеству, родному слову, селу, природе.

В последние годы увидели свет несколько московских журнальных публикаций поэта, сборник стихов “Посох” (Нижний Новгород), книга для детей “Солнцеворот” (Нижний Новгород), два тома прозаического повествования о войне “Ивница” и объёмный сборник стихов “Вербное воскресенье” (Волгоград). Выход этих изданий, в первую очередь, – заслуга племянника поэта Григория Сухова, неустанного пропагандиста творчества Ф. Сухова. В Волгограде ежегодно лучшее литературное произведение года отмечается премией имени Ф. Г. Сухова (здесь, как и в Нижнем Новгороде, он воспитал немало талантливых учеников). Изданное за последние 20 лет, конечно же, недостаточно для памяти такой величины, как писатель, публицист, литературный наставник Ф. Сухов. К тому же, в архиве дочери – Е. Ф. Суховой – хранится немало неопубликованных произведений отца. К 90-летию Ф. Сухова в Красном Оселке в здании местной школы открылась музейная экспозиция, посвящённая жизни и творчеству писателя. Это осуществилось благодаря стараниям и жертвованиям его дочери и племянника. Школа, к сожалению, пустует, здесь некому учиться – нет детей в селе. У районного руководства пока нет чёткого представления о работе этого сельского музея, который вместе с селом, его людьми, окрестной природой является неисчерпаемым кладом духовности, обогащённой творчеством поэта-фронтовика Ф. Сухова.

Помню, как в рождественскую оттепель хоронили Ф. Сухова. По его желанию, упокоили его на всеми забытом старообрядческом кладбище рядом с дедом и бабушкой. Как зримо, с какой любовью показал писатель любимых своих стариков в рассказе “Рождественская звезда”. И после ухода поэт утверждает свои убеждения, привязанности, память о небольшой старообрядческой общине, с которой было связано его детство.

На высокой горе, под старыми развесистыми яблонями сегодня возвышается гранитный крест, несмотря на крутой спуск и густые заросли кустарника, от села к нему упрямо тянется тропинка. Всякий раз, когда я прихожу сюда, отдаю низкий поклон поэту Ф. Сухову, всей округе, взрастившей большого мастера слова. На память приходят наши встречи, беседы, его письма: “Эх, если б ты знала, как у нас поют соловьи! Можно всю ночь слушать и не сдвинуться с места, с каждого куста поют Шаляпин или Нежданова. Мне давно уже кажется, что стихи не должны писаться, поэзии нужен такой же голос, как соловью или иволге. Вот у этих особей нужно учиться искусству поэтического слова”.

В низине вокруг Красного Оселка широко разливаются озёра, развесистые кроны старых яблонь рассыпают птичьи трели. Природа даровала этим благословенным местам и своему поэту неповторимое “соловьиное горло”.

ИРИНА СТОГНИЙ

МОДЕСТ ПЕТРОВИЧ МУСОРГСКИЙ. ТВОРЧЕСТВО КАК ИСПОВЕДЬ

М. П. Мусоргский – один из самых загадочных композиторов XIX века. Неисчерпаемо разный, он в то же время един, всегда узнаваем. “Миры” Мусоргского существуют в согласии – в этом мощь его гения.

Будучи автором опер, романсов, хоровых сочинений, то есть преимущественно вокальным композитором, Мусоргский избирает слово в качестве главного носителя смысла. Творческая энергия гениального композитора, объединившего музыку и слово, создала искусство, воплотившее сокровенную правду жизни, высветив в каждом художественном образе наиболее существенные и глубинные черты. Слово в его сочинениях наполнено музыкой, музыка, в свою очередь, обретает “словесные” свойства.

Сочинения Мусоргского – не “вокальные сочинения”, а повествования, написанные сердцем и душой композитора. Глубоко искренние, полные сострадания, они повествуют о жизни народа, отдельных людях и судьбах. Их сила – во взаимодействии музыки и слова, в котором Мусоргский оказался истинным реформатором, что с наибольшей силой проявилось в его оперном творчестве.

Особое отношение к слову, вслушивание в его смыслы и звучание было и до Мусоргского. Это вообще коренное свойство русских композиторов, проявившееся, в частности, в том, что русская классика развивалась, прежде всего, в оперном жанре. Но Мусоргский открыл новые “силы притяжения” слова и музыки, заложил невиданные до того психологически точные смыслы в вокальные партии. Музыкальные интонации, используемые Мусоргским для характеристики своих персонажей, могли бы составить отдельный “словарь”. Столь точной и объёмной работы со словом музыка ещё не знала – и не только русская. Однако подлинное значение Мусоргского можно представить только в историческом контексте.

Русская композиторская школа начала формироваться в 60-х годах XVIII века – до того времени отечественная музыкальная культура жила преимущественно европейскими ценностями. У истоков её становления была триада композиторов-ровесников, родившихся в 1740-х годах, чьи дарования раскрылись в разных сферах: *Максима Березовского* – в хоровой, *Ивана Хандошкина* – в скрипичной, *Василия Пашкевича* – в оперной. Однако русская музыкальная культура, прежде всего, взяла курс на хоровое искусство, которое и стало выразителем подлинно национальной самобытности. В дальней-

шем это проявится и в опере, в которой хор будет играть едва ли не самую значительную роль.

Знаменитый итальянский композитор Галуппи, приехав в Петербург на придворную службу в 1765 году, услышав хоровую музыку в исполнении придворной певческой капеллы, был поражён: подобного хорового пения никогда не слышал в Италии. Хор капеллы, певший духовную музыку, действительно представлял собой выдающееся художественное явление, и здесь особую роль сыграло хоровое творчество Максима Березовского. Красноречиво об этом свидетельствуют «Записки» члена Российской Академии наук, действительного статского советника Якоба фон Штелина, создавшего первую историю российских искусств. Он отмечал, что «среди придворных музыкантов Максим Березовский обладал выдающимся дарованием, сочиняя для придворной капеллы превосходнейшие церковные концерты с таким вкусом и такой выдающейся гармонизацией, что исполнение их вызывало восхищение знатоков и одобрение двора»*.

Хоровой концерт был единственным высоким музыкальным жанром в России XVIII века, взрастившим в следующем веке искусство всех русских композиторов от М. Глинки до С. Рахманинова, и след которого без труда отыскивается и в XX, и XXI веках – в творчестве Г. Свиридова, В. Гаврилина, Р. Шедрина и других композиторов. Русская опера постепенно «вызревала» из разных источников: итальянской оперы, оркестровой музыки европейских композиторов, постоянно звучавшей при императорских дворах; французского водевиля, послужившего основой национальной комической оперы; и более всего – из хоровой культуры.

Золотым веком европейской оперы был XVIII, а русской – XIX век. Её временное отставание от западных образцов имеет свои причины. Русская музыкальная культура обладает такими характерными свойствами, как неторопливость становления, долгое впитывание «чужого» для осознания «своего», высокая взискательность к создаваемым произведениям. Свой художественный статус и высокое положение в мировой культуре она завоевала позже, чем европейская музыка, но в этой неторопливой поступи раскрывается её важнейшее свойство – почвенность, поиск собственных корней и самобытного языка, способного адекватно отразить национальный менталитет, значительность идей. У русской музыкальной культуры, как и у России в целом, «особенная стать».

Главной отличительной чертой русской классической оперы было тяготение к масштабным темам социально-исторического характера, что определяло первостепенную роль хора. Весь опыт, сложившийся в сфере хоровых жанров, трансформировался в опере. Предшествующее развитие хорового концерта оказалось той почвой, на которой впоследствии расцвела русская опера.

Другим её важнейшим «строителем» была народная песня. Известное высказывание В. Ф. Одоевского о том, что Глинка возвысил народный напев до трагедии, имея в виду оперу «Жизнь за царя», применим и по отношению к операм других русских композиторов, в особенности М. Мусоргского.

Итак, три главных источника послужили развитию национальной оперы: хоровое искусство, народная песня, слово. Но применительно к операм Мусоргского особая роль *слова* понимается не только как выразительная его подача музыкой, а прежде всего – как средство создания музыкальной драмы. В этом случае возникает иная «распетость» слова, чем в прекрасной итальянской музыке. Русская опера появилась на авансцене истории тогда, когда смогла определиться как музыкальная драма – в этой точке сошлись её интересы и безграничные возможности.

Музыкальная драма характеризуется способностью к гибкому синтезу слова, сценического действия и музыки. Её отличает значительность идей. Музыкальная драма никогда не идёт по проторённой стезе, она избирает единичное художественное решение. Это доказали М. Глинка в «Жизни за царя», А. Даргомыжский в «Русалке». М. Мусоргский это наглядно продемонстрировал своими историческими операми – «Борисом Годуновым» и «Хованщиной», а также комедийными «Женитьбой» и «Сорочинской ярмаркой», абсолютно

* Записки Якоба Штелина. Об изящных искусствах в России. В 2-х томах. Составление, перевод с немецкого, вступительная статья, предисловие и примечания К. В. Малиновского. М., 1990.

разными по своей стилистике и драматургии. Вместе с тем эти оперы сходны в той вокально-речевой интонации, бесконечно разнообразной, тонко обрисовывающей каждого персонажа, но единой в своей специфике – “интонации Мусоргского”, – в которой воплотилось его стремление, с одной стороны, к театральности, с другой – к правде. Ему принадлежат известные слова: “Жизнь, где бы ни сказалась; правда, как бы ни была солоня, смелая искренняя речь к людям... – вот моя закваска, вот чего хочу и вот в чём боялся бы промахнуться”*.

Театральность сказалась в сценической яркости образов, а правда – в их многоликости, неоднозначности, сложных и противоречивых стремлениях, сочетаниях несочетаемого. Мусоргский достиг непревзойдённого мастерства в интонационной обрисовке характеров своих персонажей. Мы слышим величественную, “царскую” интонацию (царь Борис), униженную (Юродивый), лествичную (Шуйский), бойкую (корчмарка), тупую (пристав), притворно-благочестивую (“старцы честные” Варлаам и Мисаил), холодно-кокетливую (Марина Мнишек), фанатичную (иезуит Рангони), гневную (голодный люд) – в опере “Борис Годунов”; разудалую (стрельцы), эмоционально-напряжённую (Марфа), настаивательно-проповедническую (Досифей) – в опере “Хованщина”.

Никогда ещё музыка не знала такого портретно-интонационного многообразия, никогда ещё не пыталась выразить столь сложную гамму психологических переживаний, которую испытывают царь Борис в опере “Борис Годунов”, Марфа в “Хованщине” и другие персонажи.

Мусоргский не просто воплощает правду жизни, но устами своих героев словно исповедуется перед нами. Он ведёт своё повествование, ничего не утаивая и не приукрашивая. Специфика его таланта сказалась в способности глубоко погружаться в жизнь, её коллизии, быть драматургом, одновременно сохраняя беспристрастность летописца и искреннюю сострадательность лирика. Музыкальная исповедь его многогранна, как и талант.

Модест Петрович Мусоргский происходил из старинного дворянского рода. Он родился 16 марта 1839 года в селе Карево Торопецкого уезда Псковской губернии. Его мать – Юлия Ивановна Чирикова – была первым педагогом будущего композитора. Успехи в игре на фортепиано не заставили себя долго ждать, так что к 9 годам он был уже профессиональным пианистом. В 10 лет у Мусоргского появился другой учитель – прославленный петербургский педагог А. А. Герке, развивший пианистический талант его до высочайшего уровня.

Отец композитора – Пётр Григорьевич, горячо любивший музыку, – радовался успехам сына, но готовил ему совсем иное поприще. Весь мужской род Мусоргских, за исключением самого Петра Григорьевича, служил по военной части. В 1849 году Модест поступил в Петропавловскую школу в Петербурге, затем его перевели в Школу гвардейских прапорщиков. Спустя семь лет Мусоргский окончил Школу и был зачислен офицером на службу в гвардейский Преображенский полк. Перед ним открывалась перспектива блестящей военной карьеры, но через два года он вышел в отставку, решив посвятить себя творчеству. Этому решению способствовало знакомство с А. С. Даргомыжским, М. А. Балакиревым, Ц. А. Кюи, братьями В. В. и Д. В. Стасовыми и с А. П. Бородиным, ставшим его близким другом. Однако это решение означало, что он фактически оставался без средств к существованию. Но молодость, хорошее здоровье, большие планы на жизнь, дружба с прекрасными людьми окрыляли и внушали уверенность в правильности избранного пути.

Первая мысль об опере появилась у семнадцатилетнего композитора в связи с романом В. Гюго “Ган Исландец”. Его увлёл сюжет, в котором разворачивалась народно-историческая драма, наполненная остросюжетными ситуациями. На их основе можно было создать многоплановое сценическое действие, в котором участвовали злодеи и благородные герои. Параллельно с обдумыванием оперы на сюжет В. Гюго, Мусоргский увлёкся трагедией Софокла “Царь Эдип”. Философско-психологическая основа трагедии, её этический ракурс (возмездие за совершенное преступление) – первые шаги по направлению к будущей музыкальной драме “Борис Годунов”.

* Модест Петрович Мусоргский. Литературное наследие. Письма. Биографические материалы и документы. М., 1971. С. 197.

Опера “Ган Исландец” так и не была написана, а из музыки к трагедии Софокла “Царь Эдип” был написан хор народа. Это происходило в конце 50-х годов, а в 60-е годы XIX столетия начинается новый этап в русской музыкальной культуре, отмеченный появлением творческого союза единомышленников, объединившихся под названием “Новая русская музыкальная школа” или “Балакиревский кружок”, впоследствии (с лёгкой руки В. Стасова) получивший название “Могучей кучки”. Крепкая идейная платформа сплотила композиторов, вошедших в это объединение: М. Мусоргского, А. Бородина, Н. Римского-Корсакова, Ц. Кюи, М. Балакирева – организатора и лидера кружка. Были и другие композиторы – А. Гуссаковский, Н. Лодыженский, Н. Щербачёв, – впрочем, отошедшие впоследствии от композиторской деятельности.

Главным для композиторов “Могучей кучки” была опора на национальную специфику, близость к своим корням, к народным основам. В музыкальном отношении это, прежде всего, народно-песенное искусство, эпос, сказки, древние языческие обряды, эпизоды, взятые из народной жизни и исторического прошлого народа. Всё это осмысливалось ими не просто как красивые “картинки”, красочно изображающие национальную экзотику, но как самовыражение духа народа, иногда превращаясь в духовно-мистическое действо (“Хованщина” Мусоргского, “Снегурочка” и “Сказание о невидимом граде Китеже” Римского-Корсакова и другие сочинения композиторов-членов Балакиревского кружка).

В начале 60-х годов Мусоргский предпринял ряд поездок по России, обогативших его яркими впечатлениями. Он впервые посетил Москву, поразившую его своей необычной исторической красотой. В Москве развернётся сценическое действие его опер “Борис Годунов” и “Хованщина”.

Драгоценным материалом для творчества послужили и многочисленные типы людей, которых наблюдал композитор. Он писал: “Подмечаю баб характерных и мужиков типичных – могут пригодиться и те и другие. Сколько свежих, не тронутых искусством сторон кишит в русской натуре, ох, сколько! И каких сочных, славных”*. Свои впечатления Мусоргский выразил в ряде романсов: “Калистратушка”, “Колыбельная Ерёмушки”, “Голак”, “Светик Савишна”, “Семинарист” (последние два – на слова М. Мусоргского) и других.

Параллельно с работой над романсами Мусоргский в 1863 году приступил к сочинению оперы “Саламбо” на сюжет Флобера (либретто М. Мусоргского), а затем – к сатирической опере “Женитьба” по пьесе Гоголя. Был написан только первый акт, второй значительно позже дописывал М. М. Ипполитов-Иванов.

Несмотря на то, что ни одна из этих опер не была закончена, обе они послужили прекрасной базой для выработки основных принципов оперного языка Мусоргского. Несколько музыкальных отрывков, написанных для “Саламбо”, вошли в оперу “Борис Годунов”. По наблюдению одного из исследователей оперного творчества Мусоргского Р. К. Ширинян, в “Саламбо” таились музыкальные характеристики Бориса, Самозванца, Шуйского, Ранголи, бояр**. В музыке “Женитьбы” много ярких и тонких деталей, которые позднее композитор развил и обогатил в жанрово-бытовых сценах других опер. Ещё один сатирический шедевр того времени – вокальный цикл “Раёк” – музыкальная сатира на врагов искусства Мусоргского, коих в то время было немало. Не менее важны были стилистические находки, запечатлённые в его романах.

Конец 60-х годов (1869) ознаменован появлением “Бориса Годунова”. Над партитурой оперы Мусоргский работал с огромным увлечением, очень быстро. Исключительная новизна оперы бросалась в глаза сразу – этому способствовала психологическая глубина образов, сопоставимая разве что с образами Достоевского и Л. Толстого. Каждый образ – отдельный мир, в котором множество перекрёстных линий. Все вместе они составляют яркое жизнеописание истории и быта, характеров и духовных ценностей, существовавших на Руси. В отличие от романтической традиции, Мусоргский не пытался романтизировать своих персонажей, изображая их такими, какими они были в действительности, стремясь передать их особенности, прежде всего, через извивы речевых интонаций, а через них – характеры и чувства персонажей.

* Из письма М. П. Мусоргского Л. И. Шестаковой от 30 июля 1868 года.

** Ширинян Р. К. Эволюция оперного творчества Мусоргского. М., 1978. С. 16.

Разноликая Русь – народная, боярская, царская – показана Мусоргским во всей полноте и множественности, где всё неоднозначно, и наряду с обыденным началом существует возвышенное, с трагическим – комическое, с бытовым – поэтическое. Каждый персонаж многолик. Борис “на людях” – царственная личность, неспешно и с достоинством он произносит свои речи; нежный и любящий отец, мягко и искренне беседующий с дочерью и наставительно – с сыном. Но одновременно он и психически больной человек, обезумевший от мук совести, которому мерещатся “мальчики кровавые в глазах”, и исполненный молитвенного раскаяния грешник... По ёмкости характеристики этот образ не знает себе равных, как и фигура Юродивого.

Жалкий оборванец, осмеянный мальчишками, отнявшими “копеечку”, и в то же время пророк. Образ Юродивого Мусоргский проработал даже более основательно, чем Пушкин. При всем благоговении Мусоргского перед Пушкиным, композитор внёс свои изменения в текст драмы. У Пушкина Юродивый появляется только в сцене у собора Василия Блаженного, где произносит сокровенные слова: “Нельзя молиться за царя Ирода...” У Мусоргского Юродивому отведена самостоятельная сцена со знаменитой его песней “Месяц светит, котёнок плачет...” Опера завершается скорбными словами Юродивого: “Лейтесь, лейтесь, слёзы горькие”, – в которых сосредоточена главная мысль этой драмы: трагическая судьба, ожидающая Русь, бесконечные страдания народа и неизбежные столкновения его с властью.

Главным стержнем музыкальной драмы “Борис Годунов” являются народные сцены. “Я разумею народ как великую личность, одушевленную единой идеей”, – писал Мусоргский*. Огромный акцент, сделанный на народных сценах ещё Глинкой в опере “Жизнь за царя”, определил народно-историческую тему как одну из ведущих в русской опере. Это породило определённый подход к драматургии, в которой роль хора была столь же важна, как и партии отдельных персонажей. Однако, если хоры Глинки в опере “Жизнь за царя” несут в себе обобщённую характеристику народа, то хоры Мусоргского в “Борисе Годунове” и “Хованщине” наряду с обобщённой включают и индивидуальные характеристики народных персонажей в виде реплик и хоровых диалогов, в результате чего возникает живая и естественная передача многослойной жизненной картины.

Уже в прологе оперы, в сцене у Новодевичьего монастыря, где народ избирает царя, дана целая галерея разных персонажей и одновременно развёрнутая характеристика всей ситуации в целом: полное непонимание происходящего слышится в вопросе одного из голосов хора: “Митюх, а Митюх, чего орём?” – и полный безразличия ответ Митюхи: “Вона, почём я знаю”. И чей-то разъясняющий голос: “Царя на Руси хотим поставить”. Никогда ещё хор так “не разговаривал” разными голосами. Особенно ярко представлены женщины. Одна причитает: “Ой, лихонько”; другая сердится: “Вишь, боярыня какая”; третья задирается: “Орала пуще всех!” Мусоргский тонко фиксирует реплики каждого персонажа, разное их настроение, даёт картину разноликой толпы, всячески подчёркивая это переливами различных интонаций – от сонно-ленивых до крикливо-сердитых, а порой и благостно-терпеливых. В короткой сцене народного “избрания” царя слышится и сарказм (“Чего орём?”), и сострадание.

Хоровые сцены четвёртого действия – у храма Василия Блаженного – представляют народ, охваченный единым порывом: “Хлеба!” – голосит народ. В сцене под Кромами ненависть к царю выливается в настоящий бунт. Реплики отдельных групп хора сохраняются: “Вали сюда!”, “А чтоб не больно выл!”, “На пень сади!”, но теперь они подчинены единой стихии, единому ритму движения. Кульминацией разгула стихии народного бунта является хор “Расходилась-разгулялась”, звучащий в сцене под Кромами.

Личная трагедия Бориса разворачивается на фоне народной трагедии. Вновь следует заметить, что никогда ещё опера не знала подобной смысловой “полифонии”. Исследователи отмечают, что Мусоргский усиливает идею одиночества царя по сравнению с пушкинской его трактовкой. “Оперный” Борис постоянно погружён в глубокие размышления, вылившиеся в пространственные монологи. Пушкинский Борис более активно взаимодействует с окружающим миром. Борис Мусоргского в основном “монологичен”. “Скорбит душа” – этот

* Автограф Мусоргского к первому изданию оперы “Борис Годунов”.

монолог произносится во время сцены коронования, когда народ занят своими действиями и мыслями (“Митюх, а Митюх, чего орём?”), а царь – своими. Их отчуждённость и безразличие друг к другу отчётливо показаны Мусоргским. Другой известный монолог Бориса – “Достиг я высшей власти...” – вновь высвечивает скорбные мысли царя.

Внутри народной драмы образовалась монодрама, вписанная в широкое историческое полотно. Мусоргский рисует образ царя широкими мазками, без подробных деталей – в интонациях Бориса почти всегда ощущается неторопливый шаг, величественность жестов, собранная сдержанность. Его речь всегда предварена оркестровым вступлением, дающим зримое представление о движениях царя, о склонившихся в поклоне придворных, мимо которых он шествует. Однако внутри монологов есть ещё более углубленные, внутренние монологи (“Тяжка десница грозного судии, ужасен приговор душе преступной”) внутри монолога “Достиг я высшей власти”) и речитативы, представляющие собой непрерываемый ток мысли, порой доводящий царя до галлюцинаций.

Мелодическое содержание каждого монолога или ариозо Бориса наполнено строгими и одновременно распевными интонациями. Им присуща эпическая величественность и царственность, в них преобладает неспешность и особая мерность движения, в которой угадываются мудрость и сила. Они близки к народным песням, былинам и одновременно к церковному знаменному распеву.

Главная же черта монологов Бориса заключается в том, что все они пронизаны молитвенным чувством. Мусоргский использует для этого ряд приёмов. Прежде всего, мелодические интонации, акцентирующие определённые слова и фразы: “скорбит душа”, “слёзы”, “благ и праведен” – все они выделены либо ритмически, либо мелодическим повышением звучания. Главная идея, воплощённая в образе царя, – неизменное наказание за преступление – представлена как самонаказание. От этого скорбит царь, а не от того, как относится к нему народ и приближённые.

Если говорить о музыкальной драматургии оперы, то Мусоргский создаёт её многообразием стилей, к которому прибегает для обрисовки каждого персонажа. “Высокий” стиль царской речи сменяется “низким” говором простых людей.

Другая её особенность проявляется в построении многослойного сценического действия. Мусоргский – мастер сложно выстроенных “пирамидальных” композиций. Он часто прибегает к приёму, называемому “текстом в тексте”. Впервые его применил Глинка в виде знаменитого “польского акта” в своей опере “Жизнь за царя”. Далее все русские оперы стали включать в себя “вставное действие”. Этот драматургический принцип вполне можно назвать “шекспировским”, поскольку он активно использовался в драматургии Шекспира. Одним из наиболее ярких примеров является пьеса, разыгранная бродячими актёрами в “Гамлете”, органично вписанная в основную сюжетную линию.

В опере Мусоргского “Борис Годунов” особый интерес в этом отношении представляет “польский акт” (третье действие), написанный для второй редакции оперы. Польский акт расширяет музыкально-драматическое действие и вносит дополнительные смысловые линии в драматургию оперы. Музыка, характеризующая поляков, как и у Глинки, основана на ритмах мазурки, полонеза, краковяка. Помимо того, что само третье действие представляет собой абсолютно иную картину, чем всё, что ему предшествовало, в нём есть ещё несколько локальных сюжетов. В частности, в самостоятельную сцену превращается мазурка. Это портрет самой Марины Мнишек – непроницаемо-холодной и расчётливой. Однако постепенно психологический объём её образа расширяется. И в любовном дуэте Марины и Лжедмитрия происходит явная смена лексик, соответствующая смене “маски” Марины. Выразительную чувственную лирику не так уж часто можно встретить у Мусоргского. Композитор, скорее всего, стремился передать не искренность её чувств, а искусный соблазн, которому подвергается Самозванец. Марина, как натура артистически одарённая, вполне способна на такой стиль общения, в котором трудно различить, где игра, а где правда.

Совершенно неожиданной оказывается способность Марины быть послушной и даже смиренной. Эти черты раскрываются в сцене с иезуитом Рангони. Он в своей проповеди склоняет её к обольщению Лжедмитрия, призы-

вая статья провозвестницей “правой веры” в Московии. Здесь уже не расчёт, а искреннее убеждение в значимости собственной миссии – таковы мотивы её тщеславия и коварства. Без этого “углубления” в характер Марины, без такой “подробности” мир её ценностей не был бы показан объёмно. Мусоргский прорисовывает очень важную особенность её характера – способность не только повелевать, но и проявлять послушание, требующее от неё своеобразной жертвы. Психологически точные портреты Мусоргского многозначны и потому достоверны и правдивы.

Ещё в 1872 году, когда продолжалась работа над “Борисом Годуновым”, точнее, над второй редакцией оперы, Мусоргский задумал “Хованщину” – народную музыкальную драму. В жизни композитора это было время нужды, болезней, душевного одиночества, депрессии, но творческая интенсивность его работы от этого не уменьшилась. Скорее, наоборот. В этот период созданы такие сочинения, как фортепианный цикл “Картинки с выставки”, вокальные циклы “Детская”, “Без солнца”, “Песни и пляски смерти”. Одновременно с “Хованщиной” писалась комическая опера “Сорочинская ярмарка”, продолжавшая “гоголевскую тему”, открытую композитором в “Женитьбе”.

Как уживались “миры” “Хованщины” и “Сорочинской ярмарки”? Похожую картину мы видим у Моцарта, писавшего одновременно “Волшебную флейту” и “Реквием” – последние свои произведения. Мусоргский работал над “Хованщиной” до самой смерти, но так и не закончил её. “Хованщина” писалась одновременно в разных эпизодах.

Либретто целиком создано самим композитором, что отличает её от других опер Мусоргского. При этом оно столь же талантливо, что и музыка оперы, хотя никакого литературного первоисточника не имеет. В основе текста оперы лежало изучение подлинного исторического материала. Он работал с трудами и документами историков, описывавших эпоху стрелецких бунтов и церковного раскола, и перед ним не было готового литературного сюжета. Все персонажи и сюжетные перипетии собирались из разных источников. Композитор старался максимально точно воссоздать историческую правду. Подобного подхода опера ещё не знала. По словам Асафьева, “сюжет дан, как нанизанные звенья событий, но не как видимой связью скреплённые факты”^{*}.

Создавая либретто “Хованщины”, Мусоргский опирался на материалы по истории восстания стрельцов 1682 года под предводительством князя Хованского. Князь был могущественным и авторитетным вожаком стрельцов и, по различным историческим свидетельствам, стремился занять царский престол. Повсюду за ним следовали преданные ему стрельцы. Мусоргский это подчеркнул многочисленными возгласами стрельцов: “Большой идёт”; славлениями: “Слава лебедю” – хор, звучащий при появлении Хованского; любовным обращением к нему: “Батя”! Они беспрекословно подчиняются ему. Хованский отвечает им взаимностью и зовёт их “детками”. Приверженец старого порядка вещей, он не воспринимал “новых людей”, как и новых идей, принесённых Петром.

Власть и могущество Хованского не давали покоя царевне Софье, и она решила покончить с ним, прибегнув к обману. Зная о тщеславии Хованского, царевна пригласила его посетить государственный совет, послав сообщить ему об этом своего подданного – дьяка Фёдора Шакловитого. По дороге его должны были схватить и казнить без суда и следствия. Мусоргский изменил ход событий: Хованского убивают на пороге его собственного дома, когда он собирается на заседание государственного совета. А перед сценой убийства князь развлекается: русские девушки вместе с персиянками поют и танцуют перед ним. Это чисто драматургический “ход”, излюбленный русскими композиторами: обострить трагическую развязку с помощью “вставного действия”.

В операх Мусоргского особую роль играют музыкальные решения, связанные с воплощением характеров персонажей. На первый взгляд необъяснима трактовка образа Шакловитого – доносчика и главного виновника убийства Хованского. “Злым демоном” называет его Асафьев. И сам Шакловитый в начале первого действия говорит о себе: “Проклятый от века, дьявола ходатай”. Однако известная ария Шакловитого из третьего действия “Спит стрелецкое гнездо” фактически представляет собой молитву о судьбах Руси. Благодаря такой композиторской трактовке образ Шакловитого не выглядит

^{*} Асафьев Б. В. Об опере. Избранные статьи. Л., 1985. С. 145.

однозначным: ему не безразлична судьба Отчизны, хотя способ служения ей он выбирает по своему разумению. Музыкальная характеристика Шакловитого как будто несколько “возвышает” его низменные поступки. В мелодических оборотах, поддерживаемых хоральными аккордами партии сопровождения, звучит молитвенное песнопение. Мусоргский приближает его к персонажам, наделённым мирской или духовной властью – Борису Годунову и Досифею, духовному наставнику староверов в “Хованщине”. Это проявилось в использовании одной и той же тональной краски (ми-бемоль-минор) в арии Шакловитого “Спит стрелецкое гнездо” и ариозо Досифея из первого действия “Приспело время”, а также в использовании интонаций, близких к монологам Бориса “Достиг я высшей власти” и “Скорбит душа”.

Подобную же характеристику получает князь Хованский в ариозо из третьего действия. Его обращение к стрельцам “Помните, детки” написано в той же беспешно-распевной манере и тональности (ми-бемоль-минор), что и ария Шакловитого и ариозо Досифея. В этом подспудном “уровновешивании” персонажей проявилась важная идея оперы, сущность которой заключается в том, что при всём различии персонажей каждый из них осмысливается композитором как масштабная личность, ведущая борьбу с врагом своими средствами. Ощущается эпическая, даже летописная “беспристрастность” оценки их поступков и суждений.

Совсем иначе показаны стрельцы. Из всех народных персонажей они получают наиболее развёрнутую характеристику. Большей частью стрельцы представлены интонациями и ритмами, свойственными солдатским песням с характерными восклицаниями и выкриками: “Гой, вы люди ратные”, “Айда! Весело!” – так построены хоры из первого действия.

Совершенно необычной является хоровая сцена в финале четвёртого действия “Хованщины”: стрельцов ведут на казнь, они просят о помиловании, а их жёны, наоборот, требуют поскорее казнить их мужей – “воров и гуляк”. Возможно, жёны стрельцов и не отдадут себе отчёта в том, что на самом деле происходит. Но бунт жён косвенно усиливает характеристику стрельцов, представляя их разгулявшейся жестокой “силой сильной”. Кроме того, этот бунт показывает, что разлад существует не только на социально-историческом, но и на семейном уровне.

В музыкальной характеристике стрельцов композитор вновь прибегает к острому, жизненному и потому ёмкому их изображению, далёкому от стереотипов. В целом же хор стрелецких жен вносит в их характеристику ещё один важный штрих, позволяющий сделать вывод, что стрельцам, озлобленным, лишённым упования на Бога и любви к ближнему, противостоят раскольники, полные любви и смирения.

Одним из персонажей оперы является князь Голицын. Известный западник, Голицын был политическим деятелем, стремившимся приблизить Россию к Европе. Он симпатизировал стрельцам, но противился их выступлению против Петра. Как пишет Р. К. Ширинян, “западничество Голицына сквозит в галантности его музыкальной речи, так резко выделяющей его на фоне чисто русских “интонационных портретов”*.

С особой силой в “Хованщине” проявился мелодический дар Мусоргского. Опера насыщена мелодиями разного характера: протяжными, близкими к народным песням, лирическими романсовыми, церковными псалмодиями. Главное в них – глубокая искренность и человечность, помогающая проникнуться сочувствием даже к отрицательным персонажам (Хованскому, Шакловитому).

XVII век оставил свой след в истории не только стрелецкими бунтами – это было время развития старообрядчества. Духовным наставником староверов в опере Мусоргского является Досифей. Известно, что его прообразом послужил протопоп Аввакум. Кроме того, Мусоргский увлекался трудами о московском старовере Никите Пустосвяте – одном из духовных вождей стрельцов.

Образ Досифея трактуется в опере многопланово. Он противостоит всем политическим силам – и Хованскому, и Голицыну, не приемля позиции ни одного из них. Досифей – проповедник *истинной веры* – по-отечески заботится о людях, понимает их печали. В его музыкальной характеристике преобладают интонации церковного пения. Один из самых известных его монологов –

* Цит. изд. С. 88.

монолог из пятого действия “Приспело время в огне и пламени приять венец славы вечная!” Это яркая проповедь, в которой Досифей ободряет раскольников и призывает их совершить подвиг самосожжения.

Марфа – главный женский персонаж оперы. Её музыкальной характеристике свойственна особенная продуманность, яркость интонаций. Мелодические линии партии Марфы отличаются широтой, распевностью, величественностью. Её томит безответная любовь к княжичу Андрею – сыну Ивана Хованского. Это в полной мере передают нежные, глубоко прочувствованные песенные интонации. Её партия в основном написана в минорных тональностях.

Андрей Хованский гибнет в огне вместе с раскольниками. В раскольничий скит его увлекает с собой Марфа. Это не его выбор, не его вера, не его любовь. Он влюблён в иноверку – “лютерку” Эмму, – девушку из немецкой слободы. Удивительно трагична его участь. Он случайно оказался среди раскольников и вынужден принять их участь. Досифей торопит единоверцев – уже слышны трубы петровского войска, по слухам, идущего расправиться с раскольниками. На этом партитура обрывается.

Оперу завершали трижды. Первым был Н. Римский-Корсаков, в его версии опера заканчивалась грозной темой петровского войска. Вторым был И. Стравинский, у него опера заканчивалась раскольничьими песнопениями. Третьим был Д. Шостакович. В его варианте возвращается мелодия начала – “Рассвет на Москва-реке”. Всё это характерно для творчества самого Мусоргского, постоянно искавшего новые средства выражения.

Последние годы жизни Мусоргского были очень тяжелыми. Плохое здоровье, материальная нужда мешали ему сосредоточиться на творчестве. Приходилось подрабатывать аккомпаниатором в вокальных классах. В 42 года его разбил паралич, и месяц спустя, 16 марта 1881 года он скончался в военном госпитале.

Несмотря на свою короткую жизнь, Мусоргский сумел привести в движение весь музыкальный мир. В прежние времена европейская культура, преимущественно итальянская, была “учителем” русской в прямом и переносном смысле, поскольку учителей из Италии действительно приглашали ко двору либо русские музыканты ездили учиться в Италию. Творчество Мусоргского оказалось столь мощным, что повлияло на отечественную и европейскую культуру вплоть до XX века. Мусоргский оказался неиссякаемым источником вдохновения для композиторов разного типа и разной степени одаренности. Его гений объемлет всех и вся.

Народные истоки творчества Мусоргского в XX веке получили продолжение в сочинениях композиторов “новой фольклорной волны” – Г. Свиридова, В. Гаврилина, Ю. Буцко; психологически-философская тема – в музыке Г. Малера, тема поющей и пляшущей смерти – у Д. Шостаковича, тема любви – у К. Дебюсси, тема детства – в творчестве С. Прокофьева и М. Равеля.

В XXI веке “голос” Мусоргского можно расслышать в творчестве практически всех композиторов, пишущих духовные сочинения. Секрет его – в исповедальном характере творчества Мусоргского, в искреннем стремлении композитора донести до слушателя жизненную правду.

ЛЮДМИЛА КИСЕЛЁВА

ДВА ЮБИЛЕЯ

(Шевченко и Клюев)

9 марта 2014 года весь культурный мир отмечает 200-летие украинского гения Тараса Шевченко. И в этом же году, 22 октября, исполняется 140 лет с того дня, как в одной из деревень Олонецкой губернии родился великий русский поэт Николай Клюев. Дата не столь “круглая”, однако символичная: столетие поэта плюс сорок лет пустынных блужданий потомков к “земле обетованной” клюевского “жизнедательного глагола”... **“Грянет час, и к мужицкой лире / Припадут пролетарские дети”**, – пророчествовал Клюев, предвидя ещё в 1920 году своё будущее: “сердце-розу, смятую в Нарыме” и мученическую смерть (“Миновав житейские версты...”). А дети нынешнего “компьютерного” поколения – припадут ли к “мужицкой лире”? Захотят ли искать “тропинки междустрочий”, ведущие к “слову пододонному” – клюевскому “Китежу подводному”, царству небывалого стиха: “Где в запятых голосят петухи, / Бродят коровы по злачным тире, / Строки ж глазасть, как лисы в норе”?

Как сегодня Россия помянет своего “олонецкого ведуна”, “Аввакума XX столетья”, “непомерного Клюева”? “Расплетут ли девушки косы, / Старцы воссядут ли у ворот?...” – с такими несвоевременными “смертельными думами” встречал поэт в 1919 году “поминальный день – память расстрелянных рабочих” (“Чернильные будни в комиссариате...”). Нам же неизвестна даже точная дата расстрела Клюева... “И выстрел – в звёзды или в темя? / Кольцо Светланы точит время, / Но есть ребячий городок...” (“Я человек, рождённый не в боях...”). Где же тот “светлый внук”, вымечтанный Клюевым? Приникнет ли он в своей “келье поэта” к “упорной странице”, с которой “та же бездонная Русь / Глянет...?” Или клюевская дата будет отмечена лишь литературными посылками и “старуха-критика запишет / В поминанье горестное имя”?

Невольно вспоминаются строки Клюева: “Никто не слышит ветродушной / Дуплистой и слепой **кобзы**”. Похожие слова находим у Шевченко: “Оглухли, не чуют”, – то есть не слышат... Его кобзарь, Перебендя так же одинок среди людей: “Його на сім світі ніхто не прийма. / Один він між ними, як сонце високе”. Лишь с морем и солнцем, степными могилами и ветром беседует кобзарь – они-то слышат, как его “сердце щебечет Господню славу...” Символический портрет Перебенди – клюевская “ветродушная кобза”, “дуплистая и слепая”, которой никто из людей не слышит, ибо говорит она языком стихий и “Божьим словом”. Уподобляя себя старому лесному ручью, Клюев пишет: “Его **кобза** журчит “люблю” / На всю кедровую опушку...” Наконец, в поэме “Кремль” окончательно удостоверена прозрачная генеалогия “мужицкой лиры”:

*Тарас Николе, как собрату,
Ковыльную вверяет кобзу! —
И с жемчугом карельским розу
Подносит бахарь Украине!*

Украинская земля помнит Клюева: именно здесь была написана его знаменитая “Погорельщина” — единственное в наследии поэта творение, помеченное не только датой, но и местом создания: “День Покрова Пресвятой Богородицы. 1928. **Полтава**”. Здесь родились обжигающие душу строки: “Это последняя Лада, / Купава из русского сада... <...> Вы же, кого я обидел / Крепкой кириллицей слов, / Как на моей панихиде, / Слушайте повесть о Лидде — / Городе белых цветов!” Не эту ли “повесть” о “городе-розане” Клюев назвал “**розой**”, поднесённой Украине? Возможно, поэт находился среди тех паломников, которые летом и осенью 1928 года съезжались на Полтавщину (как отмечала тогдашняя пресса, “не только из Москвы, но и с Дальнего Востока”) в связи с так называемой “эпидемией чудес” (кровоточивыми иконами и крестами, всенародными покаянными “походами” к открывшимся святыням и местам чудотворений)*. Мощное религиозное движение, охватившее Полтавщину, повсеместные пророчества, чудесные “видения” грядущего смертоносного голода и ожидание “конца света” — всё это нашло отражение в “Погорельщине” (“кровоточивый Спас”, эпизоды голода и людоедства, гибель “деревни Сиговой Лоб” и трагедия “Великого Выга”, символизирующего обречённую крестьянскую культуру).

Об украинских контекстах “Погорельщины”, о значении в этой поэме образа “зозули”, о народных песнях про девушку Настю “на вербовой дощечке” и про вербу (“Ой, верба, верба, где ты росла? — Твои листыньки вода снесла!..”); о скрытых и явных фольклорных цитатах, этнографических деталях, связанных с Украиной, в ряде других произведений Клюева следовало бы говорить отдельно и подробно... Но в связи с “двумя юбилеями” важно перво-наперво задуматься над тем, что сближает “мужицкую лиру” Клюева с бессмертной “кобзой” великого Кобзаря Украины.

Об этой близости говорили современники уже в первый период творчества Клюева; внешнее сходство с Шевченко позволяло порой принять поэта за украинца: “подумал, что хохол, — усы, улыбка... хохлацкие”, — таким было первое впечатление писателя Б. А. Лазаревского от появления Клюева в “Ежемесячном журнале” (с. 110)**. А услышав стихи этого “хохла”, принятого им за “кучера”, Лазаревский был потрясён, да и не он один: “Миролюбов плакал... Чуть не заплакал и я”. Борис Лазаревский вырос в семье, тесно связанной с Тарасом Шевченко, и был воспитан на культе Кобзаря. **“Кроме Лермонтова и Шевченка, поэтов почти не чтущий”**, он так был очарован услышанным, что записал в дневнике: **“Великорусский Шевченко этот Николай Клюев, и наружность, как у Шевченка в молодости”** (с. 109). С годами внешнее сходство не исчезало; много позже юный художник Анатолий Кравченко, впервые увидев Клюева на выставке “куинджистов”, сразу отметил, на кого похож этот “пожилой человек с бородой”, одетый “в свитку”: “вроде Шевченко в ссылке” (с. 457). А стоило услышать стихи “великорусского крестьянина с наружностью Т. Г. Шевченко” (с. 658), как впечатление внешнего сходства дополнялось ощущением глубинного внутреннего родства: “Написано кровью. Такая сила, величественность, что поражаешься, слушая”, — так передал своё восприятие клюевского чтения Анатолий Кравченко (с. 430). “Не чтение, а музыка, не слова, а Евангелие, — восхищался Борис Лазаревский, почёркивая уникальность клюевской поэзии. — Как нельзя перевести Шевченка ни на один язык, даже на русский, сохранив все нюансы, так нельзя перевести и Клюева” (с. 109).

* Подробно об этих событиях и возникшем в те годы украинском народном религиозном эпосе см.: Кисельова Л. Текст в історії, історія в тексті: до генези мотивів кривавого хреста й голоду в українському фольклорі та літературі 1920-х років / Л.Кисельова/ / Людина в часі-2 (філософські аспекти української літератури ХХ-ХХІ ст.) К., Універ.вид-во ПУЛЬСАРИ, 2001. С. 52-85.

** Здесь и далее цитируем воспоминания современников, указывая в скобках страницу издания: “Николай Клюев. Воспоминания современников”. М., “Прогресс-Плеяда”, 2010.

Неслучайна эта ассоциация с музыкой и сакральным текстом: Клюев неоднократно рассказывал о том, что в юности был “Давидом” хлыстовского ко-рабля – слогал стихи-песни для братии. Автор “Братских песен” упомянул позднее в своём автобиографическом очерке “Гагарья судьбина” о том, как “недоростком”, забредя в Ясную Поляну с мужиками-скопцами и “пророками”, читал Толстому “один из моих самых ранних Давидовых псалмов”^{*}.

Неважно, насколько достоверны эти сведения, – само словосочетание “Давидовы псалмы” вызывает в памяти одноимённый цикл Тараса Шевченко, созданный в ту пору, когда участники Кирилло-Мефодиевского братства считали молодого поэта своим “Давидом”.

Из 150 пронумерованных и одного “вне числа” церковных псалмов Шевченко избрал 10 (словно Декалог Моисеев), начиная 1-м и завершая 149-м. Последний псалом сводит воедино ключевые мотивы и образы всего цикла, обретая особое символическое значение (именно этот псалом Шевченко позднее вложит в уста героя своей поэмы “Неофиты”: Алкид поёт его, идя на казнь). Мотив “**нового псалма**”, воспеваемого Господу “**сердцем нелукавым**”, созвучен духовным ориентирам, очерченным в псалме 1: “**Блаженный муж на лукаву не ступає раду**” (“Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых...”).

Знаменательно, что и в ранних “песнях” Клюева этот мотив – один из ключевых: “Мы блаженны, неизменны... <...> Тайну Бога и Вселенной / В глубине своей храним”. Даже в голосах лесных птиц поэт различает слова начального Давидова псалма: “Дрозд пропел: “Блажен муж”...”

Шевченковский “кобзарь” вполне может быть назван “псалмопевцем”: так называемые “**псалмы**”, составлявшие основной репертуар украинских лириков и кобзарей, – это и народные перепевы из Книги царя Давида, и невольничьи “плачи”, и думы морализаторского содержания... Правда, украинский кобзарь – “**старец**”, что в переводе означает “**нищий**”. Поэтому Шевченко разъединяет традиционное определение Псалмопевца – “царепророк” – и создаёт свой “апокриф” о Давиде: истинного “кроткого **пророка**” убила обезумевшая толпа – и тогда **вместо** него Бог послал людям царя... Пророк для Шевченко – всегда страдалец, великомученик, такова же участь истинного поэта: “кротким пророком” предстаёт и Лермонтов (названный “великомучеником святым”), и безымянный герой поэмы “Тризна”. “**Кротким пророком и обличителем жестоких**” называет Шевченко писательницу Марко Вовчок, и даже Пресвятую Богородицу изображает вдохновительницей апостолов, развеявшей их “уныние и страх... своим святым огненным словом”... Но поскольку “кроткий пророк” неизбежно страдает и нищенствует, такой же судьбой наделяет Шевченко героиню поэмы “Мария”: отпустив учеников Христа проповедовать “любовь и правду” по всему миру, Пречистая Дева кротко и смиренно умирает голодной смертью под тыном, в бурьяне...

“**Стариком, в лохмотья одетым**” и взывающим к милосердию недавних друзей – таким описал себя Клюев в стихотворении начала 1920-х годов: “За стеною Кто и Незнаю / Закинут невод в Чужое... / И вернусь я к нищему раю, / Где Бог и Древо печное”. Однако и “нищий рай” был отобран; в 30-е годы, оказавшись в ссылке, Клюев христарадничал на базарах и на паперти: “Я так нищ, что оглядываясь на себя, удивляешься чуду жизни – тому, что ты ещё жив. <...> Но как ветром... пахнёт иногда в душу цитра золотая, нищетою богатая!”^{**} Мотивом “цитры золотой, нищетою богатой”, которая захватывает дух “неизглаженной музыкой”, пронизано это письмо из сибирской ссылки. Клюев подчёркивает смысл и достоинство такой “нищеты”, цитируя тропарь Роману Сладкопевцу: “Се питаеши красными песнопениями помыслы наши и пополняеши сладости божественные – **паче всего богатства мира, пищи и питья тленных!** Цитра золотая, нищетою богатая!”

Связь “красных песнопений” с пополнением “божественных сладостей” проясняет ключевое понимание “псалмопения” как Богообщения, источника новых возможностей и знаний. Об этом свидетельствует небольшая поэма 1916 года “Поддонный псалом” (первоначальное заглавие – “Новый псалом”). В центре запредельных видений, метаморфоз, откровений и пророчеств – словесное озарение “псалмопевца”: “О Боже Сладостный, ужьель я в малый

* Клюев Н. А. Словесное древо. Проза. СПб, 2003. С. 37.

** Из письма Н. Ф. Христофоровой, написанного в Томске 25 октября 1936 года (Клюев Н. А. Словесное древо. Проза. СПб, 2003. С. 382).

миг / Родимой речи таинство постиг, / Прозрел, что в языке поруганном моём / Живет Синайский глас и вышний трубный гром?!”

Молодой Шевченко также называл свои стихотворения “псалмами”, тем самым определяя их участь и собственную судьбу: **“Насміються на псалом той, що виллю слюзами”**. Ибо и Давида гонят люди с насмешкою: “привитай по горам яко птица” (Пс. 10:11), и кобзарю Перебенде приходится таить свои самые сокровенные псалмы, “Божье слово”, которого люди не приемлют:

*На Божєє слово вони б насміялись,
Дурним би назвали, од себе прогнали.
“Нехай понад морем, — сказали б, — гуля!”*

Пророк **блаженный** (что означает также “юродивый”), пророк **осмеянный**, изгнанный людьми, непонятый, избиваемый камнями, — всё это, бесспорно, архетипный комплекс значений. У Шевченко и Клюева можно выделить общий важный мотив: “Божьему слову, которого не слышат люди, жадно внимлет весь тварный мир. “Тихое, благое слово” Перебенди умиротворяет стихии — ветер ложится у ног кобзаря, чтобы его послушать, а затем “размахать” по полю услышанные слова; “чёрную гору” старик учит разговаривать, спрашивает: “Отчего ты немая?” И природа перенимает от поэта его “псалмы”, становясь, по слову Клюева, **“псаломогорьем”**: “Там, псаломогорьем, / Звон и чаек крик, / И горит над морем / Мой полярный лик”. Земные стихи, звери и птицы, даже малые травы участвуют в “псалмопении”, и мир, пронизываемый божественным глаголом, одухотворяется: “Прослезилася смородина, / Травный слушаая псалом”.

Закономерно, что Давида Клюев воспринимал как явление неземного, космического масштаба: назвав протопопу Аввакума “первым поэтом **на Земле**, глубиною глубже Данте и высотой выше Мильтона”, он ставит “огненное имя” **“после Давида царя”** (божественного, “небесного” поэта). “Космические” образы Клюева, его поразительно смелые метафоры нередко обнаруживают прямую связь с творениями Псалмопевца:

*Распростёрлось небо рваной кожей, —
Где ж игла и штопальная нить?
Род людской и шила недомыслил,
Чтоб заплатать бездну или ночь...*

Источником этих образов является текст псалма 103: “Простираяй небо яко кожу... <...> бездна яко риза одеяние ея...”

Многочисленные библейские аллюзии, образные и стилистические заимствования, ключевые мотивы Священного Писания либо исторические параллели пронизывают тексты обоих поэтов. Некогда М. Драгоманов заметил, что Шевченко неизменно обращался к Библии в поисках “духа народолюбивого пророчества”, — то же можно сказать о Клюеве. При этом ни один, ни другой поэт не идеализировал современный ему народ. В грозных инвективах Кобзаря “люди-небораки”, готовые отдать родную мать “за шмат гнилої ковбаси”, столь же безнадежны, как и в горьких клюевских стихах: “Святорусский люд тѣмен разумом, / Страшен косностью, лют обычаем; <...> Перед сильным — червь, он про слабого / За сивухи ковш яму выроет...” И всё же: “Нет прекраснее народа...” Лишь с народной душой связывали оба поэта нерукотворный Лик Истины. **“Свите Тихий!”** — так обращается к своему народу Шевченко. И Клюев пишет: **“Свете Тихий”** от народного лика / Опочил на моих запятых и точках”. В заключительных строках поэмы “Мария” Шевченко, отвергая изображение порфиросной Царицы, указывает на глубоко сокрытый, неизъяснимый Лик Скорбной Матери, запечатлённый в душах Её убогих детей: “А Ти... / Мов золото в тому горнилі, / В людській душі возобновилась, / В душі невольничій, малій, / В душі скорбящей і убогій”.

Пожалуй, главное, что родни Шевченко и Клюева, — это связь их художественного мышления с могучей образной и речевой стихией Библии, церковнославянских богослужебных текстов и народной духовной поэзии; яркий национальный колорит “пророческой” поэтики, соединение фольклорных мотивов с ветхозаветными и новозаветными, контаминация языческой и христи-

анской символики. Так, у Шевченко в стихотворении “Ісаія. Глава 35” органично соединены украинский пейзаж и библейские топонимы; “весёлые сёла” и “святой омофор”, подшитый “добром и волею”; простонародная лексика и церковнославянизмы; текст ветхозаветного пророчества и цитаты из Акафиста Пресвятой Богородице. У Ключева в “Песни о великой матери” соприкасаются и взаимодействуют разновременные гетерогенные пласты народной культуры: купальские хороводы и “строительная жертва” сосен; “в день Купалы звон на Кихах многоглавых”; заговоры шамана и молитвенное правило; тотемический “медвежий” мотив и оживающие святые иконы...

Подобно Шевченко, Ключев обращается к своим “и мёртвым, и живым, и неродившимся” соотечественникам, обвиняя, предостерегая, взывая к исторической памяти. Такова поэма “Деревня”, обрамлённая своеобразным заклиятием: “Будет, будет стократы...” (что также напоминает пророческие слова Кобзаря: “і світ ясний, не вечірній / Тихо засіяє”). Ведь родная земля — это кладовая Памяти, “книга народной судьбы”: **“в земле наших книг страницы...”** Не только исторические события, но и чувства людей, их простые человеческие дела, радости и страдания, думы и песни навсегда впечатаны в облик родины, стали “памятью” самой природы: “Без ножа ему неволя / Кольца срезала кудрей, / Чтоб раздольней стало поле, / Песня-вихорь удалей. / Чтоб напева ветрового / Не забыл крещёный край... / Не шуми ты, мать-дуброва, / Думу думать не мешай!”

У Шевченко природа также пронизана памятью: могилы с ветром говорят о давно минувших днях; камыши спрашивают у Днепра, где и как полегли казачьи дети, которых оплакивает чайка; поля ржи и степная трава-тырса, днепровские пороги и синее море — всё исполнено памяти о том, “что деялось в Украине”. Деревья своим обликом напоминают “дедов”, их достоинство и былую славу: “Мов ті діди високочолі, / Дуби з Гетьманщини стоять...” Чернеющие, как горы, могилы украдкой беседуют “про волю” с ветрами. Именно на высокую могилу ходит кобзарь Перебендя, становясь посредником между “Божьим словом” и “словом” самой земли, утверждая истинность её свидетельств. Поэтому и в своём поэтическом завещании — стихотворении “Заповіт” — Кобзарь велел похоронить его “на могилі серед степу широкого”, чтобы он мог видеть и слышать голоса круч и старого Днепра, **событийствовать** жизни своей родной Украины и её детей. Шевченко назвал степной курган “свидетелем дедовской славы” и наделил его способностью не только рассказывать “внукам” о былом, но и пробуждать в них песенный дар:

*Свідок слави дідівської
З вітром розмовляє,
А внук косу несе в росу,
За ними співає.*

Непрерывная духовная взаимосвязь природы и человека является отличительной чертой “земляной” культуры, по убеждению Ключева. Городская улица, оглушающая человека “каменным воем” и равнодушно глотающая “двуногие пальто”, имеет короткую память “асфальтовой мостовой” (“Погорельщина”). Иное дело — просёлочная дорога, прорастающая *несмертельной* Памятью: “Леса из бород и зубов, / Просёлочек из жадных зрачков, / Где мчится истории конь / На вещий купальский огонь”. И как бы ни были хороши и удобны асфальтированные шоссе, как бы ни проклинали любители комфортабельной езды “расхлябанные колеи” российской глубинки, самая идеальная магистраль неспособна вызвать то ощущение соприродности человека и дороги, о котором пишет Ключев: “У сибирских дорог есть уста и сосцы, / Их целует и пьёт забубённый народ... / Оттого ясноглазые Руси певцы / Любят хлебный румянец и липовый мёд...”

Земля, впитывая в себя духовный опыт неразрывно с нею связанных поколений, передаёт их думы и песни потомкам. Она хранит “песенный клад” вольного слова и незабытой славы, о чём писал Шевченко в “Разрытой могиле”. С этим “кладом” связан сквозной мотив ключевской поэзии — от “Застольного сказа” (1917) до “Песни о великой матери”, которую он создавал в последние годы жизни.

“Волшебный клад”, **“ключ от песни всеславянской и родной”** таится в человеческом сердце, пока это сердце не утратило живой связи с родной зем-

лэй. Не случайно “кобзу” Клюев называет “**дуплистой**” – о своём мировидении поэт говорит, используя тот же эпитет: “дуплистый глаз”. И уподобляет себя древнему дубу, в дупле которого хранится клад: клад в недрах земли – клад в сердце поэта. . .

Покидая землю и становясь ею (“Как зерно, залягу в борозды/ Новобрачной, жадной земли!”), “песнослов-баян” обеспечивает родной земле возможность расцвести “песенным лугом”, раскинуться “безбрежьем песенных нив”. Благодаря этому совершается некое непрерывное “таинство” постижения “родимой речи”, о котором писал Клюев в “Поддонном псалме”: “Аз Бог Ведаю Глагол Добра”... “Дуплистый глаз” поэта (“зелёное пастбище жизни”) и в земле продолжает свой труд, вовлекая стихии в процесс разумного сотворчества неба и земли. Небесная влага, орошающая “рыжее жнивье”, превращает его борозды в “древнюю вязь” – каждая капля под взглядом поэта становится живой буквой:

*О буквенный дождик, капай
На грудь избяного поля!
Глаголь, прораста васильками,
Добро — золотой медуницей,
А я обнимусь с корнями
Землёю — болезной сестрицей!*

Естественно, что для Клюева (как и для Шевченко) поприще “**родимой речи**” является святотатством, влекущим за собой обезличение, “обезлюдение” как самой земли, так и живущего на ней народа: “Радонеж, Самара, / Пьяная гитара / Свилися в одно... / Мы на четвереньках, / Нам мычать да тренькать / В мутное окно!” Природа края, его история запечатлены в языке и отражены в облике носителя этого языка. Расторжение их взаимной связи, по убеждению Клюева, лишает достоинства и землю, и человека: “... баба пошла – прощальный обряд, – / Платок не по брови и **речью соромна, / Сама на Ояти, а бает Коломной...**”

Вспомним, как у Шевченко в поэме “Сон” лирический герой отвечает “землячку”, насмеяющемуся над “чудаком”, который не умеет в Петербурге и говорить “по-здешнему”: “Ба ні, – кажу. – / Говорить умію, / Та не хочу”. В “Песни о великой матери” мужика, ставшего солдатом-новобранцем, также насмешливо окликают: “Глядь, стрюцкий!” (т. е. никчемный, дрянной), пытаются увлечь его интернациональным призывом “Пролетарии всех стран...” Тот отвечает: “Не замай! Я не из стран – калуцкий!”

Приверженность “родимой речи” – не только признак человеческого достоинства, но и свидетельство внутренней гармонии, **лада**, без которого “светлый двор” земной родины, космические “Изба” или “Хата”, превращаются в “задворки Руси – матюги на заборе...” Ещё в начале 1914 года Клюев, отстаивая своё право на употребление диалектных слов и непонятных читателю образов, пишет редактору: “Перекроить эти образы и слова так, чтобы они были по плечу людям, знающим народ поверхностно <...>, – считаю за великий грех”. Такими словами, подчёркивает Клюев, народ “говорит со своей душой и природой”, они являются свидетельством речевой магии, “бытового народного колдовства”. Характерно, что поэт просит не принимать эти знаки “земляной” культуры “**только за олонецкие**”: они “держатся крепко, как я знаю из опыта, во всей северной России и Сибири”*.

Не зря Есенин отмечал, что “олонецкий знахарь хорошо знает деревню”... Но впечатляет сама интонация Клюева, уверенность в своём культурном “первородстве”, голос “власть имеющего”. Если за плечами Шевченко стояла “слава козача”, культура украинского барокко, эпоха “Гетьманщины”, то Клюев происходил из того культурного оазиса, где сохранились древние традиции Руси. В этих краях были записаны былины Киевского цикла... Поэт неизменно подчёркивал свою связь с родным Заонежьем, называя себя “Николаем Олонецким”, “олонецким Лонгфелло”, “олонецким ведуном”. “Выходец с величавого Олонца”, как писал о Клюеве Мандельштам, выделил в поэме “Деревня” отличительный признак людей этого края: “**олончане песнями щедры**”. Гордясь своим происхождением, Клюев отмечал, что он му-

* Из письма к В. С. Миролубову (см.: Клюев Н. А. Словесное древо... С. 217).

жик “особой породы”; духовными отцами своими считал “выговского Златоуста” Андрея Денисова и “прадеда Аввакума”, а культурную родословную вёл от “Александрии, Корсуня, Киева”... Речью, одеждой, устройством быта, в повседневной жизни и в литературном творчестве поэт утверждал свою кровную связь с поморской культурой: “Мой край, моё Поморье, / Где песни в глубине...”

До XV века Поморье принадлежало Новгородской республике; лесные чащи и болота спасли этот край от татаро-монгольского нашествия и от крепостного гнёта (ввиду отсутствия земель, необходимых для закрепощения крестьянства). Уникальным явлением культуры Заонежья стала Выгореция – “староверческие Афины”, своего рода крестьянская религиозная “республика”, где были созданы “Поморские ответы”.

Существует легенда о том, что знаменитые своей учёностью и красноречием братья Денисовы тайно обучались в Киево-Могилянской академии (косвенным подтверждением этого предания могут служить выговские “риторики”). Вызывает интерес и наблюдение современного искусствоведа: храмовые росписи олонечских церквей напоминают монументальную живопись украинских “казацких” соборов XVII столетия*.

Возможно, углублённое компаративное исследование позволит выявить определённые генетические и типологические связи, которые обусловили органичность украинских мотивов в поэзии великого олончанина? Ведь Ключев ставит в один ряд “огненное имя” своего “прадеда” (“первого поэта на Земле”!) с именем легендарного казака-поэта, увековеченного в украинской народной живописи и фольклоре: “...вписать в житие Аввакумов, Мамаев, / Чтоб Бог не забыл чернососушную кость”, – собирательная символика подчёркивает “знаковость” этих имён. В другом стихотворении Ключев пишет о том, что Русь веками “слушала **акафисты да бунчуки казацкие**”, то есть вновь соединяет мотивы веры и жертвенной борьбы за волю и веру (“бунчук” – символ гетманской власти; ср. у Шевченко: “Де поділась воля-доля, бунчуки, гетьмани?”). Мечта о “воле-доле”, неистощимое упорство духа, неутомимая жажда красоты и справедливости – определяющие черты “земляной” культуры для Ключева. “Узорность” этой культуры, от “храмового строения” до деревянной ложки, засвидетельствована поэтом в мельчайших подробностях, причём и здесь встречаем украинские детали: “На узорной ложке сечня / Выплясывала “черевики”...”

Любопытно, что мотив возвращения “отлетевшей Руси” в стихотворении “Не буду писать от сердца...” завершается символическим образом варки чумацкого кулеша: “Под соборный звон сенокоса, / Чумаки в бандурном, родном, / Мы ключи и Стенькины плёса / Замесим певучим пшеном”**

“Чумаки” упомянуты и в других ключевских текстах; в частности, ковшу Большой Медведицы Ключев даёт украинское наименование “Чумацький Віз”: звёзды “за окном **чумацким возом** / Пристали, осьью вerezжа...” И если у Есенина читаем: “...дай дочерпать волю / Медведицей и сном”, – то у Ключева “сердце... пьёт сумерки ведёрцем, / Степную сыть – **чумацким возом**...”

Возможно, многочисленные маркёры “украинской темы” у Ключева связаны с его любовью к поэзии Шевченко, с восприятием Кобзаря как “собрата”, соприродного по стихии образного мышления? Творческое воображение “Велесовых внуков” наполняет мир тёплым животным дыханием – таков любовно “окрестьянный” космос Ключева, таков и поэтический мир Шевченко, в котором оживает даже невзрачный сухой куст: “із степу перекотиполе рудим ягняточком біжить / До річечки собі напитись...” Мир природы у Ключева и Шевченко безгрешен, непорочен; природа не нарушала Божьих повелений и сохраняет отблеск первозданного рая:

*Пливе місяць круглолиций,
І мир первозданний
Опочив на лоні ночі.
Тільки ми, Адаме,*

* Брюсова В. По Олонечкой земле. Путеводитель. М., 1969. С. 35.

** “Варка песен”, как и в поэме “Четвёртый Рим”, означает высшую форму творчества – приготовление “пищи жизни, вселенского брашна” (ангелы в поэме “Белая Индия” тоже “варят из радуг еду...”).

*Твої чада преступніє,
Не одпочиваєм
До самої домовини
У проспаним раї.*

В поезии Шевченко “месяц-князь” славянского фольклора “видел и Рось, и Альту, и Сену”, кровавые побоища древности и всё более жестокие людские распри. Пафосом всечеловеческого единения проникнут образ “обновлённой земли”, свободной от сатанинской злобы (“врага не буде, супостата”); “Обніміться ж, брати мої, молю вас, благаю!” И Клюев, назвавший Гомера своим “древним братом”, мечтает о “всемирной песне” и пророчесствует: “Китай и Европа, и Север и Юг / Сойдутся в черты хороводом подруг...”

Но только неповторимость голоса и “лика”, уникальность национального опыта, полнота культурной идентичности обеспечивают поэту достойное место на мировых “песнотворческих пирах”. И Шевченко, чьё наследие воспринимается украинцами, как Библия; и Клюев, мечтавший стать “Буквенным Сирином” русской поэзии, воплощают национальное начало в истории человеческой культуры. Их объединяет любовь к своему “неоплаканному, родному” – к “окровавленной Отчизне”, за которую не жаль душу положить (“Я так її люблю, мою Україну убогу, / Що прокляну святого Бога, / За неї душу погублю”). “И первой песенкой моей, / Где брачной чашею лилея, / Была: “Люблю тебя, Рассея, / Страна грачиных озимей!”” – писал Клюев в своём **последнем** стихотворении. Такая любовь, уносимая за грань земного бытия, не может, не должна остаться безответной. Тем более что участь Клюева оказалась тяжелее, чем доля его великого украинского “собрата”: “. . . залить расплавленным оловом горло поэту – это похуже судьбы Шевченко”, – сетовал томский изгнанник в одном из писем конца 1935 года, менее чем за два года до расстрела. . . Как хотелось бы хоть в этот юбилейный год увидеть, наконец, памятник Клюеву в его родной Олонии!

ГАЛИНА АЛЕКСАНДРОВА

...И ПОГЛЯДИМ, КАК СМЕРТНЫЙ БОЙ КИПИТ

(К 85-летию Анатолия ЛАНЩИКОВА)

*Паче всего люби родную
русскую литературу.*

М. Е. Салтыков-Щедрин.
“Из завещания сыну”

Бывает порой так: уходит из жизни известный писатель, о котором много и хорошо говорили при жизни, остались его книги, друзья, почитатели, а лицо писателя стремительно уходит из памяти потомков, и всё, что связано с ним, безвозвратно погружается в небытие. А бывает и по-другому: и книг не так уж много осталось, и друзья рассеялись ещё на исходе жизни, а лицо писателя проступает всё явственнее и призывнее на фоне наступившего, неожиданно уродливо извернувшегося времени.

Таким увидели мы Анатолия Петровича Ланщикова, прочитав “Избранное” его произведений, которое подготовили к изданию и выпустили в свет его ученики С. С. Куняев и А. М. Разумихин (М., “Алгоритм”, 2012). Составители книги на титульный лист вынесли в качестве её названия очень важную фразу: “О чём безмолвствует народ”, предлагая читателю задуматься над тем, о чём не хотят теперь ни думать, ни говорить в нашем “освободившемся от диктата” обществе. Так, во главу угла издания встала проблема, в своё время серьёзно занимавшая общественное внимание. В частности, задела за живое яркая публицистическая статья “О чём безмолвствует народ” известного литературного критика, поставившего перед обществом этот сакраментальный вопрос. Теперь, открывая его новую книгу, читаем во вступлении краткое представление писателя современному читателю: “Анатолий Петрович Ланщиков (1929–2007) был одним из наиболее читаемых литературных критиков в 60–90-е годы XX века. С течением времени могло показаться, что те споры отбушевали и ушли в прошлое. Но перечитывая сейчас работы Ланщикова, видишь, насколько в годы так называемого “застоя” и нового перелома русского хребта люди мыслили масштабнее и точнее, чем в нынешнее неустойчивое, отдающее гнилью время. Насколько слово Ланщикова, касалось ли оно Чернышевского и Толстого или его живых современников – Астафьева, Рубцова, Жигулина, – вскрывало глугие

вопросы современности и было обращено с точным прогнозом в будущее. Это первая посмертная книга критика, его “избранное”, которое, надеемся, встретит своего вдумчивого и неравнодушного читателя”.

В этой статье мы не ставим перед собой задачу подвергать анализу работу составителей, безусловно, заслуживающего серьёзного внимания и уважения издания. Наша цель – заново перечитать работы писателя, в том числе и эту последнюю книгу, представленную на суд читателей XXI века, попытаться создать значительно более полный образ русского писателя Анатолия Ланщикова, так рельефно проявившийся на фоне нового времени. И потому сразу же позволим себе уточнение: не все люди тех ушедших лет XX века “мыслили масштабнее и точнее”. И “слово Ланщикова” вовсе не ограничивалось интересом к творчеству “Астафьева, Рубцова, Жигулина”; в сфере его интересов находились и Достоевский, и Гоголь, и Островский, и Герцен, и Добролюбов, и Огарёв, и Некрасов, и О. Меньшиков, и Солоневич. А также Василий Шукшин и Валентин Распутин, и Василий Белов, Юрий Бондарев и Владимир Крупин, Борис Можаев и Станислав Куняев, и многие другие замечательные писатели.

Жизнь Анатолия Ланщикова как профессионального литератора сложилась счастливо. Не только потому, что он сам очень рано почувствовал в себе “горение живого огня”, как называл призвание к писательскому труду. Он последовательно и твёрдо шёл к тому, чтобы завоевать право сделать занятия литературой делом всей своей жизни. И сделал. Ленинградское суворовское училище, высшее военное училище, офицерская служба, трудная демобилизация, скромная работа учителем военного дела в общеобразовательной школе и, наконец, филологический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Удалось-таки преодолеть все препятствия, что неизбежно в то время вставали на его пути. Уже в Суворовском училище замечен был его высокий дар владения словом. В университете студент Ланщиков резко выделялся среди однокашников глубиной подхода к осмыслению острейших проблем действительности. Его университетские работы “по Чехову” были далеко не школярскими опусами: их публиковал в 60-е годы XX века авторитетнейший и высокопрофессиональный журнал “Театр”, оценили специалисты.

Выйдя из стен МГУ им. М. В. Ломоносова в самом начале 60-х, он сразу включился в круговорот литературной жизни. Это было поистине прекрасное время расцвета русской советской литературы. Читательская аудитория была необъятна и умна. Стадионы собирались на вечера поэзии. Литературный процесс, как полноводная русская река, бурлил и пенился в схватках литературных ристалищ. Газетные и журнальные площади наполнились не только яркими именами поэтов, прозаиков и публицистов – это было время расцвета литературной критики, наследницы русской традиции, заложенной Белинским, Чернышевским, Добролюбовым, В. Боткинским, Дружининым, Погодиным, Краевским...

Это было время, когда интеллигентный человек – студент ли он, подчёркнуто, технического вуза или художественной школы, “физик” или “лирик” – не мог считать себя таковым, если не был в курсе новинок литературных журналов. О! “толстые журналы” выходили огромными тиражами, публика боролась за место в очереди на подписку!

“Да, право, возможно ли такое?!” – с изумлением воскликнем сегодня мы, считающие тираж в 1 тысячу экземпляров огромным!

“Новый мир”, “Наш современник”, “Молодая гвардия”, “Юность”, “Дружба народов”, “Октябрь”, “Звезда”, “Знамя”, “Нева”, “Подъём”, “Урал”, “Кубань”, “Сибирские огни” и многие, многие другие (каждая из 15 республик СССР выпускала свои журналы) – и все имели своё лицо, своих критиков и публицистов, определяющих направление изданий. “Литературная газета” отдавала целые полосы идеологическим сражениям критиков разных направлений, сводя их на своих страницах в жёстких поединках по поводу новых явлений литературы, будь то военная проза, “вышедшая из шинели” Юрия Бондарева, или его романы “Берег”, “Выбор”, “Игра”,

подборки стихов Евгения Евтушенко, Сергея Орлова, Юлии Друниной, Николая Старшинова или, к примеру, “Плаха” Чингиза Айтматова, “Белые одежды” Дудинцева, “Печальный детектив” Астафьева, или “Один день Ивана Денисовича” и “Матрёнин двор” Солженицына и “Привычное дело” и “Всё впереди” Василия Белова, “Живи и помни”, “Прощание с Матёрой” или “Пожар” Валентина Распутина, стихи и проза Александра Яшина, публицистика Овечкина, Тендрякова, Ивана Васильева. . . Да разве всё перечислить?! Спорили ожесточённо, с одержимой верой, что здесь, на страницах этих литературных изданий, решается судьба русской литература или даже будущее страны. Вадим Кожинов, Ал. Михайлов, Пётр Палиевский, Л. Аннинский, Александр Дементьев, Михаил Лобанов, Владимир Лакшин, Игорь Виноградов, Анатолий Ланшиков, Виктор Чалмаев, Сергей Небольсин, Юрий Карякин, Станислав Куняев, Игорь Дедков, Анатолий Бочаров, Феликс Кузнецов, Олег Михайлов, Андрей Турков, Инна Ростовцева, Наталья Иванова, Алла Латынина, Татьяна Глушкова, Владимир Бондаренко. . . Литературная критика была мощной составляющей, иногда – ведущей силой литературного процесса. С годами эти литературные ристалища переселились в залы ЦДЛ, Дома учёных, бывало – в актовом зал Ленинской библиотеки, и всё равно мест для публики не хватало, и она стоя часами плечами подпирала стены и, *переполняя чашу*, выливалась даже на стадионы. И так проходили выездные заседания редколлегий литературных журналов с участием лучших писателей страны, читательские конференции, обсуждения новинок современной литературы в библиотеках и студенческих аудиториях, в школьных классах с обязательным участием авторов и литературных критиков! Ни одна страна мира не могла даже представить себе подобного! У нас же это было нормой общественной жизни. И каждый участник, выступал ли он со сцены или сидел в зале, чувствовал себя создателем общества небывалого ещё будущего. Зачастую в среде оппонентов витийствовала разнузданность скороспелых суждений, выдаваемая, как правило, за смелость. Но и это было возможно, потому что каждый был (неважно, отдавал он себе в этом отчёт или нет) защищён крыльями могучей Державы.

Анатолий Ланшиков никогда не уклонялся от подобных сражений, хотя за участие в них ему порой приходилось довольно серьёзно расплачиваться: и отрешением от печатных изданий, и беспощадной травлей. Как и многие его товарищи, он воспринимал эти дебаты как бой за исконную Россию. Хорошо воспитанный интеллигентный человек, корректный, считавший скромность достоинством, он владел искусством риторики, обладал завидным чувством такта и деликатностью, в острейшие моменты споров был сдержан, не раздражался и не “зарывался” в пылу полемики, всегда точно формулируя свою мысль. В нём было развито высокое чувство гражданской ответственности за свою страну, и если он отстаивал что-то, то хорошо понимал, во что может вылиться его слово. Им руководило искреннее чувство патриотизма, идущее из глубинного причащения к русской судьбе. Прекрасный полемист, он никогда не позволял застигнуть себя врасплох, сбить с толку, потому что суждения его были выстраданы, выводы глубоко продуманы и обоснованы: он всегда опирался на факты родной истории и традицию отечественной мысли, без лишнего пафоса подчеркнём – на любовь к Отечеству. Высокое искусство полемиста А. П. Ланшикова верно отметил один из составителей книги “избранное” Сергей Куняев, написав в послесловии к ней о “полемисте искусном, открытом и беспощадном в уничтожении литературных фантомов. Полемисте, в споре с которым требовалось не придирается к отдельным фразам, а опровергать весь строй его суждения, для чего требовались аргументы, что волей-неволей сами по себе “раздевали” оппонента, сплошь и рядом обличая человека бездуховного, лишённого гражданской позиции или заурядного фальсификатора”.

Конец 60-х в творческой судьбе Анатолия Ланшикова стал временем, когда за ним прочно утвердилась репутация серьёзного литературного критика со своим определённым почерком и позицией. Основанием тому был ряд его работ, логически приведших автора к статье “Исповедальная проза” и её герой”, ставшей своеобразной точкой отсчёта, которая во многом

обозначила суть и значение русской критической мысли в литературе второй половины XX века. В этой статье Ланщиков подверг скрупулёзному исследованию шумное явление середины 60-х годов, которое выделяло начинающих писателей, провозгласивших себя основателями нового направления в литературе, названного ими “исповедальная проза” — вот-де, кто мы, ни много ни мало — носители небывалых до нас идей и веяний! Лидерами этого направления заявили себя Анатолий Гладилин с его “Хроникой времён Виктора Подгурского” и “Историей одной компании”, Василий Аксёнов, выпустивший ряд задиристых произведений о молодёжи: “Коллеги”, “Звёздный билет”, роман “Пора, мой друг, пора!”... О, как носилась “Юность” с провозглашёнными ею талантами! О, как старалась на этом поприще критика на журнальных страницах (“Юность”, 1966 № 11; 1967, № 3 и 5; “Новый мир”, № 5 за 1967; “Знамя”, № 2, 3, 7 и 8 за 1967) и даже в отдельных книгах.

Почему А. Ланщиков посчитал для себя принципиально важным вмешательство в этот процесс? Да, он не только вмешался в него, но и расставил “точки над “і”. Вступив в полемику с одним особенно увлечённым апологитом “исповедальной прозы”, он пишет: “Критик полон решимости внушить нам мысль, что проза “молодых” за последнее десятилетие проделала путь от гладилинской “Хроники времён Виктора Подгурского”, трогавшей первозданной и чистой наивностью, к беспощадно трезвой и суровой повести “Привычное дело” В. Белова и перестала быть “молодой”. Представители её прошли за эти годы схожий путь, и лишь в той мере, в какой они прошли этот путь жизненной зрелости, они остались в литературе...”. Вот с этой-то мыслью никак не мог согласиться Анатолий Ланщиков! Не был этот “путь жизненной зрелости” схожим! И литература, которая вышла из-под пера названных выше литераторов, принципиально отличается одна от другой! Литература Василия Белова, Валентина Распутина, Виктора Лихоносова, Александра Вампилова, Виталия Маслова, Александра Романова, Николая Рубцова, родившаяся в суровом жизненном “котле” трудной народной судьбы (будь это прекрасный писательский плодородный “куст” Вологды или Иркутска, Сибири), стала безусловной и достойной продолжательницей традиции великой национальной классической русской литературы, другая же (кстати, очень живучая!), точно ядовитая лиана, вскормленная зернами аксёновых-гладилиных, намертво вцепилась корнями в благодатную русскую землю и до сих пор паразитирует на ней, чему ярким свидетельством явился бутафорский фейерверк на открытии Олимпийских игр в Сочи, когда авторы сценария исторической картины судьбы умудрились в многовековой истории России “не заметить” ни одного лица человека земли и труда (кроме отрубленных железных голов великой скульптуры Веры Мухиной!), зато выделили как явление национальной жизни наличие паразитов — стилиг. Недаром в своё время А. Ланщиков сделал точный и предельно категоричный вывод: “Только поняв общественную сущность и психологию героя “исповедальной прозы”, можно объяснить появление в нашей жизни различного рода молодых тунеядцев и других деклассированных элементов. И незачем нам лакировать героя, разьедаемого откровенным эгоцентризмом, и незачем это понятие затуманивать амортизирующими эпитетами. Ясно одно: “исповедальный герой” вовсе не “плоть от плоти нашего общества” и тем более не “квинтэссенция нравственных основ его”. Раскрой социальное инкогнито этого героя... и перед нами предстанет психологический тип, лишённый социальных связей с трудовыми классами, демонстрирующий нам то приступы острого нигилизма, то не менее острые приступы бездумной веры, оставаясь при этом совершенно невосприимчивым к гражданским и патриотическим чувствам своих современников”.

Для того чтобы читатель, наконец, уяснил себе в полной мере разящую несовместимость, повторим ведущую мысль А. Ланщикова, подчёркнутую им в статье “Исповедальная проза” и её герой”: “Всякое новое поколение формирует своё общественное сознание под влиянием каких-то значительных исторических событий и уже утвердившихся идей... Влияние минувшей войны на судьбы того или другого поколения как раз и есть тот признак, который позволяет нам иметь вполне обоснованную периодизацию поколений

и всего литературного процесса...” Обратив внимание читателя на то, что “исповедальная проза” всякий разговор о преемственности и традициях считала нелепостью”, Ланщиков подчёркивает: “в стремлении “исповедального героя” приписать себе особые заслуги сквозит откровенная тенденция к элитарности, возникшая из острого и, увы, необоснованного ощущения собственной исключительности”. Вот именно, и эта позиция по-прежнему прослеживается и в последнем мемуарном романе Василия Аксёнова “Таинственная страсть”, главы из которого в 2007 году публиковал гламурный (характерный знак нашего времени!) журнал “Караван истории”. Мера цинизма, пошлости, нравственной нечистоплотности и эгоцентризма явленных Аксёновым героев снова убеждает нас, что он нисколько не приблизился за прожитую им в скитаниях по миру в поисках художественного идеала целую жизнь к этому самому идеалу, напротив, ещё более глубоко опустился в подвалы развращённого подсознания своей далеко не совершенной личности. Он использовал известный литературный приём (вспомним хотя бы “Алмазный мой венец” В. Катаева), набросав портреты расплывчатых и, что характерно для героев Аксёнова, малосимпатичных персонажей, призванных, однако, убеждать читателя в том, что перед ним проходят легендарные образы шестидесятников – Р. Рождественского, Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Б. Ахмадулиной, Б. Окуджавы, В. Высоцкого, А. Тарковского... Обидно за них.

Так вот: статья “Исповедальная проза” и её герой” Анатолия Ланщикова актуально звучит и сегодня, и откликается, как видим, даже на центральное эпохальное событие начала XXI века. Но тогда встаёт ещё один вопрос: откуда в середине бурных шестидесятых сложного XX века начинающий литературный критик черпал то видение будущего и ту прозорливость, которые дали ему столь определённый настрой в отношении к будущему России и отечественной литературы? Ответ, на первый взгляд, может показаться неожиданным, ибо он заключён в эпиграфе, который писатель предпослал своей книге “Н. Г. Чернышевский”. Глубоко аналитический труд этот вышел в серии “Любителям российской словесности” издательства “Современник” в 1982 году и был особенно дорог писателю. Вот она, сакраментальная надпись: “Моим однокашникам по Ленинградскому суворовскому военному училищу посвящаю”. А дальше, в первой главе “Истоки” встречаем такие авторские строки: “Ранние годы всякого выдающегося деятеля интересны тем, что именно в этот период жизни складываются первоначальные воззрения и характер, обозначается направление нравственных исканий”. И вдруг мысль набрела на интересное сопоставление: А. С. Пушкин родился в 1799 году и начало войны 1812 года встретил юным лицеистом. Тот патриотический подъём, то состояние души, которые он переживал, вместе с товарищами-лицеистами провожая полки, уходящие черед Царское Село на войну, сформировали и его личность, и всю его последующую судьбу в литературе и в жизни. А вот и другая жизнь и судьба, уже советского литератора и тоже русского писателя, родившегося 6 марта 1929 года и, как и Пушкин, встретившего начало своей Отечественной войны в такие же годы отрочества.

Первое суворовское училище в СССР открылось в 1943 году, в 1946-м оно было переведено в Ленинград, город беспримерного мужества, едва оправившийся от чудовищной блокады, не позволивший сломить ни народной стойкости, ни воли к жизни и победе. Какие чувства испытывали молодые суворовцы, ступив на священную землю этого легендарного города, как любили они свою исстрадавшуюся землю-кормилицу, как дорожили своей Отчиной сегодня, в юбилейный год снятия блокады, говорить не надо – об этом сказала каждая строка пропитанных русским патриотизмом книг, писем из блокадного Ленинграда, кривых дрожащих строчек дневников погибающих непокорёнными соотечественников. Все книги Анатолия Ланщикова, в которых львиная доля страниц посвящена творчеству писателей-фронтовиков, и весь его творческий путь – всё – об этом: здесь сформировался нравственный кодекс и гражданская позиция русского писателя с душой вдохновенного патриота и романтика, с умом провидца и скрупулёзного исследователя жизни своей Родины, протекающей, по его разумению, в тес-

ной связи с национальной историей и наполненной уникальным духовным опытом. Одну из статей 1970 года писатель открывает мыслью, заимствованной им из переписки В. Соловьёва и А. Фета: “Настоящая мудрость состоит в том, чтобы, признавая права разума в теории, как можно меньше доверять ему на практике”. Эта мысль вполне соответствует природе таланта Анатолия Ланщикова, она приподнимает завесу над глубинами внутренней жизни писателя – над очагом вдохновенного живого огня его души. Этот огонь разгорался тогда, когда приходилось “вставать из окопа” во весь рост, и перо его становилось стальным, жёстким, суровым, бескомпромиссным. К примеру, когда писались такие принципиально важные для него статьи, как “Капитан” (первоначальное название “Мы все глядим в Наполеоны...”) или “Ледокол” идёт на таран”. Думается, именно поэтому имя Анатолия Ланщикова, наряду с именами Михаила Лобанова, Вадима Кожинова, Олега Михайлова, назвал будущий идеолог “перестройки” А. Н. Яковлев в 1972 году в статье, опубликованной “Литературной газетой”, когда всерьёз озабочился наличием активного противостояния его курсу разрушителя великой Державы.

В чём увидел опасность главный партийный идеолог? – В народной воле, её энергии и крепости. В статье, названной им “Против антиисторизма”, Яковлев сетовал: “...на смену трезвому хозяйственнику пришёл деревенский мечтатель, лукавый мужичонка, балагур, чудаки, мудрец, древний деревенский дед, хранитель столетних традиций...”. Прикрываясь именем Ленина, он утверждал: “...мы в вечную нравственность не верим, кто не понимает двойственной природы крестьянства... тот ведёт спор с диалектикой ленинского взгляда на крестьянство”. А далее, по-школярски вырвав цитату из серьёзной обстоятельной работы, бичует, как ему кажется, оппонента его же словами: “Мы очень охотно ругаем нынче патриархальность, и слово это в нашей практике приобрело заведомо бранный характер, – сетует в статье “Земля и прогресс” А. Ланщиков (альманах “Кубань”, № 10, 1971). – ...Говоря о патриархальном укладе, мы сплошь и рядом забываем, что в нём воплотились многовековые деяния, нравственный и духовный опыт трудового класса, что именно этот, а не какой-либо другой уклад обеспечил этому классу жизнестойкость в самых трудных исторических ситуациях...”. Доктор исторических наук А. Н. Яковлев, с завидной самоуверенностью замахнувшись на “ретрограда”, советует, угрожая оппоненту: не зарывайся, одёрнем! Но куда завёл великую и мощную державу этот “прогрессивный” яковлевский курс? РЕЗУЛЬТАТ НАЛИЦО: мы каждый день видим его сегодня, с тоской взирая на заброшенные поля необъятной нашей Родины, опустевшие и одна за другой уходящие в небытие русские деревни, разорванную, обесцещенную, распроданную и морально раздавленную (продажей земли в том числе) многострадальную нашу Отчизну. А П. Ланщиков “крестьянский вопрос” в России изучил досконально. В своих изысканиях он, в первую очередь, опирался на такие авторитеты в этом вопросе, как Н. Г. Чернышевский, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, которые были одержимы высокой гражданской ответственностью и готовились, будучи современниками отмены крепостного права в России (1861), к кардинальному изменению самого уклада национальной жизни. Вот мысли, которые легли в основание самостоятельно созданной А. Ланщиковым концепции, применимой и к нашему времени в вопросе о земле в России; с ней он неоднократно выступал в печати, в частности, в “Советской России” во времена подготовки нынешних законов о земле. “Важность распространения здравых понятий о вопросе касательно необходимости для национального благосостояния сохранить господствующее у нас общинное пользование землёю чрезвычайно велика”, – утверждал Чернышевский. “Я, например, – писал Ф. М. Достоевский в “Дневнике писателя” за 1881 год, – верю, как в экономическую аксиому, что не железнодорожники, не промышленники, не миллионеры, не банки, не жиды обладают землёю, а прежде всех лишь одни земледельцы; кто что обрабатывает землю, тот и ведёт всё за собой, и что земледельцы и суть государство, ядро его, сердцевина”.

В те сумбурные 90-е годы Ланщикову не удалось развернуть широкой всенародной дискуссии по вопросу о земле, хотя он очень хотел этого, – всё

произошло так, как произошло. Но вопрос о земле в России до сих пор не решён окончательно, нуждается в пересмотре и изучении, и здесь А. П. Ланщиков может вновь стать нам необходимым собеседником. Удивительная картина откроется нам, едва откроем книгу “Н. Г. Чернышевский”: “Каждый земледелец должен быть землевладельцем, а не батраком, должен сам на себя, а не на арендатора или помещика работать”, – цитирует он письмо Чернышевского и тут же продолжает цитатой из другого письма: “Как скоро допустим, что при эмансипации земля даётся в полную собственность не общине, а отдельным семействам с правом продажи, они продадут свои участки, и большинство сделается бобылями. Освобождение будет, когда, я не знаю, но будет; мне хотелось бы, чтобы оно не влекло за собою превращения большинства крестьян в безземельных бобылей! К этому я хотел бы приготовить мысль образованных людей, давно приготовленных к эмансипации”.

Как мыслящая Россия второй половины XIX века совершала важнейшие государственные реформы, не подготовившись к ним по большому счёту, так и мы уже в конце XX века на авось совершали ответственной преобразование государственной жизни своей страны, позволив даже продажу земли, но не подготовив общество к сложнейшим переменам. Тем самым ввергли народ в пучину страданий. Читая замечательные работы Ланщикова высокого нравственного накала – “Деревня и “деревенская проза”, “Автобиография поколения”, “Исповедь Василия Шукшина”, “Поэт и природа. Памяти Николая Рубцова”, “Уроки гнева и любви”, – мы видим, что понятие “НАРОД” для литературного критика – исследователя глубинных процессов развития современной русской литературы – понятие важнейшее, корневое, необходимое для понимания сути сегодняшней жизни. С огромной любовью Ланщиков пишет о мужике, по его убеждению, не только носителе лучших черт народа, но и собирательной личности, проявляющей себя наиболее ярко и выпукло в трагические моменты истории – вот когда встаёт во весь рост национальный характер!

Конечно, во всём, что написано Анатолием Ланщиковым, живёт его душа. Как любовно рисовал он портрет Н. Г. Чернышевского, посвятившего свою жизнь созданию образов лучших людей России! Чего же требовал Чернышевский от лучших людей своего времени и, в первую очередь, от себя? Вот как он писал об этом: “Без приобретения привычки к самобытному участию в гражданских делах, без приобретения чувств гражданина ребёнок мужского пола, вырастая, делается существом мужского пола средних, а потом пожилых лет, но мужчиной он не становится или, по крайней мере, не становится мужчиной благородного характера. Лучше не развиваться человеку, нежели развиваться без влияния мысли об общественных делах, без влияния чувств, пробуждаемых участием в них”.

Эти требования предъявлял Анатолий Ланщиков и к себе. Он был мужчиной благородного характера и считал свою литературную работу служением. Да, в нём всегда присутствовал идеал, он был человеком, с молодых лет прочувствовавшим, что “назначение ему в жизни высокое”. И поэтому с такой одержимостью вглядывался он в жизнь и характеры поразивших его духовным богатством людей, избрав для себя одним из наивысших авторитетов Льва Николаевича Толстого. Что для него Толстой? “Толстой в высшей мере обладал “разумным сознанием”, – писал он, – и потому до последней минуты своей жизни страдал от несовершенства мира, испытывал личную боль за каждого человека и за всё человечество, поэтому он положил всю свою жизнь на поиски истины, которая всем бы осветила закон человеческого общежития”.

Какое высокое чувство уважения к самому себе пробуждается в читателе, когда он углубляется в страницы книг Анатолия Ланщикова о любви! Мало кому из наших современников сегодня придёт в голову разбираться в перипетиях любовных борений Л. Н. Толстого и С. А. Толстой или Н. Г. Чернышевского и его жены Ольги Сократовны. Ланщикова влекла та высота отношений, которая связывала этих людей, то, как проявляли себя личности, ощутив вдохновенное восхищение божественным созданием природы, которое им открывалось в любви. Мужское любование духовными открытиями в образах прекрасных кудесниц, которое мы обнаруживаем

в работах А. Ланщикова, говорит о том, какое богатство из сохранённых человечеством сокровищ сумел показать нам современный писатель, когда пошлость, цинизм, моральная нечистоплотность уничтожают, казалось бы, всё трепещущее и живое. Вот вы открываете суровую книгу о человеке, которому выпала и каторга, и Алексеевский рavelин, и боль унижений и жестоких страданий, но углубившись в главу “Чернышевский, Лев Толстой и “женский вопрос”, вы обретаете счастье романтических головокружений, трепещущий жар любви и страданий... Именно эти страницы, где речь идёт о могучем художнике, прямота характера и независимость суждений которого поражали мир, дают вам это отдохновение, эту высоту и радость ощущения жизни. Толстой жил вне готовых схем, и литература давно не была частью его жизни, но самой жизнью. Вот почему его книги и стали необходимы нам. И рассказав нам об этом, литературный критик вновь одарил нас счастьем познания и богатством художественных открытий.

У стойки библиотечной кафедры протягиваю девушке прочитанную книгу – “Избранное” Анатолия Ланщикова.

– Правда, очень хорошая книга?

Я соглашаюсь.

– Как жаль, что уходят такие писатели... А почему в этом издании нет фотографии?

Да, нет. И очень жаль. Красивым человеком был Анатолий Петрович Ланщиков. Стройный, подтянутый, всегда безукоризненно одетый, с прекрасным лицом римского патриция, огромными умными пронзительными глазами и густой седой шевелюрой... Он много курил. И почти всегда был серьёзен и сдержан. Но вдруг улыбка озаряла лицо, и оно светилось лучами проникающего повсюду тёплого солнышка.

Москва, 17 февраля 2014 года.

СТАНИСЛАВ ЗОТОВ

ЗАЖГИ СВОЮ СВЕЧУ

В. И. Гуров. “Три желания”, Москва, 2012

Есть разные пути, ведущие человека к Богу. Можно придти к Нему с младенчества под кураторством верующих родителей. А можно – в результате не легких духовных исканий в зрелую пору жизни. Таким носителем веры выступает православный писатель Валерий Игнатьевич Гуров. Человек интересной судьбы – специалист мирового уровня по жидкостным ракетным двигателям, он в более зрелые (никак не назовёшь их преклонными) годы своей жизни пришёл к Богу. Пришёл к Богу, сначала увлечшись литературным творчеством, а человек, занявшийся литературой, неизбежно станет более пристально всматриваться в окружающую жизнь, в людей, и найдёт и в жизни и в людях много необычного, много примет и явлений, что часто не видны тем, кто погряз в обычной житейской суете. А если присоединить к этому особый “духовный” взгляд на мир, который с годами выработался в авторе, особенно после, как пишет В. И. Гуров, “глубокой исповеди у скрытого старца Владыки Никона и его благословения на продолжение моих занятий литературным творчеством”, то здесь можно ожидать немало необычного, и это необычное встречает читатель на страницах книги “Три желания” нашего автора.

“Три желания” – рассказ или небольшая повесть, написанная в приключенческом жанре. Начинается только это приключение неожиданно и как бы издалека – из Соединённых Штатов Америки, где автор побывал в 2006 году. Там в штате Калифорния, в городе Сакраменто ему показали одно из достопримечательностей столицы штата – древнейшее дерево, секвойю, возраст которой превышает 700 лет. Разумеется, нашему герою захотелось сфотографировать это дерево, но спутник его американец сказал ему, что так у них не полагается – надо испросить разрешения у хозяев дома, что стоит возле древнего дерева, ведь при фотографировании в кадр неизбежно попадёт и этот дом. Однако автор на свой страх и риск сделал снимок, и тут... заглух мотор в автомобиле. Тотчас наш герой вспомнил, что года три тому назад в сельской глубинке России ему было дано предостережение – не делать этого снимка без разрешения хозяев дома. Его предостерегли от поступка, который он должен был совершить спустя три года! Такие вот странные события и послужили толчком для автора к написанию этой книги.

Автор вспоминает, как летом 2003 года он отправился на озеро Волго, в священные для каждого русского человека места – это озеро является одним из первых замедлений великой русской реки перед её долгим путём к морю. А места там удивительные! Это – природный биосферный заповедник с красивейшими лесами, чистейшими озёрами, речками, ручьями. Автор, судя по его рассказу, давно уже облюбовал себе местечко на берегу озера, на небольшом полуострове, с материковой стороны плотно закрытом густым смешанным лесом и болотом, через которое ведёт тропинка, известная лишь од-

ному нашему затворнику. Это место его отдыха, но не только — это и место серьёзных духовных раздумий, созерцания природы, своего рода пустынь — место отшельничества и самоуглублённого поиска, обращения к Богу и молитвам. И палатка, разбитая автором на том примечательном полуострове среди леса у берега озера, превращается для него, по сути, в келью монаха, куда нет входа никому, тем более никаким мирским соблазнам.

Но тем удивительным летом 2003 года в этом сакральном месте с автором произошли необыкновенные события, которые можно было бы понять, как некие искушения, которые, бывает, посещают монахов и в их потаённых кельях.

Прежде всего, к затворнику ранним утром явилась девушка необыкновенной красоты в венке из ромашек и “будто сотканная из солнечных лучей”. Дальше всё происходит словно бы во сне. Разговор эта необыкновенная девушка, которая потом, по её словам, оказывается “повелительницей леса”, ведёт в основном о Боге и об отношении к Богу этого, выбравшегося в её лесное царство пришельца. В лесном царстве этой девушки всё значимо, всё равноценно — и жизнь маленького лягушонка, который давеча заскочил в палатку к путешественнику и был им отпущен на свободу, и память о событиях 1942 года, когда во время жестоких боёв за это место, за этот озёрный полуостров здесь погиб целый батальон красноармейцев... Всё хранит память лесной обитательницы, удивительного создания, к которой нельзя и приблизиться — “Я опалима!” — говорит она нашему автору. И так же исчезает неожиданно, как и появилась, оставив ему скромный подарок — ромашковый венок. Непростой подарок — венок исполнял три желания того, кто надевал его на голову.

Итак, автор становится обладателем трёх желаний, но не может воспользоваться этим подарком толково — то загадывает пять белых грибов, а находит пять сыроежек на лесной полянке, то хочет повстречать знакомых людей — встречает женщин, которые явно подшучивают над ним, но последнее желание он оставляет на потом и не догадывается, чем оно для него обернётся. И ещё он получает одно предостережение от девушки — не фотографировать без разрешения хозяев их дом, стоящий под древней секвойей, что растёт уже 700 лет в Америке, в городе Сакраменто...

Невесела сейчас жизнь простых русских людей в современной сельской глубинке России. Без этой темы, основательно затронутой автором, книга его представляла бы собой род волшебной сказки с философским подтекстом. Но не век же герою произведения обретаться в явно заколдованном лесу и проводить там время в разговорах с миловидными феями и лесными зверушками. Нашего “очарованного странника”, а именно так можно назвать героя невероятной были — тянет к людям. Тем более что места те ему давно хорошо знакомы, исхожены вдоль и поперёк. Вот и не обошлось для автора это затворничество без похода в ближайшую деревню, где до недавних пор жил фронтовик Николай Архипович Морозов, а с ним автор был дружен, писал о нём заметки, восхищался этим сильным человеком, который 17 лет был секретарём партийной организации колхоза, 12 лет председателем сельсовета и 18 лет лесным егерем, не раз выходявшим один на один навстречу волку. В последние годы своей многотрудной жизни был он старостой шести деревень, не слезал с мотороллера, объезжая свои владения. Он был настоящим хозяином земли и Героем войны (был представлен к званию Героя Советского Союза за бои на Демьянском плацдарме вблизи озера Селигер, но не получил его: взамен — орден Боевого Красного Знамени). Он особенно переживал в последние годы своей жизни, что пустеет тверская земля, коренная русская глубинка — вымирает народ под пятой новой псевдодемократической власти, как под иноземным игмом. Раньше было село — более ста домов, школа, маслозавод, молочная ферма, почтовое отделение, магазин, медпункт... А теперь что? — осталось 15 постоянно обитаемых домов. Коров — и тех держат только пять жителей, а колхозного стада на 120 голов в начале 90-х — и след простыл.

Умер старый фронтовик, осталась его вдова — Ольга Филипповна, и к ней наведалься наш автор, посидел за самоваром, послушал невесёлые истории, что рассказывали ему деревенские женщины о нынешнем горестном житье сельчан. Особенно поразила его история о сельских бомжах, явлении невиданном до сих пор в деревенских краях. Появились в крестьянском мире и такие люди — пьют, беспутничают, не работают, даже огород не засаживают, стали приворовывать... В советское время их бы быстро поставили на место, а теперь... Встретил автор этих несчастных людей — молодых парней Игоря и

Сергея, встретил в лесу, где они собирали чернику для обмена на самогон. Опустившиеся, изверившиеся люди. Махнувшие на себя рукой. Накормил их самодельным обедом, а на обед — итальянская фасоль, белорусская тушенка. Из российских продуктов — только огородная зелень да лисички, собранные тут же в лесу. Поговорил наш затворник с Игорем — одним из братьев-бомжей. А предмет разговора нашёлся: как же он живёт так — махнув на себя рукой, опустившись, даже креста на шее нет. В Бога ли верует?.. “Что мне Бог дал, чтобы любить Его и желать Его защиты?” — лениво отвечает Игорь, и в потухших его глазах стоит беспросветная тоска...

Тягостно стало затворнику после таких встреч и разговоров, может, и в его душу закралось сомнение в Божественной благодати, что хранит человека от всех бед и напастей. Вот лежал он в своей палатке на берегу озера, и захотелось ему обратиться за помощью — не к Богу, нет, а вот к той “хранительнице леса”, девушке, что давеча являлась к нему в образе миловидной феи. Надел он на голову тот ромашковый веночек, что оставила она ему, и загадал третье и последнее желание: “Явись, хранительница леса, с крестиком Христовым на груди!” Загадал такое желание, сбивчиво прошептал привычные молитвы и расположился было ко сну, как тут началось...

Вначале зловеще загукал в ночной тишине филин. Откуда ему тут взяться?.. Затем понеслись с воды от озера невыслышимые шумы: хохот, визги, улюлюканье, чего прежде не было; потом вокруг палатки затворника забухали тяжёлые шаги какого-то неведомого чудища. В липком страхе и оцепенении лежал затворник в своей палатке и явственно слышал, как чей-то сумрачный голос нашёптывает ему: “Сними крест, сними крест — и тебе откроются многие тайны, что ведаёт хранительница леса”... Но не снял наш герой свой православный крестик, а только крепче зажал его в своей горячей ладони и еле успевал повторять слова молитвы: “Пресвятая Богородица, спаси меня грешного!” и “Господь наш Иисус Христос, помилуй меня грешного, одари Своей милостью, придай благодати Святого Духа!”.

И тут трижды прокричал петух с ближайшего хутора. И всё прекратилось.

Вскоре, совершенно разбитым, наш автор вернулся к себе домой в Москву. Вернулся живой — и тем был доволен, ибо уйти живым от тех дьявольских сил, что опутали словно зловещей паутиной русскую землю, было нелегко. Вынес он из своего путешествия только одно глубокое убеждение: “В жизни ничего случайного нет. Заранее определено: к важным вехам жизненного пути мы можем приходиться разными дорогами и с разными результатами: либо опустошёнными, либо обогащёнными духовно. Духовности без Бога нет”. Пожалуй, и мы согласимся с этой выстраданной автором мыслью.

Не могу не заметить также, что несомненным достоинством повествования является ненавязчивое прославление Господа нашего с привлечением авторов мировой литературы, причём даже таких атеистов, как Марк Твен. Как пишет 15-летняя читательница из Липецка, творчество Валерия Гурова пробуждает утрачиваемый в наше смутное время интерес к чтению литературы, в том числе духовной. Доступному восприятию даже неискушённого читателя достаточно глубоких рассуждений автора способствует скрытый юмор, в том числе с элементами самоиронии, что наиболее ярко выразилось в шуточных диалогах с теми тремя праздными женщинами, нежданно объявившихся в “заколдованном” лесу.

Жанр книги обозначен формой необыкновенной были, “небывальщины”. Божественное здесь гармонично сопрягается с привычным нам миром, так что невольно приходишь к заключению: “Три желания” созданы по промыслу свыше. Об этом в своём предисловии признается сам автор: восемь лет разделяло произошедшие в тверском лесу события и то, что произошло на другом конце Земли — в далёкой Калифорнии.

В заключение отмечу примечательный факт: рассматриваемое произведение стало лидером продаж в первом полугодии 2013 года в магазине “Библио-Глобус” в Москве. Не случайно: “Три желания” — это лекарство от бездуховности и дьявольских притязаний человеческой гордыни. К повествованию и его отдельным эпизодам притягивается внимание читателя непрерывно. И такое притяжение вполне оправдано. Невероятная быль подкупает, прежде всего, своей исповедальностью. В её завершение автор формулирует четыре грани своего жизненного кредо. Последняя из них заимствована из мудрых высказываний китайского народа: “Чем проклинать тьму, зажги хотя бы одну свечу”. На мой взгляд, такую свечу сумел зажечь Валерий Игнатьевич Гуров и своей жизнью, и своим творчеством.

ВЛАДИМИР ОСТАПЕНКО

доктор педагогических наук

О ГЕНЕРАЛЕ СНЕСАРЕВЕ

К выходу книги В. Будакова “Честь имею. Геополитик Снесарев: на полях войны и мира”.

Книга Виктора Будакова, несомненно, своевременна, актуальна и необходима, и не только потому, что посвящена выдающемуся геополитику, патриоту и гражданину, но и в силу широких обобщений и размышлений автора о судьбах державы и её защитников.

Мировоззрение Андрея Евгеньевича Снесарева уникально как по широте, так и по глубине охвата действительности, рассмотрения всех явлений во взаимосвязи и взаимозависимости. Автор последовательно анализирует самые различные аспекты многогранного миропонимания Снесарева, выделяя его исторические, а точнее – историко-географические, духовные (преимущественно, религиозные) и, конечно, военно-патриотические основы.

Будаков начинает своё повествование с рассказа о юности героя, проследившая, как формировалось его мироощущение на “европейско-азиатском рубеже, границе двух материков”, и это обстоятельство не могло не повлиять на его духовные ориентиры, понимание “малой родины”, состоящей из россыпи русских сел и украинских слобод по извилистым берегам Дона – Танаиса... Эти историко-географические особенности легли в основание тех особых черт характера будущего учёного, воина, гражданина, без которых само мировоззрение будет неполным. Ощущая свою слитность с большой и малой Родиной, Снесарев уже в зрелые годы, познав как восточные – Индию, Афганистан, Среднюю и Малую Азию, – так и западные земли – Англию, Скандинавию, – по-особому стал ценить отчий край, его суровую красоту, леса, поля и реки, традиции и образ жизни, что и нашло своё отражение в трудах по географии и краеведению.

Будаков подчёркивает, что историко-географические, культурные основы должны быть дополнены духовными, и эти основы мировоззрения Андрея Евгеньевича Снесарева следует искать в его родословной. Отец его, Евгений Петрович, окончил Духовную семинарию в Воронеже, служил в приходах губернии. Будучи настоятелем Христорождественской церкви в области войска Донского, отец Евгений стал преподавателем приходского училища, где учился его старший сын Андрей. Среди прихожан было много трудных, нерадивых, встречались невоцерковлённые калмыки, более трёх сотен которых удалось крестить отцу Евгению. Таким был священник Евгений Снесарев. И в этом автор видит духовные основы мировоззрения патриота и гражданина Андрея Евгеньевича Снесарева.

Отец был высоко нравственным и широко образованным человеком, о чём свидетельствует его библиотека, по большей части заполненная богословскими книгами. Вместе с тем, он был мечтатель-путешественник, имел книги о дальних странах, картину с видом Фудзиямы. Особо выделяются книги главы русской духовной миссии в Китае, члена-корреспондента Российской академии наук отца Иоакимфия Бичурина о Монголии и Китае, которые любил читать Евгений Петрович. Такое вот сочетание богословского и мирского, возвышенного и приземлённого и впитал от отца юный Андрей.

Родственником отца был митрополит Киевский и Галицкий Евгений (Болховитинов), автор широко известного труда «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии, собранное из историй, архивных записок и сказаний». Виктор Будаков подчёркивает, что этот труд — «своего рода азбука и дозорная книга российского краеведения». И неслучайно эта книга была в библиотеке, она, по предположению Будакова, сыграла особую роль в становлении и развитии мировоззренческих основ семьи Снесаревых.

После внезапной смерти отца от сердечного приступа Андрей быстро повзрослел, и автор констатирует, что горечь утраты привела к его духовному становлению, росту. Андрей часто посещал Старочеркасский войсковой Воскресенский собор: «в соборе душа благоговеет: царские врата из литого серебра, старинный многоярусный иконостас, иконы в золотых, серебряных окладах, а иные — безокладные — захватывают душу ещё глубже». Выделяя особую значимость духовных основ в становлении мировоззрения будущего учёного, геополитика, патриота, Виктор Будаков указывает и на «главные святыни первопрестольной: Кремль, храм Христа Спасителя и университет», которые «расположены рядом — ничто не мешает им глядеть друг на друга». В Архангельском соборе в Кремле Снесарев у надгробий Дмитрия Донского, Ивана III, Ивана Грозного размышлял о судьбах страны... В преддверии Первой мировой войны Андрей Евгеньевич «иконку из Почаева надел и почувствовал себя совершенно спокойно...».

Мировоззрение Снесарева будет неполным, если не обратиться к его военно-патриотическим основам, рассмотрению которых Виктор Будаков посвятил значительную часть своего труда. Окончив университетский курс и успешно защитив диссертацию, молодой учёный выбирает не научную карьеру, а поступает в военное училище, желая приобрести знания, необходимые защитнику Отечества. С августа 1889 года по конец 1896 года он последовательно повышает свои военные знания в Московском пехотном юнкерском училище, Московском военном и Алексеевском училище, названном так в честь цесаревича Алексея. И здесь перспективный военный прошёл школу возмужания, чести, и свою роль сыграли, метко подмечает Виктор Будаков, «богатые педагогические национальные навыки воспитывать по кодексу офицерской чести» тех командиров, педагогов, с которыми посчастливилось общаться Андрею Снесареву. В 1893 году Снесарев стал поручиком и сам начинает воспитывать и учить военному делу подчинённых. Он находил наикратчайший путь к солдатскому сердцу, видел в солдате личность, живого человека.

Следующий важнейший этап в военном становлении будущего геополитика — Академия Генерального штаба — кузница выдающихся полководцев и кладёзь военной науки. Снесарев слушает лекции лучших военных того времени, перечитывает работы теоретиков военного дела Клаузевица, Жомини, сдаёт строгие экзамены, успешно переходит с курса на курс. За отличные успехи Снесарева производят в штабс-капитаны.

Особенно удались автору главы, посвящённые тяжёлому ратному труду офицера Снесарева, в ходе которого сформировались основы его военно-патриотического мировоззрения. Первую мировую Снесарев начал в Восьмой армии. Его дивизия — в непрерывных боях. Война, при всём присущем ей негативе, побуждала геополитика и военного мыслителя Снесарева к обобщённым размышлениям о её смысле и значении для страны и мировой истории: «И странно, каждая война идёт по своим законам и правилам, ломает то, что было как будто бы и прочно установлено её предшественницей, создаёт новое полотно истории». Казалось бы, чисто военные термины у Снесарева приобретают философский смысл.

Трагично, но назидательно для будущих поколений звучат слова автора о тех враждебных как мировых, так и внутренних силах, «зло и прицельно» со-

крушающих Россию, которые уже в Первую мировую рассматривал геополитик Снесарев. Мировые – политика и дипломатия, банки, спецслужбы и ма-сонские ложи; внутренние – как это ни тяжело осознать! – доморощенные “ниспровергатели традиционной отечественной жизни” (эсэры, либерал-радикалы, большевики, меньшевики и прочая, и прочая) и преуспевающая в словесных упражнениях непатриотическая Государственная дума.

Виктор Будаков удивительно метко подметил особенности той трагической эпохи через призму мировоззрения Снесарева, который, ясно понимая все опасности, грозящие России, пытался как государственный, патриот, офицер спасти Отечество от гибели.

После революции Снесарев принял предложение большевиков. Автор с присущей ему скрупулёзностью рассматривает, как и почему было принято столь нелёгкое решение, в котором причудливо сочетались как сугубо государственные помыслы о судьбе державы и своего народа, так и сугубо личные заботы о жене, детях, близких людях. Это было стремление, по меткому замечанию Будакова, через худшее прийти к лучшему... Белое движение оказалось в заложниках у Запада, и отсутствие геополитического горизонта у его лидеров могло привести к гибели России, уничтожить её исторические границы. Снесарев-геополитик ясно представляет, что спасение державы возможно лишь на пути сотрудничества с новыми властями. И большевики оценили геополитические таланты Снесарева, предложив ему пост военного консультанта председателя Совнаркома Ленина.

С июля 1919 года по август 1921 года Снесарев, как военный теоретик, был начальником Академии Генерального штаба. Виктор Будаков на конкретных примерах показывает активную деятельность нового начальника, создавшего восточное отделение Академии, готовившее работников Генштаба для дипломатической работы в странах Востока, Главную военно-научную редакцию, которая, в числе прочих, издавала и Военно-энциклопедический словарь, Военно-историческую комиссию, журнал “Военное дело”, Временную комиссию по устройству военных библиотек.

Характеризуя геополитический подход Снесарева к военно-государственным делам, Будаков намеренно перечисляет его должности того времени, исполняемые часто одновременно, большей частью общественные, неоплачиваемые: ректор Института востоковедения, профессор Военной Академии Генштаба, помощник начальника Военно-статистического отдела управления делами Реввоенсовета, член Высшего военного редакционного совета, Высшего академического военно-исторического совета... Примечателен и такой факт: Снесарев в Академии Генерального штаба читает лекции по философии войны – “курс, ранее не читанный ни в российской, ни в военных академиях других стран”. И за это учёный получал дополнительный паёк, так как был отнесён к высшей категории А – выдающиеся учёные.

В эти годы учёный издаёт капитальный труд “Афганистан”, переводит и редактирует книги по военному делу западных теоретиков, пишет массу статей, которые стоят по значимости целых книг: “Русский Восток как задача краеведческого изучения”, “Гримасы стратегии”, “Единая военная доктрина”, “Послевоенные расчёты держав Антанты” и др. Этот период жизни Снесарева автор книги считает вершиной его судьбы. 2 февраля 1928 года постановлением Президиума ЦИК СССР Андрею Евгеньевичу Снесареву за многолетнюю и плодотворную деятельность по строительству Вооружённых сил было присвоено звание Героя Труда. “Имя, книги, мысли Снесарева, – пишет Будаков, – входят в широкий культурный и общественный обиход”. Но у вершины вдруг образовалась пропасть: вспомнив бывшее, неугомонные ищейки, состряпав доносы, в ночь с 27 на 28 января 1930 года арестовали Андрея Евгеньевича. Ордер на обыск подписал некий Мессинг, обыск производил Вунштейн... Спустя семь лет, 4 декабря 1937 года Снесарева не стало.

Виктор Будаков в заключение своего фундаментального труда подвёл итоги жизни и деятельности Андрея Евгеньевича, поэтому нет смысла повторять его оригинальные мысли, идеи. Но некоторые ремарки хотелось бы сделать.

Во-первых, по меткому определению автора, мировосприятие Отечества геополитиком Снесаревым – историософское, так как все его труды – “это, прежде всего, широкое философское осмысление национального исторического пути развития”.

Во-вторых, миропонимание генерала Снесарева – это взгляд на историю сквозь призму военной истории человечества, сотканной из сражений и конфликтов.

В-третьих, духовное миропредставление Снесарева – это умение видеть исконные корни русского народа в вере, в православных святынях, традициях. Духовный стержень, без которого не может быть сформировано целостное мировоззрение, прослеживается через всё повествование автора.

И в заключение: капитальное исследование жизни и творчества Андрея Евгеньевича Снесарева, предпринятое Виктором Будаковым, несомненно, вносит весомый вклад в развитие нашего знания об отечественной истории, обогащает её замечательными мыслями и идеями.

Владимир Остапенко,
доктор педагогических наук
г. Воронеж